

ISBN 978-5-9624-2364-7

СЕМНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 6/8л0
С30

Печатается в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Ю. А. Зуляр (науч. ред.); д-р геогр. наук, проф. Л. М. Корытный; канд. ист. наук М. Л. Рыбалко (отв. за вып.)

Семнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2364-7

Публикуются выборочные материалы Семнадцатых Байкальских всероссийских социально-гуманитарных чтений, посвященных 300-летию Российской академии наук, 75-летию со дня создания Иркутского научного центра СО РАН, 50-летию начала строительства БАМ, 555-летию со дня рождения мыслителя Н. Макиавелли, 475-летию со времени созыва Первого всероссийского Земского собора, 75-летию со дня рождения профессора Геннадия Никифоровича Новикова. Материалы конференции дают представление об основных направлениях исследований ученых, изучающих вопросы истории и современного состояния российского общества и перспективы его развития. В сборник включены результаты работы Всероссийской политологической конференции с международным участием «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития», Всероссийской социально-гуманитарной конференции «Сибирь в XVII–XXI веках: история, география, музеология, культурология», в которых затрагиваются актуальные проблемы истории, политологии, географии, философии, культурологии, музеологии и других научных дисциплин. Также в сборник включены работы участников III Всероссийской научной студенческой конференции Иркутского государственного университета. Все опубликованные материалы прошли рецензирование и редактирование.

Адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей, профессиональной и образовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся историей, политикой, философией, географией, культурой, состоянием и перспективами развития современного российского общества.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7(3952) 52-19-00

Издательство ИГУ; 664082, Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7(3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 27.03.2025. Тираж 13 экз. Объем 4,12 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:

32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше

Оперативная память (RAM):

256 МБ

Необходимо на винчестере:

320 МБ

Операционные системы:

ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X

Видеосистема:

Разрешение экрана 1024x768

Акустическая система:

Не требуется

Дополнительное оборудование:

Не требуется

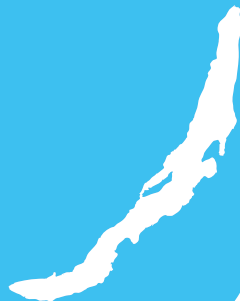
Дополнительные программные средства:

Adobe Reader 6 или выше

ISBN 978-5-9624-2364-7

СЕМНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет» Исторический факультет
Иркутское областное отделение Русского географического общества
Иркутское региональное отделение Российской ассоциации политической науки
Иркутское отделение Российского общества политологов

СЕМНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

ISBN 978-5-9624-2364-7

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Иркутское областное отделение Русского географического общества
Иркутское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки
Иркутское региональное отделение Российского общества политологов

СЕМНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 6/8л0
С30

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия

д-р ист. наук Ю. А. Зуляр (науч. ред.),
д-р геогр. наук, проф. Л. М. Корытный
канд. ист. наук М. Л. Рыбалко (отв. за вып.)

С30

Семнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

ISBN 978-5-9624-2364-7

Публикуются выборочные материалы Семнадцатых Байкальских всероссийских социально-гуманитарных чтений, посвященных 300-летию Российской академии наук, 75-летию со дня создания Иркутского научного центра СО РАН, 50-летию начала строительства БАМ, 555-летию со дня рождения мыслителя Н. Макиавелли, 475-летию со времени созыва Первого всероссийского Земского собора, 75-летию со дня рождения профессора Геннадия Никифоровича Новикова. Материалы конференции дают представление об основных направлениях исследований ученых, изучающих вопросы истории и современного состояния российского общества и перспективы его развития. В сборник включены результаты работы Всероссийской политологической конференции с международным участием «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития», Всероссийской социально-гуманитарной конференции «Сибирь в XVII–XXI веках: история, география, музеология, культурология», в которых затрагиваются актуальные проблемы истории, политологии, географии, философии, культурологии, музеологии и других научных дисциплин. Также в сборник включены работы участников III Всероссийской научной студенческой конференции Иркутского государственного университета. Все опубликованные материалы прошли рецензирование и редактирование.

Адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей, профессиональной и образовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся историей, политикой, философией, географией, культурой, состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)
ББК 6/8л0

ISBN 978-5-9624-2364-7

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, МУЗЕОЛОГИЯ

<i>Зуляр Р. Ю., Серебряков Е. А.</i> Несчастные случаи на производстве (на примере работы Иркутского авиаремонтного завода № 403 гражданской авиации, 1975–1990 гг.)	7
<i>Коноплёв Н. С.</i> Место сакральности в современном мире. К постановке вопроса	19
<i>Логунова Г. В.</i> Химический факультет ИГУ в годы Великой Отечественной войны	26
<i>Макаренко Е. Л.</i> Историко-географический аспект в анализе развития сельскохозяйственного землепользования (на примере Иркутской области)	32
<i>Машуков М. Ю.</i> Воднотранспортный потенциал Ангаро-Байкальского региона	41
<i>Мурашов Р. Ю.</i> Анализ территориального распределения населения Иркутской области: проблемы развития территорий	46
<i>Олейников И. В.</i> Обзор торжественных телеграмм по случаю открытия Иркутского государственного университета (по материалам фондов ГАИО)	53
<i>Самоходская М. Н., Коноплёв Н. С.</i> В каком отношении можно принять статус небытия? К постановке вопроса	59
<i>Саутин Р. А.</i> Военно-учебные заведения в дореволюционной Сибири по материалам журнала «Военная быль»	67
<i>Урожаева Т. П.</i> Северный завоз в Иркутской области: изменение механизма финансирования в 1996–2016 гг.	75

РАЗДЕЛ II. РЕГИОН В СТРАНЕ И МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Ганжа Н. С., Савинов Ю. И.</i> Перспективы участия молодежных отделений партий в реализации национального проекта «Молодежь России»	84
<i>Гончарук Д. Е.</i> Основные направления политологических исследований на кафедре политологии, истории и регионоведения Иркутского университета в 2022–2024 гг.	91
<i>Ерицян И. Н.</i> Внерегionalные акторы на Южном Кавказе: причины и последствия присутствия	101

<i>Зуляр Ю. А., Зуляр Р. Ю.</i> Гражданская и политическая идентичности сибиряков на современном этапе: методологическое обоснование	107
<i>Коньшиев В. Н.</i> Влияние украинского кризиса на международные отношения	124
<i>Лагутина М. Л.</i> Проблемы становления евразийского регионализма	131
<i>Рожкова А. К.</i> Теория политического лидерства Никколо Макиавелли	140
<i>Рыбалко М. Л.</i> Наследие прошлых империй в современных электоральных процессах государств Центральной и Восточной Европы	145
<i>Степанов П. Э.</i> Анализ каналов политической информации: предпочтения среди молодежи Иркутской области 2019–2020 гг.	151
<i>Фартышев А. Н.</i> Зарубежные визиты представителей региональной элиты Иркутской области 2015–2020 гг.: статус-анализ	157
<i>Хохряков Е. М.</i> Людмила Михайловна Берлина, председатель Законодательного Собрания Иркутской области 2008–2015 гг.: какой она была?	163
<i>Хохряков Е. М., Гончарук Д. Е.</i> Прогнозная аналитика избирательных кампаний (на примере выборов губернатора 2015 г. и президента 2024 г.)	170
<i>Юрьев К. П.</i> Социокультурное влияние современных экологических трендов на жителей Российской Федерации (на примере Иркутской области)	178

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Сборник работ III Всероссийской научной студенческой конференции
Иркутского государственного университета,
посвященной 300-летию основания Российской академии наук

СЕКЦИЯ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Вовиков И. Е.</i> Всероссийский национальный союз: деятельность и влияние на современные политические процессы	187
<i>Герасимова В. А.</i> Миграция высококвалифицированных специалистов из Российской Федерации: факторы привлекательности	193
<i>Жербакова М. Г.</i> Меры политического обеспечения гражданства Российской Федерации	198

<i>Игумнов К. А.</i> Влияние интернет-технологий на российские предвыборные кампании (на примере выборов в Законодательное Собрание Иркутской области 2023 г.)	203
<i>Круглякова Ю. Р.</i> Прогноз развития российской экономики	209
<i>Мелконян М. А.</i> Использование методов изучения общественного мнения в политических исследованиях	215
<i>Савчук Д. В.</i> Компаративный анализ Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации 2012 г.	221
<i>Сивцева Д. Д.</i> Политический процесс: роль, способы и формы политического участия прекариата в России	225
<i>Тактарова Н. А.</i> Имидж высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.....	232

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

<i>Ананченко М. А.</i> Локальные политические режимы в малых городах Иркутской области: предварительные результаты исследования	238
<i>Зайцев С. В.</i> Медиапространство телеграм-каналов Иркутской области (на основе метода рейтинговой оценки)	243
<i>Ищенко Д. С.</i> Образ Сибирского макрорегиона в информационном поле германоэтнических государств	250
<i>Чекалова Д. Н.</i> Идеи сибирского областничества в политической культуре населения Иркутской области	255
<i>Филиппов Д. Н.</i> Особенности парламентских выборов в при- соединенных регионах России в 2023 г.	261

СЕКЦИЯ 3. МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ

<i>Блохина Е. Е.</i> Санкции как вызов естественным монополиям в современный период	265
<i>Бурдукова С. Д.</i> Реализация «мягкой силы» Великобритании	273
<i>Ворошилов Н. В., Белоусов В. В.</i> Роль ядерного оружия в обострении отношений между акторами мировой политики на Ближнем Востоке	278
<i>Илюшин И. И.</i> Народная дипломатия в зеркале международ- ной экспертизы (на примере Иркутска и Пфюрцхайма)	284

<i>Карнаухова С. А.</i> Роль Генри Киссинджера в становлении американо-китайских отношений в 1970-е гг.	289
<i>Нечаева В. С.</i> Международное взаимодействие регионов Сибири и Дальнего Востока в зеркале зарубежных исследований	294
<i>Сокольников К. С.</i> Референдумы в Швейцарии как пример прямой демократии	300
<i>Хакимов А. Н.</i> Особенности современной этнической политики Японии в отношении айнов	304
<i>Черепанова А. Д.</i> Проблемы и вызовы женского политического лидерства в странах Восточной Африки	310
<i>Чуркина В. В.</i> Джентрификация исторического центра постсоциалистического города в перспективе внутренних туристов (на примере г. Тяньцзинь)	316
<i>Шихарева Д. Я.</i> История изучения информационных войн в западном научном сообществе	323
<i>Ярошевский М. В.</i> Развитие общественно-политического кризиса в Израиле в 2023–2024 гг.: фактор военного конфликта с ХАМАС	329

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ

<i>Гришан Ю. Р.</i> Формирование и распространение молодежных криминальных группировок в России в 70–90-е гг. XX в.: влияние на массовую культуру	337
<i>Лемешева В. А.</i> Влияние политических факторов на формирование молодежной субкультуры в России	346
<i>Ситникова Ю. В.</i> Религиозный фактор в формировании исторической памяти в России	352
<i>Шнайдер Е. В.</i> Виртуальные концертные залы в социокультурном пространстве Иркутской области	358
<i>Юсупова А. Р.</i> Влияние символической политики на общественное мнение и социальные процессы	367

Раздел I

СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, МУЗЕОЛОГИЯ

УДК 331.45(571.53)(091)

Несчастные случаи на производстве (на примере работы Иркутского авиаремонтного завода № 403 гражданской авиации, 1975–1990 гг.)

Р. Ю. Зулярь

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Е. А. Серебряков

*Центр документов по личному составу –
филиал Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск*

Аннотация. Освещается деятельность Иркутского авиаремонтного завода № 403 в период с 1975 по 1990 г. Целью исследования является осмысление различных несчастных случаев, произошедших на предприятии в указанный временной промежуток. Представлено краткое описание нескольких легких и одного средней тяжести происшествий, а также рассматривается общий механизм проведения расследований инцидентов на рабочем месте. Особое внимание уделено примерам мер по профилактике несчастных случаев на предприятии. Рассматриваются эффективные подходы к предотвращению и минимизации рисков возникновения подобных происшествий. Кроме того, рассматриваются меры дисциплинарного воздействия, применяемые к лицам, ответственным за несчастные случаи, с целью поддержания безопасности и соблюдения трудовых норм и правил.

Ключевые слова: история несчастных случаев, техника безопасности, охрана труда, происшествие, завод № 403, гражданская авиация, акт, комиссия, расследование, человеческий фактор, травма.

Производственно-техническая деятельность человека связана с определенным риском получения травм и увечий различной степени тяжести. Начиная с XVIII в. в Европе происходит переход от ручного труда к машинному – прогресс стремительно превращает остальные ремесленные мастерские в крупные предприятия и мануфактуры. Данный процесс получил название «промышленный перево-

рот», или «промышленная революция». С внедрением более сложных машин и механизмов усложнился и процесс их эксплуатации, обслуживания и ремонта. Соответственно, увеличилось число работников, пострадавших от действия машин или механизмов в процессе производственной деятельности. Зачастую такие случаи происходили в силу так называемого человеческого фактора, говоря простым языком, из-за халатности и невнимательности самих рабочих при обращении со сложными механизмами. Владелец средств производства в лучшем случае выплачивал выходное пособие пострадавшему рабочему с последующим увольнением без средств существования. Первые шаги по улучшению труда рабочих были предприняты в Англии. Основоположником охраны здоровья английских рабочих был санитарный врач Томас Саутвуд Смит. В середине XIX в. в Англии дело касалось в основном санитарных норм проживания и труда рабочего класса и различных профессиональных болезней, а также эпидемий. Тем не менее Томас Саутвуд Смит выступил своеобразным лобби для принятия соответствующих нормативных правовых актов по охране жизни и здоровья рабочих. «Общество..., – писал он, – страдает в гораздо большей мере, чем оно это сознает, от ужасающего количества несчастий, болезней и смертей» [2].

Более чем за 150 лет положение рабочих в Англии, как, впрочем, и в ведущих экономических странах мира, изменилось в лучшую сторону. СССР не являлся исключением из общего правила по охране труда рабочих и служащих, причем во многом советская система была примером для капиталистических стран с позиции социально-ответственного подхода к нормам по охране труда. Наиболее ярко такой подход был распространен среди крупных предприятий производственного и ремонтно-обслуживающего назначения.

Рассмотрим более детально вопрос расследования несчастных случаев на производстве. Несчастный случай – это событие, которое происходит в процессе трудовой деятельности и приводит к травме или гибели работника. Интерпретация этого термина с точки зрения законодательства основывается на нормах, устанавливающих обязанность работодателя обеспечить безопасность и охрану труда своих сотрудников. Правила охраны труда и процедуры реагирования на несчастные случаи на производстве имеют юридическое обоснование в Конституции РФ. Они направлены на защиту жизни и здоровья работников, а также установление механизмов реагирования на различные ситуации, включая нештатные происшествия. Государство через свои органы осуществляет контроль за соблюдением

законов и нормативов в области охраны труда. При наступлении несчастного случая оно обязано провести расследование, установить причины происшествия, взаимодействовать с работодателями для устранения выявленных нарушений и компенсации ущерба пострадавшим [1]. Такие меры направлены на обеспечение безопасности и прав работников, а также на профилактику подобных случаев в будущем.

Важно, чтобы расследование несчастных случаев проводилось тщательно и объективно, с учетом всех факторов, которые могли привести к происшествию. Только так будет обеспечена адекватная защита законных интересов работников и их семей в случае происшествия на рабочем месте. Не менее значимо выявление лиц, чье поведение или действия привели к нарушению норм безопасности труда, с целью избежать повторения подобных инцидентов в будущем. Неверная квалификация происшествий может привести к недостаточной защите прав работников и недооценке важности данной проблемы. Поэтому важно, чтобы законодательство было ясным и последовательным, чтобы у всех участников процесса было четкое понимание их обязанностей и прав. Только так можно обеспечить безопасные и комфортные условия труда для всех граждан. За основу можно взять определение Ю. Н. Коршуновой, которая дает следующее толкование понятия «несчастный случай» – это инцидент, вызванный неожиданным и непреднамеренным воздействием на организм, что приводит к повреждению здоровья. Такие события характеризуются внезапностью и моментальным отражением на организме человека, где внешние факторы действуют без участия его воли. Эти ситуации могут быть как природного, так и техногенного характера. Важно подчеркнуть, что несчастные случаи требуют тщательного анализа и принятия мер для предотвращения их возникновения в будущем [3].

В отечественном законодательстве определение несчастного случая на производстве закреплено в ст. 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», где обозначено, что несчастный случай – «событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных настоящим Федеральным законом случаях как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предо-

ставленном страхователем, и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть» [4].

В приведенных выше абзацах мы постарались дать краткую характеристику несчастному случаю как таковому с точки зрения его интерпретации и законодательной базы. Теперь хотелось бы перейти непосредственно к несчастным случаям на производстве. Для примера было взято ликвидированное предприятие г. Иркутска – Иркутский авиаремонтный завод № 403 гражданской авиации.

Начиная с 1928 г. на базе ремонтных мастерских общества «Добролет» был создан 403-й авиаремонтный завод гражданской авиации. После начала регулярных рейсов самолеты нужно было не только принимать в портовой инфраструктуре, но и проводить плановый ремонт и обслуживание. Именно эта функция была возложена на данную структуру. Затрагиваемый в статье период относится к концу 1970-х и началу 1980-х гг., на тот момент гражданская авиация СССР находилась на пике своего развития. Авиационная отрасль включала в себя огромное количество предприятий и учреждений, занимавшихся разработкой, производством и обслуживанием воздушных судов. Сохранение и поддержание воздушного флота в рабочем состоянии требовали постоянного внимания к техническому обслуживанию и проведению регулярных ремонтов. Каждый самолет, двигатель и узел должны были регулярно проходить проверки и необходимые работы по устранению выявленных дефектов. Работа служб по обслуживанию и ремонту авиационной техники являлась ключевой для обеспечения безопасности полетов и надежности авиационного транспорта. В процессе проведения работ по ремонту и техническому обслуживанию возникали различные ситуации, требующие профессионального реагирования и высокой квалификации специалистов. Поэтому важно было, чтобы все работы проводились в строгом соответствии с установленными нормами и стандартами безопасности. Именно процесс обслуживания и ремонта летательных аппаратов, двигателей, турбин и других узлов и агрегатов нередко сопровождался различными несчастными случаями.

Прежде чем перейти к описанию некоторых несчастных случаев на 403-м заводе, более подробно хотелось бы осветить основное содержание актов о несчастных случаях. Акт составлялся в четырех экземплярах и утверждался главным инженером завода; он состоял из 16 пунктов и условно мог быть разделен на четыре части. В первой части содержалась небольшая паспортная информация, как то:

наименование организации, ее адрес и отрасль народного хозяйства, Ф. И. О., пол, возраст, профессия пострадавшего, цех, в котором работал пострадавший, а также место происшествия несчастного случая. Вторая часть акта включала в себя сведения о стаже работы, при этом его делили на общий профессиональный стаж и стаж работы, при выполнении которого произошел несчастный случай, сведения о прохождении вводного и повторного инструктажей и обучения для работ с повышенной опасностью. В третьей части акта указывалось точное время и число несчастного случая (например, случай произошел в 10 часов 15 мин 8 мая 197... г.). После указания даты и времени следовало детальное описание несчастного случая. В заключительной, четвертой части акта указывались причины несчастного случая, а также перечень мероприятий по их устранению и по последствиям. В конце проставлялись время и дата составления акта и заверительные подписи начальника цеха (структурного подразделения, где произошел несчастный случай), инженера по технике безопасности и старшего общественного инспектора. В дополнение к основному акту могли прилагаться объяснительные свидетелей происшествия и самого пострадавшего, медицинское заключение или акт освидетельствования пострадавшего. В особых случаях к основному акту приобщалось заключение внутренней трудовой комиссии завода.

За период с мая 1975 г. по март 1990 г. на Иркутском авиаремонтном заводе произошло 55 несчастных случаев, из них 45 условно можно назвать легкими, т. е. не повлекшими серьезных нарушений здоровья или инвалидности пострадавшего; 8 случаев средней тяжести и 2 несчастных случая со смертельным исходом. Для актуализации цельной картины, иллюстрирующей особенности несчастных случаев, целесообразным будет привести примеры из каждой вышеперечисленной категории. Важно отметить, что все описанные случаи представлены в обезличенном виде, без фамилий пострадавших и участников, авторам важно показать факт происшествия, его особенность и степень реакции соответствующих служб на последствия несчастного случая. Для иллюстрации наиболее легких и наименее травматичных происшествий, которые имели минимальное влияние на здоровье пострадавших и эмоциональное состояние коллектива завода, можно привести следующие примеры.

Описание несчастного случая: «15.04.1976 г. мастер тов. “В” дал задание на промывку комплекта удлинительных труб и кожухов самолета Ан-24 мойщикам тов. “Т” и “Н”. На следующий день, 16.04.1976 г., в 9.00 мойщица тов. “Н” приступила к выполнению за-

дания на заготовительном участке цеха № 6, где производился ремонт удлинительных труб. Промыв две удлинительные трубы, приступила к промывке кожуха. После промывки второго кожуха при ополаскивании салфетки в ведре с бензином “Галоша” услышала потрескивание, но не приняла мер предосторожности. Приступив к промывке следующего кожуха, при опускании салфетки в ведро с бензином произошла вспышка. В результате тов. “Н” получила ожоги обеих рук» [5].

Причины несчастного случая: «Промывка удлинительных труб и кожухов производилась в помещении, не предназначенном для проведения моечных работ. При проведении моечных работ кожухи удлинительных труб не были заземлены. Протирка производилась с помощью хлопчатобумажной салфетки, способствующей образованию статического электричества. В бензин для промывки не была добавлена присадка “Акор-1”. Перечень мероприятий по устранению причин несчастного случая: “Приказом по заводу запретить ведения промывочных работ в помещениях, не предназначенных для этого и довести данный случай до личного состава завода. Ответственный инженер по технике безопасности. Провести внеочередной инструктаж по технике безопасности с изучением приказа № 6 от 15.04.1976 г. на горячем участке цеха № 6 с отметкой в журнале по технике безопасности. Ответственный мастер горячего участка. Обязать мастера горячего участка немедленно произвести проверку заземления и оборудования моечного участка и постоянно добавлять в бензин присадку “Акор-1”. Ответственный мастер горячего участка”» [Там же]. В дополнение стоит добавить, что были взяты объяснительные с мастера тов. «В» и пострадавшей мойщицы тов. «Н». Из имеющихся документов не понятно, какой был причинен вред в результате ожога. Но можно предположить, что после оказания первой доврачебной помощи мойщице «Н» она смогла продолжить работу без выхода на больничный. То есть несчастный случай не имел сколько-нибудь тяжелых последствий для пострадавшей.

Следует отметить, что случаи получения ожогов и различные возгорания в горячих цехах являлись одними из самых распространенных несчастных случаев на 403-м заводе за период с 1975 по 1990 г. Их доля составляет более 40 % от всех произошедших происшествий за вышеуказанный период.

Для большей наглядности изменений, прошедших в сфере охраны труда 403-го завода, хотелось бы проиллюстрировать еще один легкий несчастный случай. «23 декабря 1989 года (в субботу) в

10.30 на приангарной площади цеха № 7 произошел несчастный случай с контрольным мастером отдела технического контроля тов. "С". Данный случай произошел при выполнении устранения дефектов комплексного осмотра на самолете № 26033. Тов. "С" после устранения замечаний рабочим (Грецина на правом под фюзеляжным гребнем шп. 41-42 у винтов) обнаружила некачественное устранение одного из них, решила устранить его самостоятельно. Поднявшись по стремянке под рампой, нанесла дополнительно немного шпатлевки и стала спускаться со стремянки. В это время старший мастер отдела технического контроля тов. "Е" открыл рампу самолета, которая при снятии с боковых замков просела до 10 см и ударила тов. "С" по голове. Тов. "С" упала со стремянки высотой 1,25 м на бетон, получив повреждения крестцового подвздошного сочленения справа без нарушения целостности тазового кольца» [6].

При проведении служебного расследования было вынесено заключение из нескольких пунктов. Во-первых, «тов. "Е" по просьбе старшего мастера цеха № 2 тов. "К" решил показать замеченную им "пробоину рампы", открыл рампу, оба они не предупредили находящихся в фюзеляже работников об открытии рампы, не проверили отсутствие людей и не обозначили место под рампой опасной зоной, чем нарушили пп. 1.7 и 1.8 "типового положения о порядке допуска к работам повышенной опасности" ТПС АН-26 10-43 ПТК 5. Во-вторых, нетребовательность в вопросах охраны труда со стороны зам. директора по качеству тов. "К", нач. цеха № 2 тов. "Б" соответственно к тов. "Е" и "К" способствовала у них пренебрежительное отношение к неудовлетворительной организации труда и отсутствие строжайшего контроля за работой повышенной опасности. В-третьих, нач. цеха № 3 тов. "Д" "Заявка на разрешение работать в выходной день" не согласованная с председателем профкома завода, а "заявка..." зам. начальника отдела технического контроля тов. "И" оформлена без выделения ответственного, без согласования профкома завода, за подписью зам. директора по производству тов. "С" "Проходная/пропустить работников отдела технического контроля 23.12.89 г." и нач. планово-диспетчерского отдела тов. "С" "проходная/пропустить 23.12.89 г."» [Там же].

На основании данных пунктов по заводу был издан приказ:

1. Начальникам цехов и отделов провести внеочередной инструктаж с личным составом с разбором причин несчастного случая.

2. Начальникам цехов определить круг лиц, имеющих право работать с рампой.

3. Обеспечить работников ограждениями или табличками, запрещающими нахождение людей под рампой при работе с нею.

4. Зам. директору по производству и снабжению разработать новую форму «заявки на разрешение работать в выходной день».

5. Старшему мастеру тов. «Е» за неудовлетворительный контроль по созданию безопасных условий труда при выполнении работ на самолете объявить выговор и снизить размер премии на 100 % [6].

К основному приказу о несчастном случае было приложено заключение о тяжести производственной травмы пострадавшей тов. «С», по которому повреждение не относилось к разряду тяжелых. Говоря простым языком, пострадавшая отделалась испугом и небольшим ушибом «пятой точки».

Ситуации, связанные с тяжелыми несчастными случаями, действительно, требуют более глубокого и внимательного расследования. Такие случаи могут иметь серьезные последствия как для пострадавших, которые могут стать инвалидами на всю жизнь, так и для всех участников происшествия. При возникновении тяжелых несчастных случаев важно провести тщательное расследование, чтобы установить все обстоятельства произошедшего и определить ответственность участников. В некоторых случаях возможно возбуждение уголовных дел в связи с нанесением тяжких травм или смертью. Расследование таких случаев требует профессионального подхода и экспертизы, чтобы установить причины и определить возможные меры предотвращения подобных инцидентов в будущем. Это важно не только для обеспечения справедливости для пострадавших, но и для общественной безопасности и предотвращения подобных происшествий.

Для примера рассмотрим один из таких тяжелых несчастных случаев, который произошел 30 июня 1979 г. в помещении моторного цеха № 1 завода № 403. Пострадавший по специальности инженер-механик с высшим образованием гражданин «П» имел стаж с 1968 г., на заводе до момента происшествия проработал с марта 1979 г. Имел допуск для работы с повышенной опасностью и в период с марта по июнь прошел все положенные инструктажи. Суть происшествия следующая: «30 июля 1979 года начальником цеха № 1 тов. “С” было дано дневное задание испытать после ремонта авиадвигателя АШ-62Ир на моторно-испытательных стендах. Получив задание, старший мастер цеха № 1 тов. “Б” распределил его между сменами, в том числе и контрольному – мастеру тов. “П”. После осмотра исправности состояния стендового оборудования смена к/мастера тов. “П” приступила к монтажу двигателя АШ-62Ир на испытательный стенд. После уста-

новки и запуска двигателя моторист тов. "К" сообщил контрольному мастеру тов. "П" о течи масла в соединительных маслосистемах двигателя. Установив обороты двигателя, равные 500 об/мин, контрольный мастер тов. "П" и моторист тов. "К" пошли в бокс станции, а моторист тов. "М" занял место за пультом управления двигателем. После осмотра течи масла тов. "П" в нарушение технологии испытания двигателей, утвержденной начальником ремонтно-технического управления министерства гражданской авиации от 10.12.1971 года, технологической карты № 64 и инструкции по технике безопасности на моторно-испытательной станции раздела 3 пункта 3.3 от 30.03.1979 года стал выходить от двигателя не в сторону задней части станка, а между вращающимся воздушным винтом и ограждающей сеткой в плоскости вращения воздушного винта. В результате чего правая сторона части тела (рука, грудная клетка и часть лица) попали в зону вращения винта с последующим травмированием правой руки на границе верхней трети, перелома ребер с 3 по 10 справа, повреждения легкого, печени и обрыв носа» [7]. Из описанного выше понятно, что произошла трагедия – несчастный случай, приведший к тяжелым последствиям для здоровья человека. Для понимания случившегося – мастеру тов. «П» на момент происшествия было всего 32 года. Основным выводом комиссии по расследованию несчастного случая следует считать несчастный случай с контрольным мастером тов. «П», связанным с производством.

Наряду с актом о несчастном случае к делу приобщены заключение технического инспектора от 1 августа 1979 г., справка о травмах, полученных пострадавшим, выписка из журнала проведения инструктажа по правилам охраны труда и технике безопасности, выписка из технологии испытания двигателя АШ-62ир с подробным перечислением всех операций по наладке оборудования. Кроме того, к делу прилагались объяснительные всех свидетелей происшествия, а также протокол опроса пострадавшего контрольного мастера тов. «П» от 1 августа 1979 г. Его можно привести дословно.

«Вопрос: Как себя чувствуешь?

Ответ: Чувствую боли.

Вопрос: Как все произошло?

Ответ: Подбивало масло, пошли смотреть двигатель, убрали обороты на малый газ. Обнаружили пробивание масла с S-образной трубки. Стал выходить между оградительной сеткой и винтом, тут меня и зацепило.

Вопрос: Так ты уже почти прошел?

Ответ: Ага (записано со слов пострадавшего)» [8].

Следует также отметить тот факт, что на всех без исключения свидетелей происшествия несчастный случай с тов. «П» произвел шокирующее воздействие. Все свидетели отмечают неожиданность произошедшей трагедии и свое состояние непереносимого ужаса от увиденного. Как понятно из объяснений, данный случай вызвал кратковременно панику среди бригады. Многие не знали, что делать в данной ситуации. Оказывать первую помощь, накладывать жгут из ремня или бежать и кричать от ужаса в сторону проходной. Напарник по ремонту двигателя отмечал: «Больше подойти к станции я не мог, меня тошнило, и я не мог пересилить себя» [9]. В заключение к описываемому несчастному случаю следует описать последствия для пострадавшего. Контрольный мастер тов. «П» получил инвалидность 2-й степени с выплатой по больничному листу 768 руб. и назначением пенсии по утере трудоспособности.

Следует добавить, что за период с 1975 по 1990 г. на 403-м заводе гражданской авиации произошло еще семь несчастных случаев с тяжелыми последствиями для пострадавших и два случая со смертельным исходом. Из анализа описанных выше несчастных случаев, повлекших за собой различные травмы у пострадавших, следует отметить тот факт, что все происшествия носили ярко выраженный человеческий фактор, воплотившийся в несоблюдении элементарных норм техники безопасности. Зачастую работники сами проявляли халатное отношение к требованию инструктажа и сознательно шли на нарушения требований безопасной работы.

Единственный случай неисправности оборудования, приведшей к возникновению происшествия, произошел 8 мая 1975 г. со слесарем 3-го разряда тов. «У» и требует отдельного описания. «8 мая бригадиру тов. “П” и его помощнику тов. “К” было дано задание получить со склада автомат перекоса (механизм для управления несущим винтом вертолетов). На склад № 3 был направлен слесарь тов. “К”. Взяв ключи от ящика, где находился пульт управления кран-балкой, открыл его и подогнал кран-балку к эстакаде, где находились ящики с автоматом перекоса. При нажатии кнопки пульта управления на подъем слесарь тов. “К” был поражен электрическим током. Слесарь цеха тов. “В”, находившийся рядом с силовым рубильником, увидев случившееся, выключил его, прекратив подачу электроэнергии. Находясь под воздействием тока, слесарь тов. “К” на короткое время потерял сознание и после отключения питания пришел в себя и продолжил работать до конца рабочего дня» [10]. Явной причиной явля-

лась техническая неисправность. Короткое замыкание электропроводки пульта управления кран-балкой. О чем пострадавший слесарь тов. «К», естественно, знать не мог. Тем не менее заряд тока он получил и, к счастью для себя и окружающих, не имел сколько-нибудь трагических последствий. Происшествие носило скорее комический характер, так как пострадавший смог отработать до конца смены и не получил никаких видимых травм. Но это скорее счастливое исключение из правил по технике безопасности, написанных, как известно, человеческим здоровьем и жизнями пострадавших.

Исследование несчастных случаев на производстве играет важную роль в обеспечении безопасности и прав работников. Только тщательное и объективное расследование позволяет не только установить причины происшествия, но и предотвратить повторение подобных инцидентов в будущем. Необходимо, чтобы все участники процесса понимали свои обязанности и права, а законодательство было ясным и последовательным. Определение несчастного случая как события, приводящего к травме или увечью работника в процессе трудовой деятельности, является основополагающим в законодательстве об охране труда. Важно не только расследовать и предотвращать подобные случаи, но и принимать меры по компенсации ущерба и содействию восстановлению здоровья пострадавших. Только так можно обеспечить безопасные и комфортные условия труда для работников.

Список литературы

1. Бураева А. Е., Москвина К. А. Несчастный случай на производстве: понятие и виды // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 25-2. С. 115-120. EDN VVEUJT
2. Венгрова Я. В. Томас Саутвид Смит (1788-1861) (к 100-летию со дня смерти прогрессивного английского санитарного врача XIX века) // Гигиена и санитария. 1962. № 1. С. 33-39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tomas-sautvud-smit-1788-1861-k-100-letiyu-so-dnya-smerti-progressivnogo-angliyskogo-sanitarnogo-vracha-xix-veka> (дата обращения: 14.05.2024).
3. Коршунов Ю. Н. Расследование и учет несчастных случаев на производстве. М. : Юрид. лит., 1989. 106 с.
4. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федер. закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. Центр документов по личному составу – филиал Государственного архива Иркутской области (ЦДЛС ГАИО). Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 1. Л. 11.247.
6. ЦДЛС ГАИО. Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 1. Л. 2.
7. ЦДЛС ГАИО. Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 1. Л. 231-235, 247.
8. ЦДЛС ГАИО. Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 2. Л. 19.

9. ЦДЛС ГАИО. Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 2. Л. 3–5.
10. ЦДЛС ГАИО. Ф. 353. Оп. 4 л. Д. 2. Л. 3–5.

**Industrial Accidents (on the Example of the Irkutsk Aircraft Repair Plant 403
of Civil Aviation, 1975–1990)**

R. Yu. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

E. A. Serebryakov

*Center for Documents on Personnel – branch of the State Archive
of the Irkutsk Region, Irkutsk*

Abstract. The article highlights the activities of Irkutsk Aircraft Repair Plant No. 403 in the period from 1975 to 1990. The purpose of the study is to understand the various accidents that occurred at the enterprise during the specified time period. A brief description of several minor and one moderate incident is presented, and the general mechanism for conducting investigations of workplace incidents is also considered. Special attention is paid to examples of measures to prevent accidents at the enterprise. Effective approaches to preventing and minimizing the risks of such incidents are considered. In addition, disciplinary measures applied to persons responsible for accidents are being considered in order to maintain safety and comply with labor standards and regulations.

Keywords: accident history, safety, labor protection, accident, plant 403, civil aviation, act, commission, investigation, human factor, injury.

Зуляр Раксана Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: raksana-m@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9320-519X

Zulyar Raksana Yurievna – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: raksana-m@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9320-519X

Серебряков Евгений Александрович – начальник отдела социально-правовых запросов, Центр документов по личному составу – филиал Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: Silver.sea@yandex.ru

Serebryakov Evgeniy Alexandrovich – Head of Department, Center for Documents on Personnel – Branch of the State Archive of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Silver.sea@yandex.ru

Место сакральности в современном мире К постановке вопроса

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрен светский – в его земном измерении – вариант понятия «сакральность». Ее генезис восходит к социально выраженной устойчивости, представленной прекрасным полом. Сакральность – показано в тексте – окружена тайной рождения новой жизни, неизбежно связанной с посюсторонней, земной реальностью. Значение сакральности может быть сведено к тому, что она обеспечивает статус социальной формы движения материи. С целью самосохранения последняя должна противостоять ЛГБТ-сообществу.

Ключевые слова: сакральный, тайна, святость, религия, мудрость, рацио, Мавзолей Ленина, И. В. Сталин, патриарх Никон, старообрядцы, староверы, атеизм, языческая духовность, ЛГБТ-сообщество.

Погружаемся в сферу сакрального, соотносимого с тайной. Обычно слово «сакральный» означает: «*Кн.* Связанный с религиозным обрядом, ритуальный» [1, с. 1141]. Выйдя в наши дни за пределы книжности, оно – теперь уже как термин – приобретает научную направленность, амбивалентно соотносимую с его – этого слова – религиозным наполнением. Воспроизводимая сакральностью святость включает не только небесное (т. е. непосредственно религиозное), но и земное – «неприкосновенное» – духовное наполнение. В «светском» контексте святой – это: «4. Высоконравственный, безупречный; безгрешный, непорочный»; «5. Глубоко чтимый; исключительный по своей важности, благородству; высокий, почетный»; «6. Незыблемый, нерушимый» [1, с. 1164–1165]. Природа жизненной – посюсторонней – сакральности заложена в женственно насыщенной тайне. Ее естественным основанием является присущее прекрасному полу зачатие всегда новой жизни. Пребывая в лоне своей мамы, еще не родившийся младенец испытывает райское наслаждение. Он, сполна обеспеченный жизненными соками, активно (начиная с восьмого месяца) социализуется, вслушиваясь в звучащий «свыше» мамин голос. Потом, когда родится, он, еще раз прожив (к тому же, возможно, вспомнив) недавнее счастливое состояние, приложит усилия к его осуществлению явно уже «посюсторонним промером»... Появившийся на свет младенец и его мама – вместе они осуществляют становление первичного коллектива, стимулирующего формирование социального равенства, постоянно овладевающего сознанием челове-

ства... Таковы земные корни сакральности, складывающиеся общением родителей – и мать здесь во главе – со своими детьми. При этом всплывающая сакральность, воспроизводясь своеобразной вещью в себе, простому человеку кажется чем-то таинственным. Тайна же есть «нечто скрываемое от других, известное не всем; секрет» [1, с. 1302]. Ведь именно социально выраженная устойчивость, представленная неувыдаемой женственностью, «таинственным» способом содействовала сохранению вида Homo Sapiens... По ходу изложения отметим, что социально выраженная устойчивость затверждается принадлежащей культуре сферой традиций. Духовным аналогом этому служит женская мудрость. Действительно, женщины мудры ввиду их умения создать моногамную семью в качестве специфического носителя складывавшейся многими тысячелетиями социальной формы движения материи – ойкуменно обустроенного общечеловеческого общежития. [Женщины – заметим в скобках – мудры и вместе с тем преисполнены радио. Однако поскольку они претворяют устойчивость, т. е. культуру, как жизненно значимое условие репродуцирования поколений, ведущим началом здесь выступает мудрость – норма духовного представительства. Для сильной половины человечества, также обладающего мудростью, которую особенно выразили Сократ (ок. 469–399 до н. э.), Конфуций (ок. 551–479 до н. э.) и тот человек, названный в Библии Иисусом Христом (7–4 до н. э. – 30–33 н. э.), ведущим духовным началом с очевидностью становится радио как интеллектуальное обеспечение технически обусловливаемого цивилизационного прогресса, связанного с постоянно воспроизводимой социальной изменчивостью.] Да, мы выжили, а другие представители рода Homo сошли на нет. Это важное обстоятельство делает социально выраженную устойчивость в ее повседневном измерении сакральным носителем подлинной человечности. Соответствуя сказанному, мы расширяем границы сакральности, включая сюда довольно широкие слои духовности. И постоянно помним, что только социум, пронизываясь сакральностью, возвышает ее до уровня осознания ею самой себя. Это служит достаточным основанием для раскрытия сакральности фокусом единого – синтетического (т. е. когда мудрость и радио тесно взаимодействуют) – подхода, согласно которому названное здесь обстоятельство сможет уберечь от самоэлиминации социальную форму движения материи, придать ей вселенскую значимость без поглощения сакральности религиозной верой... Обеспеченная мудростью (которая опирается на социально выраженную устойчивость) сакральность содействует осуществле-

нию внутреннего единства в связях между нею и представленной сильным полом социально воспроизводимой изменчивостью. Благодаря этому – как было сказано выше – сформировалась моногамная семья как специфический носитель социальной формы движения материи. И это – повторимся – определено положением, которое занимает женщина в современном мире: она своей мудростью вызывает к жизни благотворную сакральность. Под ее воздействием утверждается религия – один из значимых иллюзорно-компенсаторных компонентов духовности... Религия включает многоуровневую самореализацию, оперируя тем ее срезом, за которым она – религия – оказывается поглощенной вполне земнонасыщенной (т. е. светски преломленной) сакральностью. Такая сакральность как норма поведения, опираясь на таинство мудрости (ведь женская мудрость, во многом еще не раскрытая, несомненно соотнесена с тайной, поскольку покровительствует ей), творит земное чудо, овлаивая жизнью.

Краткая вставка об отечественном двоеверии. В рассматриваемой связи обратимся к нему (т. е. к двоеверию). Оно вобрало язычески насыщенную духовность с наложенным на нее православием, выражавшим патриархальные ценности. Вместе с тем предшествовавшее православию язычество вынуждено было уживаться с выше-названным двоеверием. Сакральность язычества обуславливалась начальным этапом человеческой истории, когда господствует – сейчас этот термин не употребляется – матриархат. Язычество как сложившаяся земная (т. е. «*посюсторонняя*») религия продолжало набирать мощь в Средние века среди староверов (т. е. тех, кто, официально не отказываясь от православия, оставался убежденным сторонником удаляющейся архаики; и таких было достаточное количество на Руси). Сказанное здесь имело далеко идущие последствия. Под определенным углом зрения вера их (т. е. упоминаемых староверов) – теперь уже под именем *атеизма* – была закреплена Великим Октябрем 1917 г.

Становление богостроительства – своеобразного продолжателя дела староверов... Продолжим тему в несколько ином раскладе... В начале XX столетия ряды российской социал-демократии пополнились представителями *богостроительства*. Это течение настаивало на религии для народа с целью трудосовершенствования. Труд как физически выраженная целеположенная деятельность выступал здесь пронизанным сакральностью священнодействием. Обращаясь к марксизму, богостроители (основным теоретиком которых явился А. В. Луначарский /1875–1933/) видели в нем «своеобразную синтетическую религиозную систему, где место Бога займут великие свер-

индивидуальные величины: Человечество и Космос. Это будет религиозный атеизм, или атеистическая религия» [2, с. 559]. Опираясь на Л. Фейербаха (1804–1872), заземлившего религию, т. е. снявшего с нее ореол святости, богостроители придали особое значение труду как вполне земному действу. Поскольку, однако, он возвышает человечество до космических очертаний, последнее (т. е. человечество) овладевает территорией святости и вполне совместимо с нею. Отсюда можно сделать вывод о том, что труд насыщен религиозностью, которая – вместе с тем – таковой уже не является. И если это так – достигший космического «внепредела» труд вполне отождествляет себя с Богом в его «религиозно-атеистическом статусе». Такая, с позволения сказать, диалектика выглядит набором софизмов. Но их можно привести к какому-то действительному знаменателю.

Сакральность Мавзолея Ленина; усилия И. В. Сталина по ее общенародному принятию... Окинем мысленным взором светлый облик Вождя – В. И. Ленина (1870–1924). С уходом его из жизни был возведен мавзолей – Мавзолей Ленина. Сие значило, что воля народа на постоянное общение с недосыгаемо великим человеком была исполнена. В. И. Ленин – в Мавзолее... Он всегда в наших сердцах, которые бьются в унисон с сердцами той части руководства партии большевиков, которую возглавила группа И. В. Сталина. И. В. Сталин (1879–1953) настоял (и это придало своеобразную сакральность его поступку) – притом, что большинство руководящих членов ВКПб, включая Н. К. Крупскую (1869–1939), было против, – на возведении (украшившего Красную Площадь как одного из центров культурного наследия человечества) памятного строения – зиккурата, сфокусировавшего тысячелетние культурно-цивилизационные достижения нашего Отечества. На деле названным Зиккуратом (обозначим теперь его с заглавной буквы) стал строго величественный Мавзолей Ленина. Он – Мавзолей – *«всплыл»* ответом на сакральный срез народного сознания (четко уловленный И. В. Сталиным) и воспрял атеизмом – «отголоском» того раскола православия, который некогда учинил патриарх Никон (1605–1681). Борясь с ересями, этот церковный иерарх стремился пресечь языческие мотивы, наличие которых отягощало православие двоеверием. Отколовшиеся от официальной религии старообрядцы как сторонники раннего христианства мирно сосуществовали с вышеназванными староверами, которые (повторимся), прикрываясь православием, оставались язычниками с облобованной ими соборностью. Об этом свидетельствует замечательный историк А. В. Пыжиков (1965–2019).

Староверы как выразители архаической духовности смыкаются с атеистами в строительстве Нового Мира... Будучи весьма многочисленными, староверы встали за классово им близкий Великий Октябрь, десять дней которого, по выражению Джона Рида (1887–1920), «потрясли мир». Действительно, языческая духовность наших предков положительно воспринимала существующую реальную действительность, и обобщенное ее воспроизведение, даже если оно касалось «возвышенного запрдела», всегда оперировало Небом и Землей в их посюстороннем – земном – единстве. Подобную картину Вселенной рисовал и атеизм, обогащенный, правда, достижениями науки. Наука не смущала староверов (как и всех других жителей нашей страны), поскольку ее применение укрепляет людскую мощь... Для простых сограждан – повторимся – был возведен Мавзолей, посещение которого обусловилось десятками миллионов жаждущих зрением своим соприкоснуться с той сакральной реальностью, носителем которой является теперь тело Вождя... Складывается атеистическая (т. е. земная) сакральность – своеобразная святость по отношению к фундаментальным реалиям советского общества. Многократно усиливаясь, она принимает норму обыденно-духовного самовыражения с охватом широких слоев населения. Атеизм, следовательно, как форма светской религиозности при опоре на науку нашел массовое почитание. Ответом на усиливающийся атеизм определилось становление преисполненной сакральностью *культы личности*, обретшего исключительное значение. Оно выразилось в том, что советские люди, посильно возводя Новый Мир, очистили его от «коричневой чумы». Ранее такого совершенства человечество в себе еще не находило. Выдающийся советский поэт М. В. Исаковский (1900–1973), обращаясь к носителю созданного массовым сознанием культа личности – И. В. Сталину, заговорил высокой поэзией: «Спасибо Вам, что в годы испытаний // Вы помогли нам устоять в борьбе. // Мы так Вам верили, товарищ Сталин, // Как, может быть, не верили себе» [3, с. 22]. (Приводимые строки явно синтезируют земное и небесное в массово-сакральном освоении культа личности.) Важным здесь будет то, что культ личности как значимый компонент и государственного, и общественного обустройства социума на начальном этапе его развития (этот период в жизни советского народа занимает время с Великого Октября 1917 г. до 50-х гг. минувшего столетия) настаивает на состоятельности целого – государства рабочих и крестьян – в его многогранно заложенном фундаменте, примиряющем этноконфессиональное разнообразие и усиливающим

внутренние связи между социально выраженной устойчивостью (т. е. женским началом) и социально воспроизводимой изменчивостью (представленной сильным полом). Кажется, что перед нами пример типичного богостроительства. Однако это не совсем так, поскольку, в отличие от последнего, бог здесь замещен организующей силой трудового коллектива, «соорудившего» культ личности – «строгого контролера», регистрирующего успехи на ниве социалистического строительства. И опять, касаясь Мавзолея, следует напомнить, что сакральная усыпальница В. И. Ленина широкомасштабно выражала то социально заточенное единство, которое соответствовало интересам десятков миллионов соотечественников, идейно-патриотически возмужавших благодаря мавзолейному общению с духовно близким человеком. Сакральность явления народу Мавзолея на деле представляла, как мы видим, запоминающимся культом личности. Не следует его идеализировать, поскольку и без того ясно: культ личности сыграл особую роль в Ближнем Космосе, именуемом Планетой Земля. Он сакрализировал его (т. е. Ближний Космос) фактом строительства неизведанного до сих пор общества социального равенства. Сакральность запечатлена в том, что массовое движение вперед овеяно случайностью, и нужно подкорректировать диалектику развития общества – но как? Сегодня это – явная тайна, снятие которой определяется синтезом духовности социально выраженной устойчивости и социально воспроизводимой изменчивости в условиях претворения классового равенства... Что касается сакральности советского времени, она как порождение социально выраженной устойчивости укрепляла Родину приливами растущего народонаселения (которые, к сожалению, сегодня особо не замечены).

Заключение. Неистребимая сакральность – залог извечного совершенствования человечества... Наблюдаемое падение сакральности (т. е. замена ее многогендерным «преодолением стыда», под влиянием чего *пол* все более деактивируется) выглядит весьма опасным рецидивом, направленным на разрушение той роли, которую воспроизвела социально выраженная устойчивость в утверждении человечества – носителя социальной формы движения материи. ЛГБТ-сообщество как «многогендерный настил» наоборотным способом подтверждает это... Свертывается атеизм, постепенно оттесняемый *ню-эйдж* – совокупностью неадекватных (зачастую бредовых) религий. ...Преодолеваемая неизведанностью сакральность свидетельствует о грозящей человечеству опасности, опоясывающей Ойкумену. Начавшийся пересмотр социумом своего местопребывания пута-

ет неопределенными и, возможно, необратимыми последствиями. Раскрывая сакральность, отмечаем, что она, являясь нормой поведения преимущественно социально выраженной устойчивости, благодаря чему реальная действительность предстает загадочно пленительной, вместе с тем все более прилагает усилий к тому, чтобы, опираясь на союз с социально воспроизводимой изменчивостью, выйти на рубежи преодоления Ближнего Космоса... Сакральность, как мы видим, тождественна земной святости. Помню слова из детства: «Иисус Христос – святой, идейный коммунист». Это так и есть. Сакральность Христа направлена на придание простым людям чувства социального равенства... Религия – повторимся – как иллюзорно-компенсаторный компонент духовности играет стимулирующую роль в раскручивании другой иллюзии, именуемой фантазией. Оба уровня иллюзорного самовыражения утверждают человеческую субъектность расположением того «места», которое содействует полноте личностной включенности в общее дело. А это есть то, что убеждает человечество от подстерегающих опасностей, имя которым – «легион». Сакральность как высшее проявление человеческого достоинства сполна выразима условиями обретающей гармонию (т. е. совершенствующейся) социальной формы движения материи. Заложенная прекрасным полом сакральность, стыдливостью овладевая моральным настроем как отдельно взятого человека, так и множества связанных друг с другом индивидов, – вот достойное поведение, уводящее человечество от края пропасти.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
2. История русской философии : учебник / под ред. М. А. Маслина. Изд. 2-е. М. : КДУ, 2008. 638, [2] с.
3. Поэт в России – больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии. Антология. В 5 т. Т. 5 / [авт.-сост.] Е. Евтушенко. М. : Русский Мир, 2017. 924 с.

The Place of Sacredity in the Modern World To Posing the Question

N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The secular – in its earthly dimension – version of the concept of “sacredness” is considered. Its genesis goes back to the socially expressed stability represented by the fair sex. Sacredness, as shown in the text, is surrounded by the mystery of the birth of a new life, inevitably connected with this-worldly, earthly reality. The meaning of sacredness can be reduced to the fact that it provides the status of a social form of the movement of matter. For the purpose of self-preservation, the latter must confront the LGBT community.

Keywords: sacred, mystery, holiness, religion, wisdom, ratio, wisdom, Lenin's Mausoleum, J. V. Stalin, Patriarch Nikon, old believers, old believers, atheism, pagan spirituality, LGBT-community.

Коноплёв Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Religious Studies and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

УДК 378.4:54(571.53)(091)

Химический факультет ИГУ в годы Великой Отечественной войны

Г. В. Логунова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается деятельность коллектива химического факультета университета в годы Великой Отечественной войны. Показано участие преподавателей и студентов в боях на различных фронтах войны. Рассмотрены условия, в которых жили, учились, оказывали помощь фронту студенты. Показан вклад сотрудников кафедр и лабораторий в разработку проблем, имевших оборонное значение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, химический факультет, студенты, преподаватели, научные сотрудники, оборонная научная тематика, учеба и быт, помощь фронту.

С началом Великой Отечественной войны опустели аудитории университета: в армию были призваны многие студенты и преподаватели, многие отправились на фронт добровольцами. В первые дни войны на фронт ушли преподаватели кафедры аналитической химии К. К. Вотинцев, Г. Г. Диогенов, А. А. Лапан и др.

Стойко сражались за Родину студенты-химики. Одним из первых принял участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками Г. Тумаши. Окончив университет в июне 1941 г., он вместе с дипломом получил повестку в военкомат. Г. Тумаши принимал участие в боях под Москвой в должности командира взвода огнемётной роты. В этих боях был ранен. После непродолжительного пребывания в госпитале он снова на фронте уже в должности командира роты. Последние два года войны служил начальником химслужбы артиллерийского полка. За боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды. После войны Г. П. Тумаши работал на кафедре общей химии.

Со второго курса был мобилизован в ряды Советской армии М. Н. Захвалинский. Он сражался в районе Старой Руссы. Тяжелое ранение в апреле 1942 г. надолго вывело его из строя: после продолжительного лечения в госпитале в прифронтовой полосе и в тылу он был освобожден от военной службы. Вернувшись в Иркутск, вновь взялся за учебу. Участник Великой Отечественной войны М. Н. Захвалинский был примером для своих товарищей в учебе и общественной жизни университета. После войны защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук, работал в физико-химическом научно-исследовательском институте при ИГУ, а в период с 1966 по 1986 г. преподавал на кафедре физической и коллоидной химии. М. Н. Захвалинский стал очень уважаемым, да чего там – горячо любимым студентами преподавателем, потом – заведующим кафедрой. В памяти всех, кто знал Михаила Николаевича, навсегда остался этот светлый, добрый, часто абсолютно бескомпромиссный и очень честный человек с огромной эрудицией, настоящий специалист в своей любимой физической химии и – мудрейший учитель. [1, с. 18].

Со второго курса ушли на фронт И. И. Бусяцкий, П. А. Гурин, В. И. Беляев, О. Ф. Шепотько. Преподаватели и студенты сражались на многих фронтах Великой Отечественной войны: Г. Н. Кощеев – на Брянском, А. А. Лапан – на Волховском, М. Н. Захвалинский – на Северо-Западном, В. И. Беляев – под Сталинградом. В числе штурмовавших Берлин был П. А. Гурин [4, с. 1].

В годы войны на восточных рубежах нашей страны находился ряд научных работников-химиков. С 1941 г. до начала 1946 г. служил в войсках Забайкальского фронта доцент Г. И. Нагорный сначала помощником начальника химслужбы дивизии, затем инженером и начальником спецхимлаборатории. Должность помощника начальника химслужбы дивизии Забайкальского фронта занимал ассистент А. П. Янко, в химических частях на Западе служил доцент Б. В. Проккопьев. Успешно справляясь с возложенными на них заданиями, они вносили свой вклад в дело победы над врагом [5, с. 3].

Отважно сражались с захватчиками студенты-химики С. Петров, Б. Щенников, С. Шаевич, Г. Борисевич, В. Мясников, М. Шашкин. Тяжело раненным попав в плен к фашистам, М. Шашкин стал одним из активистов подпольного движения в фашистском лагере Бухенвальд, участником восстания узников Бухенвальда 11 апреля 1945 г. Пали в боях за Родину преподаватели и студенты химического факультета В. С. Шепетуни, П. Л. Колегов, В. М. Железнов, В. В. Суслов

и др. [3, с. 77]. В 1979 г. возле 6-го корпуса ИГУ был установлен мемориал студентам и преподавателям ИГУ, погибшим на фронте.

Во время войны, как и до нее, все учебные помещения университета – кабинеты, лаборатории, аудитории – были размещены в одном трехэтажном здании старой постройки с темными коридорами. В связи с нуждами военного времени часть помещений университета была временно предоставлена кооперативному техникуму, медицинскому институту и станции защиты растений. Из общей площади, занятой для учебных целей, на долю химического факультета приходилось 542 м². Во время войны не было пополнения кабинетов и лабораторий необходимым оборудованием, учебными пособиями. Большинство лабораторий являлись одновременно и аудиториями, и кабинетами для научных работников и самостоятельной работы студентов.

В почти неотопливаемом здании, с периодическим отсутствием воды и отключением электроэнергии шли занятия по ускоренному учебному плану, продолжались научные исследования, которые помогали фронту. На факультете в это время работали кафедры органической химии, общей (неорганической) химии, физической химии и аналитической химии [2, л. 1–13].

Студенческий быт тех лет ярко отражал все трудности военного времени. Особенно плохо было с питанием. В студенческой столовой (она располагалась во дворе научной библиотеки, на месте нынешнего второго корпуса) по карточкам на завтрак, обед и ужин можно было получить весьма условную порцию галушек из отрубей, сваренных на воде, «заваруху» (род мучного клейстера), щи из соленой черемши. По поводу этих щей в стенгазете «БОКС» (Боевой Орган Комсомольской Сатиры) была напечатана целая поэма, в которой об этом питательном продукте высказывались студенты разных факультетов:

«Химик выразился грубо:
Утром, вычистивши зубы,
Если в кране нет воды,
Эти щи скорей возьмите,
Ими рот прополощите,
И не бойтесь ничего:
Ведь они – суть H₂O».

Норма хлеба – 400 г, не съесть его за один раз было очень трудно. Изредка, в особых случаях, выдавали карточки УДП (усиленное дополнительное питание), студенты расшифровывали эту аббревиатуру проще: «Умрешь Днем Позже».

Зимой в корпусе мучал холод. Замерзали чернила, лопались холодильники. И все же шла нормальная учеба. Преподаватели не жалели сил для работы в тех экстремальных условиях, давали студентам не только знания, но и втягивали их в научно-исследовательскую работу. Очень высокие требования к дисциплине и поведению студентов предъявлял комсомол.

В связи с уплотнением учебных планов ежедневно занятия продолжались по 10–12 часов. Фактически студенты жили в университете. Утром и днем занятия, потом столовая, потом в читальный зал заниматься – дома света все равно не было. Библиотека была любимым местом студентов, в общежитие на ул. 25 Октября возвращались после 10 вечера, когда библиотека закрывалась. Но несмотря на то что время было занято до предела, не забывали ходить в кино, театры (в Иркутск был эвакуирован Киевский оперный театр). Ходили на диспуты к филологам, среди эвакуированных были знаменитые профессора. По праздникам организовывались вечера, организовывали их сами студенты, а преподаватели были гостями. Вместе пели, играли, танцевали.

Наряду с учебой преподаватели и студенты много помогали фронту. В районе нынешнего Академгородка вручную вырубали и корчевали лес, копали целину, чтобы посадить картошку, капусту, разные овощи. Вырубленные деревья и пни использовали на отопление квартир семей фронтовиков. Ездили в Черемхово, работали в шахтах, возили уголь как топливо. Собирали теплые вещи у населения города, многие студентки сами вязали рукавицы, шили и вышивали кисеты для табака, писали сотни писем фронтовикам для поднятия их боевого духа.

Война выдвинула серьезные задачи перед советской наукой. Преподаватели и научные работники химического факультета взялись за разработку проблем, имевших оборонное значение. В тех исследованиях, которые велись еще до войны, усиливались аспекты, актуальные в военное время. Сотрудники кафедры органической химии под руководством В. А. Лариной работали над получением искусственного жидкого топлива. Основное внимание уделялось сапропелитам Иркутского бассейна, на базе которых по инициативе Н. И. Ярополова были построены и пущены небольшие заводы и установки для получения светлого моторного топлива. Активное участие во внедрении установок принимали студенты факультета.

Вторым объектом для получения искусственного жидкого топлива были черемховские угли. На их основе в г. Черемхово был по-

строен и пущен полукоксовый завод. Сотрудники кафедры органической химии и студенты оказали непосредственную помощь заводу, исследуя сырье, полупродукты и товарные продукты завода. Особое место в этих исследованиях заняло изучение фенолов смолы полукоксования и подсмольных вод под руководством А. В. Калабиной. На основе этих исследований были разработаны методы извлечения и разделения одноатомных и двухатомных фенолов, что позволило использовать их для получения синтетических дубителей и виниловых эфиров. В 1943 г. А. В. Калабина защитила кандидатскую диссертацию «Синтез спиртов ацетиленового ряда» и была избрана доцентом.

Работы В. А. Лариной и ее сотрудников способствовали созданию в Иркутской области промышленности искусственного жидкого топлива. За время войны В. А. Ларина подготовила монографию «Химия углей Забайкалья» [3, с. 61–62].

В 1941 г. поступили на 1-й курс абсолютно знаковые для факультета фигуры: Алексей Дмитриевич Баранский, Анна Петровна Лапан, Вера Александровна Гордеева, Антонина Васильевна Самарина, Лидия Ивановна Павлова, Валентина Александровна Беляева, Софья Евстратьевна Никулина и др. Как-то особенно они дружили, как-то по-особому опекал сокурсников Алексей Дмитриевич.

Студенчество военных лет – это не только обучение химии по, увы, сокращенным программам, но и помощь фронту: сбор денежных средств, посылок, дежурство в госпиталях, работа с ранеными, донорство, обучение на курсах медсестер, военные занятия в кружках по подготовке пулеметчиков, минометчиков, гранатометчиков. А еще – организация подшефного госпиталя, работа в колхозах, на лесопилке, разгрузка угля, а в летний период – путина на Байкале (Алексей Дмитриевич Баранский часто вспоминал, какими профессиональными рыбаками они были в то время). Для промышленных предприятий студенты собирали металлолом, вносили деньги в фонд помощи освобожденным территориям. А в госпитале сотрудники университета часто компенсировали свою медицинскую некомпетентность энтузиазмом и жизнерадостностью молодости, добром и человеческим участием – раненые искренне благодарили своих «санитарочек» за заботу и участие, особенно в этом смысле «доставалось» молодому химику Кате (Екатерине Никандровне) Распутиной.

Большую роль в организации этой нелегкой работы играла всем управлявшая в то время партийная организация университета, секретарем которой был химик Николай Александрович Власов [1, с. 16].

Алексей Дмитриевич Баранский составил своеобразную хронику жизни своей группы. Камера ФЭД № 136668 зафиксировала многие интересные моменты. Несмотря на войну, студенческая жизнь состояла из привычных событий: коллективные выезды на рыбалку, сбежание с лекций, непосещение занятий по немецкому языку, работа на воскресниках и в научно-исследовательских лабораториях. Не забывали и об учебе: из семи сталинских стипендиатов университета двое были студентами химического факультета. Учиться было трудно: мерзли в лабораториях, сидели без воды, без света, и, конечно, все верили и ждали победу. «И вот пришла весна 1945 года, расцвела черемуха, все посветлело и стало радостным. Пришла весна и принесла с собой Победу. 9 мая, день, который никогда не забудется. Рано утром в репродукторе зазвучал голос Левитана. Это был голос торжествующей победы, в нем чувствовались радость, уверенность и сила. В университете возник стихийный митинг: выступали ректор Николай Степанович Шевцов, Варвара Тихоновна Низовая и многие другие. Потом все двинулись на площадь Кирова, она уже была заполнена народом, но люди все шли и шли... Все были заражены общей радостью, вряд ли кто-то думал о своем, о мелком, повседневном», – комментировал Алексей Дмитриевич фотографии, сделанные им 9 мая 1945 г. [6].

После окончания Великой Отечественной войны страна вернулась к мирному созидательному труду. Восстанавливалась и развивалась экономика, культурная жизнь. Возвращался к мирной жизни и Иркутский университет.

Список литературы

1. Теоретическая и экспериментальная химия глазами молодежи – 2015 : тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечеств. войне. Иркутск, 18–22 мая 2015 г. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; Ин-т нефте- и углехим. синтеза; Иркут. науч. центр СО РАН. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 304 с.
2. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 453.
3. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири (Краткий исторический очерк). Иркутск, 1978. 171 с.
4. Казанцева М., Панькова Л. Фронтная землянка // Иркутский университет. 1983. 23 февр.
5. Кузнецов И. В боях за Советскую Родину // Иркутский университет. 1958. 7 марта.
6. Личный архив А.Д. Баранского.

The Faculty of Chemistry of the ISU during the Great Patriotic War

G. V. Logunova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the activities of the staff of the Chemical Faculty of the University during the Great Patriotic War. The participation of teachers and students in the battles on various fronts of the war is shown. The conditions in which students lived, studied, and provided assistance to the front are considered. The contribution of the staff of departments and laboratories to the development of problems of defense importance is shown.

Keywords: the Great Patriotic War, Faculty of Chemistry, students, teachers, researchers, defense scientific topics, study and everyday life, assistance to the front.

Логунова Галина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: belovo@list.ru

Logunova Galina Viktorovna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: belovo@list.ru

УДК 910.3+908+631

Историко-географический аспект в анализе развития сельскохозяйственного землепользования (на примере Иркутской области)

Е. Л. Макаренко

Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется развитие сельскохозяйственного землепользования на территории Иркутской области и влияние на это развитие природных и социально-экономических факторов. Данные факторы обусловили формирование особых с историко-географической точки зрения сельскохозяйственных районов с характерным для них «рисунком» геопространственного размещения угодий и их составом, интенсивностью освоения, эффективностью производства сельскохозяйственной продукции. Определено, что важное влияние на развитие сельскохозяйственного освоения земель оказали переселенческие кампании, аграрные и земельные реформы, направленные на оптимизацию, упорядочивание земельных отношений, укрепление интереса к обработке земли. Выделено и охарактеризовано несколько основных этапов развития сельскохозяйственного землепользования. Сделан вывод о том, что развитие земледелия сыграло важную роль в освоении природных богатств, укреплении экономического положения исследуемой территории и Сибири в целом. С историко-географической точки зрения охарактеризованы и картографированы основные сельскохозяйственные районы на изучаемой территории.

Ключевые слова: земледелие, огородничество, пригородное хозяйство, социально-экономические факторы, природно-исторические районы.

Интерес к истории сельскохозяйственного освоения земель на территории Сибири обусловлен той ролью, которую оно имело в деле социально-экономического развития территорий, несмотря на незначительные площади земель, пригодные для сельского хозяйства, их относительно невысокое плодородие и неблагоприятные для выращивания многих культур климатические условия. Достаточно сказать, что в земельном фонде исследуемой территории – Иркутской области – доли сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни, с 1940 г. и до настоящего времени составляют всего 3,2–3,7 и 1,6–2,3 % соответственно.

Цель исследования – анализ развития сельскохозяйственного землепользования и формирования с историко-географической точки зрения сельскохозяйственных районов на изучаемой территории, оценка роли социально-экономических факторов. Под сельскохозяйственным землепользованием понимается использование земли как ресурсно-производственной базы для пахотного растениеводства, сенокосного и пастбищного животноводства, а также категория землепользования, регулируемая законодательными нормами [11].

Исследование основано на работах В. Н. Шерстобоева [12], Н. Н. Казанского [по: 8], М. А. Казмина [4] и др. Используются методы статистического, картографо-ретроспективного анализа, историко-географического сравнения, периодизации. Основными источниками явились данные Государственного архива области, архивов районных муниципальных образований, литературные [2–12], картографические [1] и статистические.

Результаты и обсуждение. На основе прежде всего социально-экономических факторов выделены и охарактеризованы десять этапов развития сельскохозяйственного землепользования. На протяжении их происходило формирование сельскохозяйственных районов, имеющих историко-географические особенности развития с характерным для них геопространственным размещением угодий и их составом, интенсивностью освоения и др.

В целом угодья до настоящего времени располагаются в границах геосистем: 1) степных, лугово-степных и гидрофильных равнинных, подгорных и незначительно – горных степных и лугово-степных; 2) подтаежных и подтаежно-лесостепных равнинно-плоскогорных и подгорных; 3) таежных равнинно-плоскогорных темнохвойных с примесью лиственницы и сосны; 4) таежных и горно-таежных лиственничных с примесью сосны и темнохвойных. Для них соответственно характерна степень развития землепользования:

высокая (все виды сельхозугодий); средняя (все виды угодий, пахотные ограничено); низкая (все виды угодий ограничено); очень низкая (кормовые угодья ограничено).

Ангаро-Илимский район с таежным долинным типом сочетания угодий (рис. 1) начал формироваться с 1630-х гг. и охватил таежное междуречье Илима и Ангары между п. Игирма и устьем р. Тубы, между Заярском и Братском и другие прилегающие к рекам территории. В этой части области сложилась самая первая и успешная во все время своего существования земледельческая зона – «Илимская пашня» [12].

Рис. 1. Зарастающая пашня в долине р. Ангары, Нижнеилимский район

Верхне-Ангарский историко-географический район с лесостепным (рис. 2) и степным (рис. 3) типами сочетания угодий формируется со 2-й половины XVII в. Он включил Балаганские степи в междуречье Унги и Залари, лесостепи междуречий Куды и Ангары. Развитие этого района, как и предыдущего, происходило на начальном этапе освоения этих земель русскими в ключе «пушного предприятия». Ведущими системами земледелия, просуществовавшими вплоть до начала 20-х гг. XX в., были двухпольная паровая, реже – трехпольная залежно-паровая, а форма хозяйствования – единоличная, в меньшей степени – коллективная межселенная и внутриселенная формы хозяйствования [7]. Земледелию на этом этапе развития (до 1762 г.) отводилась лишь вспомогательная роль в деле освоения богатств Сибири. Ни в какой мере оно не было основано на каких-либо научных подходах вплоть до начала XX в.

Рис. 2. Пахотные угодья в долине р. Куды, Иркутский район

а

б

*Рис. 3. Пастбищные угодья в долине р. Унги, Нукутский район (а);
пахотные и сенокосно-пастбищные угодья в долине р. Уды,
Нижнеудинский район, п. Алыгджер (б)*

Ийско-Окинско-Удинский район с таежным водораздельным типом сочетания угодий (по Н. Н. Казанскому [8]) охватил междуречья Ии, Оки и Куды (см. рис. 3). Его формирование пришлось на второй этап (1762 г. – начало 1830-х гг.), связанный с Указом Екатерины II от 6 августа 1762 г. «О сборе оброка с сибирских крестьян, вместо хлеба и пеньки, деньгами» [5; 8], Манифестом о межевании земель от 20 сентября 1765 г., заметно оживившими интерес крестьянства к освоению земель.

Образование Тулуно-Куйтунского историко-географического района (рис. 4) с лесостепным типом сочетания угодий (по Н. Н. Казанскому [8]) происходило на этапе (начало 1830-х гг. – 1861 г.), особенностью которого являлся поиск оптимальных форм хозяйствования и «подстраивание» сельского хозяйства под потребительские запросы растущего населения, особенно в городах (рис. 5).

Рис. 4. Пахотные угодья вблизи д. Булушкина Тулунского района

Рис. 5. Фрагмент Генеральной карты Иркутской губернии, 1826 г.
(из фондов Государственного архива Иркутской области)

Формирование Удинско-Бирюсинского района с таежным долинным типом сочетания угодий в междуречье Уды и Бирюсы и дальнейшее развитие сложившихся ранее районов происходили как ответ на многочисленные земельные реформы, поворот экономических интересов государства в части развития промышленности на восток. Данные события знаменуют новый этап (1861–1920 гг.) в сельскохозяйственном освоении земель. Крестьянская реформа 1861 г. привела к широкомасштабному переселению крестьян с европейской части страны в сибирские регионы. Последующий закон о земельном устройстве 1896 г., Сибирская железная дорога (с 1891 г.), требовавшая большого количества людей для строительства и обслуживания, а также создававшая условия для быстрой и надежной связи с европейской частью страны, Столыпинская аграрная реформа (1906–1913 гг.) – все это способствовало активному освоению земель сельским хозяйством. Начинается развитие сельскохозяйственного образования, землеустройства и внедрение в его практику геодезических работ (с 1908 г.), применение научных подходов в земледелии. Созданные Иркутское сельскохозяйственное общество (6 декабря 1906 г.), Тулунская селекционная станция (1907 г.) и Иркутский опытно-показательный хутор (1911 г.) [3] явились для местного крестьянства образцами научного подхода к обработке земли и производству сельхозпродукции. Со стороны Департамента земледелия поднимается вопрос о повышении роли огородничества в стране. Крайне негативную роль в реализации государственных земельных реформ на этом этапе сыграли революции и войны.

В последующие этапы (1920–1928 гг. и 1928–1953 гг.) создание новых районов не происходило. Все наиболее удобные и плодородные земли находились в активном сельскохозяйственном обороте. С 1920 г. начинается новый послевоенный этап наделения землей и упорядочивания земельных отношений, связанный с принятием Декларации Сибревкома «О порядке выделения и пользования землей» от 5 марта 1920 г., Земельной декларации от 10 марта 1920 г. Взамен прежних внедряется паротравопольная система земледелия В. Р. Вильямса. В 1921 г. на базе Тулунского и Баяндаевского опытных полей организуется Восточно-Сибирская опытная станция. В связи с постановлением ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» от 16 марта 1927 г. происходит формирование новой коллективно-государственной формы хозяйствования. С 1928 г., в связи с постановлением ЦИК РСФСР от 15 декабря 1928 г. «Общие начала землепользования и землеустройства», взято направление на активизацию

землеустройства, особенно в районах промышленного освоения, ликвидацию единоличного хозяйствования и развитие личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Темпы освоения земель были остановлены Второй мировой войной. Однако уже с 1945 г. и до второй половины 1980-х гг. наблюдается резкий рост пахотных угодий при сокращении кормовых – с 1,2 до 1,7 тыс. га.

С 1953 г. в соответствии с решениями Пленума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в СССР» (1953 г.) задаются высокие темпы развития земледелия с одновременным сдерживанием роста личных подсобных хозяйств [5] и усилением процессов объединения и укрупнения хозяйств, особенно в 1958–1959 гг. В области такое земледелие принимает характер экстенсивного и нерационального. В конце 1950-х гг. на смену ликвидированной системы земледелия В. Р. Вильямса приходят иные системы (зернопропашная, зернотравяная, плодосменная, травопольная и др.).

Со 2-й половины 1960-х гг. (1965–1991 гг.) происходит интенсификация во всех отраслях сельского хозяйства. Осуществляется поиск новых земель взамен ушедших под водохранилища угодий «Илимской пашни» при строительстве крупных энергопромышленных узлов. Например, при создании только Братского водохранилища затоплено 550 тыс. га земель, в том числе 144 тыс. га сельхозугодий [1]. В пределах Ийско-Окинско-Удинского района как ответ на данное событие осуществляется распахка «Ийской покати».

С 1991 г. в связи с известными политико-экономическими трансформациями в стране проведены радикальные аграрные реформы, результатами которых стали формирование рынка земли и многоукладных форм хозяйствования, выход государственного регулирования из данной сферы экономики и ликвидация системы госзакупок, отмена планов производства и субсидий и льгот для сельхозпредприятий и др. Последствия этого – повсеместное сокращение сельхозугодий, посевов культур, поголовья скота. К концу 1997 г. происходит финансовая стабилизация, на первый план выходит аграрный протекционизм [9]. В системы земледелия внедряются адаптивно-ландшафтные подходы.

С 2001 г. начались положительные сдвиги в сельском хозяйстве страны: активизируется рынок земли, происходит укрупнение хозяйств по обеспеченности земельными ресурсами [10], с 2006 г. аграрный сектор входит в число приоритетов развития страны, впервые вводится Госпрограмма развития аграрного сектора на 5 лет. Это во многом обусловлено положениями Земельного кодекса от

25 октября 2001 г., законами «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 г., «О развитии сельского хозяйства» от 27 декабря 2006 г. и др. Площади кормовых угодий и пашни, достигшие минимальных значений к середине 1990-х гг., незначительно восстановились к началу 2000-х гг. Однако до сегодняшнего дня площади пашни не достигли уровней середины 1980-х гг., что связано с уменьшением с начала 1990-х гг. посевов зерновых и зернобобовых культур. Одна из проблем – крайне малая эффективность использования пашни. Ежегодно (с 2005 г.) в области она засеивается менее чем на 50 % (704,2 тыс. га в 2022 г.). Существует также проблема неиспользования сельскохозяйственных угодий по целевому назначению. Площадь их – около 700 тыс. га (2022 г.), или почти 25 % от сельхозугодий области. Крайне беспокоит и раздача ценных, особенно с учетом ограниченного природного фактора, пахотных и иных угодий под жилищное строительство.

Освоение с XVII в. земель территории Иркутской области и в целом Сибири связано прежде всего с мощным по земледельческому опыту российским крестьянством, переселившимся с европейской части страны. Развитие сельского хозяйства, и в первую очередь земледелия, проводилось в рамках земельной политики государства, основанной на его «восточном векторе» социально-экономических интересов. Если в начале освоения сельское хозяйство имело вспомогательный характер для обеспечения продовольствием привлеченного населения, то уже во второй половине XVIII в. оно стало важным стержнем экономического развития исследуемой территории. На протяжении почти четырех веков формировались основные сельскохозяйственные районы, каждый из которых имеет свою социально-экономическую историю, отличительные природные особенности.

Работа выполнена по теме НИР, № гос. регистрации АААА-А21-121012190063-2.

Список литературы

1. Атлас Иркутской области. М. ; Иркутск : ГУГК, 1962. 182 с.
2. Власенко А. Н., Шоба В. Н., Каличкин В. К. Становление и развитие научного земледелия в Сибири // Земледелие и химизация. 2008. № 5. С. 15–20.
3. Зангеева Л. Р. Первые опытные станции Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 103–107.
4. Казмин М. А. Трансформация сельскохозяйственного землепользования в регионах России (вторая половина XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2017. 50 с.
5. Коньшев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111.

6. Надеждин Б. В. Лено-Ангарская лесостепь (почвенно-географический очерк). М. : Изд-во АН СССР, 1961. 328 с.
7. Северьянов М. Д. Государственная земельная политика Сибири в 20–80-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 82–86.
8. Среднее Приангарье (географическое исследование хозяйственного освоения таежной территории) / отв. ред. Э. А. Медведкова. Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 1975. 224 с.
9. Серова Е., Шагайда Н. Рынок сельскохозяйственной земли // Обзор экономической политики России за 2003 год. М. : ТЕИС, 2004. С. 271–288.
10. Теоретические основы и принципы развития различных форм хозяйствования в аграрном секторе России в условиях новой экономической реальности : монография / А. И. Клименко, М. А. Холодова, Л. Н. Усенко, Е. П. Криничная. Рассвет : ФГБНУ ФРАНЦ : АзовПринт, 2021. 184 с.
11. Шарабарина С. Н. Географический анализ трансформации региональной системы землепользования: теоретико-методологические особенности изучения // Успехи современного естествознания. 2014. № 12 (ч. 4). С. 361–364.
12. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. В 2 т. Т. 2. Илимский край во II – IV четвертях XVIII века. 2-е изд. Иркутск : Иркут. обл. тип., 2001. 636 с.

Historical and Geographical Aspect in the Analysis of the Development of Agricultural Land Use (on the Example of the Irkutsk Region)

E. L. Makarenko

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the study of the development of agricultural land use in the Irkutsk region and the influence of natural and socio-economic factors on this development. These factors determined the formation of special agricultural regions from a historical and geographical point of view with a characteristic "pattern" of the geospatial distribution of lands and their composition, intensity of development, and efficiency of agricultural production. It was determined that resettlement campaigns, agrarian and land reforms aimed at optimizing and streamlining land relations, and strengthening interest in land cultivation had an important impact on the development of agricultural land use. Several main stages in the development of agricultural land use are identified and characterized. It is concluded that the development of agriculture played an important role in the development of natural resources, strengthening the economic position of the study area and Siberia as a whole. From a historical and geographical point of view, the main agricultural regions in the study area are characterized and mapped.

Keywords: agriculture, gardening, suburban farming, socio-economic factors, natural and historical regions.

Макаренко Елена Львовна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, лаборатория картографии, геоинформатики и дистанционных технологий, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия, e-mail: elmakarenko@bk.ru

Makarenko Elena Lvovna – Candidate of Sciences (Geography), Senior Research Scientist, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: elmakarenko@bk.ru

Воднотранспортный потенциал Ангаро-Байкальского региона

М. Ю. Машуков

Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, Иркутск

Аннотация. Рассматривается составная часть водного потенциала Ангаро-Байкальского региона. Представлен краткий анализ в разрезе административных районов (муниципальных образований 2-го уровня) субъектов, входящих в Ангаро-Байкальский регион с картографическим отображением одного из частных видов водного потенциала – воднотранспортного.

Ключевые слова: Ангаро-Байкальский регион, длины судоходных путей, балльная оценка.

Данная работа является апробацией собранных автором материалов для экономико-географической оценки водного потенциала Ангаро-Байкальского региона (АБР) – части Енисейского природно-ресурсного района, являющегося территориальной единицей Северо-Восточной Азии. Он включает в себя три района-бассейна: Ангары, Селенги и других рек, впадающих в Байкал. Особенность региона – его межсубъектность и трансграничность, т. е. юг и запад Иркутской области; запад Республики Бурятия и Забайкальского края, восточная окраина Красноярского края, весь бассейн Селенги в Монголии. Территория региона определена по бассейновому подходу, т. е. по естественным рубежам (водоразделам) [3]. Границы большинства административных районов внутри АБР также проходят именно по водоразделам. Однако в данной статье рассматривается только российская часть региона.

Воднотранспортный потенциал – одна из семи частей общего водного потенциала, включающего также водоснабженческий, гидроэнергетический, рыбохозяйственный, гидромелиоративный, воднорекреационный и водноэкологический. Существует несколько определений воднотранспортного потенциала территории. Ш. Р. Салманов, М. А. Матагиров в своей статье используют «транспортно-территориальный потенциал» – способность водного объекта удовлетворять потребности человека в пространственном базисе для осуществления специфических видов деятельности, связанных с использованием акватории в определенных масштабах, без изменения основных свойств водного объекта за определенный период [4]. Л. М. Корытный и Л. А. Безруков раскрывают значение водных путей в территориальной организации производительных сил [2].

«Природный водный потенциал» Ю. Д. Дмитриевского рассматривается им в виде суммарного показателя, потенциальных возможностей для развития водного хозяйства, которыми обладает данная территория (или данный водоем) [1].

Комбинируя данные определения, воднотранспортным потенциалом в данной теме можно считать способность водных объектов к возможности эффективного развития водного транспорта для обеспечения потребностей населения территории. Под способностью имеется в виду индикативный показатель – длины судоходных путей.

Акватория водных объектов АБР в основном используется в качестве гидроэнергетического источника для обеспечения сложившегося еще в советское время территориально-производственного комплекса. Развитие водного транспорта незначительно, поскольку главная артерия региона (р. Ангара) прерывается каскадом плотин, из-за чего нет сквозного прохода между всеми субъектами, входящими в его пределы. В настоящее время не существует надежной и точной методики количественной оценки воднотранспортного потенциала в региональном масштабе, нет и доказательных индикаторов натуральной оценки. Однако в разрезе административных районов можно выявить основных лидеров и аутсайдеров по показателю длины судоходных путей, измеренных картографически. Удобным способом экономико-географической оценки потенциала в этом случае может быть относительная балльная оценка на уровне административных районов (муниципальных образований 2-го уровня), причем города включены в территорию районов (табл.). 1 балл соответствует низкому потенциалу (менее 100 км путей), 2 балла – среднему (100–200 км), 3 балла – высокому (201–300 км), 4 балла – исключительно высокому – более 300 км (рис.).

Таблица

Натуральная и балльная оценка воднотранспортного потенциала АБР

№	Административные районы	Длины судоходных путей, км	Баллы
Республика Бурятия			
1	Баргузинский	267	3
2	Бичурский	137	2
3	Джидинский	24	1
4	Заиграевский	75	1
5	Закаменский	–	1
6	Иволгинский	95	1
7	Кабанский	342	4
8	Кижингинский	–	1
9	Курумканский	–	1

Продолжение табл.

№	Административные районы	Длины судоходных путей, км	Баллы
10	Кяхтинский	206	3
11	Мухоршибирский	25	1
12	Окинский	-	1
13	Прибайкальский	147	2
14	Северо-Байкальский	400	4
15	Селенгинский	122	2
16	Тарбагатайский	90	1
17	Тункинский	-	1
18	Хоринский	-	1
Забайкальский край			
19	Красночикойский	117	2
20	Петровск-Забайкальский	130	2
21	Хилокский	85	1
Иркутская область			
22	Аларский	23	1
23	Ангарский	103	2
24	Балаганский	196	2
25	Баяндаевский	-	1
26	Боханский	116	2
27	Братский	538	4
28	Заларинский	195	2
29	Зиминский	78	1
30	Иркутский	229	3
31	Куйтунский	199	2
32	Нижнеилимский	277	3
33	Нижнеудинский	200	2
34	Нукутский	40	1
35	Ольхонский	306	4
36	Осинский	13	1
37	Слюдянский	230	3
38	Тайшетский	447	4
39	Тулунский	213	3
40	Усольский	137	2
41	Усть-Илимский	350	4
42	Усть-Удинский	309	4
43	Черемховский	58	1
44	Чунский	220	3
45	Шелеховский	92	1
46	Эхирит-Булагатский	-	1
Красноярский край			
47	Абанский	215	3
48	Богучанский	216	3
49	Дзержинский	-	1
50	Кежемский	305	1

Окончание табл.

№	Административные районы	Длины судоходных путей, км	Баллы
51	Мотыгинский	162	2
52	Нижнеингашский	–	1
53	Тасеевский	167	2

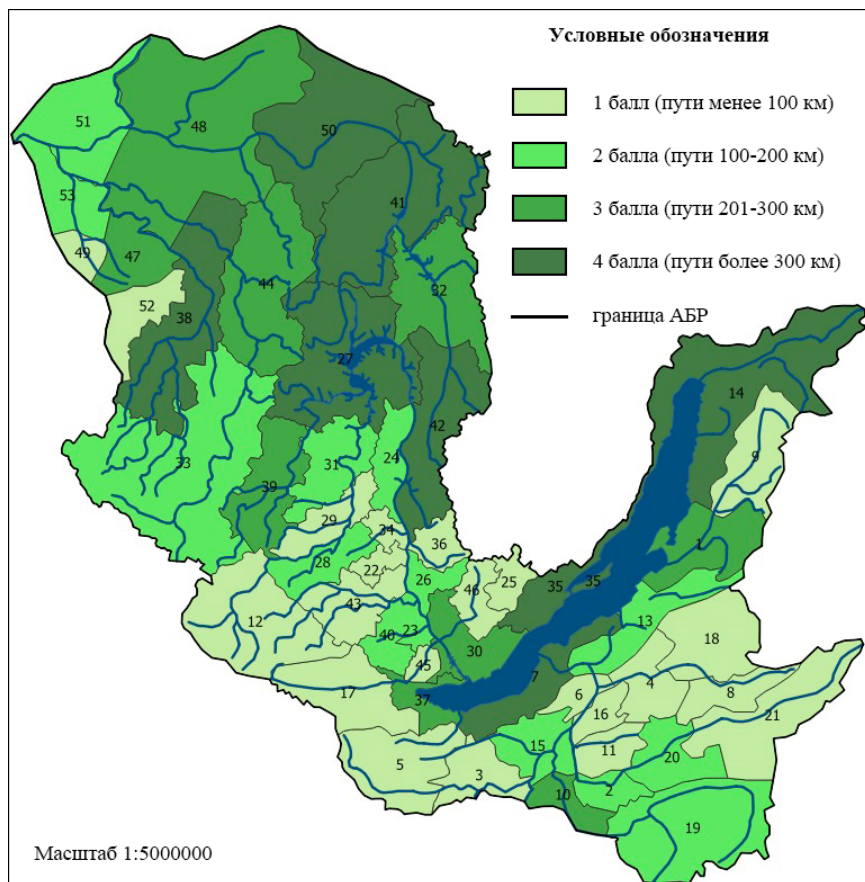

Рис. Воднотранспортный потенциал АБР:
 1 балл – низкий, 2 балла – средний, 3 балла – высокий,
 4 балла – исключительно высокий

Воднотранспортный потенциал довольно развит в Иркутской части АБР за счет преобладающего числа и большей площади водных объектов. Особенно выделяется группа районов с водохранили-

щами: Братский и Усть-Илимский, где длины судоходных путей более 300 км, однако из-за отсутствия сквозного прохода через плотины они прерываются. Тайшетский и Усть-Удинский районы за счет Бирюсы с ее крупными притоками и Ангары также входят в группу лидирующих – длины путей 447 и 309 км соответственно, замыкает группу Ольхонский район – за счет акватории Байкала (306 км). Иркутский, Нижнеилимский, Слюдянский, Тулунский, Чунский за счет Ангары и ее наиболее крупных притоков и части акватории Байкала оценены в 3 балла (длины путей от 201 до 300 км). Остальная часть приангарских и не имеющих протяженных судоходных путей районов Иркутской области оценивается в 1 и 2 балла (менее 100 км и 100–200 соответственно).

В Республике Бурятия наибольший балл имеют крупнейшие прибайкальские районы – Северо-Байкальский и Кабанский (400 и 342 км соответственно). Баргузинский и Кяхтинский – 3 балла (пути от 201 до 300 км) за счет части акватории Байкала и рек Селенги и Чикой. Все остальные районы Бурятии и Забайкальского края отнесены к категории среднего и низкого потенциала, т. е. пути менее 200 км (1 и 2 балла) по рекам Чикой, Джиде и Хилок.

Среди всех районов Красноярского края выделяется Кежемский район – длина путей около 300 км, однако судоходство здесь прервано замыкающей Ангарский каскад Богучанской ГЭС. Западнее на Ангаре и ее крупнейших красноярских притоках расположен Богучанский и Абанский районы, они оценены в 3 балла. Мотыгинский, Тасеевский – 2 балла. Нижнеингашский и Дзержинский практически не имеют судоходных рек – 1 балл.

Акватория водных объектов АБР, несмотря на слабое развитие водного транспорта в сравнении, например, с поволжскими регионами, все равно используется водным транспортом для лесосплава, для обеспечения работы ГЭС. Ангарские и прибайкальские районы Иркутской области в силу наличия значительных по площади и протяженности водных объектов являются главной составляющей всего воднотранспортного потенциала региона, так как они – часть Ангаро-Иркутского и Байкало-Иркутского природно-ресурсных подрайонов – сердцевины всего АБР. Следует учитывать, что в данной работе в качестве индикативного показателя взяты только длины судоходных путей как апробация авторских наработок по теме, поэтому представленная на основе этого балльная оценка может быть не совсем корректной, поскольку также в качестве показателя могут выступать и глубины фарватеров, грузо- и пассажирооборот и др.

Список литературы

1. Дмитриевский Ю. Д. Внутренние воды Африки и их использование. Л. : Гидрометеиздат, 1967. 382 с.
2. Коротный Л. М., Безруков Л. А. Водные ресурсы Ангаро-Енисейского региона. Новосибирск : Наука, 1990. 214 с.
3. Коротный Л. М. Бассейновая концепция: от гидрологии к природопользованию // География и природные ресурсы. 2017. № 2. С. 5–6.
4. Салманов Ш. Р., Матагиров М. А. Водно-ресурсный потенциал как составная часть производительных сил региона // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 5. С. 194–198.

Water Transport Potential of the Angara-Baikal Region

M. Yu. Mashukov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The component part of the water potential of the Angara-Baikal region is considered. A brief analysis is presented in the context of administrative districts (municipalities of the 2nd level) of the entities included in the Angara-Baikal region with their cartographic display of one of the particular types of water potential – water transport.

Keywords: Angara-Baikal region, lengths of shipping routes, score.

Машуков Михаил Юрьевич – аспирант, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы, г. Иркутск, Россия, e-mail: mikamash199818@gmail.com

Mashukov Mikhail Yurievich – Postgraduate Student, Laboratory of Georesource Science and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mikamash199818@gmail.com

УДК 314.9(571.53)

Анализ территориального распределения населения Иркутской области: проблемы развития территорий

Р. Ю. Мурашов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются проблемы развития территорий в срезе пространственного распределения населения в городах Иркутской области. Выполнена проверка закона Ципфа в рамках городской системы Иркутской области. Определена особенность территориального распределения населения в регионе. Выявлены причины демографической дифференциации населения в городах области. Предложены меры по оптимизации и сбалансированию пространственного распределения населения Иркутской области.

Ключевые слова: население, закон Ципфа, пространство, города, Иркутская область.

Проблема территориального распределения населения в регионе является ключевой для понимания демографической динамики и социально-экономического развития области. Она включает в себя неравномерное распределение населения по территории и неравенство в доступе к ресурсам и возможностям. Одной из основных проблем является сосредоточение населения в крупных городах и их пригородах, что приводит к деградации периферийных и сельских территорий, а также неравномерному развитию региона в целом.

Одной из причин неравномерного территориального распределения населения является экономическая дифференциация региона. В условиях неравномерного развития инфраструктуры, доступа к образованию, медицинскому обслуживанию и иным социальным благам население склонно к миграции в поисках лучших возможностей для жизни и трудоустройства, что усиливает разрыв между различными территориями региона. Данный процесс подробно описан в модели «ядро – периферия» Пола Кругмана [8, р. 483]. Эта модель объясняет принципы размещения факторов производства и их концентрацию в крупных городах с целью экономии средств на логистические издержки, а также доступа к рабочей силе.

Для решения проблемы территориального распределения населения необходим комплексный подход, включающий в себя развитие инфраструктуры, создание рабочих мест, улучшение доступа к образованию и медицинскому обслуживанию в малонаселенных районах, а также стимулирование инвестиций и предпринимательской активности в периферийных зонах. Это позволит сократить разрыв между различными частями региона и обеспечить устойчивое и равномерное развитие всего пространства.

Для анализа территориального распределения населения исследователями активно используется статистическая закономерность Ципфа. Закон Ципфа – это эмпирическое наблюдение, которое отражает статистическую закономерность в размерах и ранжировании городов в рамках городской системы, конкретного региона или страны. По закону Ципфа отношение численностей жителей двух городов, ранжированных в порядке убывания количества проживающих (т. е. первый по численности город имеет ранг $R = 1$, второй – ранг $R = 2$ и т. д.), обратно пропорционально отношению их рангов [1, с. 100]. Закономерность Ципфа предполагает, что самый крупный город в системе значительно превосходит по количеству населения все остальные. Расчетное значение показателя (коэффициент Ципфа) показывает иерархическую степень системы городов и визуализируется на кривой Парето.

Закон применялся для анализа территориального распределения населения в различных городских системах многих стран. Существует исследование, проведенное по самым крупным городам США по данным переписи населения 2000 г. Согласно результатам статистического анализа, полученным с некоторой погрешностью, распределение населения в американских городах соответствует закону Ципфа [6, р. 1441]. В исследовании, проведенном в одном из самых густонаселенных регионов мира – Китае, отмечается, что в рамках всей страны население в городах сбалансированно и соответствует распределению Ципфа [9, р. 57]. Однако если проводить расчеты в каждом регионе отдельно, то статистика начинает противоречить закономерности. Для польских городов исследование, проведенное в 2017 г., основывалось на статистических данных шести переписей населения [7, р. 200]. Поэтому у ученых была база для сравнительных исследований. Выявлено, что максимальное отклонение от закономерности Ципфа проявилось в первое послевоенное десятилетие. Здесь же с помощью методов гео визуализации продемонстрированы процессы изменения рангов населенных пунктов в рамках городских систем.

В России исследованиями зависимости пространственного расселения занимались О. С. Балаш [2], И. В. Манаева [3], В. В. Андреев [1]. В целом для российских регионов можно обозначить, что закономерность Ципфа зачастую не соблюдается в связи с концентрацией населения в областных центрах. В свою очередь, если брать укрупненный регион (Приволжский федеральный округ), то причина несоответствия в обратном. Среди крупных городов – столиц субъектов федерации – нет претендента на роль системообразующего центра из-за нехватки населения. В рамках всей страны закономерность соблюдается с небольшой погрешностью у городов второго и третьего ранга.

Таким образом, закономерности распределения населения в рамках городских систем применимы к различным странам и регионам. Их использование необходимо для понимания оптимальности и состояния принципов территориального расселения. Как отмечается в работе [1, с. 99], закон Ципфа более точно выполняется для стабильных и устоявшихся систем. В свою очередь, для бурно развивающихся территорий или же, наоборот, для деградирующих закон соблюдается реже.

Целями данного исследования являются определение особенностей территориального распределения населения Иркутской обла-

сти, проверка закона Ципфа для городов региона, а также выяснение способов по решению обозначенных проблем.

Для Иркутской области, как и для многих других регионов России и мира, характерна тенденция концентрации населения и экономического развития в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации [4]. Данный характер демографических процессов обозначен в стратегии пространственного развития Российской Федерации, целью которой является выравнивание социально-экономического развития в регионах. Это означает, что государственная политика в долгосрочной перспективе направлена в том числе и на решение проблем демографической дифференциации территорий. Соответственно, региональные программы и стратегии должны быть направлены на решение тех же проблем.

В Иркутской области на момент 2021 г. статус города имеют 22 населенных пункта. По данным переписи населения того же года, в регионе проживало 2 366 078 чел., самый крупный город, он же областной центр – Иркутск (617 515 чел.), самый редконаселенный – Алзамай (5373 чел.) [5]. Каждому городу был присвоен ранг в соответствии с его положением в списке, отсортированном по численности населения. Также для каждого города рассчитан показатель отношения численности населения по формуле (1):

$$X_i = \frac{R_1}{R_i}, \quad (1)$$

где R_1 – это численность населения первого в списке города; R_i – это численность населения взятого города.

В результате представлена точечная диаграмма распределения населения Иркутской области в соответствии с законом Ципфа (рис. 1). По оси абсцисс отложены ранги всех городов региона, по оси ординат – показатель отношения численности населения взятых городов к самому крупному (отмечены голубыми точками). Черная линия показывает кривую Парето, соответствующую распределению населения согласно закону Ципфа.

Отношение численности жителей в Братске и Иркутске составляет 0,36 вместо 0,5 по закону Ципфа, что говорит о том, что наблюдается существенный разрыв между населением в областном центре и следующим за ним городом. Отношение численности жителей в Ангарске и Иркутске составляет 0,36 при теоретическом показателе 0,33, что с небольшой погрешностью соответствует закону Ципфа.

Можно сказать, что Ангарск и Братск с приблизительно равным населением располагаются на одном ранге, существуют модифицированные модели, которые предполагают данный феномен, однако классический закон Ципфа предполагает разрыв между 2-м и 3-м местами. Далее по городам наблюдается тенденция недостаточности населения для последующих городов, чем требуется по закону Ципфа. Существенный разрыв показывают города Усть-Илимск (0,12) и Черемхово (0,08) при должных показателях 0,25 и 0,16 соответственно. Населения в этих рангах недостает практически в два раза.

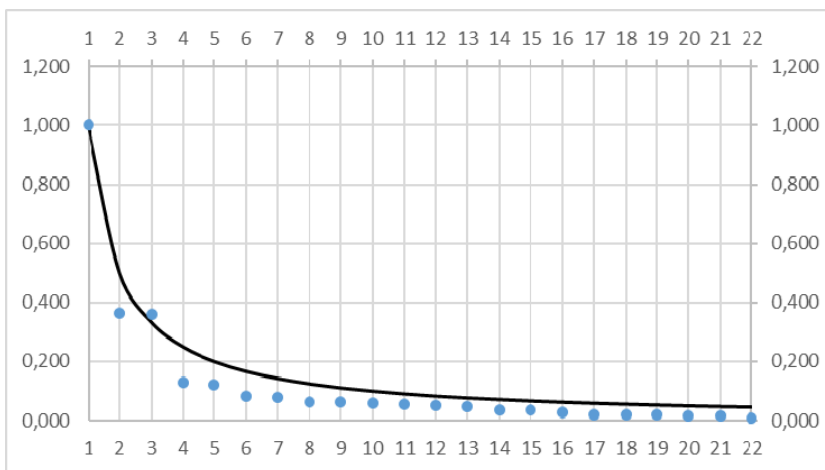

Рис. 1. Распределение населения городов Иркутской области

В свою очередь, если составить график отклонения рассчитанных показателей от распределения населения по кривой Парето, то наблюдается, что с уменьшением численности населения города его разрыв с теоретическим показателем только увеличивается (рис. 2). Приблизительно до 13-го ранга (г. Нижнеудинск) степень отклонения в среднем составляет 0,6, что соответствует 60 % от закона Ципфа. После 13-го ранга разрыв в численности населения увеличивается в арифметической прогрессии в среднем по 5 % за ранг. Следовательно, численность населения в Иркутске существенно выше, чем в остальных городах области, а в наименее населенных пунктах численность жителей экспоненциально падает.

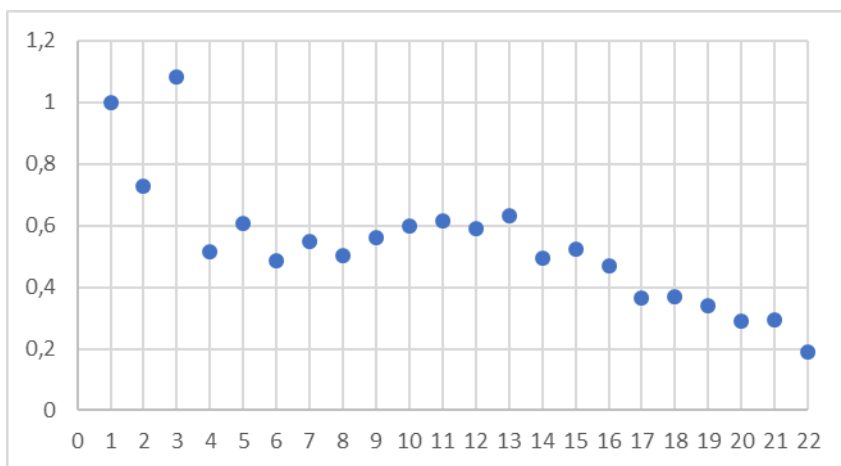

Рис. 2. График отклонения в распределении населения городов Иркутской области от закона Ципфа

В заключение можно обозначить, что в целом закон Ципфа для территориального распределения населения Иркутской области не соблюдается. Расхождения показателей существенно разнятся относительно исследований, проведенных в других странах и регионах. Объясняется все слишком большим отрывом столицы региона – г. Иркутска – по численности населения. Второй город Иркутской области по численности населения, согласно закону Ципфа, относительно существующей конъюнктуры, должен населяться примерно 308 тыс. жителей. Ближайшие претенденты – Братск и Ангарск (225 037 и 222 855 чел. соответственно). Братск находится на северных территориях, его развитие поспособствует увеличению потенциала для развития окружающих районов. Ангарск располагается в развитом южном Приангарье на территории Иркутской агломерации, входя в состав ее ядра вместе с Иркутском и Шелеховым. Вышеперечисленные аргументы указывают на то, что оптимальным сценарием пространственного развития области будет финансирование и размещение производств в Братске. Такие меры в перспективе способны сбалансировать территориальное распределение населения в Иркутской области.

Список литературы

1. Андреев В. В., Лукиянова В. Ю., Кадышев Е. Н. Анализ территориального распределения населения в субъектах Приволжского федерального округа с применением законов Ципфа и Гибрата // Прикладная эконометрика. 2017. Т. 48. С. 97–121.

2. Балаш О. С. Моделирование темпов роста численности населения городов России: пространственный аспект // Статистика и математические методы в экономике. 2013. № 6. С. 142–146.
3. Манаева И. В. Особенности размещения и роста городов Приволжского федерального округа // Вопросы территориального развития. 2017. № 3(38). С. 1–8.
4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).
5. Федеральная служба государственной статистики: территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Среднегодовая численность постоянного населения Иркутской области по муниципальным образованиям. URL: https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sr_god_chisl_2021.html (дата обращения: 23.03.2024).
6. Eeckhout J. Gibrat's law for (all) cities // The American Economic Review. 2004. Vol. 94, N 5. P. 1429–1451.
7. Jazdzewska I. Spatial and dynamic aspects of the rank-size rule method. Case of an urban settlement in Poland. Computers // Environment and Urban Systems. 2017. Vol. 62. P. 199–209.
8. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
9. Ziqin W. Zipf law analysis of urban scale in China. Asian Journal of Social Science Studies. 2016. Vol. 1, N 1. P. 53–58.

Analysis of the Territorial Distribution of the Population of the Irkutsk Region: Problems of Territorial Development

R. Y. Murashov
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The problems of territorial development are considered in the context of the spatial distribution of the population in the cities of the Irkutsk region. A test of Zipf's law was carried out within the urban system of the Irkutsk region. The peculiarities of the territorial distribution of the population in the region are determined. The reasons for the demographic differentiation of the population in the cities of the region have been identified. Measures are proposed to optimize and balance the spatial distribution of the population of the Irkutsk region.

Keywords: population, Zipf's law, space, cities, Irkutsk region.

Мурашов Руслан Юрьевич – аспирант, кафедра государственного управления и управления человеческими ресурсами, институт управления и финансов, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: murashov-ruslan@mail.ru

Murashov Ruslan Yurievich – Graduate Student, Department of Public Administration and Human Resource Management, Institute of Management and Finance, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: murashov-ruslan@mail.ru

Обзор торжественных телеграмм по случаю открытия Иркутского государственного университета (по материалам фондов ГАИО)

И. В. Олейников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Приведены архивные источники – торжественные телеграммы, отражающие реакцию сибирской общественности на открытие Иркутского государственного университета в октябре 1918 г., выявленные в фондах Государственного архива Иркутской области.

Ключевые слова: ИГУ, история высшей школы, телеграмма, источник, Государственный архив Иркутской области.

В октябре 2024 г. Иркутский государственный университет отметил 106-летие со дня основания. Очередная годовщина указывает на необходимость обратиться к архивным документам, в которых отражена живая университетская история. Корпус работ по истории первого вуза Восточной Сибири объемён, однако обращение к архивным материалам позволяет обобщить разрозненные данные, хранящиеся в фонде Р-71 Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Значительный объем архивных данных уже был обобщен ранее университетскими профессорами-историками – С. И. Кузнецовым [5], В. Н. Казариным [6], С. И. Гольдфарбом [2; 9], Ю. А. Зуляром [4]. Из публикаций сравнительно недавнего времени следует отметить работу А. В. Ануфриева «Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации)», проливающую свет на некоторые сюжеты, связанные с формированием идеи о создании и открытии университета [1].

Отметим, что в современном мире потоки информации практически безграничны. Электронная почта и сотовая связь, сообщения в онлайн-мессенджерах, таких как популярный в середине третьего десятилетия XXI в. «Телеграм», социальные сети обеспечивают мгновенные контакты, а передача информации на дальние расстояния более не является проблемой. Однако с развитием удобных цифровых средств связи былые способы коммуникации, такие как телеграмма, утрачивают свою актуальность, становясь архаикой.

При помощи телеграмм раньше сообщали о выдающихся событиях, поздравляли со значимыми датами. 27 октября 1918 г. после долгих перипетий состоялось торжественное открытие Иркутского

государственного университета. По случаю праздника открытия ректорат юного вуза получил множество поздравительных телеграмм, которыми общественность и различные организации Сибири и Дальнего Востока радостно и воодушевленно встретили весть о создании классического университета, причем немаловажно, что в поздравлениях участвовали и политико-административные круги, общественность Восточной Сибири. Отметим, что в печати ИГУ ранее уже предпринимались попытки рассмотрения материалов, содержащихся в поздравительных телеграммах по случаю создания Иргосуна, но в них представлен далеко не весь пласт информации, отложившейся в архивных делах [7].

Приведем выдержки из ряда телеграмм и поздравлений, сохранившихся в фондах ГАИО, позволяющие прочувствовать дух того времени, искреннее желание просвещения, новых знаний среди всех слоев сибирского общества. Университетское образование ассоциировалось в обществе Сибири, раздираемом Гражданской войной как элемент просвещения, развития, свободы, выхода из архаичного, затхлого состояния.

Обзор торжественных телеграмм следует начать с поздравления от первого сибирского вуза – Томского университета: «Томский университет, первое высшее учебное заведение Сибири, с чувством искренней радости приветствует возникновение своего юного собрата Иркутского университета и шлет ему свои горячие пожелания успешной и плодотворной деятельности, выражая глубокую уверенность, что дружная совместная работа всех просветительных учреждений Сибири сможет, наконец, разогнать мрак невежества и создать условия для счастливой свободной и созидательной жизни страны. Ректор Поспелов» [8, с. 19–20].

Приветствие от коллектива Читинской первой гимназии: «Читинская первая гимназия с восторгом приветствует открытие в Сибири нового рассадника высшего образования, коллегию профессоров, новых сибирских работников. Растет просвещение, крепнет наша уверенность в возрождение Родины, собираемой нашим сибирским правительством, учащиеся гимназии глубоко благодарны министру народного просвещения, сибирскому правительству, содействовавшим скорому открытию желанного в Восточной Сибири источника знания. Председатель совета Кожин, начальница Терехова» [Там же, с. 20].

В некоторых телеграммах высказывались пожелания, связанные с деятельностью ученых-областников второй половины XIX – начала

XX столетия: «09.X.1918. Экстренно из Омска. Записка г. Иркутск, ректору Иркутского государственного университета профессору Рубинштейну. Приветствую открытие иркутского университета как завершения заветных чаяний сибирских патриотов и сибирской общественной мысли, счастлив отметить, что открытие второго сибирского университета непосредственно связано с реализацией основной мечты сибиряков – провозглашением автономии Сибири, разцвета нового очага культуры на востоке, сожалею, что не могу от имени сибир. областной думы приветствовать участников торжества открытия иркутского университета. Предсибирдумы Якушев» [3, л. 5].

Поздравление от представителей томского студенчества: «14.X.18. Иркутск из Томска. Комиссии по созданию Иркутского университета, студенчеству, Иркутск. Приветствуем организующееся иркутское студенчество как новый отряд бойцов за автономию высшей школы. В настоящий переходный момент, когда автономии грозит опасность быть сметенной, надвигающейся реакцией, томское студенчество надеется встретить в вас верных товарищей, соратников. Да здравствует свободная школа в свободной стране, объединенное совещание советов старшин» [3, л. 79].

Приведем и поздравления от военных-генштабистов и представителей казачьего войска: «19.X.1918. В Иркутск из Томска. Ректору университета. Иркутск. Всероссийская академия генерального штаба благодарит за приглашение, приветствует открытие нового могущественного разсадника высших знаний центра Сибири» [2, л. 4]; «14/X/1918. В Иркутск из Читы. Иркутскому государственному университету. Забайкальское казачье войско приветствует открытие разсадника будущих культурных работников, так необходимых теперь для возсоздания единой и великой России. Войсковой атаман Зимин» [3, л. 4].

Телеграмма от фракции национальностей Сибирской областной думы: «19/X/1918. Ректору университета. Фракция национальностей Сибирской областной думы приветствует знаменательный день открытия краевого университета, который дает широкий путь исследования родного края от незнания которого мы страдаем на каждом шагу. Фракция национальностей льстит себя надеждой, что открываемый университет, как ученое учреждение; дает твердую основу новой созидательной работе на пользу края и государства. Фракция национальностей сибдумы» [3, л. 16].

Эмоциональная и цветистая телеграмма из Селенгинска: «10.X.18. Селенгинск. Ректору университета. Селенгинская бурятская аймачная земская управа [от – И. О.] имени всего населения аймака выражает чувства безграничной радости, торжественный день открытия иркутского университета, разсадник просвещения, культуры, источник чистого знания всякому стремящемуся свету, заветная мечта, взлелеянная усилиями лучших сынов сибиря претворилась. Плоть и кровь коренного населения прибайкалья, – буряты в силу исторических условий пребывавшие в средневековье, возрождаясь к новой жизни надеются черпать знания на пользу великой России в родном университете. Виват глорейт флорейт новая альма матер [неразбр.] Сибири. Зам. председателя аймакуправы Голобоев» [3, л. 133].

Телеграмма от викария Иркутской епархии: «27.10.1918. Епископ киренский, викарий Иркутской Епархии. Господину ректору Иркутского университета. Приношу признательную благодарность Вам и Совету Университета за приглашение на торжество открытия в Иркутске Государственного Университета. Очень сожалею, что постигшая меня болезнь лишила возможности быть на великом торжестве.

Приветствуя, радуюсь открытию нового светоча Науки в Сибири. Господь да благословит доброе начинание. Епископ Зосима» [3, л. 17].

Телеграмма от профсоюза работников «Лензолота» из Бодайбо: «Профессиональный союз служащих Лензолота в лице тружеников, заброшенных в глухую тайгу, шлет горячие приветствия новому источнику света и знания и верит, что новый университет станет столь необходимым для края живым центром творческих сил. Правление союза» [8, с. 20].

Телеграмма от Ленского золотопромышленного товарищества, оказавшего открывшемуся университету финансовую поддержку: «Ленское золотопромышленное товарищество горячо приветствует новый рассадник знания Сибири, России. Да процветает Иркутский университет, да будет он могучим целебным очагом культуры нашей израненной родины, одновременно переводим десять тысяч рублей на нужды университета. Главноуправляющий, горный инженер Малозёмов» [3, л. 95].

Краткая телеграмма от ученого-филолога М. Азадовского, который в дальнейшем будет работать на истфиле Иргосуна: «19/X/18. Университет Иркутск. Иркутск из Томска. Присоединяю свой голос радостному ликованию родного города. Марк Азадовский» [3, л. 32]

Цветистое поздравление от Красноярского подотдела географического общества: «7.X.18. Красноярский подотдел географического общества. Иркутскому университету. В тягостные дни всечеловеческой борьбы, когда Сибири волею судьбы приходится занять в великом состязании народов одно из первых мест – в ее центре нарождается ныне новый очаг знания, мирной творческой мысли. С того дня, как Сибирь стала на путь самоопределения, это первый ее культурный праздник, первый проблеск того мирного строительства нашей жизни, которого так страстно, так болезненно мы ждем. И “все-таки впереди огни”, уже блещет первый луч нового радостного дня, приходит вестник нарождающейся мирной созидательной работы для блага родной земли, и мы верим, что открывающийся путь жизни первого университета Автономной Сибири будет велик, ясен и светел.

Привет Иркутскому университету, его деятелям и учащимся, да живет и крепнет новый очаг истинного знания, просвещения, изучения нашей прекрасной страны. Ис. об. Председателя» [3, л. 112].

Поступали и телеграммы из зарубежья – Монголии и Китая. Торжественная телеграмма из Северо-Восточного Китая: «24/X/18. Иркутск из Харбина. Иркутск, ректору университета. Педагогический комитет Харбинских коммерческих училищ, приветствуя зарождение нового разсадника высшего знания, шлет горячие пожелания полного расцвета для блага возрождающейся дорогой Родины. Инспектор Волонцевич [3, л. 73].

Содержание поздравительной телеграммы, поступившей из Монголии: «10/X/18. из Урги. В исторический для Восточной Сибири день открытия Иркутского университета, единственная русская средняя школа Монголии – коммерческое училище в Урге шлет первой высшей школе края самые искренние, самые сердечные пожелания полного процветания и развития для пользы и блага родной Сибири. Да здравствует культура и знание. Директор Барташов» [3, л. 77].

Перелистывая пожелтевшие страницы поздравительных телеграмм с пометками на полях, невольно хочется, чтобы этот вид связи, передающий эмоции эпохи, не ушел в небытие. Как исторический источник поздравительные адреса и телеграммы передают дух ушедшего времени и эмоции, существенно дополняя сухую бюрократическую отчетность и документацию, отложившуюся в архивах.

К сожалению, современные средства связи, в том числе и мессенджеры, не дают возможности сохранять живые отклики и реакцию на события, связанные с региональной историей. Поэтому представляется необходимым обращаться к бланкам старых телеграмм для понимания особенностей и контекста минувшего времени.

Список литературы

1. Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 21. С. 166–172.
2. Гольдфарб С. Жизнь и судьба российского сенатора в интерьере иркутского времени (В. Т. Шевяков на службе в Иркутском университете). Иркутск : Принт Лайн, 2023. 332 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. № Р-71. Оп. 1. Д. 7. Торжественные телеграммы по случаю открытия университета.
4. Зуляр Ю. А., Шпикельман Р. Ю. Университет в годы Гражданской войны: судьба первого историко-филологического факультета Иркутского государственного университета // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 31. С. 24–36.
5. Кузнецов С. И. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998). Иркутск : КП-Байкал : Изд-во ИГУ, 1998. 208 с.
6. «Они были первыми...» : ист. портреты профессоров Иркут. гос. ун-та 1918–1921 гг. / ред.: В. Н. Казарин, Р. В. Подгайченко ; сост.: И. П. Белоус [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 283 с.
7. Олейников И. В. Перелистывая пожелтевшие страницы телеграмм: к дню рождения Иркутского государственного университета // Иркутский университет. 2011. 31 окт.
8. Олейников И. В. Образование Иркутского государственного университета и его реорганизация (1917–1920-е гг.) // Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / И. В. Олейников, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, Ю. А. Зуляр ; под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. С. 19–20.
9. Соскин В. Л. В пороховом дыму... / беседу вел С. Гольдфарб // Советская молодежь. 1988. 25 авг.

Review of Solemn Telegrams on the Occasion of the Opening of Irkutsk State University (based on materials from the SAIO archives)

I. V. Oleynikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents archival sources – solemn telegrams reflecting the reaction of the Siberian public to the opening of Irkutsk State University in October 1918. These documents were found in the funds of the State Archive of the Irkutsk region.

Keywords: ISU (Irkutsk State University), history of higher education, telegram, source, State Archive of the Irkutsk region.

Олейников Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: oleynikov@isu.ru

Oleynikov Ilya Vasilevich – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Sub-department of Political Science, History and Region Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: oleynikov@isu.ru

В каком отношении можно принять статус небытия? К постановке вопроса

М. Н. Самоходская
Независимый исследователь, г. Иркутск

Н. С. Коноплёв
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Предпринята попытка раскрыть статус небытия в его жизненном – по «горизонтали» – преломлении. Оказывается, что насыщенная временем «горизонталь» бытия оперирует «предбытием», связанным с будущим временем, собственно «бытием», отражающим настоящий момент, и «инобытием», характеризующим прошлое. Для небытия места здесь не найти. «Вертикаль» бытия также начинается с бытия как такового. Над бытием возвышается небытие. Завершает «вертикаль» супербытие. Включенное в «вертикаль» небытие носит проблемный характер.

Ключевые слова: вещь в себе, вещь для себя, бытие, инобытие, предбытие, небытие, супербытие, Вселенная, НТР, идеальное, материальное, вечность.

Воспроизводясь вещью для себя, Вселенная порождает идеальную реальность в ее небытийном статусе. О существовании небытия рассуждаем с желанием узнать, что это такое. Окружающая нас многослойная реальная действительность *бытийно* (т. е. с позиций материалистически воспроизводимой субстанциальности) стянута пространственно-временным измерением, обеспечивающим бытие со стороны его формального статуса. При этом Вселенная, реализуясь Большим Взрывом (который отдельными учеными подвергнут сомнению), на отражательной основе овладевает высотами прогресса, замыкающимися социальной формой движения материи. Достигнув своего пика, Вселенная раскрывается тем идеальным содержанием, благодаря которому она предстает *вещью для себя* (попутно отметим: до появления духовности она остается *вещью в себе*, не ведая о том, что на деле являет она собою). Разум выражает новизну Вселенной, устремленной к дальнейшему совершенствованию. ...Если предметная насыщенность Вселенной характеризует ее в бытийно преломляемом амплуа, то рациональный аспект самореализующейся Вселенной свидетельствует о необычном наполнении огромного материального массива информационно заданной идеальной реальностью. И обретенная Вселенной духовность воплощает ее новый – и пока малоозвученный – настрой ввиду очевидной противоположности идеального материальному (скажем в этой связи, что их бытийное противостояние сохраняется до научного постижения *генезиса*

жизни). *Идеальность* – как только что было отмечено – помогает Вселенной предстать вещью для себя. Однако *все* происходящее в мире (включая его прорыв к идеальному) – это достояние самой Вселенной... Вселенных может быть много (но мы настаиваем на одной). Однако они не выходят за рамки реальной действительности, и каждая из них вбирает возвышающий мир идеального (в нашем случае это ближнекосмическая планета Земля с ее атмосферным поясом). Последнее – идеальное – также не стоит на месте, но, являясь ярким «прецедентом» заложенного в фундаменте здания материи *отражения*, склонно заявить о своей исключительности.

Идеальная реальность как фокус небытия. Небытие в человеческом измерении. Вместе с тем порожденное Вселенной идеальное причащается к бытийности довольно опосредованно – спиралевидностью возвышающихся уровней отражения. Идеальность, считывая конкретику предметного мира, вырабатывает установку на обобщение результатов программирования неотложного будущего. Обобщенно представленная реальная действительность является чем-то качественно отличным от того, что составляет ее непосредственно выраженную конкретику. Само по себе обобщение, будучи иным – *инаковым* – применительно к отражению, по отношению к материальному миру занимает уже суперпротивоположную позицию. Абсолютизация обобщения ведет его к тому, что оно – обобщение – запредельно скрывается от бытия. Для обыденного сознания такая запредельная отстраненность феномена обобщения от его исхода в виде предметного мира характеризуется как некая *небытийность*, и оно (т. е. обыденное сознание) склонно отождествлять ее с чем-то нереальным – вплоть до божественной первосущности (неважно, земная она или «потусторонняя»). Все зависит от степени вживаемости субъекта деятельности в его окружение. А это в свою очередь зависит от умения оперировать складывающейся иллюзорно-компенсаторной деятельностью, благодаря чему мы, заблуждаясь в деталях, в итоге овладеваем истиной... Сказанное означает, что бытийности мира соответствует наша – человеческая – бытийность, обусловленная им. И разум настроен к решительному овладению окружающей средой. Для этого он систематизирует различные предметно обустроенные уровни и благодаря такому подходу шаг за шагом приобщается как к себе, так, собственно, и к реальной действительности. Однако уход из жизни каждого очередного поколения служит показателем того, что цель не только не достижима, но как бы эту свою недостижимость она навязывает человеку. Отсюда возникает установка на *небытие* как

воплощение чего-то недостижимого именно в силу человеческого несовершенства, обусловленного жизненной скоротечностью... Рассматривая небытие, следует иметь в виду, что в нем раскрывается содержание, согласно которому под небытием понимаем утрату предметом настоящего момента времени. Так, впавший в бессознательное состояние человек довольно долго не воспринимает окружающую среду. Характеризуясь невменяемостью, индивид ощущает медленное поглощение себя реально возникшим *небытием*. Последнее – явно не инобытие (если речь заходит о нем, то пострадавший непременно осознает себя во времени, а отнюдь не выпадает из него), но именно небытие. Здесь мы видим – по причине вынужденного самоотчуждения и связанного с ним забвения индивидом самого себя – невольный отказ от бытия носителя означенной духовности. Когда это негативное состояние преодолевается, индивид получает возможность выйти на уровень *супербытия*. Ведь он пережил пограничную ситуацию, преодоление которой содействует его дальнейшему духовному росту. Примером может служить *арзамасский ужас* Л. Н. Толстого (сентябрь 1869 г.), когда писатель испытал сильнейший страх, связанный с мыслью о смерти. Его настигли депрессивные, паранойяльные, эпилептические и ряд других психоневрологических заболеваний. Испытав жизненное «пограничье», Л. Н. Толстой (1828–1910) лишь укрепил свой обобщенно-философский взгляд на мир. И в варианте толстовской духовности этот взгляд обрел супербытийный резонанс. Можно полагать, что проживание небытия присуще человеку как выразителю социальной реальности, являющейся пиком развертывания материального мира, в котором Вселенная «ощущает» себя лишь вещью в себе, т. е. она еще не находится на пике самовыражения. Применительно к субъектно преломляемой деятельности этому соответствует небытийный срез человеческой жизни, когда она, утратив на время свой бытийный статус, оборачивается набором функций. Обращаясь к вышеприведенной ситуации с Л. Н. Толстым, уделяем внимание тому, что она вполне «опоясана» затрагиваемой небытийностью. Последняя вбирает социальную форму движения материи в ее цельном, а также индивидуализированном «прогоне».

Приближаемся к супербытию... Цельновыраженное совершенство социальной формы движения материи обозначено становлением духовности, т. е. идеальной реальности в ее небытийном статусе по отношению к бытию Вселенной. Это связано – повторимся – с тем, что природа идеального, вышедшая из материальной стихии, прин-

ципиально несовместима с тем, чтобы оказаться рядом с нею. Амбивалентно соотносясь с материей, дух, лишь только противостоя ей (т. е. отталкиваясь от нее), в силах, воспроизводясь, укрепить себя. Включающая его небытийность наделяет идеальное набором функций, оперируя которым, оно, т. е. идеальное, от конфронтации с материей выходит на союз с нею. Этот союз наделяет сознание супербытийным статусом, и это говорит о том, что материя «соглашается» на ее идеальный охват в целях обретения Вселенной статуса бытия для себя... Рассматривая отдельного индивида как носителя социальной формы движения материи, обращаем внимание на то, что он, преодолевая – как это видно на примере Л. Н. Толстого – психофизиологический кризис, поднимается на более высокий уровень личностного самовыражения – в сферу предельно обобщенного созерцания того, что находится рядом с нами и поодаль. Конечно, речь идет о тех индивидах, личностный настрой которых позволяет им воплотиться высшей бытийностью, названной здесь супербытием.

Исторически воспроизводимая процессуальность охватывает Вселенную – тем самым предрекая ее конечность... Итак, горизонтально затверждаясь, предметный мир разворачивается бытием, которому предшествует предбытие. Ну а то, что бытие мира «упаковано» прошедшим временем, воплощается инобытием. Содержание названных категорий также характеризует социальную форму движения материи. Но что касается небытия, оно связано исключительно с «человеческой заброшенностью» – из-за невменяемости его носителя (т. е. конкретного пациента – одного из тех, кто не способен, будучи охвачен условностями НТР, покончить с «заманчивой шизофренией» и с ее «невольными пособниками»). В этом главное назначение небытия как выразителя временно свертывающейся человеческой духовности (лучше сказать: аутизма), и пограничная ситуация служит здесь главным показателем небытийности. Оно, т. е. небытие, важно в том отношении, что идеальной реальности надлежит определиться с ожидающими ее перспективами, и она осуществляет это своим «небытийным пограничьем». Последнее есть не что иное, как озаренный прорыв в будущее в рамках отказа от временной составляющей, которая как бы элиминируется в рассматриваемой пограничной ситуации. Этот момент, связанный с невольным прерывом «временного обстоятельства», соответствует тому положению сингулярности Вселенной до Большого Взрыва (однако сингулярность Вселенной еще не есть Вселенная: она предстанет ею в его – Большого Взрыва – «присутствии»), когда пространственно-временная дан-

ность была еще не готова к тому, чтобы вполне заявить о себе. Большой Взрыв отмеченному поспособствовал, и Вселенная обрела себя в качестве материально обустроенного бытия. Присмотревшись к этому внимательно, замечаем, что материалистическая – объективная – диалектика как исторически складывающаяся система затверждается о себе после Большого Взрыва. Лишь на определенном этапе бытия Вселенная обретает свои качества с опорой на становящиеся законы диалектики. Притом – повторимся – небытие, присущее одушевленной природе, также характеризует разбегающуюся по своим окраинам Вселенную... Трудно представить, но Вселенная тоже не вечна... Пространство и время, сложившиеся после Большого Взрыва, придают ей четкие очертания. Но охвачены ли они другими вселенными, если таковые существуют? Возможно, материя в виде энергии способна обойтись без тех пространственно-временных «посредников», которыми «помечена» наша жизнь. На ее примере многое раскрывается в виде данности, не требующей объяснения. Но оно (т. е. объяснение) неизбежно осуществится, подчиняясь «нужде» вида Homo Sapiens продлить дальнейшее существование. Отсюда небытие должно обрести более насыщенное применение. На этом настаивает социальный прогресс, впрочем, вопреки ему самому. Прогресс вгоняет нас в ступор пограничной ситуации, стимулируя поиски преодоления сложившегося самоотчуждения... Мы опять вынуждены оперировать небытием. Оно – применительно к индивиду – связано с его (т. е. индивида) неуравновешенностью. Если взглянуть на нее со стороны, небытие наполнено иллюзорно-компенсаторным самоутверждением индивида в условиях разрыва его отношений с «живой жизнью» (А. А. Григорьев (1822–1864), русский поэт, литературный критик). Такой разрыв схож с уже разобранный пограничной ситуацией, которая, воспроизводясь реалиями динамической концепции времени (согласно которой прошлое и будущее поглощены *вселенским настоящим*), способна «погасить» небытие в «заблудшем» сознании субъекта.

Горизонтально-вертикальное раскрытие бытия все расставляет по своим местам. Это значит, что небытие – важный компонент аутентичной человечности в ее стремлении свести воедино материю и дух до уровня супербытия... Рассматривая конкретику бытия по «горизонтали» и по «вертикали», вот что предстает нашему взору (мы просто в несколько измененном виде повторим прозвучавшее выше). «Горизонталь», как было сказано, охвачена временной изменчивостью. Соотносясь с будущим, упоминать о бытии будет

преждевременно, поскольку оно отмечено предбытием. Утверждать, что будущее бытия является небытием, явно несостоятельно, поскольку будущее со временем материализуется бытийно насыщенным настоящим, и это перечеркивает будущее бытия как некоего небытия. Расположенное во временном прошлом бытие отнюдь не является небытием, но – строго зафиксированным инобытием (которое запечатлевает память)... Вся временная «горизонталь», раскрывающая бытие, ничего общего с небытием не имеет. Сложнее, как мы уже видели, обстоит дело с бытием в его вертикальном исполнении... Отталкиваясь от «горизонтالي», бытие изначально являет собою бытие как таковое, и сложившаяся социальная форма движения материи – вполне бытийно закреплена. Вместе с тем за пределами материального бытия складывается идеальная реальность. Воспроизводясь из материального бытия, она, хотя и несет на себе печать бытия, но по отношению к бытию материальному как его идеальный продукт не является общепринятым бытием... Сложившийся идеальный уровень выражает собою *небытие* как нечто противостоящее материальной обусловленности действенного бытия. Рассматриваемый по «вертикали» идеальный срез реальности образует небытийный зазор как способ пресечения пути бытию во внеположенное для него место. Но на этом бытийная вертикаль не завершается... Мы знаем, что феномену идеального соответствует широко распространенная зеркальность. Воспроизводясь отражением, она характеризует все уровни Вселенной. Зеркальность являет собою устойчивый срез отражения, охватывающий различные материальные структуры. Соответствуя этому заданный отражением инфомассив оборачивается обобщенным раскрытием всеохватной материи... Отлаженное идеальной реальностью обобщенное «поглощение» горизонтально-вертикальной бытийности составляет третий – высший – уровень ее сущности, позволяющий придать бытию приоритет в организации Вселенной. Утверждаясь небытийной основой, третий уровень вертикального расклада бытия являет собою – повторим этот важный для нашего изложения пассаж – синтез сути всего (включая небытийность) проверяемого им содержания. Это позволяет ему объявиться супербытием. Если идеальная реальность, противостоя материи, оборачивается действительным небытием, то супербытие как завершающий бытие компонент в обобщенно снятом виде выстраивает картину сущности бытия в его горизонтально-вертикальном ренеме. Благодаря этому бытие сорганизовывается в виде сложно воздвигнутого «строения», охватывающего – по «горизонтали» – те-

кучесть времени (выявляемую в соответствии с реляционной концепцией времени, согласно которой любому временному интервалу соответствует динамично выполняемая причинно-следственная связь), а по вертикали – его «вечностный настрой» («вечностный» – от слова «вечность» – служит показателем того, что метафизика как раздел философии, исследующая основания бытия, пока таковых не находит. Будем надеяться, что развивающееся естествознание поможет ей). Это соответствует позиции древнегреческого философа Парменида (ок. 540 или 515 – ок. 470 до н. э.), утверждавшего, что бытие *есть*, и оно, следовательно, *вечно*.

Вместо заключения. В раскрытии небытия значимая роль отведена научной философии... Возникшая в сознании основоположника учения о бытии древнегреческого философа Парменида установка на небытие как фикцию подкреплялась признанием несовершенства наших ощущений. Для них небытие – явная реальность, и выражается оно – небытие – в ускользающей от нас изменчивости. Последняя же – иллюзорна, и с точки зрения разума с очевидностью вскрывает свою несостоятельность. Разум же, согласно Пармениду, тождествен той вселенской устойчивости, которую мы рассматриваем как нечто истинное, т. е. как бытие (это связано с тем, что Парменид «разум» отождествляет с неизменным «бытием»). Проследивая небытие в предлагаемом контексте, приходим к выводу о том, что, не выразив внутреннюю связь между чувственной и рациональной ступенями познания, мы оказываемся в зависимости от неадекватного отражения окружающей реальной действительности. Отсюда философские рассуждения о небытии во многом являются игрой ума. Ведь Парменид показал, что радио не приемлет небытия как результата человеческих ощущений. Однако фикция небытия может иметь – и мы этим воспользовались – солидное методологическое предназначение, согласно которому «фактор небытия» содействует осознанию человеческим разумом *вечности* (которая, образно говоря, скрывается за горизонтом Вселенной). А это в свою очередь укрепляет статус бытия... Вечность, впрочем, также содержит неопределенность, связанную уже с проблемностью интеллекта. Последняя заключается в том, что все теоретические построения не позволяют научно воспроизвести содержание бесконечности, на которую уповает вечность. Так сегодняшние попытки раскрыть истоки Вселенной упираются в выявление того материального субстрата, который ей предшествовал. В свою очередь после элиминации нашей Вселенной наступит очередь существования какой-то новой вселенной. И так – до бесконечности.

Но этот становящийся дурным беспредел, отнюдь не стимулируя науку, свертывает ее возможности. Сегодня он пресекает возможность постижения и небытия, и вечности. Мы воспринимаем положение, согласно которому углубленное исследование внутреннего мира человека во всеипостасном его развороте позволит выразить отмечаемые – пока неуловимые – субстанции (попутно заметим, что они, т. е. небытие и вечность, могут быть раскрыты за счет материалистического переосмысления канторовской трактовки реального множества; впрочем, пока это кажется преждевременным). И то, что настоящий текст приоткрывает небытие, хотя бы в его натурфилософском звучании, вселяет уверенность в постижение «*неведомого*» – того, что до сих пор прячется от нашего взора. Когда-то Г. Гейне (1797–1856) сказал: человек – это капля, которая отражает Вселенную. Добавим от себя: раскрытие этой капли позволит нам постичь Мироздание. Надеемся на это.

In What Respect Can the Status of Non-existence be Accepted? To Posing the Question

M. N. Samokhodskaya
Independent researcher, Irkutsk
N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. An attempt has been made to reveal the status of non – existence in its vital “horizontal” refraction. It turns out that the time-saturated “horizontal” of being operates with a “pre-existence” associated with future time, actually “being” reflecting the present moment, and “otherness” characterizing the past. There is no place for non-existence here. The “vertical” of being also begins with being as such. Non-existence rises above being. The super event completes the “vertical”. The nothingness included in the “vertical” is problematic.

Keywords: A thing in itself, a thing for itself, being, otherness, pre-existence, non-existence, super-existence, Universe, NTR, ideal, material, eternity.

Самоходская Мария Николаевна – независимый исследователь, г. Иркутск, Россия, e-mail: samokhodskaya@gmail.com

Samokhodskaya Maria Nikolaevna – Independent Researcher, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: samokhodskaya@gmail.com

Коноплёв Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и теософии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Religious Studies and Theosophy, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Военно-учебные заведения в дореволюционной Сибири по материалам журнала «Военная быль»

Р. А. Саутин

Братский профессиональный техникум, г. Братск

Аннотация. Анализируются материалы военного эмигрантского журнала «Военная быль», посвященные функционированию военно-учебных заведений дореволюционной Сибири. Внимание акцентируется на истории создания образовательных учреждений, а также особенностях организации в их стенах образовательного процесса и внутреннего распорядка. Приводятся материалы, описывающие боевой путь выпускников военно-учебных заведений. Дается оценка качеству подготовки офицерского состава.

Ключевые слова: Сибирь, военная история, белоэмигрантская печать, военное образование.

На территории дореволюционной Сибири находилось три кадетских корпуса и одно военное училище, а именно 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус (Омский кадетский корпус), располагавшийся в Омске, Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус, размещенный в Хабаровске, Иркутский кадетский корпус и Иркутское военное училище (Иркутское юнкерское училище), дислоцировавшиеся в Иркутске. Все эти военно-учебные заведения имели огромное значение для Российской империи, являясь серьезной кузницей офицерских кадров в Сибири.

История военного образования в Сибири достаточно раскрывается на страницах «Военной были». К примеру, история 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса представлена в статье Г. С. Челпанова. Автор является выпускником Омского корпуса, на полях Первой мировой войны воевал в чине хорунжего в составе Забайкальской казачьей артиллерии. По случаю 150-летнего юбилея своего родного корпуса, Челпанов вспоминает о «Высочайшей грамоте» и «Высочайшем благоволении», пожалованных корпусу императором Николаем II. В данных документах отражаются основные этапы развития и жизнедеятельности 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. Также в них частично затронута характеристика воспитанников.

Челпанов использует документ «Высочайшее благоволение», в котором прописано, что 1-го мая 1813 г. в Омске, по мысли командира Отдельного Сибирского корпуса генерала Глазенапа, было учреждено Войсковое казачье училище. В дальнейшем последовал ряд

преобразований училища. Так, в 1826 г. оно было трансформировано в училище Сибирского линейного казачьего войска. В свою очередь, последнее было модифицировано в Сибирский кадетский корпус в 1845 г. С 1907 г. Сибирский корпус стал именоваться Омским. И вот, наконец, в день столетнего юбилея, по монаршему благоволению Николая II, корпус был преобразован в 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус. Что касается «Высочайшей грамоты», то по ней корпусу было жаловано новое знамя [4, с. 2].

Челпанов предельно кратко описывает продолжение истории Омского корпуса. В частности, он сообщает об эвакуации корпуса из Владивостока в Шанхай, отбытии из Шанхая в Югославию. Но эти этапы жизнедеятельности корпуса представлены лишь датами. В Югославии корпус был расформирован, а его кадеты были перераспределены по другим русским корпусам, находившимся на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев. Автор отмечает, что младшие классы попали в Донской корпус, а 7-й класс – в Русский корпус в Сараево. Челпанов приводит текст приказа полковника Попова-Азотова, положивший конец существованию 1-го Сибирского Александра I кадетского корпуса [4, с. 3].

Интересные сведения, касающиеся Омского кадетского корпуса, представлены в статье Мелик-Нубарова, преподавателя вышеназванного корпуса. Автор сообщает об эвакуации 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса из Омска в годы Гражданской войны. Эвакуация проводилась в спешке и налегке, так как было ограничено количество вагонов, в связи с этим почти все имущество корпуса было утеряно. Мелик-Нубаров вспоминает, как все кадеты, без исключения, были поражены красотами Байкала, мимо которого им довелось проезжать. По приезде во Владивосток кадеты были размещены в казармах на острове Русском. Новое место оказалось совершенно непригодным для обучения, но благодаря усилиям корпуса удалось достать все для необходимой обстановки и занятия продолжились. Особые проблемы были с обеспечением продовольствия и обмундирования [2, с. 14].

Как отмечает Мелик-Нубаров, несмотря на трудности существования, ни кадеты, ни персонал 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса не падали духом. Питомцы корпуса стали сами зарабатывать себе на жизнь. Они занялись огородничеством, столярным и сапожным делами, устроили музей и театр. Корпус во Владивостоке продолжал производить выпуски, и часть кадет поступила в Морское училище, а остальные – в Читинское военное учи-

лице. Автор сообщает, что во время майского переворота во Владивостоке кадеты приняли в нем деятельное участие.

Однако из Владивостока Омскому кадетскому корпусу было суждено эвакуироваться тоже, и Мелик-Нубаров описывает это следующим образом. Не все кадеты покинули Родину, часть маленьких кадет оставили на острове Русском под начальством полковника С. Ф. Загуба. Это было обусловлено тем, что у них во Владивостоке были родные, а в старших классах братьев у них не было. Покинувшие Россию кадеты исполняли на кораблях обязанности матросов, а также были размещены в трюмах и машинных отделениях и получали довольствие наравне с командой. Со слов автора, когда они проходили мимо острова Цусима, все вышли на палубу и отдали честь героям Японской войны, а также отслужили панихиду. По прибытии в Шанхай, как отмечает мемуарист, В. Ф. Гроссе – бывший генеральный консул императорской России, и в то время возглавлявший русскую эмигрантскую колонию в Шанхае – сказал, что ему нечем помочь кадетам, и посоветовал им вернуться обратно на Родину. Однако благодаря содействию благотворительного комитета и различным альтруистам 1-й Сибирский императора Александра I кадетский корпус смог обосноваться в Шанхае и даже сделал два выпуска там. Но и из Шанхая кадетам-сибирякам пришлось уехать в Югославию, где их корпус был расформирован [2, с. 16].

«Военная бль» проливает свет и на некоторые аспекты истории Иркутского военного училища. Особо ценные сведения мы находим в мемуарах П. В. Шапошникова, выпускника училища 1912 г., ротмистра Отдельного корпуса пограничной стражи. Автор довольно подробно освещает основные этапы жизни Иркутского военного училища, а также вспоминает о своей юнкерской жизни в стенах училища. Шапошников пишет, что в 1862 г. в Иркутске было основано Пехотное юнкерское училище. Такую информацию Шапошников нашел в библиотеке его времени. Там были книги, в которых имелись печати Гельсингфорсской школы подпрапорщиков, в связи с этим Шапошников посчитал, что школа была переведена из Гельсингфорса в Иркутск [5, с. 1].

П. В. Шапошников сообщает, что, хоть училище было пехотным, одно время при нем был кавалерийский отдел, состоявший из одного взвода, преимущественно пополняемого сибирскими казаками. Однако после проведения железной дороги надобность в кавалерийском отделе училища отпала, и он был упразднен. Автор пишет, что в 1909 г. Иркутскому пехотному юнкерскому училищу был присвоен

статус Иркутского военного училища. Здания военно-учебного заведения располагались на Троицкой улице и Юнкерском переулке. Шапошников отмечает, что желающих поступить в училище было очень много, поэтому вступительные экзамены отличались строгостью и сложностью. В частности, он приводит следующие цифры: на 120 мест приезжало 500 поступающих. Причем поступающие были не только из Сибири, но и со всех концов и окраин Российской империи. Поступать приезжали москвичи, кавказцы, поляки, прибалты и многие другие [5, с. 2].

Со слов Шапошникова, в училище изучались 22 предмета, в качестве обязательного языка был английский. Преподавательский состав не всегда соответствовал высшим стандартам. В качестве примера автор приводит преподавателя «Военной истории» полковника генерального штаба П., которого он укоряет за неспособность вызывать у юнкеров чувство патриотизма, веры в Царя, любви к Родине. На уроках истории не было никакого подъема, никакой живой искры! Еще более ужасным был преподаватель русской литературы – А. И. Ремизов. Шапошников утверждает, что последний не обладал ни малейшим талантом, и наша богатейшая и бессмертная литература пропадала в бесцветном и скучном изложении серенького человека. Автор считает, что только один начальник училища, полковник Степан Карлович Станковский, умел говорить хорошо, с чувством. Когда они слушали его, их молодые сердца пылали гордостью за геройство и подвиги их предков [5, с. 4].

Шапошников вспоминает, что дисциплина в Иркутском военном училище отличалась чрезмерной строгостью. К примеру, опоздавшего в строй обязательно ждало четыре наряда вне очереди на дневальство. За незначительные проступки часто наказывали отчислением. Со слов автора, их отчисляли за все: за то, что являлись в нетрезвом виде, за несколько самовольных отлучек, за пользование «шшаргалкой» при ответах на репетициях или экзаменах и за предосудительное поведение с точки зрения военной чести, в последнем случае без права поступления в другое военно-учебное заведение. В качестве примера автор приводит свой случай. Он был лишен портупей-юнкерского звания за то, что явился с запахом вина – на Масленице выпили пару бокалов.

Также в стенах училища действовал «цук». Шапошников однажды сидел в карцере 5 суток за то, что шел под руку с дамой, пересекая улицу. Старший юнкер, увидев это, расцуковал Шапошникова и доложил фельдфебелю. В итоге автора посадили в карцер, а старший

юнкер был отчитан в своем классе за проступок против товарищеской этики [5, с. 5].

Юнкера были заняты с 6 часов утра и до 12 часов ночи. С особым удовольствием Шапошников вспоминает занятия в лагере. В лагере проходили военные учения: отрабатывали действия в поле, стрельбу на полигоне, маневры. Последние, со слов автора, его лучшие воспоминания из училищной жизни. Шапошников с наслаждением вспоминает, как они шли по таежным дорогам, производя примерные сражения, обходы, атаки, делая по 30–40 верст в день, под палящими лучами сибирского солнца. Автор с грустью рассказывает о том, как в стенах Иркутского военного училища он стал офицером и с какой печалью покидал он его, покидал ставший родным Иркутск [6, с. 10].

«Военная быль» не обходит стороной и Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. В частности, Л. Сейфулин, бывший воспитанник вышеназванного учебного заведения, довольно подробно описывает историю создания своего корпуса. Стоит отметить, что автор участвовал в Первой мировой войне в звании подпоручика 6-го Сибирского стрелкового полка. Не прошла мимо Сейфулина и Гражданская война, в годы которой он служил командиром роты личной охраны атамана Семенова. Мемуарист отмечает, что корпус появился благодаря содействию генерал-адъютанта барона А. Н. Корфа. Со слов автора, именно Корф являлся инициатором и создателем Хабаровской приготовительной школы Омского кадетского корпуса, которая в дальнейшем была преобразована в кадетский корпус [3, с. 24].

В связи с развитием Приамурского края росло и число войск в нем, что, в свою очередь, увеличивало количество поступающих в Хабаровскую приготовительную школу. Сейфулин отмечает, что 15 % мальчиков, желавших поступить в нее, оставалось за бортом, так как не было мест. После ряда ходатайств со стороны руководства школы в вышестоящие инстанции 30 апреля 1903 г. Хабаровская школа была упразднена, а вместо нее был учрежден Хабаровский кадетский корпус. А 16 мая 1908 г. по случаю пятидесятилетия присоединения к России графом Муравьевым-Амурским Приамурского и Уссурийского краев корпус стал именоваться Хабаровским графа Муравьева-Амурского кадетским корпусом.

Сейфулин пишет, что за 25 лет своего существования Хабаровский корпус был осчастливлен визитами таких августейших персон, как наследник цесаревич Николай Александрович – будущий Николай II, великий князь Константин Константинович. Все они оставля-

ли корпусу подарки в виде своих портретов со своими подписями, портреты царской семьи, а также разного рода знамена. Автор также приводит данные, из которых следует, что ряд воспитанников корпуса, будучи кадетами, получили такие награды, как Георгиевские кресты, серебряную Артурскую медаль, серебряные медали за оборону Благовещенска, серебряную медаль за спасение утопающих и бронзовые медали за пребывание в зоне военных действий в Русско-японскую войну [3, с. 25].

В свою очередь, Е. Яконовский, выпускник Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса, участник Гражданской войны, боя под Канделем и обороны Оренбурга, сообщает сведения, касающиеся функционирования и организации его родного корпуса. Он утверждает, что Хабаровский корпус ничем не уступал своим аналогам Центральной и Европейской России. В нем даже был ряд особенностей, каждая рота, например, имела отдельную столовую. В корпусе находились своя церковь и даже фонтан [7, с. 19].

Яконовский вспоминает о том, какое влияние на них, кадет, оказала Первая мировая война. Читая сводки новостей с войны, они мечтали быть тяжелоранеными или пасть смертью храбрых на полях сражений и обязательно быть награжденными орденом Святого Георгия. Но, как пишет автор, они были маленькими кадетиками, а война должна была закончиться через несколько месяцев, и славы им не могло достаться. Однако время шло, война не кончалась, все чаще и чаще случались панихиды по павшим питомцам Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса [7, с. 21].

Об участии выпускников Хабаровского корпуса в Первой мировой войне нам также сообщает автор «Хабаровец», личность которого идентифицировать не удалось. В частности, речь идет о двух молодых офицерах, героически отдавших жизнь за Отечество в Великой войне. Автор довольно подробно описывает их жизнь, начиная с обучения в корпусе и заканчивая деталями их кончины. Одним из павших офицеров был подъесаул Уссурийского казачьего полка К. А. Черемисов. В годы учебы Константин по характеру был очень приятным товарищем, ни с кем никогда не дрался, не ругался. Таким он и остался, будучи офицером. Со слов автора, в 1915 г. под Молодечно какая-то сумасшедшая немецкая конная бригада прорвала фронт и начала разорять тыл. Было отправлено несколько разъездов из состава Уссурийской конной дивизии для выяснения положения врага, с целью дальнейшей его ликвидации [8, с. 23]. Во главе одного из разъездов был подъесаул Черемисов. Натолкнувшись на немец-

кую бригаду, у казаков оставалось два варианта: либо повернуться и спастись бегством, либо прорваться с боем. Костя Черемисов принял второе решение, в результате неожиданного маневра из разъезда погибло два человека, одним из которых был подьесаул Черемисов. Немцы похоронили двух храбрецов, поставив временные кресты с их фамилиями и объяснением их подвига [1, с. 84].

Вторым молодым офицером, описываемым автором, был войсковой старшина Л. А. Савицкий. Автор отмечает, что Леонид Савицкий был честолюбивым, неуживчивым и храбрым человеком. Из кожи лез, чтобы быть первым. В бою он был дерзким воином и в 28 лет имел уже все боевые ордена до Георгиевского оружия включительно. У Савицкого была мечта получить Георгиевский крест. Однако конным частям неохотно присуждались Георгиевские знаки отличия. В связи с этим Леонид решил воспользоваться следующей возможностью. В то время огромные потери среди офицерских кадров в пехоте ликвидировались за счет кавалерии, на это и пошел Савицкий. Но ему не повезло, так как в подчинение ему дали не хороший боевой батальон, а «петербургское беговое общество». В одном из сражений Савицкому все-таки удалось повести свой отряд в атаку, но он был тяжело ранен в коленную чашечку. Опасаясь за успех дела, Леонид приказал бывшим при нем нескольким уссурийским казакам нести его перед батальоном. Но во время артиллерийского обстрела Савицкий вместе с казаками был убит [8, с. 24].

Таким образом, авторы «Военной были» затрагивают многие аспекты функционирования сибирских военно-учебных заведений. В частности, представлена информация о боевой и практической деятельности выпускников данных военно-образовательных учреждений, присутствуют сведения о социокультурной жизни кадетов и юнкеров в стенах корпусов и училищ. Авторы также пытаются осветить плюсы и минусы сибирского военного образования. Анализ журнала показал, что, несмотря на некоторые проблемы, сибирские военно-учебные заведения успешно справлялись с задачей подготовки качественных офицерских кадров. Подтверждение этому мы находим в статьях, посвященных участию выпускников в масштабных военных конфликтах, таких как Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война, и в ряде других боевых действий за границей, где сибиряки зарекомендовали себя с лучшей стороны.

Список литературы

1. Кунжаров Е. М., Саутин Р. А. Сибиряки в военных конфликтах начала XX в. (по материалам журнала «Военная Бель») // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2 (20). С. 81–85.
2. Мелик-Нубаров М. Эвакуация 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса из Омска // Военная Бель. 1958. № 32. С. 13–16.
3. Сейфулин Л. В. Из истории Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Военная Бель. 1956. № 16. С. 24–25.
4. Челпанов Г. С. К 150-летию 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса // Военная Бель. 1963. № 61. С. 1–3.
5. Шапошников П. В. Иркутское Военное училище // Военная Бель. 1961. № 46. С. 1–6.
6. Шапошников П. В. Иркутское Военное училище. (Окончание) // Военная Бель. 1961. № 47. С. 6–10.
7. Яконовский Е. Война 1914 года // Военная Бель. 1953. № 4. С. 19–24.
8. «Хабаровец». Хабаровцы // Военная Бель. 1957. № 22. С. 22–24.

Military Educational Institutions in Pre-revolutionary Siberia According to the Magazine “Voyennaya byl”

R. A. Sautin

Bratsk Vocational College, Bratsk

Abstract. The materials of the military emigrant magazine “Voyennaya byl”, dedicated to the functioning of military educational institutions in pre-revolutionary Siberia, are analyzed. Attention is focused on the history of the creation of educational institutions, as well as the peculiarities of the organization of the educational process and internal regulations within their walls. Materials are provided that describe the combat path of graduates of military educational institutions. The quality of officer training is assessed.

Keywords: Siberia, Military history, White emigrant seal, Military education.

Саутин Роман Андреевич – советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями, Братский профессиональный техникум, г. Братск, Россия, e-mail: romansautin@mail.ru

Sautin Roman Andreevich – Advisor to the Director for Education and Interaction with Children’s Public Associations, Bratsk Vocational College, Bratsk, Russian Federation, e-mail: romansautin@mail.ru

Северный завоз в Иркутской области: изменение механизма финансирования в 1996–2016 гг.

Т. П. Урожаева

МАОУ «СОШ № 12», г. Усть-Илимск

Аннотация. Автором проанализировано в хронологическом порядке изменение механизма финансирования северного завоза в Иркутской области за период 1996–2016 гг. Рассматриваются основные условия и проблемы доставки грузов в районы Крайнего Севера на территории области. Делается вывод о необходимости усовершенствования действующих и создания новых механизмов финансирования северного завоза в соответствии с возможностями рассматриваемых регионов.

Ключевые слова: северный завоз, федеральный трансферт, секвестр бюджета, северные районы, речной транспорт, автозимники.

Северный завоз – комплекс ежегодных государственных мероприятий по обеспечению территорий Крайнего Севера Сибири, Дальнего Востока России основными жизненно важными товарами (прежде всего, продовольствием и нефтепродуктами в преддверии зимнего сезона).

Статус районов с ограниченными сроками завоза грузов имели четыре района Иркутской области полностью и 29 населенных пунктов в других районах. На территории региона к районам Севера относились 11 муниципальных образований на площади 475,3 тыс. км² и с численностью населения около 200 тыс. чел. [4, с. 3].

В середине мая 1996 г. началась навигация на р. Лене. Но за эти первые недели, когда на речном бассейне была возможность оперативно и без осложнений завезти необходимые грузы на малые реки Иркутской области и Республики Саха, везти оказалось нечего. Деньги из федерального бюджета осели в коммерческих банках и два месяца там прокручивались, часть из них по непонятной причине была передана коммунальным службам Киренского, Мамско-Чуйского либо Бодайбинского районов, которые к северному досрочному завозу никакого отношения не имели [14, с. 3].

«Отношение Москвы к северянам год от года становилось прохладнее, – поделился впечатлениями от совещания в Усть-Куте председатель комитета по северным территориям областной администрации Н. Паленный. – И это несмотря на то, что север по-прежнему отдавал государству сторицей от добываемых на своих территориях полезных ископаемых. Пока Москва профинансирова-

ла из федерального бюджета малую толику средств под досрочный завоз» [29, с. 3].

В 1998 г. проблема обеспечения нефтепродуктами северных районов области полностью легла «на плечи» области. Если прежде федеральный бюджет обещал профинансировать 50 % затрат «северного завоза», то теперь стало ясно, что Москва не выполняла своих обязательств [40, с. 2].

В 1999 г. «черной дырой», в которую продолжали утекать бюджетные деньги, по-прежнему оставался северный завоз. Задолженность, накопившаяся с 1994 г., в 1999 г. составила более 700 млн руб. (для сравнения: финансирование в 1998 г. составило всего 165 млн руб.) [42, с. 3].

Предложенные областными властями расчеты были согласованы в Министерстве региональной политики РФ. По словам Н. Паленого, в 1998 г. досрочный северный завоз был профинансирован лишь на четверть [41, с. 2].

На совещании в Усть-Куте представителям Москвы были поставлены условия: если Верхне-Ленскому пароходству, как и в 1998 г., на завершающем этапе навигации придется в ледовых условиях доставлять заказчикам 30 % нефтеналива, то федеральная казна была обязана взять на себя убытки пароходства [15, с. 2].

К сожалению, северный завоз в 1999 г. осложнился бензиновым кризисом и резким подорожанием горючего. Именно этим вопросам было посвящено прошедшее в областной администрации совещание под председательством и. о. главы областной администрации В. Межевича [2, с. 3].

В 2000 г. было предусмотрено 93 млн руб. для Иркутской области под северный завоз. В 2000 г., в отличие от 1999 г., средства из федерального бюджета в северные регионы начали поступать еще в начале весны. Первые 5 млн руб. пришли в марте, в апреле и мае – еще 78 млн руб. целевых субвенций на государственную финансовую поддержку завоза продукции (товаров), нефти и нефтепродуктов [28, с. 4].

Крайне неудовлетворительная ситуация складывалась в обеспечении северян товарами первой необходимости, а также с запасами топлива на зимний период. В подобном положении жители северных районов уже оказывались в 1996 г., когда из-за обвального падения экономики в стране объемы перевозок в бассейне р. Лены сократились в 6,5 раза [20, с. 4].

Специалисты департамента признали, что новая модель расчета, которую в этот раз применили при защите северного завоза в целом

по России, оказалась ущербна. Согласно этой модели, Иркутской области вместо необходимого для северного завоза минимума в 550 млн руб. в федеральном бюджете на 2001 г. выделялось лишь 8,5 млн руб. [8, с. 3].

В октябре 2001 г. был полностью завершен северный завоз. В этом году он обошелся в 456 млн руб. Из 200 тыс. т общего груза на места прибыли более 194 тыс. т. Полностью были закрыты Бодайбинский и Мамско-Чуйский районы. Последние тонны мазута были отправлены в Киренск [38, с. 2].

Федеральное финансирование северного завоза в Иркутской области ежегодно снижалось. Правительство считало, что у региона было достаточно собственных доходов, чтобы обеспечивать свои дотационные северные территории в нормальном объеме [30, с. 4].

Размер финансирования северного завоза зависел от того, в каком виде в третьем чтении приняли федеральный бюджет на 2003 г. Сумма 1018,36 млн руб. была внесена в протокол, который в Москве подписали губернатор Иркутской области и замминистра Минэкономразвития [18, с. 3]. В бюджете Российской Федерации 2003 г. на северный завоз для Иркутской области было предусмотрено 100 млн руб. В 2002 г. регион из федерального бюджета получил 12 млн руб. [19, с. 2].

Начиная с 2002 г. поставщики топлива отбираются в процессе открытого конкурса. Тендер проводила администрация области, а в 2003 г. право выбора отдано муниципальным властям [3, с. 2].

В декабре 2003 г. начальник департамента по делам Севера обладминистрации Н. Яковченко сообщил, что Иркутской области для закупки и доставки топлива в районы с ограниченным сроком его завоза в навигацию 2004 г. необходимо было 1,19 млрд руб. [10, с. 3].

При всех проблемах с финансированием, при всех трудностях, которые возникали во время навигации, с задачей северного завоза справлялись. Катангский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский и Киренский районы были с топливом и горюче-смазочными материалами [26, с. 3].

В 2004 г. из федерального бюджета на поставки топлива в рамках северного завоза было выделено 135,8 млн руб., из областного – 144 млн руб. Недостающий объем средств составлял 176 млн руб. Полная потребность в финансировании северного завоза в регионе в 2004 г. составляла 1,019 млрд руб. [22, с. 3] Северный завоз в Иркутской области осуществлялся в Бодайбо, Мамско-Чуйский, Хатанг-

ский и Киренский районы. Доставка топлива в Катангский район была практически завершена [12, с. 3].

Всего для оплаты северного завоза был необходим 641 млн руб., однако в областном бюджете было предусмотрено лишь 509 млн руб. Тем не менее недостающие средства были изысканы и северные территории получили топливо в полном объеме в нужные сроки. Всего в 2005 г. в рамках северного завоза было поставлено 197,7 тыс. т энергетических ресурсов. Это 158 тыс. т угля и 39,7 тыс. т нефти и нефтепродуктов. Общая стоимость составляла 702 млн руб. [23, с. 3].

Схема финансирования в 2005 г. в корне отличалась от финансирования прошлых лет. Если раньше область имела поддержку федерального бюджета, то с 2005 г. такой поддержки не стало. С 1 января вступил в силу Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [5, с. 3]. Таким образом, федеральный центр снял с себя всю ответственность за снабжение территорий Крайнего Севера. С этого момента все тяготы финансирования северного завоза легли на областной бюджет. Если сравнивать начало 1990-х гг. и середину 2000-х гг., то объемы поставок снизились в полтора раза [13, с. 4].

Главной проблемой северного завоза в 2007 г. являлась доставка грузов в Катангский район. В 2007 г. Нижняя Тунгуска вскрылась практически одновременно с Ленкой, и грузы не успели доставить к ее берегам. Предлагалось учесть эту проблему на будущее и начать завозить грузы на Нижнюю Тунгуску на год вперед, чтобы в начале очередной навигации успеть доставить их в Катангу [31, с. 4].

Велики были в районе транспортные расходы. 1 кг груза при доставке автотранспортом обходился в 18 руб., водным транспортом – в 35 руб. Пассажирский авиатариф составил 61 руб., чартерный – 65–70 руб. По словам главы райпо А. Верхотуровой, предельную торговую надбавку на товары первой необходимости в районе соблюдала только потребительская кооперация. «Благодаря бюджетным кредитам, мы с 2003 г. не поднимали цены на хлеб, – заметила А. Верхотурова. – Булка хлеба у нас стоила 14 руб. Теперь выпекаем из муки нового завоза, подняли цены по району до 18 руб.» [32, с. 2].

По данным на начало августа 2009 г., было заключено 145 муниципальных контрактов на доставку топлива, из областного бюджета расходы на северный завоз были профинансированы в размере 554 млн руб., что составило 65 % от запланированного объема [6, с. 3].

Если в 2005 г. было поставлено 197 тыс. т топлива, то в 2009 г. – уже 157,1 тыс. Потребление топлива уменьшалось, в частности, за счет модернизации теплоисточников и закрытия устаревших неэффективных котельных. При этом структура закупок и схема поставок оставались прежними [17, с. 3].

Шли навстречу потребителям иркутские угольщики: исполнительный директор компании «Востсибуголь» С. Винарский уверил, что КВСУ по договоренности с правительством региона поставляло уголь, невзирая на долги территорий. «Пока вопросов по северному завозу не было, – добавил он. – Еще до недавнего времени были долги за 2009 г. Надо отметить, что область действительно закрыла эти долги» [27, с. 3].

В 2010 г. на северный завоз в Приангарье не хватало 130,2 млн руб. Из областной казны с учетом межбюджетных трансфертов было профинансировано 952,5 млн руб. [44, с. 2].

В 2011 г., по сравнению с 2010 г., объем завоза топлива увеличился на 6 тыс. т. Это было связано с уменьшением остатков на конец минувшего отопительного сезона на 7,6 тыс. т по сравнению с такими же остатками на конец зимы 2009–2010 гг., пояснили в министерстве. Этот факт плюс увеличение стоимости топлива привели к росту затрат на 100 млн руб., или 10,7 % [37, с. 3].

В 2011 г. на субсидирование северного завоза в Катангском районе было предусмотрено 15 млн руб. Как сообщил на заседании сессии Заксобрания Иркутской области министр экономического развития, труда, науки и высшей школы С. Аникеев, это почти в два раза больше, чем в 2010 г. В 2010 г. на эти цели было предусмотрено 7,9 млн руб., в 2009 – 8,5 млн, в 2008 – 7,8 млн. Общая сумма субсидий на завоз товаров первой необходимости для труднодоступных районов в 2011 г. составила 25,5 млн руб., отметил министр [39, с. 2].

В областном бюджете по состоянию на начало марта 2012 г. были предусмотрены субсидии в целях софинансирования расходов на приобретение и доставку топлива и горюче-смазочных материалов, необходимых для работы муниципальных учреждений и органов местного самоуправления в сумме 102,838 млн руб. Бодайбо и Бодайбинскому району полагалось 34,261 млн, Мамско-Чуйскому – 24,626 млн, Киренскому – 26,625 млн, Катангскому – 17,325 млн руб.

Для сравнения, общая сумма, направленная на софинансирование северного завоза для отопительного сезона 2010–2011 гг., составила 974,7 млн руб. [35, с. 2].

Председатель бюджетного комитета Законодательного Собрания, один из инициаторов запроса С. Курилов отметил, что депутатский запрос мог быть снят с контроля как исполненный. Он сообщил, что в проекте постановления по итогам июньской сессии 2011 г. депутаты выразили свою коллективную просьбу по разработке отдельного закона о северном завозе в Иркутской области [11, с. 3].

К июлю 2012 г. в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности Иркутской области было отгружено 68,1 тыс. т угля и 7,5 тыс. т нефтепродуктов. Муниципальные контракты и договоры на поставку топливно-энергетических ресурсов были заключены в объеме 142,9 тыс. т на сумму более 1 млрд руб., сообщила пресс-служба областного правительства. Муниципальные контракты и договоры на поставку топливно-энергетических ресурсов были заключены в объеме 142,9 тыс. т на сумму 1005,1 млн руб. По факту было отгружено 68,1 тыс. т угля и 7,5 тыс. т нефтепродуктов [43, с. 4].

Всего в северные районы области планировалось доставить для отопительного сезона 2013–2014 гг. 145,5 тыс. т топлива, в том числе 120 тыс. т угля, 25,5 тыс. т нефтепродуктов [7, с. 3]. Северный завоз по навигации удалось выполнить с опережением графика 2012 г. на 19,7 %. На 25 июня 2013 г. администрации муниципальных образований и предприятия ЖКХ заключили контракты на поставку 135,98 тыс. т топлива на сумму 923 млн руб. Из них 118,7 тыс. т угля, 17,7 тыс. т нефтепродуктов [36, с. 3].

В октябре 2013 г. в районах Крайнего Севера заканчивался завоз топливно-энергетических ресурсов. В Усть-Кутском районе был отменен режим ЧС, который действовал в муниципалитете с 14 августа. Как сообщили в ГУ МЧС России по Иркутской области, на территории региона с ограниченным сроком завоза грузов было доставлено 95,15 % от запланированного объема угля и 90,55 % жидкого топлива. Остальное количество поступило в районы уже по зимней дороге и ледовым переправам [25, с. 3].

Поставка топливно-энергетических ресурсов в северные районы Иркутской области в 2014 г. прогнозировалась на уровне 2013 г.: 117–119 тыс. т угля и 21,8–22,2 тыс. т нефтепродуктов [9, с. 4].

Между тем, как утверждают некоторые источники, за первые пять месяцев 2014 г. Осетровский речной порт переработал 178,3 тыс. т грузов, что на 30 % больше аналогичного периода 2013 г. [16, с. 3].

В областном бюджете на финансирование завоза топлива в 2015 г. было предусмотрено 1174 млн руб. [21, с. 4] В июле 2015 г. в установленном порядке было профинансировано уже 700,8 млн руб. [24, с. 3].

В 2015 г. в районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории Иркутской области нужно было доставить 128 тыс. т топливно-энергетических ресурсов, в том числе 110 тыс. т угля и 18 тыс. т нефтепродуктов [1, с. 3]. До 1 августа планировалось отгрузить 80 % топлива для северных районов [33, с. 4].

Для организации работы жилищно-коммунального комплекса в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов на территории Иркутской области в 2016 г., по предварительным прогнозным показателям, должно быть завезено около 110 тыс. т угля и 15 тыс. т нефтепродуктов [34, с. 3].

В заключение следует отметить, что в 2000–2010-е гг. структура северного завоза постепенно перестала отвечать потребностям расширенного воспроизводства, целям интенсификации экономики и социальной сферы районов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей на территории Иркутской области. Ограниченные возможности адаптации северных районов области к рыночным условиям хозяйствования вызвали необходимость совершенствования существующих и формирования новых механизмов финансирования северного завоза.

Список литературы

1. Барахоева К. Северный завоз следом за ледоходом // Сиб. энергетик. 2015. 13 мая. С. 2.
2. Бензиновый кризис угрожает северному завозу // СМ-номер один. 1999. 14 авг. С. 3.
3. Бюджетная предоплата на северный завоз // Вост.-Сиб. правда. 2002. 2 дек. С. 3.
4. В Иркутской области в рамках северного завоза на отопительный сезон 2006–2007 годов, планируется доставить 158 тыс. тонн угля и 47 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов // Губерния. 2006. 7 марта. С. 3.
5. В Иркутской области поставки топлива в рамках северного завоза идут на уровне прошлого года // Областная газета. 2004. 30 июня. С. 3.
6. В приемлемом темпе: расходы на северный завоз профинансированы на 65% // Областная газета. 2009. 6 авг. С. 3.
7. Гурин М. Ербогачёв не уложился в «северный завоз» // Сибирский энергетик. 2013. 17 мая. С. 3.
8. Деньги на северный завоз будут // СМ-номер. 2001. 17 янв. С. 3.
9. Завезут в сжатые сроки // Сибирский энергетик. 2014. 16 мая. С. 4.
10. Закупка и доставка топлива в северные районы // Губерния. 2003. 4 дек. С. 3.
11. Заусаева Л. Запрос ЗС о поставке продовольствия в Катангский район снят с контроля как исполненный // Парламентские вести. 2012. 25 июня. С. 3.

12. Из бюджета Иркутской области будет выделено около 50 млн рублей на закупку угля и нефтепродуктов в территории с ограниченным сроком завоза // Восточно-Сибирская правда. 2004. 12 авг. С. 3.
13. Кинцак В. Грузы идут на Север // Сибирская правда. 2005. 14 сент. С. 4.
14. Козырев С. Куда плывет северный флот? // Сибирская правда. 1998. 11 июля.
15. Козырев С. Север ждет, а флот стоит // Сибирская правда. 1999. 4 авг. С. 2.
16. Ли Ю. Речной путь // Сибирский энергетик. 2014. 11 июля. С. 3.
17. Махнева А. Миллионы Севера // Сибирский энергетик. 2010. 9 апр. С. 3.
18. Миллиард на северный завоз // СМ-номер один. 2002. 23 окт. С. 3.
19. На повестке – северный завоз-2003 // Губерния. 2002. 4 дек. С. 2.
20. Несмотря на подводные камни // Губерния. 2000. 5 дек. С. 4.
21. Никулышеева М. Зима близко – север далеко // Сибирский энергетик. 2016. 2 сент. С. 4.
22. О «северном завозе» и других северных делах // Сибирская правда. 2004. 29 сент. С. 3.
23. Петрова Е. Север топливом обеспечен // Областная газета. 2005. 20 авг. С. 3.
24. Постнова Е. Две недели на северный завоз // Сибирский энергетик. 2015. 17 июля.
25. Постнова Е. Север в обычном режиме // Сибирский энергетик. 2013. 18 окт. С. 3.
26. Проблемы Севера надо решать системно // Губерния. 2004. 8 июня. С. 3.
27. «Река мелеет, надо успевать» // Сибирский энергетик. 2010. 20 авг. С. 3.
28. Родионова Л. Не сорвать северный завоз // СМ-номер один. 2000. 23 мая.
29. Север на голодном пайке // СМ-номер один. 1998. 25 июля. С. 3.
30. Север северу рознь // Губерния. 2001. 4 дек. С. 4.
31. Северный завоз // Областная газета. 2007. 19 июля. С. 4.
32. Северный недозавоз // Губерния. 2008. 28 сент. С. 2.
33. Серебрянникова М. Готовь уголь летом // Губерния. 2015. 21 июля.
34. Серебрянникова М. Северным курсом // Конкурент. 2016. 26 апр.
35. «Ситуация стабильная»: власти обещают выполнить все обязательства по «северному завозу» // Сибирский энергетик. 2012. 16 марта. С. 2.
36. Ткачук Ф. «Северный завоз» уперся в «Силу Сибири» // Сибирский энергетик. 2013. 28 июня. С. 3.
37. Топливо для северной зимы // Сибирский энергетик. 2011. 15 июля. С. 3.
38. Трифонова Е. К зиме готовы // СМ-номер один. 2001. 6 окт. С. 2.
39. Увеличили финансирование северного завоза // Сибирский энергетик. 2011. 23 дек. С. 2.
40. Федерация умыла руки // Губерния. 1998. 3 сент. С. 2.
41. Центр профинансирует половину северного завоза // СМ-номер один. 1999. 6 февр. С. 2.
42. «Черные дыры» северного завоза // Губерния. 1999. 2 февр. С. 3.
43. Шмелева М. Летние заботы «коммуналки» // Сибирский энергетик. 2012. 13 июля.
44. Шмелева М. Северный завоз с дефицитом // Сибирский энергетик. 2010. 27 авг.

**Northern Delivery in the Irkutsk Region:
Changes in the Financing Mechanism in 1996–2016**

T. P. Urozhaeva

Secondary School N 12, Ust-Ilimsk

Abstract. In the article, the author analyzes the change in the financing mechanism of northern import in the Irkutsk region in 1996–2016. Four districts of the Irkutsk Region in full and 29 settlements in other districts had the status of areas with limited terms of cargo delivery. On the territory of the region, the districts of the North included 11 municipalities on an area of 475.3 thousand km² and with a total population of about 200 thousand people. The structure of the resources of the northern import did not meet the needs of expanded reproduction, the goals of intensification of the economy and social sphere of the North of the region and the areas equated to it. The need to improve the existing and the formation of new mechanisms of northern importation was due to the limited possibilities of adaptation of the northern regions of the region to market conditions of management.

Keywords: northern delivery, federal transfer, budget sequestration, northern regions, river transport, winter trucks.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, МАОУ «СОШ № 12», г. Усть-Илимск, Россия, e-mail: olgoy@ya.ru

Urozhaeva Tatiana Petrovna – Candidate of Sciences (History), Teacher of History and Social Studies, Secondary School N 12, Ust-Ilimsk, Russian Federation, e-mail: olgoy@ya.ru

Раздел II

РЕГИОН В СТРАНЕ И МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 329.78(47)

Перспективы участия молодежных отделений партий в реализации национального проекта «Молодежь России»

Н. С. Ганжа, Ю. И. Савинов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются нормативные правовые акты, регулирующие деятельность молодежных партийных организаций, анализируется их включенность в реализацию национального проекта «Молодежь России». Прогнозируются дальнейшие перспективы реализации национального проекта «Молодежь России» посредством организации сотрудничества молодежных отделений партий и власти.

Ключевые слова: «Молодая гвардия Единой России», Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации, «Молодежь Справедливой России», молодежная организация ЛДПР, национальные проекты, сотрудничество.

Анализ деятельности любой формы организации граждан должен начинаться с рассмотрения нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность. Для партий это Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. В нем указаны основы функционирования партий, источники финансирования их деятельности, возможности для создания и роспуска партий и т. д. Однако в этом законе не говорится ни слова о возможности учредить и контролировать молодежные партийные отделения [9].

То есть все молодежные отделения партий являются отдельными субъектами права, отдельными юридическими лицами. Следовательно, их деятельность регулируется уже другим федеральным законом: Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Согласно ему общественные объединения могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм:

- 1) общественная организация;
- 2) общественное движение;
- 3) общественный фонд;
- 4) общественное учреждение;
- 5) орган общественной самодеятельности;
- 6) политическая партия.

Молодежными отделениями партий используется лишь первая форма объединения. «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР), Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации (ЛКСМ РФ) и «Молодежь Справедливой России» (МСР) зарегистрированы как общероссийские общественные организации.

Общественная организация, согласно Федеральному закону «Об общественных объединениях», это общественное объединение, которое основано на членстве в организации. Оно создается для «защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан». Членами организации могут быть как физические, так и юридические лица, это определяется уставом объединения [8].

Отдельно стоит отметить, что молодежная организация ЛДПР не имеет юридической регистрации как общественное объединение ни на территории Иркутской области, ни на общероссийском уровне. Можно сделать вывод, что молодежные организации партий выбирают форму регистрации с четким членством для того, чтобы выстроить иерархизированную и эффективную структуру управления и сотрудничества со «своими» партийными организациями. В ЛДПР не существует отдельного юридического лица, что, с одной стороны, привлекает к организации больше сторонников, но с другой – не дает возможности применения мер воздействия к ним в случае невыполнения решений руководящих органов. Возможно, это было сделано, чтобы стимулировать вступление непосредственно в ряды Либерально-Демократической партии России.

Одной из уставных целей МГЕР является «патриотическое воспитание молодежи и поддержка программ, направленных на вовлечение молодежи к построению демократичного и справедливого общества», ЛКСМ РФ – «содействие воспитанию молодежи на основе принципов патриотизма и коммунистического мировоззрения; содействие защите прав и законных интересов российской молодежи», цели деятельности МСР во многом совпадают с целями МГЕР. Таким образом, мы можем видеть, что, согласно уставным целям, молодежные отделения партий вполне могут включаться в реализацию национального проекта «Молодежь России» [13–15].

На данный момент существует возможность внести свои предложения, которые могут быть включены в национальный проект. Принять участие может любой желающий, поэтому представляется логичным, что молодежные отделения партий активно включатся в эту работу. Однако вовлеченность мы можем наблюдать только у МГЕР, федеральные органы которой объявили о старте отбора предложений в регионах. Так, например, в Иркутской области уже прошли две очные встречи под патронажем лидера организации в регионе, депутата Законодательного Собрания Иркутской области Даниила Литвинова. Во встречах принимают участие представители министерства по молодежной политике Иркутской области, активисты и руководители молодежных общественных организаций и студенческих профсоюзов [1; 3].

Помимо этого, главный телеграм-канал, агрегирующий новости молодежной политики, «НОП – Молодежь и система» выпустил пост: *«Активисты МГЕР предложили включить в нацпроект “Молодежь России” ряд проектов: “Наставник Z”, подразумевающий работу участников и ветеранов СВО с молодежью в учебных заведениях, обучение и продвижение в политике участников и волонтеров СВО, а также курс по подготовке и обучению управлению БПЛА в образовательных учреждениях. Росмолодежь поддержала предложения МГЕР»*. Данные проекты так или иначе уже имеют отношение к МГЕР, следовательно, к их реализации организацию вполне могут привлечь [6].

Молодежная организация ЛДПР (центральное отделение) выпустила два поста в социальных сетях с призывом направлять свои предложения по включению в проект. Остальные молодежные организации возможность проигнорировали [4].

Видится необходимой дальнейшая реализация национального проекта «Молодежь России» посредством организации сотрудничества молодежных отделений партий и власти [12].

Сотрудничество в публичных проектах представляет собой особый тип взаимодействия между государственными и частными субъектами проекта. В случае с классическим контрактом, представляющим партнерский тип взаимодействия, выделяется главный актер (его роль выполняет государственный субъект), который устанавливает цели и объекты соглашения, определяя форму взаимодействия и основные ключевые управленческие решения [10]. Сотрудничество, в свою очередь, подразумевает взаимодействие на единой платформе, с разделением общих рисков и результатов, поскольку субъекты выступают как равные в процессе публичного управления.

Сотрудничество во многом выражается через совместную деятельность, которая проявляется в многообразии форм [2]. Одной из форм является предоставление доступной информации посредством онлайн-порталов, веб-сайтов органов исполнительной власти и СМИ. Например, официальный сайт администрации Санкт-Петербурга, на котором можно не только найти необходимую информацию, но и оставить обращение по имеющемуся вопросу и гарантированно получить ответ. Аналогичные ресурсы существуют в других регионах РФ, например, на официальном портале администрации Иркутска анонсируются основные проекты, в которых могут принять участие граждане и способствовать достижению общих, социально значимых целей [11].

Другой формой совместной деятельности служит проведение консультаций (через онлайн-порталы, официальные веб-сайты органов власти, СМИ), а также слушаний, конференций и круглых столов.

Немаловажным является активное участие, которое проявляется в повышении интенсивности участия между гражданами и государственной и муниципальной властью через организацию межсекторальных рабочих групп, встреч экспертов.

Сотрудничество в публичном проекте имеет различные синонимичные понятия, раскрывающие суть данной формы взаимодействия. «Управление через сотрудничество», «Сотворчество» и «Совместное производство» – указанные концепции публичного управления отождествляются с понятием сотрудничества. При этом характерным признаком сотрудничества отмечается совместная ответственность и взаимопомощь.

Поэтому перспектива участия молодежных организаций во многом заключается в активном участии по реализации национального проекта, распространении информации о нем среди молодежи, организации межсекторальных рабочих групп, встреч экспертов, направленных на вовлечение молодежи для достижения поставленных целей.

На данный момент уже существуют кейсы по реализации национальных проектов путем организации сотрудничества с молодежными организациями. Примером эффективного осуществления публичной политики служит кейс создания экологического волонтерского центра в Санкт-Петербурге.

Главной задачей проекта является развитие экологического волонтерского движения в Санкт-Петербурге посредством объединения общественных экологических некоммерческих организаций Санкт-Петербурга для обмена опытом планирования и поддержки

эколого-просветительских акций, привлечения граждан к участию в них. С целью решения поставленной задачи был создан Экологический волонтерский центр (ЭВЦ), который выступает в качестве площадки коммуникаций экологических организаций и городских органов власти [7].

ЭВЦ поддерживает деятельность таких организаций, содействует устранению бюрократических (административных) барьеров для реализации организациями своих проектов. Одновременно ЭВЦ является неформальным объединением экологических организаций.

Синергетический эффект взаимодействия некоммерческих организаций и государства: было проведено более 70 мероприятий, 60 различных экологических акций, в которых участвовали более 3600 участников и заключено 25 соглашений с общественными объединениями. При реализации данного проекта активное участие показала молодежь, в том числе приняв участие в реализации такого мероприятия, как международная молодежная экологическая акция «Чистый берег», в рамках которой осуществляется мониторинг морского мусора по методике ХЕЛКОМ.

Благодаря данному мероприятию были достигнуты следующие результаты:

- снижение количества морского мусора;
- повышение уровня экологической культуры;
- вклад в выполнение международного Плана действий ХЕЛКОМ по морскому мусору, основной целью которого является значительное снижение морского мусора в Балтийском море к 2025 г.

Данный кейс служит примером того, как государство выступает координатором и реализует поставленные цели, используя подход, в основе которого лежит сотрудничество [7].

Отметим, что национальный проект «Молодежь России» направлен на самую молодежь, поэтому при выстраивании сотрудничества между молодежными отделениями политических партий и органами власти возникает интересный феномен, заключающийся в том, что участие молодежных движений по своей сути уже является реализацией проекта. А активное их участие, способствующее вовлечению молодежи, может дать возможность достигнуть поставленных целей в указанный срок, в рамках бюджета и с сохранением качества. Именно эти три критерия являются основными при проектном подходе, реализуемом в национальных проектах [5].

Основные перспективы развития сотрудничества между молодежными отделениями и органами власти в рамках национального

проекта «Молодежь России» также заключаются в применение четырех инструментов организации сотрудничества при реализации публичных проектов: 1) создании координирующих и регламентирующих институтов, выступающих центрами компетенций, распределения ресурсов; 2) формирование преодолимого барьера вступления в проект; 3) создание пулов для совместного использования; 4) развитие единой платформы для поддержания коммуникации. Совместное применение указанных инструментов способно дать синергетический эффект, который позволяет повысить уровень доверия к власти, вовлеченности в реализацию проекта, углубив связи между участниками.

Перспективным видится формирование координирующего и регулирующего института в публичных проектах «Молодежь России» совместно с молодежными отделениями партий в качестве исполнителя.

Список литературы

1. Литвинов Даниил // Телеграм-канал: соц. сеть. URL: <https://t.me/litvinovirk/2673> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Малое и среднее предпринимательство // Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/msp> (дата обращения: 20.04.2024).
3. МГЕР. Молодая гвардия: сайт / Всероссийская общественная организация «Молодая гвардия Единой России». Москва. URL: <https://mger.ru/> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Молодежь ЛДПР // ВКонтакте: соц. сеть. URL: https://vk.com/molodejldpr?w=wall-1994578_28330 (дата обращения: 20.04.2024).
5. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы // Expert. Макроэкономика. 28.07.2020. URL: https://www.raexpert.ru/researches/national_project_2020 (дата обращения: 20.04.2024).
6. НОП – молодежь и система // Телеграм-канал: соц. сеть. URL: <https://t.me/youthpolicy/12097> (дата обращения: 20.04.2024).
7. Обеспечение реализации национальных проектов на региональном уровне. Материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/eoqAP6En2AenIjBWVRsAny4HaBL7nqDT.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
8. Об общественных объединениях: федер. закон от 14. апр. 1995 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/?ysclid=lumdhqkecf84564323 (дата обращения: 20.04.2024).
9. О политических партиях: федер. закон 29 июня 2001 г. № 95-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/?ysclid=lbk8a7ys68117106034 (дата обращения: 20.04.2024).
10. Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288.

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 20.04.2024).

11. Об организации проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга : постановление Правительства Санкт-Петербурга от 2 сентября 2019 г. № 591 (с изм. на 28 марта 2022 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561141246> (дата обращения: 20.04.2024).

12. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.04.2024).

13. Устав Общероссийской общественной молодежной организации в поддержку молодежных инициатив «Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации» (ЛКСМ РФ) : [принят учредительным Съездом СКМ РФ 20 февр. 1999 г., изм. и доп. приняты VI Съездом ЛКСМ РФ 10 февр. 2018 г.]. URL: <https://komsomolrf.ru/ustav> (дата обращения: 20.04.2024).

14. Устав Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» : [утв. учредительным Съездом 9 сент. 2000 г., изм. внесены Съездами 23 дек. 2003 г., 15 нояб. 2005 г., 22 дек. 2010 г., 17 авг. 2012 г., 17 нояб. 2016 г., 13 февр. 2019 г.]. URL: <https://mger.ru/gvardiya/?ysclid=ld9n55wxbb603565975> (дата обращения: 20.04.2024).

15. Устав Общероссийской общественной организации политического просвещения и инициатив «Молодежь Справедливой России» : [принят учредительным Съездом (протокол № 1 от 12 дек. 2020 г)].

Prospects for the Participation of Youth Branches of the Parties in the Implementation of the National Project "Youth of Russia"

N. S. Ganzha, Yu. I. Savinov
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the normative legal acts regulating the activities of youth party organizations, analyzes their involvement in the implementation of the national project "Youth of Russia". Further prospects for the implementation of the national project "Youth of Russia" are predicted through the organization of cooperation between the youth branches of the parties and the government.

Keywords: Young Guard of United Russia, Leninist Communist Youth Union of the Russian Federation, Youth of Just Russia, youth organization of the Liberal Democratic Party, national projects, cooperation.

Ганжа Никита Сергеевич – аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nikktooss@yandex.ru

Ganzha Nikita Sergeevich – Postgraduate Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikktooss@yandex.ru

Савинов Юрий Игоревич – аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Savinov.y8@gmail.com

Savinov Yuri Igorevich – Postgraduate Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Savinov.y8@gmail.com

Основные направления политологических исследований на кафедре политологии, истории и регионоведения Иркутского университета в 2022–2024 гг.

Д. Е. Гончарук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены основные направления исследований иркутской политологической школы в Иркутском государственном университете. Дан краткий историографический обзор научно-исследовательской деятельности сотрудников кафедры. Значимость изучаемой проблематики определяется обращением российской политологии «в себя» на фоне глобального противостояния России и Запада. Отмечена высокая роль новых направлений исследований, а также традиционной для кафедры работы в области изучения особенностей функционирования политико-идеологического дискурса. Особое внимание уделяется сфере взаимодействия молодежи и политики.

Ключевые слова: университетская наука, политология, глобальное противостояние, Иркутская область, Восточно-Сибирский центр политологических исследований.

Три года назад была выпущена статья, в которой кратко, но емко представлялись результаты научно-исследовательской деятельности сотрудников кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета (далее – кафедры). Более подробно раскрывалась тема истории становления и ключевые этапы развития кафедры: организация профильного политологического образования, открытие регионального отделения РАПН, издание научного журнала соответствующего профиля, проведение ежегодных всероссийских конференций и других значимых для жизни региона проектов [20].

Систематическая и плодотворная работа ведется по всем этим направлениям, однако с тех пор произошли значительные изменения в профессорско-преподавательском составе кафедры – появились новые лаборатории и сотрудники, расширился круг исследовательских интересов, изменился общественно-политический контекст. Открытая конфронтация с Западом продолжает менять методологические основания, на которых стоит российская политическая наука.

Политическое время отличается от исторического, с одной стороны, способностью растягивать, казалось бы, уже решенные вопросы на несколько десятилетий, а с другой – грубо и резко производить слом основных аспектов жизни стабильного общественного строя. Следующие за сломом этапы предстают в виде трудно прогнозируе-

мой вереницы событий, где хаотичность и непоследовательность становятся базовыми принципами мировосприятия. Здесь нам кажется важным, что перед учеными стоят две противоречащие друг другу задачи. Во-первых, необходимость идти в ногу со временем и отвечать его духу, а во-вторых, не терять при этом исследовательской идентичности.

Научные интересы профессорско-преподавательского состава кафедры представлены самыми разнообразными темами.

Одним из основных направлений научных исследований Ю. А. Зуляра является рассмотрение, анализ и выявление общих закономерностей и тенденций развития политических идеологий, а в частности – либеральной на различных исторических этапах. Так, постулируя пришествие новой реальности, он рассуждает о первых ростках государственной идеологии в России [10]. Переосмысление российской системы ценностей с опорой на собственные силы, роль, место и использование патриотизма в воспитательных целях – вот основные темы, которые находятся в фокусе зав. кафедры, д-ра ист. наук Ю. А. Зуляра [13; 16; 18].

Когда война становится глобальной и «ведется на всех возможных театрах действий: политическом и идеологическом, экономическом и технологическом, пропагандистском и ментальном, в массмедиа и сетевом пространстве» [15], самыми неустойчивыми к атакам становятся молодые люди. Обращение российской политологии «в себя» делает как никогда актуальными исследования региональной политической культуры. Например, в нескольких статьях рассматриваются методологические подходы и особенности изучения ценностей сибирской молодежи и сибиряков [7; 14].

Большой интерес вызывает тезис о том, что изучение и продвижение традиционной политической культуры являются основами становления стройного и общедоступного российского гражданского пространства, в том числе и благодаря включению в него молодежи.

Традицию изучения проблем политического поведения и ценностей молодежи, актуальных вызовов системе образования, основных тенденций развития государственной молодежной политики в ее российской и сравнительной перспективах продолжает доц., канд. полит. наук Р. Ю. Зуляр.

Отметим, что сфера взаимоотношений молодежи и политики в электоральном (поведение) и образовательном дискурсах сегодня является наиболее актуальной и одновременно напряженной.

Так, в работе «Протестный политический активизм на площадке Telegram (на примере г. Иркутска в 2022 г.)» делается акцент на возросшей активности протестных структур, представленных на платформе. Особое внимание уделено роли молодежи в политическом активизме (граждане в возрасте от 14 до 35 лет) по причине того, что они представляют собой большинство активных пользователей интернета, соцсетей и они же составляют костяк неконвенциональных форм участия. Автор проводит сравнительную оценку групп и чатов по подписчикам, охватам, приросту, ERR и ИЦ, а также восстанавливает и анализирует комплекс событий начала 2022 г. По итогу количественного и качественного анализа контента делаются выводы о низком уровне политической грамотности или образованности, который вызван исключительно «эмоциональным представлением о политике» и уверенности в собственной «субъективной правоте» [5].

В другой работе исследователь рассматривает определяющую роль китайского государства в формировании национальной культуры, идеологических доминант и институциональной среды для социализации молодежи. Одним из драйверов экономического «китайского чуда» являлось вовлечение молодежи в производство, что дало значительный импульс для экономического роста Китая [4].

Далее, анализируя феномен искусственного интеллекта в образовании, Р. Ю. Зуляр приходит к выводу о том, что «количество достоинств и недостатков от активного включения ИИ в образовательный процесс практически равное», но это «требует осмысления и новых усилий от административного и преподавательского коллектива» [3].

Исследованиями в области международных отношений занимается доц., канд. ист. наук И. В. Олейников. В сферу его научных интересов входят проблемы реализации механизмов общественной дипломатии, история международных отношений Байкальского региона, а также актуальные экономические, политические, гуманитарные и общественные связи Иркутской области (далее – ИО) со странами Европейского союза и Азиатского-Тихоокеанского региона.

В статье «Сибирское балансирование»: фактор Китая в международном сотрудничестве Иркутской области в конце второго десятилетия XXI века» автор предпринял попытку определить сферы и особенности воздействия фактора Китая: туризм, проблемы привлечения инвестиций, наслоения исторической памяти. На региональное измерение отношений оказывают сильное влияние правительственные стратегии и интересы крупных бизнес-игроков, любые серьезные жизнеспособные инициативы должны проходить долгую и

сложную цепочку согласований, в которых решающее слово остается за федеральным центром и корпорациями [22].

Интересным является исследование, посвященное анализу экономической политики Китая в де-факто республиках пост-СССР с применением научной оптики неолиберализма. «Фактически все взаимоотношения Китая с де-факто республиками как на Южном Кавказе, так и на левом берегу Днестра сводятся к гуманитарному, культурному и торгово-экономическому сотрудничеству, инвестиционному мониторингу, и исключительно в рамках частных китайских инвестиций». Таким образом, попытки продвижения влияния в де-факто государствах постсоветского пространства для КНР представляют собой возможность опосредованного воздействия на политику постсоветских государств, это сигналы, подаваемые мощным актором в отношении более слабых элементов международной системы [27]. Развернутый научный инструментарий применен при анализе отношений ИО и Японии [23].

Достаточно подробно рассматривается процесс эволюции европейского направления сотрудничества ИО: выделяются этапы, институциональные формы взаимодействия, раскрывается содержание сотрудничества в культурной и научно-образовательной сферах [25; 28].

В фокусе исследователя сегодня находятся проблемы взаимоотношений Байкальского региона и Республики Корея (далее – РК). Так, с точки зрения политики энергобезопасности анализируется опыт сотрудничества российских и южнокорейских компаний в Восточной Сибири [26; 29], автор подключает историографическое измерение на материалах южнокорейских специалистов [21].

Произведена оценка внешнеэкономических составляющих контактов ИО и РК. Экономические связи испытывают структурное воздействие международной системы, и в условиях отсутствия долгосрочных инвестиционных проектов на первый план выходит «экономическая модель поставок сырья и продукции первого передела» в РК. В то же время региональный рынок насыщен продукцией широкого потребления из РК, что связано с растущей популярностью в рамках использования «мягкой силы» [29].

Методологическими вопросами имплементации количественных методов в политологические исследования занимается доц., канд. ист. наук М. Л. Рыбалко. В отличие от дескриптивного (описательного) подхода, для количественных исследований характерно использование в анализе наименьшего количества факторов влияния на зависимую переменную (фокус исследования) исходя из правила

парсимонии. Это делает возможным объективный анализ и использование метода моделирования, основанного на определении ключевого фактора и процента вероятности осуществления какого-либо события. Экспертом представлен четкий концептуальный дизайн количественного исследования [30].

Англоязычная коллективная статья сотрудников кафедры поднимает некоторые проблемные вопросы организации и осуществления региональной политики в Российской Федерации. Она рассматривается в контексте центробежных и центростремительных тенденций модели федерализма как эффективный инструмент нормализации, противодействия экстремизму и сепаратизму. По итогу произошло усиление авторитарных элементов региональной политики, а также сохранение архаичной асимметричной структуры федерации [42].

За более чем два анализируемых года увеличилось количество исследовательских направлений. Активное участие в научной деятельности стали принимать молодые сотрудники, которые развивают проблематику, зачастую отличную от предмета изучения других специалистов.

Общими и частными вопросами практического применения геополитических концепций, проблемами внешней торговли и экономической хозяйственной активности Монголии, Китая в их связи с Россией, особенностями функционирования региональных электоральных процессов занимается доц., канд. геогр. наук А. Н. Фартышев [36].

В работе «Локальные этнические сообщества и политика: восприятие власти у сойотов» исследователи представили уникальность восприятия политической власти сойотами в рамках более широкой сферы влияния фактора географической удаленности на формирование партикулярной политической культуры. Результатом стали следующие особенности функционирования политической сферы у сойотов: высокое влияние общественных и, в частности, религиозных институтов; конформистское поведение и присутствие различных форм клиентелизма; «короткая дистанция» между властью и населением [40].

В большей части своих работ автор оценивает уровень и прослеживает динамику экономического развития регионов с применением сравнительных методов и использованием статистических данных. Так, например, на основе статистических данных А. Н. Фартышев анализирует структуру экспорта и импорта Синьцзян-Уйгурского автономного округа через призму реализации принятой Китаем концепции по развитию западных регионов [1; 38].

Проблемами информационной безопасности и киберугроз, функционирования метавселенных и влияния искусственного интеллекта на политические процессы занимается ст. преп. канд. ист. наук С. А. Себекин.

Так, он выделяет несколько «перспективных направлений внедрения алгоритмов в политику: анализ огромных массивов данных о политических процессах, поддержка принятия внутри- и внешнеполитических решений, разработка эффективных программ действия, прогнозирование политических процессов» [31]. Главным риском здесь становится делегитимация власти как следствие повсеместного использования алгоритмов в подготовке и проведении предвыборных кампаний. Категория информационно-психологического воздействия (далее – ИПВ) проходит красной нитью через последние работы автора в рамках национальной, общественной и личной безопасности [32; 33; 41].

Отдельное внимание стоит уделить публикации «Система международной информационной безопасности в условиях политической турбулентности» [34], где С. А. Себекин констатирует упадок системы международной информационной безопасности из-за российско-украинского конфликта и осуществляет попытку прогнозирования развития тенденций кибербезопасности. Так, например, из ключевых выводов стоит отметить: политизированность диалога (Россия и США), использование акторами упреждающих киберопераций («постоянная вовлеченность»), приоритет методов ИПВ и кибершпионажа над кибератаками, необходимость создания системы «табу» по предотвращению атак на критически важные объекты инфраструктуры. В опубликованной РСМД аналитической записке «Угрозы международной информационной безопасности...» автор также анализирует влияние «четвертой промышленной революции» на систему глобальной информационной безопасности [35].

За прошедший период сотрудники кафедры с разной степенью активности участвовали в работе над публикацией двух коллективных монографий.

Во многом заслуга по изданию фундаментальной работы «Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект» в двух томах лежит на плечах научного редактора издания Ю. А. Зуляра. Так, Ю. А. Зуляр написал вводную статью, главу, посвященную эволюции института губернаторства, а также параграф о деятельности местного отделения Русского географического общества и экологических некоммерческих организа-

ций [8; 9; 11]. Р. Ю. Зуляр работала над параграфом о региональном измерении государственной молодежной политики [6], а И. В. Олейников раскрыл тему международных контактов региона [24]. А. Н. Фартышев описал особенности электоральных процессов в области [39], Г. В. Логунова представила результаты исследований по научной работе студентов в вузах [19]. Иркутская область стала первым субъектом РФ, где была описана и издана его современная история.

В создании коллективной монографии «Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее. Очерки истории, географии, культуры» принимали участие Ю. А. Зуляр, Р. Ю. Зуляр и А. Н. Фартышев [2; 12; 17; 37].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что активная исследовательская деятельность молодого поколения сотрудников привнесла энергию в научное направление работы кафедры: увеличилось количество работ по изучению политического поведения, а также появились новые по исследованию метавселенных и киберугроз в сфере национальной безопасности. Значительную долю исследований продолжают занимать работы, затрагивающие актуальные вопросы эволюции либерального идеологического дискурса в российской перспективе, исследовательский фокус направлен на комплексное изучение проблем взаимодействия молодежи и политики.

Классик политологии М. Вебер писал, что политик должен обладать тремя главными качествами: страстью, ответственностью и глазомером. Политология как тонко рефлексирующая наука чутко реагирует на смену общественно-политического контекста. Нам кажется, что именно страсть и ответственность стали главными ориентирами сотрудников кафедры в период глобальных изменений.

Список литературы

1. Безруков Л. А., Фартышев А. Н. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 3. С. 101–109. DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109.
2. Зуляр Р. Ю. Деятельность партийных организаций Иркутской области в послевоенный период строительства БАМа // Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее. Очерки истории, географии, культуры. К 50-летию Байкало-Амурской магистрали: коллективная монография / С. М. Алексеев, Н. С. Байкалов, Р. Ю. Зуляр [и др.]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. Гл. 1, § 3. С. 213–234. DOI 10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367.
3. Зуляр Р. Ю. Искусственный интеллект: вызов системе образования XXI века // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития: сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. С. 199–203.

4. Зуляр Р. Ю. Обзор деятельности институтов государственной молодежной политики Китая на современном этапе // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7, № 4 (23). С. 397–405. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(4).397-405
5. Зуляр Р. Ю. Протестный политический активизм на площадке (на примере г. Иркутска в 2022 г.) // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы Всерос. политол. конф., Иркутск, 8–23 апр. 2022 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. С. 212–225. EDN YCOYON.
6. Зуляр Р. Ю. Становление и развитие государственной молодежной политики // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. § 13.3. С. 450–469.
7. Зуляр Р. Ю., Зуляр Ю. А. Спектр политических ценностей современной сибирской студенческой молодежи и его интерпретация // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Москва: ИНИОН РАН, 2023. С. 182–185. EDN DOCEDA.
8. Зуляр Ю. А. Вводная статья // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. С. 5–21.
9. Зуляр Ю. А. Восстановление и развитие института губернаторства // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект. Учебное пособие. В 2 т. Т. 1 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. Гл. 1. С. 22–148.
10. Зуляр Ю. А. Время думать о государственной идеологии России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 5–8. EDN UTIWXH.
11. Зуляр Ю. А. Деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и экологических некоммерческих организаций // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. § 10.2. С. 184–212.
12. Зуляр Ю. А. Заключение // Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее. Очерки истории, географии, культуры. К 50-летию Байкало-Амурской магистрали : коллективная монография / С. М. Алексеев, Н. С. Байкалов, Р. Ю. Зуляр [и др.]. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2023. С. 213–234. DOI 10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367.
13. Зуляр Ю. А. Патриотизм – основа мировоззрения и гражданской религии россиян // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 5–11. EDN SRWXXA.
14. Зуляр Ю. А. Политическая культура современных сибиряков: методологические подходы к изучению // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 декабря 2021 года. М. : ИНИОН РАН, 2022. С. 1018–1022. EDN MEAHOF.
15. Зуляр Ю. А. Политический диагноз: глобальное противостояние // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 5–8. EDN KBTITD.
16. Зуляр Ю. А. Политическое воспитание студентов – актуальная задача современности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 3–6. EDN WOONEG.

17. Зуляр Ю. А. Предисловие // Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее. Очерки истории, географии, культуры. К 50-летию Байкало-Амурской магистрали : монография / С. М. Алексеев, Н. С. Байкалов, Р. Ю. Зуляр [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 213–234. DOI 10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367

18. Зуляр Ю. А. Российская политическая культура – основа и условие сохранения традиционных духовных ценностей и гражданской социализации молодежи // Духовные ценности в контексте молодежной и спортивной политики: материалы круглого стола, Армавир, 23 ноября 2021 года. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2022. С. 68–76. EDN TOFBFI.

19. Логунова Г. В. Научно-исследовательская работа студентов в вузах // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. § 11.4. С. 281–309.

20. Мясников Д. А. Годы развития: основные направления политологических исследований на историческом факультете Иркутского университета в 2010–2019 годах // Тринадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы конф. В 2 т. Иркутск, 4–26 апреля 2019 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. С. 257–275. EDN EKQLKC.

21. Олейников И. В. «Газовая геополитика» Восточной Сибири: оценки южнокорейских исследователей // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы Всерос. политол. конф., Иркутск, 8–23 апреля 2022 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 264–269. EDN YCOYON.

22. Олейников И. В. «Сибирское балансирование»: фактор Китая в международном сотрудничестве Иркутской области в конце второго десятилетия XXI века // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021. М. : ФГБУН Институт Дальнего Востока РАН, 2022. С. 84–93. DOI 10.48647/IFES.2021.59.28.008.

23. Олейников И. В. Динамика взаимодействия Иркутской области и Японии во втором десятилетии XXI в.: возможности и вызовы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 70–80. DOI 10.26516/2073-3380.2022.42.70.

24. Олейников И. В. Международное сотрудничество // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. § 9.4. С. 138–165. ISBN 978-5-9624-2219-0.

25. Олейников И. В. Прагматичное взаимодействие Иркутской области и регионов стран Европейского Союза: опыт и реалии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 2(34). С. 186–191. DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(2).186-191.

26. Олейников И. В. Россия и Республика Корея: сложный опыт сотрудничества в области энергобезопасности (на примере Восточной Сибири) // Россия и Корея в современном информационном пространстве, Иркутск, 1–2 октября 2022 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 44–47. EDN OQFLCV.

27. Олейников И. В. Стратегия Китая в отношении де-факто государств постсоветского пространства с позиции неореализма // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7, № 2. С. 158–168. DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(2).158-168.

28. Олейников И. В. Эволюция субнационального взаимодействия: Иркутская область и страны Европейского союза (1990–2010 гг.) // Россия и ЕС в Евразии: пространство партнерства и конкуренции / С. А. Васютин, А. А. Дударева, Л. О. Игумнова [и др.]. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2023. Гл. 7. С. 178–191. EDN RDYRAY.

29. Олейников И. В. Экономическое сотрудничество Иркутской области РФ и РК в 2020–2022 гг.: региональный аспект // Современные проблемы Корейского полуострова: 2023 : тезисы докладов XXVII науч. конф. корееведов России и стран СНГ, Москва, 30–31 марта 2023 года. М. : Институт Китая и современной Азии РАН, 2023. С. 114–120. DOI 10.48647/ICSA.2023.25.82.020.
30. Рыбалко М. Л. Прогнозирование в современных политических исследованиях // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск : материалы Всерос. конф. РАПН с междунар. участием. Москва, РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г. М. : РУДН, 2023. С. 502–503.
31. Себекин С. А. Искусственный интеллект в политических процессах: перспективы и вызовы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 7–18. DOI 10.26516/2073-3380.2023.46.7.
32. Себекин С. А. Метавселенные: новое пространство политических процессов // Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы Всерос. политол. конф., Иркутск, 08–23 апреля 2022 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2022. С. 275–281. EDN MNQSEI.
33. Себекин С. А. Потенциал метавселенных для злонамеренного использования искусственного интеллекта в целях подрыва информационно-психологической стабильности // Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире : сб. докл., Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2022 г. СПб. : Скифия-принт, 2023. С. 258–266.
34. Себекин С. А. Система международной информационной безопасности в условиях политической турбулентности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16, № 2. С. 170–190. DOI 10.21638/spbu06.2023.205.
35. Себекин С. А. Угрозы международной информационной безопасности в эпоху Индустрии 4.0 // Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023, 13 с.
36. Фартышев А. Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. 2022. № 4. С. 18–40. DOI: 10.31249/poln/2022.04.01.
37. Фартышев А. Н. Хозяйственное освоение зоны БАМа // Западный участок БАМа: прошлое, настоящее и будущее. Очерки истории, географии, культуры. К 50-летию Байкало-Амурской магистрали : коллективная монография / С. М. Алексеев, Н. С. Байкалов, Р. Ю. Зуляр [и др.]. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2023. Гл. IV. § 1. С. 213–234. DOI 10.26516/978-5-9624-2151-3.2023.1-367.
38. Фартышев А. Н. Экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая как внутриконтинентальной территории // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 13–21. DOI 10.17150/2587-7445.2022.6(1).13-21.
39. Фартышев А. Н. Электоральные процессы в Иркутской области // Современная история Иркутской области: 1991–2021 годы. Историко-политологический аспект. В 2 т. Т. 1 : учебное пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. § 2.4. С. 245–292.
40. Фартышев А. Н., Размахнина Ю. С., Клепиков И. А. Локальные этнические сообщества и политика: восприятие власти у сойотов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 36–45. DOI 10.26516/2073-3380.2023.43.36.
41. Sebekin S., Pashentsev E. Metaverses, artificial intelligence and challenges to psychological security. The Policy of National Security. 2023. Vol. 25, No 2. P. 33–57.
42. Zulyar Yu. A., Zulyar R. Yu., Rybalko M. L. Regional Policy as a Significant Element of Ensuring the National Security of the Russian Federation // The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies. 2022. Vol. 39. P. 10–21. DOI 10.26516/2073-3380.2022.39.10.

Main Directions of Political Science Research at the Department of Political Science, History, and Regional Studies in 2022–2024

D. Y. Goncharuk

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The main research directions of the Irkutsk School of Political Science at Irkutsk State University are considered. A brief historiographical overview of the research activities of the staff of the department is given. The significance of the studied problem is determined by the appeal of Russian political science "to itself" against the background of the global confrontation between Russia and the West. The high role of new research directions, as well as traditional work for the department in the field of studying the functioning of political and ideological discourse, was noted. Special attention is paid to the sphere of interaction between youth and politics.

Keywords: university science, political science, global confrontation, Irkutsk region, East Siberian center of Political Science research.

Гончарук Даниил Евгеньевич – ассистент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: lzz.f@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-3001-2657

Goncharuk Daniil Evgenievich – Assistant, Department of Political Science, History and Regional studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lzz.f@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-3001-2657

УДК 327.8

Внерегиональные акторы на Южном Кавказе: причины и последствия присутствия

И. Н. Ерицян

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются Россия и Турция как внерегиональные акторы на Южном Кавказе. В причинно-следственной связи обосновывается присутствие и укрепление позиций выделенных внерегиональных акторов в таких южно-кавказских республиках, как Абхазия, Армения, Азербайджан, Грузия и Южная Осетия. На основе рассмотрения экономического, культурного, военного и политического присутствия внерегиональных акторов представляется возможным сделать вывод о латентной форме противостояния России и Турции на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Россия, Турция, Южный Кавказ, Армения, Азербайджан, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, внерегиональные акторы.

Южный Кавказ выступает важным геостратегическим регионом для множества внерегиональных акторов. Неизбежным и исторически длительным является столкновение интересов России именно с Турцией. Южный Кавказ для каждой из стран выступает территорией «ближнего зарубежья», превращая его в объект геостратегических

интересов, с одной стороны, России – внерегиональной державы, и с другой – Турции – мирового игрока, стремящегося приобрести статус внерегиональной державы на Южном Кавказе.

Продолжительный период Южный Кавказ находился в сфере российского влияния. В условиях ослабления мощи России после распада СССР не было ясности в том, кому предстоит заполнить геополитический вакуум, образовавшийся на Южном Кавказе: Турции, Ирану или ведущим западным странам. Сегодня в условиях меняющегося миропорядка для внерегиональных игроков было бы стратегической ошибкой не попытаться расширить и укрепить свое влияние в Южно-Кавказском регионе. Об устремлениях Турции по закреплению своих позиций на Южном Кавказе свидетельствует планомерная политика в отношении кавказских республик после распада Советского Союза.

Распад Союза и возникновение 15 новых республик открыл возможности для Турции не только в направлении сотрудничества, но и в вопросе расширения своего потерянного в первой половине XX в. влияния [4, с. 620]. Турция однозначно усвоила исторические ошибки силового и насильственного воздействия на своих континентальных соседей и именно через «мягкую силу», которая включает в том числе и привлекательность государственного образа на мировой арене, стала расширять сферу своего влияния. О создании «нового образа Турции» и важности Южного Кавказа отмечал занимавший ранее должности министра иностранных дел и премьер-министра Турции Ахмет Давутоглу [3].

Турция успешно реализует свою энергетическую политику с двумя из пяти республик Южного Кавказа, имея несколько функционирующих проектов по транспортировке каспийской нефти. Например, одним из них является введенный в эксплуатацию в 2006 г. нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан им. Гейдара Алиева, предназначенный для транспортировки каспийской нефти к турецкому порту Джейхан, расположенному на берегу Средиземного моря [5]. Изначальный выбор из трех новообразованных южно-кавказских республик в пользу Азербайджана для Турции был предопределен идеями тюркского мира и возможностью оказывать культурное воздействие, базирующееся на языковом и этническом сходстве. Безусловная поддержка Азербайджана в вопросе его территориальной целостности априори устанавливала присутствие Турции в армяно-азербайджанском конфликте. Россия с Азербайджаном сотрудничают в различных многоаспектных форматах, среди которых научно-

исследовательские проекты, торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество, нашедшие свое отражение и подтверждение в одном из последних документов от января 2024 г. «Дорожная карта по развитию ключевых направлений развития азербайджано-российского сотрудничества на 2024–2026 гг.» [6].

Если с Азербайджаном после распада Союза Турция сразу стала максимально укреплять различные направления взаимодействия, то Грузия лишь в 1999 г. присоединилась к первому (не единственному) проекту нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который был подписан на конференции ОБСЕ в Стамбуле [9]. Турция, реализуя многоаспектную политику на Южном Кавказе, не ограничивается энергетическими проектами с Тбилиси. Продвижение турецкой культуры и языка берет свое начало с 2000-х гг.: турецким агентством по сотрудничеству и координации ТКА в рамках проекта «Тюркология» [16]; правительственными стипендиальными программами [17]; существенный вклад по продвижению пантюркских идей внесли образовательные учреждения «Маариф» и общественное движение «Хизмет» [14]. Неправительственные организации также внесли важный вклад в расширение турецкого присутствия в Грузии [10]. Россия, в свою очередь, не имеет аналогичных проектов в Грузии, что весьма затруднительно с августа 2008 г., когда произошли события, известные как Пятидневная война и последовавшее 26 августа 2008 г. признание Россией независимости Абхазии [12] и Южной Осетии [13]. Одним из последних событий, осложняющих возможный российско-грузинский дипломатический диалог, стало заявление грузинского руководства в начале октября 2023 г., выразившего свое беспокойство в отношении «российского оккупационного режима в Сухуми», намеренного создать пункт постоянного базирования ВМФ России в Очамчирской бухте в Абхазии [20]. Наряду с этим в преддверии октябрьских парламентских выборов в Грузии любые внутриполитические процессы (принятие законопроекта «Об ограничении иностранного влияния») активно лоббировались и трактовались как следствие «негативного российского влияния» не только грузинской оппозицией, но и в ведущих западных СМИ [15]. Сегодня попытки налаживания российско-грузинского диалога осуществляются преимущественно в рамках научно-образовательных площадок и экспертных кругов на территории РФ, таких как, например, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова [11].

С 2008 г. на Южном Кавказе Россией признаются две новые суверенные республики Абхазия и Южная Осетия, с которыми заключе-

но и выполняется множество экономических, культурных и военно-стратегических соглашений. Турция на дипломатическом уровне не признает Абхазию и Южную Осетию в качестве суверенных государств, поддерживая территориальную целостность Грузии, но заинтересована в стабильности Кавказского региона, поскольку любая военная эскалация способна негативно повлиять на транзит каспийских энергоресурсов в Европу. Наибольшую инициативность Турция проявляет в отношении Абхазии, что обусловлено проживанием в Турции многочисленной абхазской диаспоры. Турция заинтересована в абхазской общине, поскольку последняя способна содействовать в укреплении социально-экономических и религиозных связей, а также в расширении политико-экономической базы на Южном Кавказе. С 2005 г. в Абхазии действуют религиозные школы, а наиболее успешные студенты отправляются на обучение в Турцию. В экономику Абхазии активно проникает турецкий капитал в сферах добычи и переработки угля, купли-продажи недвижимости. Турция также инициирует обсуждение вопросов абхазо-турецких транспортно-морских путей [19].

Дипломатический диалог России с армянским руководством претерпел существенные изменения за последние годы в сторону отрицательной динамики, следствиями которой стало приостановление Арменией в феврале 2024 г. членства в ОДКБ [18], но еще при сохраняющейся 102-й ордена Александра Невского российской военной базе [1]. Наряду с этим всего пару лет назад было затруднительно даже представить армяно-турецкий диалог на дипломатическом уровне, в котором не только карабахский вопрос, но и противоречия по вопросу признания геноцида и неопределенные границы между Арменией и Турцией стали «камнем преткновения» [7, с. 93]. Безусловно, вторая карабахская война, начавшаяся в 2020 г. при активной поддержке Турции [8, с. 337], способствовала укреплению ее позиций, чему содействовал и изменившийся еще при событиях, известных как «бархатная революция» (2018 г.), внутриполитический курс Республики Армения [2, с. 230]. Существенно приумножила внерегиональное турецкое влияние СВО, сосредоточив с 2022 г. исторического внерегионального лидера России в более приоритетном для безопасности страны вопросе.

Однако, несмотря на пересечение внерегиональных интересов России и Турции, на Южном Кавказе отсутствует их открытое столкновение, которое представляется возможным охарактеризовать как латентное, поскольку в информационном пространстве и на уровне

дипломатического дискурса его сложно отследить, но фактические действия Анкары однозначно свидетельствуют о расширении сфер своего влияния на стратегически важные для России территории. Одновременно общим для России и Турции является сохранение диалога по потенциально взаимовыгодным проектам, не только для экономического сотрудничества, но и с целью недопущения усиления западного влияния.

Возможность одновременного присутствия нескольких внерегиональных игроков на Южном Кавказе во многом зависит и от способности кавказских республик быть автономными и рациональными в своей внешней политике, которая часто ограничена экономической зависимостью от внешних игроков, внутриполитической дестабилизацией и ориентирами на роль внерегионального актора в сложившейся мировой политической конъюнктуре. И как свидетельствует история, статус государств не может быть стабильным, особенно в формирующемся миропорядке, соответственно, внерегиональная политика стран должна иметь диверсифицированный характер.

Список литературы

1. 102-я Российская военная база // Официальный сайт Генерального Консульства России в Гюмри, Республики Армения. URL: https://gyumri.mid.ru/ru/sootchestvenniki/102_aya_rossiyskaya_voennaya_baza/ (дата обращения: 13.02.2024).
2. Арзуманян Р. В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Известия Саратовского университета. 2019. № 2. С. 223–230.
3. Давутоглу А. Региональный поход к глобальному миру // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnyaya-politika-turczii-i-rossiya/> (дата обращения: 04.02.2024).
4. Бальфур Дж. П. Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2017. 639 с.
5. В порту Джейхан состоялась церемония открытия нефтепровода БТД // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20060713/51307188.html> (дата обращения: 20.01.2024).
6. Визит Президента Ильхама Алиева в Россию: новая страница в развитии отношений между нашими странами // Азербайджанское государственное информационное агентство Azertag. URL: https://azertag.az/ru/xeber/vizit_prezidenta_ilhama_alieva_v_rossiyu_novaya_stranica_v_razvitiy_otnosheniy_mezhdu_nashimi_stranami-2974661 (дата обращения: 23.04.2024).
7. Григорян И. В. Политический курс Турции в отношении постсоветских государств на Южном Кавказе (1991–2008 гг.) // Политика и общество. 2013. № 1 (97). С. 90–96.
8. Жильцов С. С., Савичева Е. М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 3. С. 331–340.
9. Об утверждении «Соглашения между Азербайджанской Республикой, Грузией и Турецкой Республикой о транспортировке сырой нефти основным экспортным трубопроводом Баку–Тбилиси–Джейхан через территории Азербайджанской Республики, Грузии и Турецкой Республики» и документов, приложенных к указанному Соглаше-

нию, «Стамбульской декларации» и протокола между Азербайджанской Республикой, Грузией и Турецкой Республикой о внесении изменений в «Соглашение между Азербайджанской Республикой, Турецкой Республикой и Грузией о транспортировке сырой нефти по территории Азербайджанской Республики, Грузии и Турецкой Республики»: закон Азербайджанской Республики от 26 мая 2000 г. № 885-ІІ // База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10851 (дата обращения: 13.03.2024).

10. Мамедов Р. Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 734–747. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-734-747> (дата обращения: 10.03.2024).

11. Мероприятия Фонда // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова : офиц. сайт. URL: <https://gorchakovfund.ru/portal/page/f091b84e-643b-43f4-821b-fc0658ae1b57> (дата обращения: 13.03.2024).

12. О признании Республики Абхазия : указ Президента РФ от 26 августа 2008 г. № 1260 // Российская газета. 2008. 29 авг. (№ 4740).

13. О признании Республики Южная Осетия : указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 // Российская газета. № 183. 2008. 29 авг.

14. Чедия А. Р. Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 23, № 4. С. 620–642.

15. Georgia enacts Russian-style ‘foreign agent’ law in victory for Moscow // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/05/28/georgia-russia-foreign-agent-law-parliament/> (дата обращения: 28.05.2024).

16. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // TİKA. URL: <https://tika.gov.tr/en/?s=Georgia> (дата обращения: 13.03.2024).

17. Türkiye Bursları и Council of Higher Education (Turkey). URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/> (дата обращения: 13.03.2024).

18. «L’Azerbaïdjan prépare une attaque contre l’Arménie», selon le Premier ministre arménien 22.02.2024 // France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/%C3%A9missions/en-t%C3%AAt-%C3%A0-t%C3%AAt/20240222-l-azerba%C3%AFdjan-pr%C3%A9pare-une-attaque-contre-l-arm%C3%A9nie-selon-le-premier-ministre-arm%C3%A9niend> (дата обращения: 22.02.2024).

19. Գրիգոր Ա., Արման Ե. Абхазия В Контексте Стратегических Интересов Турции // 21-րդ ԴԱԴ «Նորավանք» գիտակրթական հիմնադրամի» տեղեկատվական վերլուծական հանդես. 2010. Т. 6. С. 15–25.

20. საგარეო საქმეთა სამინისტროს პრესისა და ინფორმაციის დეპარტამენტის განცხადება 05.10.2023 // МИД Грузии : офиц. сайт. URL: <https://www.mfa.gov.ge/news/428981-sagareo-saqmeta-saministros-presisa-dainphormatsiis-departamentis-komentari> (дата обращения: 12.01.2024).

Extra-regional Actors in the South Caucasus: Causes and Consequences of Presence

I. N. Eritsyanyan
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. In this article, Russia and Türkiye are considered as one of the extra-regional actors in the South Caucasus. The cause-and-effect relationship substantiates the presence

and strengthening of the positions of identified extra-regional actors in such South Caucasian republics as Abkhazia, Armenia, Azerbaijan, Georgia and South Ossetia. Based on the considered economic, cultural, military and political presence of extra-regional actors, it seems possible to draw a conclusion about a latent form of confrontation between Russia and Turkey in the South Caucasus.

Keywords: Russia, Turkey, South Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Georgia, Abkhazia, South Ossetia, extra-regional actors.

Ерицян Инга Нелсиковна – старший преподаватель, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: eritsyan.inga@mail.ru, ORCID: 0009-0004-3462-0846

Eritsyana Inga Nelsikovna – Senior Lecturer, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: eritsyan.inga@mail.ru, ORCID: 0009-0004-3462-0846

УДК 316.4:159.923.2(47)

Гражданская и политическая идентичности сибиряков на современном этапе: методологическое обоснование

Ю. А. Зуляр, Р. Ю. Зуляр

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Рассматривается актуальная для современной России проблема формирования патриотизма. Предметом исследования является осмысление методологических основ российской идентичности через рассмотрение базовых позиций феномена, моделей российской и общероссийской идентичностей, а также моделей региональной и сибирской идентичностей. Идентичность характеризуется многообразием проявления и множественностью особенностей своего формирования, на которые влияют локальные и региональные особенности, различные аспекты внутренней и внешней политики, международные процессы и глобальная политика. Особый интерес политическая наука в современный период уделяет различным аспектам региональной идентичности. Имеющиеся в настоящее время средства и технологии информационной коммуникации позволили сделать достоянием гласности многие исторические и краеведческие особенности региональной жизни, оживили забытые мифологемы, актуализировали и выбросили в информационное пространство особенности приватной жизни. Все это усложняет процесс формирования гражданской и политической идентичностей граждан страны.

Ключевые слова: российская и общероссийская идентичности, гражданская и политическая идентичности, региональная и сибирская идентичности.

Проблемы формирования российской идентичности у граждан России, особенно у молодежи, четко проявились с началом СВО в 2022 г. Понимание того факта, что на этом направлении государственной политики существуют большие проблемы, исследователи

демонстрировали с начала 2000-х гг. Вместе с тем нельзя сказать, что государственные органы не занимались этим вопросом. Но их действий, зачастую занятых не в тех направлениях, недостаточно. Одной из причин сложившегося положения дел является пренебрежение к основам политической науки, и прежде всего игнорирование задачи формирования гражданского мировоззрения на базе традиционной российской ментальности. Политическая наука, столкнувшись с необходимостью концептуализации синтеза эмоциональных, рациональных и ценностных оснований политического поведения на личностном, групповом и социальном уровнях, обратилась к концепции идентичности. Данная работа посвящена анализу современной гражданской идентичности на примере жителей мегарегиона Сибирь.

Понятие идентичности

Среди ряда научных терминов, которые не только перешли в обычную речь, но и прочно вошли в лексикон политиков, находится «идентичность». Термин этот как широко используется, так и широко трактуется, вместе с тем важность того феномена, который он обозначает, заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к нему.

По своей сути явление, маркируемое этим термином, распространенное, обыденное и повсеместное, оно означает тождество, единство, принадлежность. Важно то, что данное явление присуще как личности, так и социальной группе и социуму, например региональному. Ключевым моментом является их тождественность самим себе [15, с. 27]. Вместе с тем идентичность воспринимается личностью из внешней социальной среды в соответствии с жизненными обстоятельствами или совокупностью интересов его как члена социума [13, с. 21].

Исследователи понимают идентичность как данность, присущую сознанию личности и общественному сознанию, но не по случайному признаку, а через имеющиеся особенности, обусловленные историческими и социокультурными обстоятельствами и моделями государственности [16, с. 91]. Идентичность является продуктом социально-политической деятельности социума и индивида, которое обеспечивает единство, сопричастность и солидарность между ними, которое может обусловить индивидуальное и коллективное действие.

В процессе анализа социальных процессов возникает проблема выделения индивидуального в социальной идентичности и, наоборот, определения, насколько социальное становится личностным, неразрывным и определяющим поведение как социума, так и человека. Потребность для общества в формировании коллективной

идентичности его членов естественным образом понятна, но зачем это нужно индивиду. Здесь также нет загадки – человек, боясь одиночества, ищет общности со схожими ему людьми, готовыми воспринимать этот мир, как и он, особым способом и тем самым создавать ему зону защиты и безопасности.

В силу множественности форм идентичности существуют различные основания ее систематизации, в том числе и политико-институциональная, объединяющая через нее цивилизацию, государство, класс, идеологию. Ориентированные на них идентичности формируют крупные субъекты политического процесса, причем в их основе лежит личная, а не индивидуальная идентичность. В зависимости от критерия идентификации выделяют цивилизационную, геополитическую, региональную, политическую, профессиональную, этническую и др.

В основе процессов, формирующих идентичность, лежит не столько объективная реальность, сколько ценностные феномены, но это не делает ее качественной характеристикой личности, обогащающей или возвышающей ее. Она является инструментом, позволяющим классифицировать окружающее социальное пространство, определяя в нем «своих» и «чужих», указывая индивиду на его место в человеческой совокупности людей и смыслов.

Идентичность для личности может выступать и в качестве эталона, модели посредством которой выясняется и определяется отношение и интерес к политическим процессам и институтам, таким как глобализация и цивилизация, модернизация и традиция. Вместе с тем принадлежность человека к группе характеризуется как стиль жизни. Эти стили могут оказаться альтернативой идентичности, и человек может быть несформировавшейся, пусть и устойчивой в своих привычках и вкусах личностью.

Процесс формирования идентичности

Необходимо понимание сути и сущности процесса формирования идентичности, определяемого как идентификация. Важно понять, что первично, а что вторично, где процесс, а где результат или продукт этого процесса. Идентификация являет собой категорию процессности, а идентичность – ее продукт.

Идентификация идет непрерывно и определяется той жизнью, которой живет индивид. Одни ее фазы имеют осознанный характер и даже могут корректироваться личностью, а другие относятся к категории бессознательного и происходят на иррациональном уровне. Политическую идентичность формирует политический процесс,

происходящий в стране и мире. Идентичность не дается по факту рождения, но формируется всю жизнь. Для социальных групп и объединений идентичность является обязательным условием превращения совокупности индивидов в социальную общность.

Как показывает общественно-политическая практика, западно-европейская (либеральная) модель демократии не может быть реализована в государствах незападного мира, обладающих иной социокультурной идентичностью. Демократия – допустимая форма организации политической системы только для национальных государств. В России представительная демократия имеет имитационный характер [16, с. 86]. Источниками идентичности являются социальные институты и организации, также они обусловлены территориально и социокультурно. Потребность в идентичности зависит от ряда обстоятельств, и в период социально-политических трансформаций она усиливается. Идентичности различаются по своим основаниям, по типам процессности, конкретикой и конфликтностью [17].

Важным источником идентичности является историческая память. Она встраивает личность в исторический ряд, связывает с прошлым государства, территории, этноса и организации. Пренебрежение к историческому просвещению, отсутствие его привязки к настоящему, его излишняя вариативность препятствуют формированию гражданской идентичности. Российская идентичность формируется прежде всего через отношение к прошлому.

Гражданская идентичность

В основе государственности лежит гражданская идентичность, через нее личность связывает и соизмеряет себя со страной. Через нее общество сохраняет себя в процессах глобализации и защищается от саморазрушения, культивируемого ксенофобией.

Гражданская идентичность возникает в результате правильного функционирования государства, благодаря умелому историческому просвещению, статусности определения «гражданин». Государство нуждается в формировании этого вида идентичности у своего населения, финансирует ее организацию, стимулирует создание соответствующих механизмов, образцов, патриотических общественных движений. В основе данного вида идентичности лежит процесс самоидентификации человека, т.е. отождествления себя с государством и обществом, в котором живет, что определяет ценности и уникальности гражданина, выделяющие его из среды других народов и являющиеся предметом гордости или повышающие его статус или уровень жизни.

Гражданская идентичность является основой и фактором существования политической нации и ее государственности. Соединство с народом, обществом, государством делает человека значимым в собственных глазах и в глазах окружающих. Гражданство – это статус и права, это обязательное условие нормальной жизни в современном обществе и любой стране, это конкурентное преимущество перед другими – негражданами или гражданами менее могущественных и значимых стран. В то же время реальная гражданская идентичность требует от человека знания истории страны, ее законов и символов, ценностей народа, традиций общества и соответствующего поведения. Гражданская идентичность выражается и реализуется в гражданской активности, в готовности служить и даже отдать свою жизнь за отечество. Вместе с тем в повседневной жизни к гражданину не предъявляют подобных требований и обязательного участия в акциях соответствующей направленности.

Деятельность гражданина, ведущаяся в русле гражданского активизма, привлекает к нему людей, поддерживающих эти чувства и разделяющие его идеалы. Подобная активность может реализоваться и индивидуально, но чаще всего в составе общественных организаций патриотической ориентации, работающих как на местном и региональном, так и на национальном уровнях. Совместная деятельность в интересах страны, в поддержку политики ее руководства, обеспечивающая рост авторитета и могущества государства на международной арене, повышает статус гражданина, позволяет ему приобрести друзей и единомышленников, обеспечить профессиональный и карьерный рост. Гражданская идентичность формируется поверх групповых идентичностей, доминирует над региональной и этнической идентичностями, позволяет преодолеть разобщение и отчуждение граждан одной страны.

Она связывает гражданина и государство, возлагая на обе стороны взаимные обязательства, солидаризирует социальные общности, показывает направления деятельности, поощряемые обществом и государством, гарантирует последующие преференции, в том числе и общественное признание, и человеческую благодарность, и любовь. На ключевое значение государства в системе самоидентификации указывает понятие государственно-гражданской идентичности, которое характеризует состояние массового сознания в современной России [7].

Граждане в процессе самоидентификации могут формировать как лоялистские, так и оппозиционные и даже враждебные формы гражданской идентичности по отношению к государству или пра-

вящему классу. В соответствии с направленностью гражданской идентичности организуется политическая деятельность, направленная на поддержку государства и его институтов или, наоборот, на их разрушение. Значимой причиной формирования оппозиционной идентичности могут быть различные трактовки прошлого страны, части ее территории, этноса или социальной группы.

Эффективно функционирующее государство организует формирование, закрепление и межпоколенческую трансляцию лоялистской ментальности. В этих целях, прежде всего, используется система гражданского обучения и воспитания молодежи в рамках структур среднего и высшего образования. В государстве в рамках идеологического дискурса с лоялистской моделью конкурируют этнические, конфессиональные и групповые формы идентичности.

В рамках проекта единой Европы в публичном дискурсе активно внедряется концепция многоуровневого гражданства. Ее прямыми заинтересованными, кроме сепаратистских движений и партий, являются наднациональные органы Европейского союза. Они под руководством правящих элит США стараются ослабить национальные государства и их правящие структуры как конкурирующие центры власти. В проведении такой политики они пользуются поддержкой транснациональных корпораций, структур глобального гражданского общества, интеллектуальных сообществ, являющихся носителями политической идентичности. Подобный подход они стараются навязать и российскому обществу.

Зачастую в научном сообществе гражданскую, государственно-гражданскую и национальную идентичности рассматривают как синонимы. В определенных случаях это оправдано, вместе с тем гражданская идентичность базируется на сопереживании и личном участии людей в социальной жизни государства, что присуще прежде всего национальным государствам. Напротив, для государственно-гражданской идентичности базовой позицией является государство как самодостаточная сущность, поэтому эта форма идентичности доминирует в федерациях и империях. Национальная идентичность преобладает в государствах, образованных по этническому признаку, возникших в результате национально-освободительной борьбы.

Осознание личностью своего гражданства обеспечивается культурой и социальной политикой, активно используемой в качестве инструмента формирования гражданской идентичности.

Политическая идентичность

В философии политического познания различают два относительно независимых, но взаимосвязанных уровня. На первом исследе-

дуются концептуальные рамки, такие как власть, справедливость и легитимность. Эти абстрактные категории помогают формировать общее понимание политической организации и ее функциональных задач. В этом контексте важно учесть различные философские традиции – от платонизма до постмодернизма, поскольку каждая из них предлагает уникальные взгляды на сущность и цель политического устройства.

На втором уровне исследования акцент смещается на конкретные политические системы и их исторические контексты. Здесь изучаются механизмы, способствующие или препятствующие осуществлению власти в разных обществах. Социокультурные факторы, экономические условия и исторические катализмы существенно влияют на политическое поведение и формирование институциональных структур [21, с. 92].

Политическая идентичность охватывает разнообразные идеи и взгляды, которые участники политической арены принимают и передают другим через коммуникацию, осуществляя связь человека с конкретной политической организацией.

Ее значимость усиливается через взаимодействие с установленными политическими институтами. Можно полагать, что политическая идентичность представляет собой процесс сопоставления и вписывания человека в политический контекст государства и территории, политических идеологий и политических организаций. Причем первичной является самоидентификация по отношению к ближайшему окружению и авторитетных для него людей [12, с. 18].

Политическая идентичность, включающая в себя множество взглядов на идеологические направления, амбиции и интересы политических деятелей, выступает в роли индикатора политического самоопределения и его легитимации. Она формируется на основе совместных усилий и определяет направления личного и коллективного политического действия. Политическая идентичность человека формируется через принятие политических идей и предпочтений, а затем усиливается через сопоставление себя с ключевыми участниками политической сферы и определение своей позиции относительно идеологических верований и интересов структур, обладающих политической идентичностью.

В рассматриваемом в статье контексте политическая идентичность понимается как результат слияния устойчиво закреплённых политических концепций. В этом подходе идеологические конструкции выступают в качестве основных элементов идентичности. Поли-

тическая идентичность может быть исследована как в узком, так и в широком смысле в контексте политического анализа. При узком подходе акцент делается на связи граждан с политическими институтами и их вовлеченности в политико-институциональные отношения внутри политической общности. Это понимание охватывает политическое поведение, включая электоральное, и его мотивы. В данной перспективе выделение политической идентичности позволяет рассматривать индивидов как активных участников политических процессов, а также обсуждать различные формы политической идентификации, включая идеологическую и партийную. Коллективная идентичность, будучи социальной по своей природе, может обладать характеристиками, связанными с политикой. Таким образом, идентичность, которая проявляется в ходе политических взаимодействий, можно считать политической.

Политическая идентичность становится основным элементом политических ценностей в современном обществе, являясь ядром политической (гражданской) нации и определяя ее институциональные основы. В общественных системах, основанных на традициях, политическая идентичность зачастую заменяется клановыми, кастовыми, племенными и другими похожими формами группового самоопределения. В ходе процесса модернизации эти групповые идентичности начинают политизироваться, превращаясь в полноценные политические идентичности.

Значение политической культуры как основы для эффективной государственной политики в процессе формирования идентичности трудно переоценить. При этом идентичность превращается в политическую проблему только тогда, когда возникает необходимость ее выбирать или менять. В политической жизни восприятие мира играет такую же важную роль, как и реальные институциональные структуры. Мировосприятие молодежи формируется через их активное участие в социальных практиках. Участие молодых людей в мероприятиях, имеющих социальное или социополитическое значение и поддерживаемых обществом, способствует созданию положительного отношения к субъектам, связанным с общественно-политической сферой, с которыми взаимодействуют эти практики. Аналогично негативное восприятие подобных мероприятий может вызывать отрицательное отношение к этим субъектам. Идентификация молодежи зачастую подчинена законам моды, она изменяется быстро и легко, следуя за своим окружением и кумирами.

Современная российская идентичность

В процессе формирования идентичности в оборот включаются все возможные и доступные ресурсы. К ним относятся знания, полученные в семье и школе, различные мифологемы, информация из книг и прессы, радио и телевидения. В обязательном порядке используются факты национальной и региональной истории с добавлениями и комментариями родственников и людей, авторитетных в этой области знаний. Важную роль играет и личный опыт человека и его родных, близких и друзей.

Естественным образом российская идентичность базируется на системе несущих конструкций и элементов, таких как язык, история, территория, социокультурные условия, этноконфессиональные обстоятельства, литература и фольклор. В России не происходило идентификации человека с русской нацией, но осуществлялось взаимодействие с православием, империей и царем. Русское понимание нации является государственно-центричным, не народно-центричным. При реализации социально активной деятельности, основанной на гражданской идентичности, этноконфессиональные принадлежности человека отходят на второй план.

Сформировавшаяся позже советская идентичность подверглась мощному прессингу либеральной идеологии в 1990-е гг., но в значительной степени сохранила свои позиции у большей части населения России, в особенности у людей среднего и старшего возраста. Вместе с тем принципиальные изменения произошли в сознании людей, подверженных этнической и религиозной идеологическим концепциям. У большей части молодежи формирование идентичности происходило уже после революционных трансформаций начала 1990-х гг., и она не сложилась в гражданскую российскую форму, а оформилась в космополитические и консюмеристские представления и предпочтения. Сейчас идет процесс ее обратной трансформации – в общероссийскую, а не просто в российскую идентичность. Одновременно существует, но постепенно размывается феномен советской идентичности как не этнической и не религиозной, т. е. интернационалистской.

Политическая российская идентичность имеет «матрешечный» вид, когда один ее вид наслаивается на другой: объектовая – локальная – районная – региональная – мегарегиональная – государственная. Это позволяет индивиду легко формировать свое поведение в ответ на событие или ситуацию. В России широко распространены две формы культурно-политической идентичности: прозападная и

цивилизационная. Их носители определяют свое отношение к политическому режиму, исходя из его позиции по этим основаниям.

В России на сегодняшний день у граждан отсутствует социальная идентичность ее как государства-цивилизации. Это касается гражданской национализации государства, при которой политическое содержание совпадает с национальным и гражданским. Вместе с тем возрастает число людей, ориентированных на цивилизационную идентичность. Но для значительной части населения России не является естественной практикой связывать личные перспективы с перспективами развития государства и общества.

Необходимо четко разграничить понятия «цивилизационная идентичность» и «региональная идентичность». Цивилизационная идентичность представляет собой форму самоопределения, формирующуюся в ходе цивилизационного прогресса и взаимодействия с различными его участниками. Это понятие является более обширным, включая региональную идентичность в качестве одного из своих компонентов.

Региональная идентичность

Чтобы региональное сообщество могло осмыслиться и создаться, необходимо наличие определенных условий (язык, вера, этническое происхождение). При этом для формирования чувства общности достаточно одной из этих основ. Для формирования региональной идентичности не требуется, чтобы люди находились рядом, достаточно лишь ощущения того, что они связаны общими чертами [9, с. 338].

Анализируя феномен региональной идентичности, можно выделить ряд его составляющих. Прежде всего, знаниевый компонент, лежащий в основе представлений о территории: о ее истории, современном состоянии, культуре, природных богатствах, экономической составляющей и т. д. Затем человек соотносит себя с этой территорией, идентифицирует себя с ней и позиционирует в ее социальном пространстве. В конечном счете он осмысливает эту информацию через систему ценностных представлений и формирует положительную или отрицательную идентичность. В первом случае индивид, опираясь на нее, получает психологическое удовлетворение, основание для гордости и опоры в социальной деятельности. В противоположном случае он прекращает формирование этой идентичности и начинает процесс выстраивания иной идентичности или, тяготясь этим обстоятельством, скрывает ее.

Если концепт «идентичность» связан с вопросом «кто я?», то местная и региональная идентичности дополнены вопросами «где я?» и в некоторых случаях «откуда я?» и «где мое место?» [14, с. 129].

Региональная идентификация – сложный и многогранный процесс формирования чувства принадлежности к определенной территории, ключевым элементом которого является создание коллективной памяти и истории региона, своего рода мифа-основы, объединяющего жителей. Формирование этой «общей почвы» – это не просто объективное описание прошлого, а активная, целенаправленная работа, в которой ведущую роль играют региональные элиты. Их воздействие можно назвать конструктивистским, так как они не просто фиксируют исторические факты, а активно формируют нарратив, выбирая, какие события подчеркивать, а какие замалчивать, интерпретируя события в выгодном для них свете. Это манипулирование исторической памятью является формой символической политики, направленной на создание определенного образа региона и его жителей [4].

Как отмечает Й. Баберовски, территория «национализируется» с помощью истории, которую «открывают» интеллектуалы. Сама по себе территория – ничто, лишь человеческая вера и любовь придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы» [2, с. 324].

Региональная самоидентификация, как отмечает профессор Р. Ф. Туровский, является характерной чертой прежде всего периферийных регионов России. Эти территории, находясь на значительном удалении от центра, формируют своеобразное чувство особой сопричастности к России, но одновременно и ощутимую отдельность, своеобразную уникальность. Это выражается не только в простом осознании принадлежности к определенному региону, но и в формировании специфического культурного кода, включающего в себя диалектные особенности языка, традиции, кулинарные предпочтения, а также определенные стереотипы и представления о самих себе и о других регионах страны. Сибирь, безусловно, является самым ярким примером контрастно выраженной региональной идентичности [20, с. 95].

Сибирская региональная идентичность

В начале XX в. в Сибири существовало лишь небольшое количество людей, которые считали себя сибиряками. В делегатских карточках Чрезвычайного съезда в Томске социал-демократ В. Е. Писарев указал в графе «национальность» слово «сибиряк», в то время как

эсер Д. Ф. Портягин обозначил себя как «сибиряк-русский». Также в карточках депутатов Сибирской Областной думы можно встретить такое же национальное обозначение – «сибиряк». На съезде и в думе множество делегатов использовали эту этническую идентификацию в качестве прибавки к своему основному национальному самоопределению [19, с. 54]. По публикации омского этнографа М. А. Жигуновой, если в 1986–1988 гг. в Сибири сибиряками называли себя 15 % респондентов, в 2000 г. – 32 %, то в 2010-х гг. – около 80 % [8].

Известный томский историк В. П. Зиновьев, характеризуя свое самосознание, писал: «Думаю, что многие жители нашего суперрегиона, как и я, чувствуют себя, прежде всего, сибиряком, затем только россиянином, а после этого – европейцем или азиатом в зависимости от национальности» [10, с. 123]. На вопрос «Есть ли разница между русскими Европейской России и русскими Сибири?» 83 % респондентов ответили утвердительно. При уточняющих ответах выяснилось, что различия фиксируются прежде всего в самосознании, менталитете, чертах характера и образе жизни [8].

В настоящее время около 80 % опрошенных представителей различных национальностей считают себя сибиряками, поскольку они родились и продолжают проживать в Сибири. Эти люди уверены, что обладают характером, присущим этому региону, и испытывают глубокую привязанность к своему родному краю. Остальные респонденты не идентифицируют себя как сибиряки по трем основным причинам: они либо «родились в другом регионе и недавно переехали», либо «не переносят холод и чувствуют себя некомфортно», либо «не соответствуют всем характеристикам сибирского характера». Интересно отметить, что третья причина чаще встречается у тех, кто сам родился и проживает в Сибири, как и их предки [8]. Среди прочего, сибирская идентичность зачастую выбирается как «зонтичная», замещающая национальность в том случае, когда невозможно выбрать одну из множества национальностей, представленных в семейной истории опрошенного [1].

Региональная идентичность Сибири проявляется прежде всего в положительном отношении к родному краю, той земле, где человек родился и живет. Сибирячество отличается надэтническим характером, что делает его определение зависимым от территории. Внутри сообщества сибиряков это понятие не имеет особой важности, однако оно начинает обретать значение, когда люди покидают Сибирь, взаимодействуют с приезжими или постоянно проживают вне сибирского региона [18, с. 87].

Сибирская идентичность представляет собой биографический проект, который основывается не только на анализе и интерпретации территории и ее границ, но и на способе, которым люди взаимодействуют с этой территорией. Это понятие связано с историей жизни индивида как в рамках Сибири, так и за ее пределами. Термин «сибиряк» в основном воспринимается как географическое обозначение, и к сибирякам относят всех, кто проживает в этом мегарегионе.

Сибирская идентичность в аспекте ее территориально-пространственной проекции формируется в результате взаимодействия с природной средой, что включает в себя восприятие пространства и свободы, а также преодоление трудностей и проявление стойкости в условиях жесткого климата и экономических вызовов. Ключевыми факторами, которые содействуют ее развитию, являются характерный ритм жизни, способы организации времени и активностей, а также разнообразные аспекты общего ощущения свободы [1].

Сибирская идентичность формируется благодаря деятельности местного населения, живущего в специфических условиях, включая территориальные, климатические, социальные, экономические и культурные факторы. Основные проявления сибирской идентичности делятся на две главные группы.

Первая группа – территориальная идентичность, которая не возникает сама по себе. Этот процесс требует активного участия, связанного с трансформацией окружающей среды и преодолением ее барьеров и сопротивления. Здесь акцент делается на культурные идентичности, которые развиваются через взаимодействие с окружающей действительностью.

Вторая группа – этническая идентичность, которая для респондентов с многоэтническими корнями выступает в роли своего рода «зонтичной» идентичности. Она не заменяет индивидуальную национальную принадлежность, но создает возможности для «согласования» значимых этнических и национальных аспектов, важных для каждого человека.

Матушка Сибирь для ее жителей представляется землей с особыми природно-климатическими условиями, со своей психологией общения и жизни, историческим и этнокультурным многообразием. Процесс формирования самосознания людей, живущих в Сибири, связан, в частности, с изменениями в экологическом движении, которые стали заметны в середине 80-х гг. XX в. В это время усиливается связь с родным краем – Сибирью, а также проявляется растущий интерес к ее священным и историческим ландшафтам [3, с. 27]. Мифоло-

гия становится важным элементом, влияющим на развитие сибирской идентичности, и в ее мифологическом контексте естественно вписаны такие образы, как Ермак со своими походами к рекам Сибири, декабристы с их супругами, а также процесс строительства Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей [5].

Региональная идентичность сибиряков в культурологическом дискурсе включает в себя разнообразные ментальные, мировоззренческие и психологические аспекты. Происхождение и содержание этих аспектов зависят от географических условий региона, его экономических характеристик, политико-административной структуры, а также специфики культурно-исторических и религиозных традиций. Кроме того, важную роль играют межкультурные взаимодействия между различными группами населения Сибири, включая коренные народы, старожилов и новоселов [6, с. 85].

В Сибири наблюдаются разнообразные способы актуализации сибирской идентичности, охватывающие культурные, политические, гражданские и другие сферы. Ожидается, что этот спектр будет продолжать расширяться в будущем [11, с. 85]. Позитивный взгляд на идентичность «сибиряк» выделяет ее среди других региональных и территориальных идентичностей в России. Невозможно сопоставить ее с новой идентичностью «россияне», которая относится к явному этническому аспекту русскости. Идентичность «сибиряк» становится все более привлекательной благодаря своей связке с коренными народами Сибири, что усиливает ее коренные корни и культурное наследие.

Среди исследователей имеются и сторонники наличия в сибирской идентичности политического компонента. В частности, журналисты А. Анисимова, О. Ечевская считают, что сибирская идентичность может рассматриваться как политический проект, так как она представляет собой одну из форм «новой солидарности». Это способ, с помощью которого одна группа публично выражает свое единство, стремясь к признанию своих отличий, культурных особенностей, а также социальных и экономических прав. Такую идентичность можно трактовать как национальную форму политического выражения [1].

Анализ исследований по проблеме гражданской и политической идентичностей, произведенных отечественными авторами, позволил сделать ряд выводов. Прежде всего, идентичность является базовым элементом мировоззрения и политической культуры как социальной группы, так и личности. Осмысливая и решая задачу воспитания патриотизма у населения России, необходимо начинать с формиро-

вания у него соответствующей гражданской и политической идентичностей.

Гражданская и политическая идентичности формируются не только и не столько на основе естественно протекающих процессов, но как результат целенаправленной деятельности государственных и общественных органов, учреждений и структур. Эта работа осуществляется в системном долговременном формате с учетом процессов и обстоятельств, развивающихся как внутри страны, так и за ее пределами. Большую роль в этом процессе играет опора на историю страны, классическую и современную литературу патриотической направленности.

Формирование и поддержание российской идентичности в современных условиях должны учитывать регулярную смену социально-политических установок, произошедших в мировоззрении населения страны за 107 прошедших лет. В рамках этого исторически небольшого периода российская имперская модель государственности сменилась на советскую, затем на российскую федеративную, в рамках которой населению была навязана либеральная политическая идеология, а с 2014 г. начался процесс возвращения к идеологии российской суверенности. Все эти мировоззренческие модели в настоящее время присутствуют в идеологическом и культурном дискурсах населения Российской Федерации.

Сибирская идентичность определяется как региональный вариант общероссийской идентичности, имеющий свои существенные свойства. Ее несущая конструкция базируется на географических особенностях сибирского мегарегиона, на специфических природно-климатических условиях, определяющих особенности жизни и трудовой деятельности его населения, а также на периферийном расположении относительно политического центра страны. Сложности транспортной коммуникации, некоторая культурная оторванность и цивилизационная вторичность в сравнении с европейской частью страны сформировали у сибиряков особую ментальность.

Список литературы

1. Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // Интелрос : журнальный клуб. 2012. № 3. URL: <https://intelros.ru/readroom/laboratorium/c3-2013/18752-sibiryak-obschnost-nacionalnost-ili-sostoyanie-dushi.html> (дата обращения: 13.10.2024).
2. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Abimperio: Новая имперская история постсоветского пространства. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 307–352.

3. Винокурова У. А. Постсоветский сибиряк: трансформация ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2011. № 2. С. 25–35.
4. Волкогонова О. Д., Полунов А. Ю. Политизация этничности в современной Украине: русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму // Россия и современный мир. 2008. № 2(59). С. 144–163. EDN JJWZJZ.
5. Головнева Е. В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // Эстетика и философия культуры. 2017. Т. 12, № 1. С. 113–117.
6. Гревнев В. М. Ментальные и психологические особенности сибиряков как ценностные модусы региональной идентичности (на примере Красноярского края) // Вестник культуры и искусств. 2019. № 4 (60). С. 84–93.
7. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М. : Институт социологии РАН, 2008. Вып. 7. С. 214–228.
8. Жигунова М. А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11–15.
9. Зайнутдинов А. Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 6. С. 335–343. EDN SIZRQF.
10. Зиновьев В. П. Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе // Российская государственность: исторические перспективы и современность : материалы Всерос. науч. конф. к 1150-летию российской государственности и 70-летию Кемеровской области. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. С. 120–123.
11. Зуляр Ю. А. Байкальское экологическое движение: история, достижения, проблемы и перспективы // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–1. С. 83–87.
12. Зуляр Ю. А. Парадигма и идеология общества позднего модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 11–28. EDN WNDLYL.
13. Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН. М. : Весь Мир, 2017. 992 с.
14. Исмагилов Н. Н. Проблема региональной идентичности в российском социокультурном пространстве // География и природные ресурсы. 2009. № 3. С. 129–134. EDN KWXBIZ.
15. Рудаков С. И., Филиппов К. Н. Политическая культура и гражданская идентичность как элементы политической системы общества // Философия и общество. 2020. № 1(94). С. 25–36. EDN RAGHIV.
16. Семененко И. С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.) / редкол. : И. С. Семененко (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.), В. В. Лапкин, П. В. Панов. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 86–101.
17. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран / под ред. А. С. Фетисова, И. С. Ивановой, И. М. Кузиной. Смоленск : Ойкумена, 2007. Вып. 17. С. 21–49. EDN WMJPWT.
18. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.) : монография / отв. ред. А. В. Немировская. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. 222 с.

19. Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с.

20. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей / под ред. М. Макфола и А. Рябова. М. :Гендальф, 1999. С. 87-136.

21. Филиппев К. Н. Политическая культура как фактор общественного развития // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Философия. 2020. № 1(35). С. 92-99. EDN ZJEGZV.

Civil and Political Identities of Siberians at the Present Stage: Methodological Justification

R. Y. Zulyar, Y. A. Zulyar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to an urgent problem for modern Russia – the formation of patriotism. The subject of her study is the understanding of the methodological foundations of Russian identity, through consideration of the basic positions of the phenomenon, models of Russian and all-Russian identities, as well as models of regional and Siberian identities. Identity is characterized by a variety of manifestations and the multiplicity of circumstances of its formation, which are influenced by local and regional peculiarities, various aspects of domestic and foreign policy, international processes and global politics. Political science in the modern period pays special attention to various aspects of regional identity. The currently available means and technologies of information communication have made it possible to make public many historical and local history features of regional life, revived forgotten mythologems, actualized and made available the features of private life. All this complicates the process of forming the civil and political identity of the country's citizens.

Keywords: Russian and all-Russian identity, civil and political identities, regional and Siberian identities.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: uzulyar@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7158-2592

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: uzulyar@yandex.ru, ORCID 0000-0002-7158-2592

Зуляр Раксана Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: raksana-m@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9320-519X

Zulyar Raksana Yurievna – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: raksana-m@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9320-519X

Влияние украинского кризиса на международные отношения

В. Н. Конышев

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Изучаются политические, экономические и военные последствия украинского кризиса, которые имеют региональные и глобальные аспекты. Искусственная политизация кризиса прикрывает борьбу США за сохранение гегемонии и ведет к дестабилизации международных отношений через нагнетание военной напряженности в различных регионах, гонку вооружений, эрозию международного права.

Ключевые слова: США, НАТО, коллективный Запад, украинский конфликт, угрозы безопасности.

Затягивание специальной военной операции (СВО) России на Украине, начавшейся в феврале 2022 г., привело к нарастанию конфликтных отношений между Россией и Западом, а также к изменениям, имеющим региональное и глобальное значение. В то же время не стоит преувеличивать весомость самого украинского кризиса, который стал лишь спусковым крючком взрывного ухудшения отношений России и Запада. Противоречия между Россией и Западом назревали длительное время и связаны с упадком гегемонии США. Отсюда возник соблазн навязать остальным мировой порядок, «основанный на правилах», вводимых по усмотрению Вашингтона. Такое понимание мирового порядка закреплено в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. [11]. Самое жесткое давление США и их союзники будут оказывать на государства, которые выступают с наиболее независимой политикой. Именно поэтому в фокус попадают Россия и Китай [4].

Новые «правила» позволяют обходить международное право, а на несогласных оказывается силовое давление. Для борьбы с Россией, выступившей за окончание гегемонии Запада еще в 2007 г., были выбраны методы «майданной революции», которая переросла в итоге в военное противостояние под флагом защиты «свободы и демократии» на Украине. Втягивание России в этот военный конфликт было обеспечено созданием безвыходной альтернативы: либо существенная уступка в сфере безопасности и, как следствие, полное политическое поражение В. Путина внутри страны, либо война. Таким образом, украинский кризис стал ярким выражением глобального кризиса управления, который привел к СВО и незаконным санкциям против России. Все это стало прологом важных последствий локального и глобального уровней.

Экономическое измерение

Одним из результатов введенного санкционного режима против России стала тенденция к деиндустриализации в Европе. Изначальный расчет был на быструю стагнацию российской экономики, но этого не произошло. Поэтому отказ от российского газа привел к повышению цен на энергоресурсы. При этом никакой замены источников энергии по типу «зеленой энергетики» не произошло, а США предлагают европейцам свой газ в 3–4 раза дороже, чем он стоит на внутреннем рынке. Как следствие, реальное производство перемещается из Европы в другие страны, прежде всего в США. Этим объясняется существенное снижение потребления газа в самой Европе. В течение 2022–2023 гг. оно сократилось на 25 %, что сравнимо с потреблением в 1990-е гг. По данным Еврокомиссии, рост ВВП на 2024 г. – 0,9 %. Экономический локомотив Европы, ФРГ, прогнозирует рост собственной экономики только 0,2 % [3]. «Младоевропейские» государства, изо всех сил поддерживающие санкции, также испытывают экономический спад. В Польше, претендующей на роль лидера этих государств, идет упадок химической и стекольной промышленности, а также производства минеральных удобрений.

Санкции в отношении России из-за украинского кризиса были призваны изолировать ее от мировых рынков. Но реальным итогом санкций стал рост экономических возможностей и политического влияния некоторых средних и даже малых государств, обычно находящихся на периферии международных отношений. Эти государства получили относительные преимущества по сравнению со странами, присоединившимися к санкциям, получая доступ к более дешевой энергии, сырью, некоторым технологиям из России, а также сохранив рынки сбыта в России. Из «средних» стран это Венгрия, Словакия, Турция, Пакистан, Египет, Индонезия, из периферийных – Боливия, Эквадор, Эфиопия и другие страны Африки. На перепродаже российских товаров за рубежом и торговом посредничестве в импорте в Россию получают прибыль Турция, Казахстан, Гонконг, Индия. Благодаря этому товары из Европы и США по-прежнему попадают в Россию.

Политическое измерение

Внутри западного мира происходит раскол по отношению к дальнейшей поддержке Украины. Внутри Европейского союза (ЕС) этому способствует протестное поведение Венгрии и Словакии. Внутри евроатлантического сообщества США пытаются переложить расходы на ЕС, мотивируя тем, что это дело прежде всего европей-

ской безопасности. В Европе некоторые эксперты опасаются, что если ЕС не возьмет на себя бремя расходов, то в будущем США снизят свои обязательства по гарантиям европейской безопасности [9, с. 7].

ЕС как организация утратил самостоятельность в формировании собственной оборонной политики после подписания третьей по счету Декларации о сотрудничестве между НАТО и ЕС в январе 2023 г. Согласно документу, страны ЕС должны рассматривать НАТО как основной инструмент обеспечения своей безопасности и участвовать во всех инициативах альянса. В декларации сказано, что оборонная политика ЕС «вносит позитивный вклад в глобальную и трансатлантическую безопасность, дополняет ее и совместима с НАТО» [8].

Некоторые эксперты считают, что в результате вполне возможно вовлечение в украинский конфликт европейского государства под флагом оборонной политики ЕС, а не НАТО. Тогда юридически НАТО, США и Великобритания могут переложить ответственность на ЕС [6], а за ответные военные действия Российской Федерации против этого конкретного государства (но уже как члена НАТО) можно по ситуации или использовать, или не использовать ст. 5 договора о совместной обороне. Например, если передаваемые Украине истребители F-16 будут стартовать с аэродромов Румынии и Польши для нанесения ударов по российским войскам, действующим на территории Украины, то Россия может нанести ответные удары по аэродромам, что можно расценить как нападение на члена НАТО. Но США могут решить и не вмешивать НАТО, оставив государства ЕС (Польшу, Латвию, Литву, Эстонию, Румынию) воевать с Россией за интересы США вне формальных рамок альянса.

Уже получилось так, что при нейтрализации мифических угроз в области энергетической безопасности США предложили странам ЕС отказаться от российского газа. Затем США переложили издержки по росту цен на энергоносители на европейцев – и зарабатывают на этом. Теперь европейцам придется подчинить интересам США – НАТО уже собственную политику военной безопасности, и опять издержки лягут на них же самих.

Другой важный аспект декларации состоит в отказе от принципа взаимной безопасности, т. е. равенства сторон в праве на безопасность, который десятилетиями лежал в основе системы европейской безопасности. В декларации прямым текстом указано, что тандем НАТО – ЕС будет защищать только интересы Евро-Атлантического региона. Тем самым декларация утверждает раскол мира на евро-атлантический и «другой», ассоциируемый прежде всего с Россией и Китаем [8].

Военное измерение

После начала СВО на Украине возросло геостратегическое значение Черноморского региона. Ранее он считался менее важным из-за своей замкнутости и ограничений на проход военных кораблей в проливы, согласно конвенции Монтрё. Однако воссоединение Крыма и создание военной инфраструктуры на полуострове значительно увеличили преимущества России. После отказа от поставок российского газа по северным маршрутам и уменьшения поставок через Украину значимость трубопроводов Черноморского региона для Европы стала намного выше. Но Турция выступает против расширения военного присутствия США и НАТО в регионе, претендуя на региональное лидерство. В итоге в 2024 г. США [10, с. 327] и НАТО [12] приняли решения о разработке собственных стратегий по обеспечению безопасности в Черноморском регионе, хотя некоторые европейские государства по-прежнему считают регион относительно менее значимым.

Присоединение к НАТО Швеции и Финляндии ухудшило стратегическое окружение России в Арктике и ведет к неоправданной милитаризации региона. Россия получила тысячу километров непосредственной границы с НАТО, что повышает угрозы для ее стратегических ядерных сил, две трети которых традиционно находились на Кольском полуострове. Никаких объективных оснований для нагнетания военной напряженности в Арктике нет, но Запад в течение нескольких лет все же «продавил» по политико-дипломатическим каналам идею о том, что Россия вынашивает агрессивные планы в Арктике в виде «гибридных войн» [2]. Теперь же с указанием на Украину внедряется миф, что Россия непременно нападет на соседей, если победит в СВО.

По всей видимости, НАТО уготовило Финляндии роль плацдарма для наступательных действий. В соответствии с этой установкой Финляндия увеличила военный бюджет на 36 % для модернизации вооруженных сил. США одобрили продажу систем ПВО «Праца Давида», ракет класса «воздух – воздух» AIM-9X Block II для истребителей, планирующих управляемых бомб AGM-154, модернизацию систем залпового огня M270 MLRS. К 2026 г. в Рованиemi планируется разместить 35 новейших истребителей F-35. Кроме того, Финляндия и США заключили двусторонний договор о военном сотрудничестве, что позволяет развернуть базы, склады техники и вооружений, проводить маневры, обеспечить военное присутствие США. Президент Финляндии А. Стубб допускает даже перемещение по территории

ядерного оружия «в случае необходимости». Правда, он сделал оговорку, что окончательное решение о возможности размещения ядерного оружия остается за правительством и парламентом [5, с. 48].

В Северной Европе просматриваются планы НАТО сформировать ударную группировку. Уже объявлено о создании совместной авиационной группы «Норвегия – Швеция – Финляндия – Дания», которая может быть нацелена как на Кольский полуостров, так и на Северный морской путь. В ее состав войдут 250 истребителей, которые будут действовать в соответствии с концепциями НАТО по ведению совместных операций [7].

В глобальном измерении украинский кризис спровоцировал новую гонку вооружений, которая связана с внедрением новых и прорывных технологий (Emerging and Disruptive Technologies). С одной стороны, это связано с военно-технологическим прогрессом в России и Китае, которые в ведущих западных странах воспринимаются как противники. С другой стороны, гонку стимулирует стремление США и НАТО удержать лидерские позиции военным путем вопреки объективной тенденции к перераспределению сил и многополярности.

В военном бюджете США на 2023 г. на научные исследования и опытно-конструкторские разработки было заложено средств в три раза больше, чем в 2018 г., они составили 130 млрд долл. В бюджете на 2024 г. ассигнования еще увеличены – до 145 млрд долл. Важнейшими приоритетами для Пентагона стали гиперзвуковые технологии, технологии направленной энергии (боевые лазеры, микроволновое оружие наземного, воздушного и космического базирования, средства электронной борьбы), искусственный интеллект, квантовые технологии. Одним из ключевых направлений, вызывающих особую тревогу экспертов, являются биотехнологии двойного назначения. С помощью военных биологических лабораторий разрабатываются летальные биоматериалы, технологии геномного изменения и другие, используемые для создания биологического оружия в нарушение Международной конвенции о его запрещении и уничтожении [1]. США не позволяют контролировать деятельность этих лабораторий, расквартированных во многих странах мира, включая Украину.

Быстрое внедрение инновационных технологий рассматривается как залог успеха НАТО в войнах будущего. Для этого планируется широкое сотрудничество гражданского и военного секторов, причем будут объединены усилия всех стран – членов НАТО через координационный центр оборонных инноваций альянса (Defense Innovation Accelerator for the North Atlantic), созданный в 2022 г. Ключевые

направления исследований двойного назначения: биотехнологии, искусственный интеллект, большие данные, кибербезопасность, гиперзвук, квантовые технологии, автономные системы, космос, технологии, меняющие возможности человека. Кроме того, создается Инновационный фонд НАТО для финансирования этих исследований [13].

Франция и Великобритания на национальном уровне быстрыми темпами наращивают расходы на инновационные разработки в оборонной сфере, но больше рассчитывают на кооперацию с союзниками, как в двустороннем формате, так и по линии НАТО. Правда, союзники не всегда готовы раскрывать друг другу секреты дорогостоящих разработок, что сохранит научно-технологический разрыв между США и ведущими государствами Западной Европы [1].

Таким образом, искусственная политизация украинского кризиса Западом представляет собой попытку удержать силой глобальную гегемонию США, но для легитимации это организовано под флагом защиты свободы и демократии. Украина стала лишь удобным «кейсом» для антироссийской консолидации западноевропейских стран, которые до этого вполне выгодно сотрудничали с Россией, несмотря на имеющиеся противоречия. Заданный тренд будет поддерживаться США, которые установили контроль за внешней политикой и оборонной политикой ЕС и с его помощью всеми силами стремятся «затормозить» эволюцию международной системы к многополярности. Но поскольку многополярность – это не антиамериканская «придумка», а отражение объективно произошедшего перераспределения совокупной силы в международной системе, силовой вариант политики коллективного Запада становится неизбежным. Этот тренд ведет к эскалации военной напряженности в Европе, в Черном море и в Арктике, к гонке вооружений по линии внедрения высоких технологий, эрозии международного права, открытому расколу на «золотой миллиард» и остальной мир.

Международная система в целом близка к конфликту, сравнению с Карибским кризисом, при этом качество политических элит Запада вызывает сомнение, удастся ли в этот раз вовремя остановиться. Но мощным сдерживающим фактором остается позиция «глобального Юга», которому коллективный Запад так и не сумел навязать антироссийскую риторику. Кроме того, проамериканские элиты, пришедшие к власти во многих европейских государствах, сталкиваются с растущим сопротивлением на внутривнутриполитическом уровне. В этом смысле, пусть через конфликты и войны, но эволюция к многополярности продолжается.

Исследование выполнено в рамках проекта № 116233367 «Развитие Северного морского пути как части “синей” экономики Арктической зоны Российской Федерации» по линии Санкт-Петербургского государственного университета.

Список литературы

1. Белобров Ю. НАТО: ведение высокотехнологичной войны // Международная жизнь. 2024. № 1. С. 36–45.
2. Коньшев В. Н. Арктика на грани гибридной войны? // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165.
3. Ледниковый период. Почему экономика ЕС «замерзает» с огромными запасами газа. URL: <https://finance.mail.ru/2024-03-19/lednikovyy-period-pochemu-ekonomika-es-zamerzaet-s-ogromnymi-zapasami-gaza-60271900/> (дата обращения: 20.03.2024).
4. Мажуга С. Н., Толстых В. В. Характерные особенности современных международных отношений и их влияние на сотрудничество между государствами // Военная мысль. 2023. № 9. С. 6–20.
5. Плевако Н. С. Президентские выборы в Финляндии 2024 г. // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 7 (339). С. 44–50. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics1720244450>.
6. Филатов С. НАТО + Евросоюз – новый военный блок «золотого миллиарда». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38557> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Четыре страны Европы решили создать флот из 250 истребителей. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2023/641de19f9a79478488c8ba0c> (дата обращения: 10.03.2024).
8. Joint Declaration on the EU-NATO Cooperation, 10 January 2023. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/1/pdf/230110-eu-nato-joint-declaration.pdf (access date: 23.03.2024).
9. Karjalainen T. EU Support for Ukraine: the paradox of Insufficient Assistance // FIA Biefing Paper 385. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2024/03/bp385_eu-support-for-ukraine.pdf (access date: 20.03.2024).
10. National Defense Authorization Act for fiscal Year 2024. H. R. 260. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-118hr2670enr/pdf/BILLS-118hr2670enr.pdf> (access date: 22.03.2024).
11. National Security Strategy. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (access date: 23.03.2024).
12. Strengthening Stability and Security in the Black Sea Region Following Russia's Military Invasion of Ukraine. URL: <https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2023-10/Resolution%20485%20-%20BLACK%20SEA%20REGION.pdf> (access date: 20.03.2024).
13. Vilnius Summit Communiqué 11 July 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en Affiliated test center (access date: 02.03.2024).

Impact of the Ukrainian Crisis on International Relations

V. N. Konyshov

Russian Presidential Academy of People Economy and Public Administration, Saint-Petersburg

Abstract. The article explores political, economic and military consequences of the Ukrainian crisis, which have regional and global aspects. Artificial politicization of the crisis

covers the US struggle for preserving hegemony and leads to destabilization of international relations through the escalation of military tension in various regions, arms race, degradation of international law.

Keywords: U. S., NATO, the West, Ukrainian conflict, security threats.

Коньшев Валерий Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительного политического анализа, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: konyshev06@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7257-6848

Konyshev Valery Nikolaevich – Doctor of Science (Political Science), Professor, Head of Department of Comparative Political Analysis, Russian Presidential Academy of People Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russian Federation, e-mail: konyshev06@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7257-6848

УДК 327

Проблемы становления евразийского регионализма

М. Л. Лагутина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Исследуется феномен евразийского регионализма. Автор ставит проблему теоретического осмысления в российской и зарубежной литературе данного феномена и его практической имплементации на практике. Рассматриваются особенности и причины провала постсоветского регионализма, предпосылки становления евразийской модели регионализма. В качестве кейса выбран Евразийский экономический союз, в основе создания которого лежала идея построения «нового» поколения регионализма на евразийском пространстве. Автор предлагает рассмотреть различные формы и модели современного евразийского регионализма, обсудить ключевые трудности построения единого регионального пространства в Евразии и попытаться выявить отличительные черты современного евразийского регионализма. В заключение поднимается вопрос о перспективах развития евразийского регионализма в условиях нынешнего геополитического кризиса.

Ключевые слова: регионализм, постсоветское пространство, постсоветский регионализм, Евразия, Большая Евразия, евразийская интеграция, евразийский регионализм, Россия, Евразийский экономический союз, «Большое евразийское пространство».

Сегодня постсоветское евразийское пространство представляет собой уникальный пример регионализма с точки зрения теории и практики. С одной стороны, постсоветскому евразийскому пространству и процессам интеграции в регионе посвящено большое количество публикаций, с другой – постсоветский, а в дальнейшем – евразийский регионализм был и остается «самым загадочным явлением для изучения» [21]. Этот парадокс во многом обусловлен особенностями практической реализации постсоветского регионализма

и низкой эффективностью постсоветской интеграции. Постсоветская региональная интеграция по-прежнему характеризуется процессами умножения числа соглашений без демонстрации реальной эффективности как в области социально-экономического сотрудничества, так и в сфере безопасности. Сегодня важно понять, почему институты постсоветского пространства работают неэффективно. Почему постсоветский и евразийский регионализм до сих пор выглядят «загадочными» явлениями?

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) с самого начала позиционировался как организация нового поколения региональной интеграции, как новый этап в развитии евразийской, а не постсоветской интеграции. Но является ли он эффективной структурой? Какой тип регионализма представляет собой ЕАЭС?

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть процесс становления и развития евразийского регионализма, его различные формы и модели, обсудить ключевые трудности построения единого регионального пространства в Евразии и попытаться выявить отличительные черты современного евразийского регионализма.

Проблемы терминологии и концептуализации евразийского регионализма

В современной русскоязычной литературе практически не используется термин «евразийский регионализм» [19]. Вместо этого авторы в своих публикациях часто обращаются к таким терминам, как «евразийская интеграция», «интеграция на постсоветском пространстве» [2; 6; 7; 13]. Термин «евразийский регионализм» обычно используется в англоязычном научном дискурсе [15; 16; 18; 20], и при этом следует отметить, что применяют этот термин к совершенно разным интеграционным проектам: Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружеству Независимых Государств (СНГ) и ЕАЭС.

На наш взгляд, следует различать термины «интеграция» и «регионализм». Так, интеграцию следует рассматривать как объединительный процесс в мирополитической практике, как инструмент, который используется разными странами для объединения с целью эффективного решения глобальных и региональных проблем («вызовов» глобализации) [9]. В свою очередь, регионализм представляет собой «совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание или повышение степени обеспечения безопасности и благосостояния населения, мира и развития в регионе, т. е. стремление при участии различных акторов реоргани-

зовать то или иное региональное пространство» [22, р. 10]. Таким образом, российские авторы свое внимание в большей степени уделяют практическим и инструменталистским аспектам развития региональных процессов в современной Евразии, в ущерб его идейным и ценностным основаниям. Начиная еще с этапа постсоветской интеграции, особого интереса в экспертной среде к концептуализации этого феномена не было, большая часть публикаций 1990-х гг. на русском языке, посвященных созданным на этом пространстве региональным структурам, носила описательный характер. Ситуация стала меняться в начале второго десятилетия 2000-х гг., когда стало очевидно, что для создания эффективной региональной структуры на постсоветском евразийском пространстве требуется не только политическая воля его создателей, но и теоретическое обоснование региональных интеграционных процессов, а самое главное – общая стратегия развития региональных процессов в постсоветской Евразии. В результате в последнее время стали появляться публикации, в которых авторы предлагают попытки теоретического осмысления и концептуализации евразийской интеграции и даже евразийского регионализма (например, концепция прагматического евразийства [4], концепция евразийской континентальной интеграции [5], ревизионистский регионализм России на постсоветском пространстве [11], концепция глобального евразийского региона [1; 8] и др.

Особенности и причины провала постсоветского регионализма

К концу первого десятилетия 2000-х гг. стал очевиден провал постсоветского регионализма, нашедший свое проявление в том, что все созданные на постсоветском пространстве в 1990-е гг. региональные структуры представляли собой классические международные организации, созданные в основном по инициативе «сверху». На наш взгляд, в случае регионализации постсоветского пространства если и можно говорить о регионализме, то его следует относить, без сомнения, к поколению «старого» регионализма. Содержательными характеристиками постсоветского регионализма можно назвать:

- отсутствие концептуального содержания региональной интеграции;
- преобладание интеграционных структур, относящихся к поколению «старого» регионализма (межгосударственный характер, интеграция «сверху»);
- превалирование интеграционных инициатив, которые сводятся к «интеграционным ритуалам», когда на смену подписанным ранее и не исполненным соглашениям приходили новые, примерно с

таким же содержанием, которые также не планировалось исполнять [17];

- присутствие регионального лидера – России, в результате – явная асимметрия отношений ключевых участников региональных процессов;

- высокий конфликтный потенциал региона, т. е. процессы построения региона не привели к формированию региональной сплоченности, а, наоборот, усилили конфронтационные настроения участников региона.

Однако в итоге, по мнению российского исследователя Е. Б. Михайленко, России все же удалось сформировать так называемый комплексный регионализм на постсоветском пространстве [19], включающий четыре измерения:

- политическое (СНГ и Союзное государство России и Белоруссии),
- военное (ОДКБ),
- политико-экономическое (ШОС),
- экономическое (тогда еще – ЕврАзЭС).

В основе проекта лежала идея создания Регионального комплекса безопасности, включающего ШОС и ОДКБ, и Регионального экономического комплекса (ЕврАзЭС) [12]. Как отмечает Е. Б. Михайленко, на начальном этапе уровень регионализации был высоким, страны проводили ежегодные встречи, создавали институциональную инфраструктуру, приглашали других партнеров в качестве наблюдателей (Индия, Пакистан в ШОС). Но этот масштабный проект встретил сопротивление со стороны ряда государств, которые были нацелены на участие в западноевропейских проектах. Россия также столкнулась с проблемой конкуренции с другими региональными политическими и экономическими игроками, в первую очередь, с ЕС и Китаем, а также США. К этому следует добавить проблему неустойчивых политических режимов в постсоветских странах. Так, «цветные революции» на Украине и в Грузии привели к охлаждению отношений между этими странами и Россией [19].

Неудовлетворенность России и других стран участием в региональных организациях постсоветского пространства определяется:

- отсутствием общего понимания целей ключевых организаций;
- отсутствием единой стратегии региональной интеграции;
- отсутствием реальной эффективности региональных организаций;

- соперничеством внутри ряда региональных организаций (Китай и Россия в ШОС);
- низкой степенью информированности населения о выгодах региональной интеграции.

В конечном итоге это подтолкнуло руководителей ряда стран региона к мысли о запуске нового этапа интеграции. К концу первого десятилетия 2000-х гг. стали предлагать отказаться от развития низкоэффективного «постсоветского регионализма» и сделать акцент на формировании «евразийского» открытого регионализма [3]. Так, в конце второго десятилетия 2000-х гг. начали говорить о необходимости создания структуры нового поколения, построенной на принципах «нового» регионализма. Проект создания ЕАЭС стал рассматриваться как попытка реализации «нового» регионализма на постсоветском евразийском пространстве.

ЕАЭС – попытка реализации нового регионализма на постсоветском евразийском пространстве

Известно, что в основу проекта ЕАЭС была положена институциональная модель ЕС, хотя к концу первого десятилетия 2000-х гг. общемировой тренд уже состоял в отходе от универсализма европейской модели (в рамках концепции сравнительного регионализма). Одной из причин обращения к проекту ЕАЭС стала неудовлетворенность связями с ЕС на уровне отдельных государств. С целью создания равнозначного для ЕС партнера был задуман новый Евразийский союз по европейской модели. В будущем рассматривалась возможность создания зоны свободной торговли, в основе которой лежала концепция «Большой Европы». Затем под влиянием геополитических трансформаций 2014 г. идея «Большой Европы» трансформировалась в «Большую Евразию», концептуальная разработка которой все еще продолжается.

Проект ЕАЭС с самого начала позиционировался как проект нового поколения региональной интеграции, как новый этап в развитии постсоветской, уже евразийской интеграции.

Во-первых, новизну ЕАЭС обеспечивало наличие наднациональной структуры – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), созданной еще до появления самого Союза в 2012 г., и планов по созданию других, аналогичных ЕС наднациональных институтов (Евразийского парламента и пр.). Но большинство стран – членов ЕАЭС на практике оказались не готовы отдавать часть своего суверенитета наднациональным органам, развитие наднациональных органов пока идет очень медленно.

Во-вторых, новым также стала возможность участия Армении в евразийской интеграции, которая не имеет общих географических границ с другими членами ЕАЭС, но вполне успешно участвует в построении общих пространств ЕАЭС (возможность конструирования «общих пространств» региона).

В-третьих, активное развитие «внешнего» контура интеграции за пределами постсоветского пространства (создание зон свободной торговли с третьими странами, налаживание контактов с другими региональными блоками). Тем самым ЕАЭС начал последовательно выстраивать систему интеррегиональных и трансрегиональных связей.

В-четвертых, идеологической основой евразийской интеграции стала концепция прагматического евразийства [4], которая характеризуется следующими положениями:

- интеграция – не цель, а инструмент решения насущных проблем вовлеченных государств, главной из которых является модернизация экономик;
- направленность на обеспечение «интеграции снизу» – свободного перемещения товаров, услуг, труда и капитала; что является гарантией устойчивости интеграционного проекта в условиях изменчивости внешней конъюнктуры;
- приоритет экономической составляющей и необходимость серьезного подхода к расчету баланса долгосрочных выгод и потерь;
- принцип субсидиарности: делегирование на наднациональный уровень решения ряда задач;
- значимость социально-культурной интеграции: укрепление межнационального и межрелигиозного мира; роль русского языка, образовательные и научные обмены;
- намерение не создавать крепость «Евразия»: развивать «внешний вектор» интеграции [4].

Развитие евразийского регионализма до сих пор продолжается, хотя очевидно, что в ближайшей перспективе будут скорее всего внесены серьезные коррективы с учетом изменений мировой геополитической ситуации после начала специальной военной операции в феврале 2022 г. По-прежнему идет процесс поиска новых идей и форм регионализации в Евразии [19], и в новых условиях данная задача получает еще большую актуальность.

Так, продолжением развития евразийского регионализма на «внешнем контуре», безусловно, стала инициатива российского президента, озвученная им в 2016 г. – «Большое евразийское партнер-

ство» (БЕП), ставшая новой конструкцией евразийского регионализма под руководством России. Тем самым Россия заявила о своей активной роли в построении евразийских региональных проектов и неготовности быть пассивным участником «чужих» проектов и инициатив (Китая и ЕС).

К сожалению, до сих пор нет никаких официальных документов, поясняющих концептуальные основы данной российской инициативы. Однако на основе анализа речи В. В. Путина в 2016 г. можно определить БЕП как сеть зон свободной торговли и сопряжение региональных интеграционных процессов на пространстве «Большой Евразии» (общее экономическое пространство «от Лиссабона до Шанхая и от Мурманска до Нью-Дели»). На данном этапе предполагается, что на практике БЕП будет опираться на сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений между ЕАЭС, КНР, странами – членами Шанхайской организации сотрудничества, АСЕАН. На первом этапе эти соглашения касаются упрощения и унификации правил отраслевого сотрудничества и инвестиционных, технических регламентов, таможенных и фитосанитарных процедур, интеллектуальной собственности. В долгосрочной перспективе – сокращение таможенных пошлин и в конечном счете – создание зоны свободной торговли [14]. Реализация БЭП до недавнего времени осуществлялась в рамках международной деятельности ЕАЭС и создания зон свободной торговли с третьими странами (например, Вьетнамом, Ираном и др.), сформировав тем самым «внешний контур» интеграции.

Этот проект в основном опирается на те институты, в которых Россия играет главную роль: в значительной степени – на ЕАЭС и в меньшей степени – на СНГ, ШОС, а также на АСЕАН и даже на неформальную переговорную структуру БРИКС [10]. Сегодня проект БЕП вызывает скепсис у западных партнеров, тем не менее эта идея неоднократно упоминалась во всех официальных выступлениях российского руководства.

Таким образом, мы являемся свидетелями становления евразийского регионализма. Современный евразийский регионализм, на наш взгляд, работает на двух уровнях: региональном и межрегиональном. На региональном уровне ЕАЭС рассматривается как основа для региональной интеграции; на межрегиональном уровне ЕАЭС должен развивать отношения с другими странами и регионами (ШОС, СНГ, АСЕАН, ЕС и др.). Эта двухуровневая модель стала новой конструкцией евразийского регионализма.

2022 г. стал особым в истории евразийской интеграции. Очевидно, что события, а точнее, их последствия оказали влияние на перспективы развития евразийского регионализма. Особенность 2022 г. заключается в наложении мощных негативных факторов политического характера на экономические сложности на всех уровнях – от национального до континентального. Несомненно, ЕАЭС и БЭП ожидает период весьма непростой и, возможно, болезненной трансформации в первой половине 2020-х гг. Результат этого процесса зависит от общности взглядов глав стран – членов ЕАЭС на пути выхода из кризиса, их способности наконец выработать общую стратегию развития региональных процессов на пространстве Евразии.

Список литературы

1. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции : монография. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012. 423 с.
2. Ветренко И. А. Евразийская интеграция как стратегический выбор России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1 (31). С. 78–83.
3. Винокуров Е. Открытый регионализм в Евразии: от постсоветской к евразийской интеграции // Доклады XIII Апрельской Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества». ВШЭ, 3–5 апр. 2012 г., Москва. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/cae8569b21002a4b5f51e701afc5724438f21621.doc> (дата обращения: 29.03.2024).
4. Винокуров Е. Ю. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950> (дата обращения: 15.03.2024).
5. Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб. : Евразийский банк развития, 2012. 224 с.
6. Жильцов С. С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 1. С. 7–15.
7. Зиновьев В. П., Троицкий Е. Ф. Евразийская экономическая интеграция: эволюция, проблемы и перспективы // Русин. 2016. № 4 (46). С. 236–251.
8. Лагутина М. Л. Мир регионов в структуре мировой политической системы 21 века. СПб. : С.-Петербург. гос. политехн. ун-т, 2016. 300 с.
9. Лагутина М. Л. Понятие «международная интеграция» и теории интеграционных процессов / Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / [под. ред. В. И. Михайленко]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 40–69.
10. Лагутина М. Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. 2022. Т. 13 (1). С. 66–82.
11. Михайленко Е. Б. Сложности построения российского регионализма на постсоветском пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 81–87.
12. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). С. 45–53.
13. Паньков В. С. Интеграция и дезинтеграция на постсоветском пространстве // Мир перемен. 2007. № 3. С. 128–142.

14. Российская Большая Евразия и китайский Новый Шелковый Путь: приспособление, а не конкуренция. 18.08.2016. URL: <https://bsblog.info/rossijskaya-bolshaya-evraziya-i-kitajskij-novyy-shelkovyj-put-prisposoblenie-a-ne-konkurenciya> (дата обращения: 12.03.2024).
15. Aris S. Eurasian regionalism: The Shanghai Cooperation Organization. Palgrave Macmillan, 2011.
16. Kavalski E. Eurasian regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, N 10. P. 1945–1946.
17. Kubicek P. The Commonwealth of Independent States: An example of failed regionalism? // *Review of International Studies*. 2009. N 35. P. 237–256.
18. Libman A. The Rise and Fall of the Eurasian Regionalism // *Economist Voice*. 2023. Vol. 20, N 2. P. 267–274.
19. Mikhaylenko E., Mikhaylenko V. Eurasian Regionalism: Specifics, Problems and Prospects // *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* / ed. by M. Lagutina. IGI Global, 2020. P. 16–36.
20. Molchanov M. A. Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy. N. Y. : Routledge, 2016.
21. Obydenkova A. V., Libman A. Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford : Oxford University Press, 2019.
22. Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. N. Y. : Zed Books Limited, 2001.

Problems of Post-Soviet/Eurasian Regionalism Formation

M. L. Lagutina

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of post-Soviet/Eurasian regionalism. The author raises the issue of theoretical understanding in Russian and Western literature and practical implementation of this phenomenon in practice. The author considers the features and reasons for the failure of post-Soviet regionalism and the prerequisites for the formation of the Eurasian model of regionalism. The case study is the Eurasian Economic Union (EAEU), which was based on the idea of building a "new" regionalism on the post-Soviet/Eurasian space. The author proposes to examine various forms and models of modern post-Soviet/Eurasian regionalism, discuss the key difficulties of building a unified regional space in Eurasia and try to identify the distinctive features of modern Eurasian regionalism. The conclusion raises the question of the prospects for the development of Eurasian regionalism in the current geopolitical crisis.

Keywords: regionalism, post-Soviet space, post-Soviet regionalism, Eurasia, Greater Eurasia, Eurasian integration, Eurasian regionalism, Russia, EAEU, Greater Eurasian Space.

Лагутина Мария Львовна – доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: m.lagutina@spbu.ru, ORCID: 0000-0001-6240-7488

Lagutina Maria Lvovna – Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor of the Department of World Politics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: m.lagutina@spbu.ru, ORCID: 0000-0001-6240-7488

Теория политического лидерства Никколо Макиавелли

А. К. Рожкова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается теория политического лидерства, основанная на прагматическом подходе итальянского мыслителя Нового времени Никколо Макиавелли. В его учении представлен свод рекомендаций для политика, касающихся особенностей проведения политического курса, стиля управления, взаимодействия с подданными и противниками. Макиавелли подробно рассмотрел личностные качества политика, которые позволили укрепить власть на пользу государству. Автор, проанализировав основной политико-философский труд «Государь», делает выводы об исторически первой модели политического лидерства – теории эффективного лидерства.

Ключевые слова: политическое лидерство, национальный лидер, кризис в обществе, суверенитет, Никколо Макиавелли.

Сегодня Россия находится в сложнейших исторических обстоятельствах беспрецедентного давления со стороны всего западного мира, в таких условиях, когда необходимо отстоять государственный суверенитет, само существование нашего государства, актуализируется роль политического лидера, а в науке – проблема политического лидерства. В Стратегии национальной безопасности России подчеркивается, что «актуальной становится проблема политического лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства» [4].

В любой группе людей выделяется лидер – человек, который принимает решения и несет ответственность за них. Средством поддержания его статуса является авторитет, распределение ролей в группе, так называемая харизма, присущая всем лидерам.

Политическая власть, в чьих бы руках она ни находилась, по своей природе строго иерархизирована. Ее представляют в виде пирамиды, на вершине которой находятся высшие органы управления государством и непосредственно его глава. На каждом промежуточном уровне данной пирамиды существует группа руководителей (политических лидеров), представляющих собой аппарат власти.

Именно в переходные моменты исторического развития, когда необходимо предотвращать угрозы распада государства, отвечать на геополитические вызовы, противостоять внешним и внутренним противникам власти, повышается персонифицированная ответственность перед обществом за проводимую лидером политику.

Именно политический лидер персонифицирует государственную власть и управление в глазах общества.

Проблема политического лидерства имеет богатую историю, начиная с работ античных философов (Платон, Аристотель, Цицерон, Марк Аврелий, Эпикур и др.) и заканчивая работами современных политологов (К. Бирд, Т. Хилток, Р. Такер, А. И. Демидов, Н. А. Косолапов, Г. Г. Дилигенский, О. Ю. Рыбаков).

Политическое лидерство, по мнению И. Н. Коновалова, «представляет собой социальную функцию, детерминированную умением человека осознанно ставить общезначимые цели и определять способы их достижения в рамках создаваемых для этого политических институтов» [5, с. 271].

В политологии активно разрабатываются разнообразные теории политического лидерства. Например, теория черт (Э. Богардус, Р. Стогдилл), ситуационная теория (В. Дилл, А. Голднер), теория определяющей роли, психологическая, интегративная теория лидерства и др.

Изначально проблема политического лидерства рассматривалась в русле индивидуальной роли конкретных исторических лидеров-политиков, т. е. государственная политика зависела от конкретных личностных черт и устремлений политического лидера.

Однако именно Никколо Макиавелли (1469-1527) стал основоположником направления по исследованию феномена политического лидерства. Впервые им был выдвинут тезис «о том, что не должно быть ограничений в способах и в использовании силы для благополучия и укрепления государства» [6, с. 301].

Никколо Макиавелли – оригинальный представитель политико-правовой мысли Нового времени, который «имеет двойственную репутацию: с одной стороны, его учение можно привести в качестве примера того, как следует управлять государством, с другой – назвать циничным политиком, допускавшим, в случае необходимости, применять любые средства ради достижения цели» [2, с. 69], полагает Р. Р. Кильметова.

Именно он, анализируя правовую реальность, «применил прагматический подход: постигать истинное положение вещей, а не рассматривать некие воображаемые государственные и политические конструкции или ситуации» [5, с. 45]. В XX в. эта часть его учения стала называться теорией эффективного лидерства в рамках личностной концепции. Она заключается в следующих тезисах:

1) власть политического лидера зиждется на поддержке его сподвижников;

2) у подданных должно быть понимание, чего ожидать от своего лидера;

3) лидер должен обладать волей к выживанию, к успешному достижению поставленных целей [5, с. 45];

4) государь должен быть примером добродетели в глазах подданных;

5) правитель должен опираться не только на духовную власть, но и на собственную армию.

Учение Макиавелли ассоциируется с безнравственным принципом политического поведения политика – «макиавеллизмом», хотя им был обоснован тезис о зависимости стабильности государства и принципом законности: «например, Спарта просуществовала как суверенное государство-полис без губительных смут именно благодаря повсеместному соблюдению законов» [3, с. 10]. Ученый полагал, что абсолютизировать силу закона тоже нельзя: во-первых, в период социальных потрясений законы довольно быстро устаревают; во-вторых, эффективность действия права заключается в балансе традиций и новаций; наконец, в силу ошибок юридической техники и неточного толкования терется изначальный замысел законодателя, поэтому требуется пересмотр закона. Что касается роли политического лидера в правовой системе государства, то Макиавелли не исключал такого варианта: если законы отвечают запросам времени и не ведут к утрате власти, то политик должен ориентироваться на них.

Макиавелли приписывают широко известный политический афоризм: «все средства хороши для достижения целей» (политика силы, политический аморализм). Однако в таком ключе «он рассматривал один из возможных вариантов развития политического сценария» [7, с. 67], когда для выживания государства и народа политику допустимо поступать аморально, подкупать конкурентов, мстить, шантажировать и т. п. Что лучше для политика: быть щедрым или бережливым, жестоким или милосердным, должен ли он держать слово, нужно ли избегать ненависти, презрения, лести? Макиавелли делает вывод, что привычные добродетели не применимы к правителю государства. «Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство» [3, с. 51].

Макиавелли подчеркивает роль политического предвидения, так как мудрый правитель должен думать не только о сегодняшнем дне, «римляне принимали меры сразу, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны не избежать, ее можно лишь оттянуть – к выгоде противника» [3, с. 25].

Сила власти конкретного лидера, по мнению Макиавелли, зависит от его «доблести», не так важно при этом, как он получил власть: «своей отвагой и решительностью или по милости судьбы. Однако кто меньше полагается на милость судьбы, тот дольше удержится у власти» [3, с. 29].

Макиавелли детально анализирует основы взаимодействия политического лидера и подданных. Только сочетание любви и страха может позволить удержать власть, поэтому правитель должен быть и справедливым в отношении сторонников, и суровым, даже безжалостным, к врагам: «чтобы упрочить свою власть, достаточно искоренить род прежнего государя, соблюдать заведенные обычаи, сохранить прежние законы и подати» [3, с. 18].

В седьмой главе «Государя» он подводит своеобразный итог своих рекомендаций Лоренцо де Медичи: государь должен обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой и хитростью, внушать страх и любовь народу, солдатам – послушание и уважение, иметь свое надежное войско, устранять людей, которые могут навредить, проявлять суровость и милосердие, великодушие и щедрость по ситуации, вести дружбу с правителями и королями так, чтобы они либо оказывали услуги, либо воздерживались от нападения.

Кроме сильного политического лидера, для успешного функционирования и развития такой сверхсложной системы, как социум, необходима цель или алгоритм: национальная идея. Такой идеей во времена Макиавелли была идея сохранения суверенитета и объединение Италии в независимое от посторонних политических сил государство. Именно политический лидер при поддержке элиты должен сформулировать и реализовывать эту идею. Поэтому так важно, чтобы он зрел в корень национальных интересов, отстаивал их на международной арене и придавал траекторию развития обществу и государству.

Макиавелли можно считать и основоположником идеи персонификации политического лидерства. М. А. Казаков полагает, что она «состоит в персонализации политического продукта лидера как востребованного решения общественной проблемы, его восприятию как общего блага, достижение которого в данном случае осуществляется через персонификацию образа лидера, его политики и власти» [1, с. 60].

Таким образом, Никколо Макиавелли на основе прагматического подхода успешно анализировал политический опыт истории, оценивал политические решения и характер лидеров прошлого и Нового времени, делал выводы об эффективности реализации того или иного политического сценария. Его учение – это ответ на проблему разрозненности княжеств современной ему Италии. Он один из первых дал практические рекомендации к построению суверенного, единого государства на основе перехода от централизованной монархии к республиканской форме правления. В «Государе» он предвидел, что эта форма правления оптимальна для Италии.

Список литературы

1. Казаков М. А. Персонализация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 54–61.
2. Кильметова Р. Р. Политико-правовые учения Никколо Макиавелли // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4 (54). С. 69–72.
3. Макиавелли Н. Государь: Антология мировой философии. М. : АСТ, 2011. 120 с.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2024).
5. Политология для юристов: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юрист, 2009. 787 с.
6. Сидорова Д. В., Кондрашова Я. К. Сущность политического лидерства: понятие, теории // Форум молодых ученых. Политологические науки. 2021. № 1. С. 301–303.
7. Иконникова Г. И., Ляшко В. П. Философия права : учебник. М. : Юрайт, 2011. 351 с.

On the Issue of Political Leadership: on the Anniversary of Niccolo Machiavelli

A. K. Rozhkova
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the problem of political leadership, based on the pragmatic approach of the Italian modern thinker Niccolo Machiavelli. His teaching reflected emerging trends in European political reality regarding the role of secular laws, the role of the church and its influence on the political elite. The author, having analyzed the main political and philosophical work “The Prince”, draws conclusions about the historically first model of political leadership – the theory of effective leadership in politics.

Keywords: political leadership, national leader, crisis in society, sovereignty, Niccolo Machiavelli.

Рожкова Анна Константиновна – преподаватель, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: rannette@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1999-4212

Rozhkova Anna Konstantinovna – Lecturer, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rannette@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1999-4212

Наследие прошлых империй в современных электоральных процессах государств Центральной и Восточной Европы

М. Л. Рыбалко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается электоральное соперничество между политическими партиями в государствах Восточной и Центральной Европы, привлекающее внимание многих исследователей. Отмечается, что электоральные карты посткоммунистической Польши показывают повторение исторических границ Австро-Венгерской, Германской, Российской империй в XIX в., что сказывается в расстановке политических сил, четком размежевании территорий электоральной поддержки; пример Румынии также свидетельствует о сохранении очень схожих границ в ряде политических выборов. Подчеркивается, что на протяжении всего постсоветского периода Украина представляет вариант страны идеологических разломов, деления на две противостоящие политические силы. Представлены основные факторы таких расколов общества некоторых стран Восточной и Центральной Европы.

Ключевые слова: империя, границы, идеологические противоречия, разломы, Восточная и Центральная Европа, Польша, Румыния, Украина, выборы, политические предпочтения.

Данная работа отражает взаимосвязь между историей и политологией, границами империй прошлого и современными электоральными событиями. Карты политических выборов в некоторых государствах Восточной (бывшие республики СССР, расположенные в Европе) и Центральной (бывшие социалистические государства) Европы напоминают о прежних владениях империй – российской, австрийской (австро-венгерской), германской. Электоральная поддержка политических партий зависит от определенных регионов, входивших в состав прошлых империй. Несколько государств имеют эмпирическое доказательство зависимости своей современной политики от достаточно далекого прошлого.

Цель исследования – это определение основных механизмов воздействия пространств империй прошлого на современные политические процессы. В статье также рассматриваются основные факторы влияния истории на парламентские и президентские выборы и влияние исторического наследия на расширенные системы ценностных ориентаций различных регионов.

Для понимания взаимосвязи исторического наследия и современных политических выборов необходимо обратиться к литературе по формированию политических партий (групп) и политической

культуре. Различные типы политической культуры присущи странам мира [1]. Теория Cleavages (расколов) Сеймура М. Липсета и Стейна Роккана определяет противоречия в обществе (стране), которые характеризуют процесс становления политических партий [4]. Различия среди населения определяются по таким расколам, как сельский – городской, центр – периферия, церковь – государство (светскость), владелец – рабочий (арендатор).

Различия политических предпочтений электората в зависимости от региона проживания представлены во многих политологических исследованиях. Одной из самых значимых работ является исследование особенностей политики в южных штатах США «Южная политика в штате и нации» [3]. Территория южных штатов выделялась в политическом и экономическом плане (использование рабского труда чернокожего населения) своего развития. После окончания Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) южные штаты стали оплотом Демократической партии, противостоящей Республиканской партии, созданной президентом Абрахамом Линкольном. Такая ситуация продолжалась более века. Только уже во второй половине XX в. стали меняться предпочтения северных и южных штатов, что более известно в литературе как Realignment. Эта политическая трансформация, перестановка (перестройка, реорганизация) охватывает партийную идеологию, ключевые темы (вопросы) выборов, лидеров, региональные демографические базы поддержки. К концу XX в. Демократическая партия получила поддержку северных и тихоокеанских штатов США, афроамериканцев, женщин, бедных слоев населения. В этой группе также были избиратели, которые были обеспокоены экологическими вопросами и активно поддерживали политику регулирования экономики и вмешательства государства. В свою очередь, Республиканская партия к концу XX в. укрепилась в южных штатах, получив поддержку консервативного белого населения. Таким образом, выборы в США демонстрируют пример воздействия на современные электоральные процессы населения «эксклюзивной» территории южных штатов, их особенной истории, ключевых групп элит.

Кроме кейса США существуют несколько других примеров государств со значительными региональными отличиями. В литературе по политической культуре наиболее заметен кейс Италии, представленный в работе профессора Гарвардского университета Роберта Патнама «Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии» [5]. На примере Италии выделяются две противоположные политические культуры севера и юга. Северные регио-

ны Италии имеют высокий уровень гражданской активности населения, эффективные государственные институты, которые схожи с Германией и государствами Северной Европы. В свою очередь, южная часть страны имеет феодальные пережитки, авторитарный тип правления и организации политической жизни, высокий уровень коррупции и преступности.

Воздействие трех империй наиболее заметно на примере посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы. Разделение по поводу цивилизационного выбора представителя Восточной Европы – постсоветской Украины – было явно региональным: западные регионы отдавали предпочтение Европейскому союзу, в то время как восток и юг предпочитали будущее с Россией. Электоральная карта парламентских и президентских выборов визуально демонстрировала такой раскол Украины на две части. Границы электоральной поддержки политических партий и движений совпадали с существовавшими империями: Российской, Австрийской (Галиция) и в некотором смысле с территорией Речи Посполитой в 1667–1772 гг. Механизмы воздействия исторического прошлого на современную украинскую политику требуют отдельного исследования.

Современная Румыния разделена исторической границей 1918 г. на две части между независимой Румынией и территорией Трансильвании и Южной Буковины. В посткоммунистических выборах Румынии население всей территории, принадлежащей империи Габсбургов, голосует за противоположные политические силы. Жители бывшей Трансильвании чаще поддерживают правые и либеральные партии, в то время как жители бывшей Валахии и Молдавии отдают свои предпочтения левым и посткоммунистическим партиям. В этом кейсе можно выделить и этнический компонент, так как в Трансильвании сегодня проживает венгерское меньшинство.

В посткоммунистической Польше проходили выборы парламента (сейма) и президента. Так, в период с 1991 по 2023 г. 10 раз проводились выборы сейма и 7 раз выборы президента Республики Польша. Как и во многих посткоммунистических государствах, формирование политических сил началось с появления большого числа партий. Так, в первых демократических выборах в 1991 г. приняли участие более 100 политических партий, и ни одна из них не набрала более 13 % голосов. Партийные платформы были недостаточно четко сформулированы, избирателям было трудно ориентироваться в политическом пространстве, а партийные союзы еще не сформировались. На консолидацию политических партий ушло около десяти лет [2].

В отличие от румынского и украинского кейсов население современной Польши является более гомогенным в отношении этничности и доминирующего языка, чем в Румынии и Украине. Польша, которая когда-то имела многонациональное население, стала чрезвычайно однородной с точки зрения этнической принадлежности и религии. Этнические поляки составляют около 98 % населения, около 85 % населения считают себя католиками. Подавляющее большинство населения (97 %) говорит на польском языке. Удивительно, что в таком гомогенном этническом и лингвистическом пространстве прослеживается наиболее заметное воздействие границ трех империй, которые существовали свыше 100 лет. В XX в. в истории этой страны было много трансформаций и потрясений – Первая мировая война, война с Красной армией, столкновения с соседями, формирование государственных институтов в двадцатилетие между мировыми войнами, оккупация страны фашистской Германией в 1939–1944/45 гг.

После Второй мировой войны экономические и политические изменения совпали с демографическими изменениями. Границы Польши были сдвинуты на запад (примерно на 200 км), куда переселились миллионы поляков (Великая Польша, северные и западные территории, часть Померании). В это время также происходит массовый обмен населением с близлежащими советскими республиками – будущими государствами – Украиной, Белоруссией и Литвой. Коммунистический период в истории Польши также охватывал длительный период (1945–1990), который теоретически должен был сгладить, если не полностью ликвидировать, пережитки политического и экономического воздействия империй прошлого.

Необходимо выделить механизмы воздействия истории на современную политическую ситуацию в Польше. После наполеоновских войн Польша утратила свой суверенитет и была разделена между тремя имперскими державами: Российской империей, Королевством Пруссия (позже – Германской империей) и империей Габсбургов (позже – Австрийской империей и Австро-Венгрией). Поскольку индустриальная революция в Польше произошла, когда страна была разделена между тремя империями, различия в масштабах и глубине индустриализации между тремя империями оказали важное влияние на экономическое развитие трех различных частей. Уровень индустриализации был выше на польской территории Пруссии (Германии), чем на польских землях России или Австрии (Австро-Венгрии). В прусской Польше было также больше крупномасштабных инфра-

структурных проектов. В отличие от Пруссии и России, австрийская территория Галиция оставалась самой отсталой и преимущественно сельскохозяйственной. В то же время империя Габсбургов, в отличие от Пруссии и России, предоставляла значительную административную и культурную автономию своим польским территориям [2].

Разделение оказало важное влияние на жизнь польского населения. На рубеже XX в. в трех империях сформировались три различных типа польского населения, каждый из которых отличался своим менталитетом, привычками и образом жизни. С точки зрения культурной и социальной государственной политики российская часть Польши в 1815–1915 гг. претерпела значительные трансформации. После двух восстаний поляков в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. территории Царства Польского были интегрированы в империю в качестве губерний. Проводилась политика, направленная на полную стандартизацию, конформизм и ассимиляцию польского населения. Преподавание в учебных заведениях перешло на русский язык, а польский преподавался как иностранный по русским книгам. После январского восстания 1863 г. католические священники подверглись преследованиям (многие были сосланы в с. Тунка в Бурятии).

После потери независимости Польши на ее землях сформировались различные модели политической культуры. Этот процесс был обусловлен политикой империй по отношению к польскому населению, а также уровнем экономического и культурного развития польской территории.

Современные политические партии Польши по-разному подходят к проблемам экономического либерализма (например, отношение к роли государства в регулировании экономики), размеру государственного сектора и перераспределению. Также партии по-разному определяют степень культурной свободы и терпимости (роль религии в общественной жизни и степень вмешательства католической церкви в формирование социальной политики в отношении абортов, эвтаназии и однополых партнерств). Политические партии имеют различные взгляды в отношении коммунистического прошлого (например, позиция по вопросам люстрации и декоммунизации).

Данная тема взаимосвязи истории и современной политики представляет интерес для исследователей. Границы бывших империй до сих пор отражаются на современных электоральных картах посткоммунистических стран (Польша, Румыния и Украина). В политологических исследованиях многие государства рассматриваются как единое целое. Но такие государства обычно имеют многочис-

ленные этнические группы, языки, экономические системы и т. д. В этом отношении региональная специфика подразумевает разнообразие политических культур, которые могут значительно отличаться друг от друга.

Приведенные примеры расколов общества показывают постоянство политических противостояний партий в современное время, опирающихся на региональную базу своих избирателей. Этническая (региональная) общность может сформироваться в достаточно короткий период и оказывать продолжительное воздействие на политические процессы в будущем. В этом отношении опыт создания новых государственных институтов на постсоветском пространстве наиболее интересен. Другой вопрос заключается в том, насколько долго будут сохраняться такие политические расколы внутри государств. Следует ожидать, что политические партии будут предпринимать попытки включить максимальное количество избирателей, привлекая представителей других регионов.

Список литературы

1. Almond G., Verba S. *The Civic Culture or The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Washington DC : Sage, 1963.
2. Grosfeld I., Zhuravskaya E. *Persistent Effects of Empires: Evidence from the Partitions of Poland*. PSE Working Papers, 2013.
3. Key V. O. *Southern Politics in State and Nation*. N. Y. : Knopf, 1949.
4. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* / eds. S. M. Lipset, S. Rokkan. N. Y. : The Free Press, 1967.
5. Putnam Robert D. *Making Democracy Work*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1994.

The Legacy of Past Empires in the Modern Electoral Processes of Central and Eastern European States

M. L. Rybalko
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The electoral rivalry between political parties in the states of Eastern and Central Europe attracts the attention of many researchers. Electoral maps of post-communist Poland show a repetition of the historical borders of the Austro-Hungarian, German, and Russian empires in the 19th century in the alignment of political forces, and a clear demarcation of electoral support territories. Romania's example also shows that very similar borders remain in a number of political elections. Throughout the post-Soviet period, Ukraine has been a country of ideological divisions, dividing into two opposing political forces. The article also presents the main factors of such splits in society in some countries of Eastern and Central Europe.

Keywords: empire, borders, ideological contradictions, rifts, Eastern and Central Europe, Poland, Romania, Ukraine, elections, political preferences.

Рыбалко Михаил Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

Rybalko Mikhail Leonidovich – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

УДК 07:32

Анализ каналов политической информации: предпочтения среди молодежи Иркутской области 2019–2020 гг.

П. Э. Степанов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Рассматривается региональный аспект медиапотребления. На основе материалов количественных социологических исследований, проводимых в Иркутской области в 2019–2020 гг., анализируется структура потребления каналов политической информации. Несмотря на ожидания о потреблении исключительно интернета, молодежь в том числе использует традиционные СМИ.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическая информация, медиапотребление, молодежная политика, СМИ.

В эпоху информационных технологий медиапотребление и, соответственно, структура каналов политической информации становятся основополагающими элементами политологического анализа. Сфера политической коммуникации пронизана потоками информации, которые влияют на формирование общественного мнения, политические решения и социокультурные процессы. Представляется важным определить предпочтения пользователей в выборе каналов политической информации, чтобы анализировать влияние медиа на общественные процессы, а также разрабатывать эффективные стратегии информационной политики и коммуникации.

Обратимся к статистическим данным за 2020 г. Так, исследовательский центр компании Deloitte зафиксировал рост медиапотребления в два раза в сегменте интернета и на 20 % всего медиапотребления среди всех половозрастных групп [3]. Причина этого взлета, вероятно, пандемия из-за распространения коронавирусной инфекции COVID-19, вынуждавшая людей обращаться к онлайн-платформам. При этом важно отметить, что интерес к телевизионному контенту также увеличился почти на треть, при этом около 70 % молодежи на 2020 г. смотрели телевизор (на 15 п. п. ниже среднего показателя). Таким образом, современный россиянин стал не

только больше пользоваться и получать информацию из интернета, но и в целом потреблять больше информации. Это связано с сегментированием и цифровизацией информационных потоков: появлением на медиарынке все большего количества игроков, привлекающих к себе аудиторию. В настоящее время перед потребителем информации стоит новая задача – отфильтровать и выбрать нужную для него информацию.

Опрос фонда «Общественное мнение» в 2020 г. зафиксировал увеличение использования интернета россиянами для чтения новостей на 9 п. п. по сравнению с 2018 г. При этом наибольшие доли пользователей новостных сайтов (59 %) и социальных сетей как источника новостей (43 %) именно среди молодежи 18–30 лет. В то же время молодые люди используют телевидение в качестве источника новостей в меньшей степени, чем представители других возрастных групп [2].

В марте 2021 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел исследования структуры потребления информации россиянами. Так, более половины россиян являются активными пользователями телевидения и интернета – они смотрят телевизор и сидят в сети не реже нескольких раз в неделю (53 %). Наиболее активные пользователи и телевидения, и интернета – опрошенные в возрастной группе 35–59 лет (61–64 %). С 2018 г. данная доля сократилась на 9 п. п. Вторая по объему группа медиаактивности – россияне, которые пользуются интернетом, но не смотрят телевизор – 28 %. С 2018 г. эта доля увеличилась на 15 п. п. Отказ от телевидения в пользу интернета наиболее характерен для молодежи: 69 % среди 18–24-летних, среди 25–34-летних – 48 %. Смотрят телевизор и почти не пользуются интернетом 17 % наших соотечественников. С 2018 г. данная доля сократилась на 5 п. п. [4].

Также важно отметить исследование 2022 г. российского социолога И. А. Полуэхтовой, которое показывает, что 55 % граждан из возрастной когорты 15–34 лет смотрят телевизор не реже одного раза в неделю [5].

На основе вышеприведенных данных можно сделать вывод, что основными каналами получения информации, в том числе политической, являются телевидение и интернет. Однако количество людей, предпочитающих получать информацию исключительно через интернет, увеличивается, причем этот тренд характерен преимущественно для более молодой аудитории. В то же время традиционные

СМИ, такие как телевидение, остаются более популярными среди старшего поколения (60+).

Таким образом, представляется важным выделить две тенденции, которые определяют изменения в потреблении информации. Первая – это переход молодежи в основном в интернет. Данная социальная группа воспринимает информацию «клипово» и упрощенно, предпочитает визуализированный контент, нежели текстовый формат. По этой причине в приоритете у молодежи интернет-ресурсы, и в первую очередь социальные сети, которые соответствуют данным критериям потребляемой информации. Вторая же параллельная тенденция – это использование новых цифровых технологий более старшей аудиторией. Да, для половозрастной группы 60+ традиционные СМИ, такие как радио и телевидение, до сих пор остаются главным источником информации, однако интернет и новые медиа выступают в качестве дополнительных источников информации.

Далее предлагается сравнить региональный и федеральный уровни потребления политической информации, а именно: коррелируются ли общенациональные тенденции с региональными на примере Иркутской области. Интересно отметить, что на 2015 г. главным источником политической информации для молодежи в Иркутской области было именно телевидение [1]. Определить закономерности в структуре потребления информации избирателями Иркутской области в 2019–2020 гг. предлагается на основе материалов количественных социологических исследований, проводимых на постоянной основе Иркутским региональным исполнительным комитетом партии «Единая Россия». Благодаря данным исследованиям производится выборка кандидатов для последующего выдвижения, а также корректировка текущих избирательных кампаний. Методология подобных исследований заключается в следующем:

1. Исследования проводятся методом количественного опроса на территории муниципального образования.
2. Используется метод прямого интервьюирования в форме индивидуальной беседы (face-to-face).
3. Выборка квотная по полу, возрасту, месту проживания респондентов.
4. В большей части выборка репрезентативная (за исключением исследований, где есть задача проведения опроса только среди строго определенной группы избирателей).
5. Объем выборки в диапазоне от 0,2 до 8 % от общего количества избирателей в муниципальном образовании.

Для анализа были отобраны 11 исследований, которые были проведены в период 2019–2020 гг. в 11 разных муниципальных образованиях на территории Иркутской области, в которых была использована одинаковая методология при формировании выборки и за мере рейтингов доверия к СМИ. Общий объем выборки – 4705 респондентов. При формировании выборки использовались квоты по полу, возрасту (три возрастные группы: 18–30 лет, 31–55 лет, 56 лет и старше, что условно соответствует трем социальным категориям: молодежь, средний и зрелый возраст), месту жительства респондентов.

Способом определения наиболее предпочтительных каналов информации является закрытый вопрос с формулировкой «Какими местными СМИ Вы пользуетесь?». Варианты ответа варьируются в каждом муниципалитете, но их можно разделить на следующие категории:

1. Местные газеты. Городские и районные газеты, выпускаемые на территории данного муниципального образования.

2. Местное и региональное телевидение. Телеканалы АИСТ, ГТРК «Иркутск», местные телеканалы и местные вставки на федеральных каналах.

3. Социальная сеть «ВКонтакте».

4. Социальная сеть «Одноклассники».

5. Социальная сеть Instagram¹.

6. Мессенджер Viber.

7. Мессенджер WhatsApp.

8. Местные новостные сайты.

9. Радио. Местные и региональные радиостанции.

10. Пользуюсь другими СМИ. Здесь у респондента была возможность указать другие СМИ, которые не были приведены в качестве ответов в данном опросе.

11. Не пользуюсь местными СМИ. Данные респонденты выражают недоверие местным и региональным СМИ и ориентированы на федеральные источники информации.

При ответе респондент мог выбрать до трех вариантов ответа. В первую очередь анализу подверглись ответы респондентов в разрезе половозрастных групп (табл.).

¹ Запрещена на территории Российской Федерации. Принадлежит компании Meta, признанной судом экстремистской.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Какими местными СМИ Вы пользуетесь?»
с учетом половозрастного деления

Каналы коммуникации	18-30		31-55		56 и старше	
	м	ж	м	ж	м	ж
Местные газеты	27,9	31,3	44,3	51,1	65,0	73,1
Местное и региональное ТВ	30,0	34,8	49,4	44,8	61,1	61,4
«ВКонтакте»	48,2	45,6	18,9	15,7	3,3	4,2
«Одноклассники»	21,3	31,8	22,9	30,2	9,4	17,6
Instagram ¹	23,9	26,4	9,2	13,7	1,6	2,6
Viber	11,8	13,2	11,9	16,0	6,6	6,7
WhatsApp	11,4	9,6	7,7	11,8	3,9	4,1
Местные сайты	1,3	0,7	1,7	1,9	1,3	1,4
Радио	1,3	1,4	1,7	1,7	1,9	1,6
Пользуюсь другими СМИ	8,8	7,1	8,7	8,2	10,5	7,7
Не пользуюсь местными СМИ	10,5	7,5	13,3	9,8	13,8	10,9

Полученные данные показывают, что в различных возрастных группах структура потребления информации имеет свои особенности.

1. У группы в возрасте 18-30 лет, вопреки ожиданиям, традиционные СМИ остаются востребованными. Социальная сеть «ВКонтакте» превосходит другие платформы, такие как «Одноклассники» и мессенджеры, почти половина респондентов указывает ее как главный источник политической информации.

2. Категория 31-55 лет является самой интересной с точки зрения анализа. Половина респондентов отмечают, что они пользуются газетами и телевидением, в свою очередь, по использованию «Одноклассников» и мессенджеров «средний возраст» показывает такие же цифры, что и «молодежь». С точки зрения структуры потребления информации эта возрастная категория самая «разноплановая». Скорее всего, это связано с психологическими поколенческими особенностями: сохраняется доверие к традиционным СМИ, и в то же время современные способы получения информации доступны и понятны.

3. Группа в возрасте 56 и старше явно предпочитает традиционные СМИ, она существенно отстает в использовании других каналов информации. Однако среди женщин этой возрастной категории

¹ Запрещена на территории Российской Федерации. Принадлежит компании Meta, признанной судом экстремистской.

«Одноклассники» набирают популярность, хотя газеты и телевидение остаются главными источниками информации.

Таким образом, общедеральные тенденции медиапотребления молодежи находят отражение и на региональном уровне. Структура каналов потребления политической информации среди молодежи Иркутской области схожа с федеральными данными общественных опросов, а именно: молодые люди отдают предпочтение интернету в качестве основного канала политических новостей, но при этом также могут использовать телевидение для этих целей. Такие выводы свидетельствуют о значительном влиянии интернета на предпочтения молодого поколения и требуют внимания со стороны создателей контента и политических акторов при формировании коммуникационных стратегий.

Список литературы

1. Зуляев Р. Ю., Григорьев Д. А. Политический абсентеизм молодежи: протестное голосование как фактор преодоления (на примере выборов губернатора Иркутской области 2015 г.) // Известия Иркутского государственного университета. 2016. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-absenteizm-molodezhi-protestnoe-golosovanie-kak-faktor-preodoleniya-na-primere-vyborov-gubernatora-irkutskoy-oblasti> (дата обращения: 15.04.2024).
2. Источники информации: Интернет. Сайты и соцсети как источник новостей // Опрос ФОМ. 2020. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14340> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Медиапотребление в России 2020: исследовательский центр компании Deloitte // Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/media-consumption-russia-2020.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).
4. Медиапотребление россияне: мониторинг // Опрос ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 01.03.2024).
5. Полуэхтова И. А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-medipotrebieniya-rossiyskoy-molodezhi-v-tsifrovom-obschestve-po-rezultatam-empiricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 13.06.2023).

Analysis of Political Information Channels: Preferences among Youth of the Irkutsk Region 2019–2020

P. E. Stepanov
St. Petersburg State University, St. Petersburg

Abstract. The article is devoted to the external aspect of media consumption. Based on materials from quantitative sociological studies conducted in the Irkutsk region in 2019–

2020, the structure of consumption of political information opportunities is analyzed. Despite expectations of consuming exclusively the Internet, young people also use traditional media.

Keywords: political communication, political information, media consumption, youth policy, media.

Степанов Павел Эдуардович – аспирант, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pavell_93@mail.ru

Stepanov Pavel Eduardovich – Postgraduate Student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: pavell_93@mail.ru

УДК 911.37

Зарубежные визиты представителей региональной элиты Иркутской области 2015–2020 гг.: статус-анализ

А. Н. Фартышев

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск*

Аннотация. Концептуализируется особое направление политической науки – политический анализ визитов как фактор геополитического позиционирования региона и статусности на политическом пространстве его элит. На количественной основе представлена внешнеполитическая визитная деятельность представителей региональной элиты Иркутской области в течение 2015–2020 гг. Выявлены различия на макрорегиональном уровне статусности визитов и содержательный смысл визитов. Выведено, что внешнеполитическое позиционирование Иркутской области посредством визитов ярко отражает восточноазиатский вектор, но статусность визитов представителей Иркутской области в европейском направлении оказывается значительно выше в рассматриваемом периоде, где наблюдаются встречи с высшими лицами государств.

Ключевые слова: визит-анализ, политический статус, геополитическое позиционирование, региональная элита, сетевые диаграммы, количественные методы в политических исследованиях.

Геополитическое позиционирование является достаточно новым для политологической науки понятием и означает построение своей международной репутации, выражающееся в геополитическом дискурсе и репрезентациях. Это представление чаще всего исследуется на национальном уровне, вместе с тем регионы конструируют также свои геополитические образы и формируют внешнеполитическую повестку. Так, согласно недавнему примеру, регион Огненная Земля в Аргентине продолжил курс на сближение с БРИКС, несмотря на победу проамериканского президента Хавьера Милея. С одной стороны, это фактор дезинтеграции политического пространства госу-

дарства, но с другой – это наиболее явный факт разности геополитического кода центра периферии, который не всегда свидетельствует о разногласии на властном уровне. Регионы имеют право вести собственную внешнюю политику лишь при определенной степени автономии, т. е. в федеративных государствах, вместе с тем позиционирование региона может быть как декларативным, так и фактическим. Декларативное позиционирование заключается в нормативных документах стратегического планирования и публичном дискурсе политических элит, в то же время фактическое позиционирование выражается во внешнеэкономических связях, заключенных двусторонних договорах, визитах высших должностных лиц и др.

В российской политологии довольно редки исследования статусности политических акторов, вместе с тем это большая ветвь в мировой политической науке. Статус – это коллективно определяемый ранг социальной ценности, это иерархия уважения. Некоторые люди занимают место выше, другие – ниже. Конечно, уважение само по себе не требует звания. Оно не существует только в иерархии превосходства и неполноценности. Тот факт, что человек или группа пользуется большим уважением, не означает, что другие должны иметь меньше уважения. Однако статус повышает уважение и дает его больше одним, чем другим [1]. В данной статье мы сконцентрировались на статусности визитеров и принимающих визиты как на факторе прежде всего политического позиционирования, что может быть выражено в воображаемом вопросе визитера «кому я равен?».

Что это дает в рамках политического анализа? Во-первых, занимаемая членом делегации должность позволяет отследить, насколько данная сторона заинтересована во взаимодействии (чем выше должность, тем больше заинтересованность), во-вторых, высота занимаемого положения у лица, представляющего сторону страны-реципиента, позволяет определить ширину намерения (чем выше должность, тем шире намерения), в-третьих, такие категории, как «представители транснациональных компаний», «региональный бизнес», «общественные и культурные деятели», позволяют выявить вектор намерений – первые две категории проявляют сугубо экономический интерес, третья – с большей вероятностью будет преследовать какие-либо культурные цели.

В рамках исследования была собрана база данных визитов делегаций от Иркутской области за временной период 2015–2020 гг. по данным средств массовой информации, поскольку о любом иностранном визите региональной элиты, как правило, публикуется но-

вость. Были выявлены переговорщики с обеих сторон, их статус был соотнесен в рамках одного визита и были составлены инфограммы, похожие по построению на сетевые диаграммы, но статус в каждой из сторон был ранжирован в столбчатом виде. Автор придерживается принципа единства количественных и качественных методов [2], поэтому кроме количественного анализа был проведен и содержательный анализ визитов.

На рис. 1 отражена статусность взаимных визитов представителей Иркутской области, стран Восточной Азии и Европы.

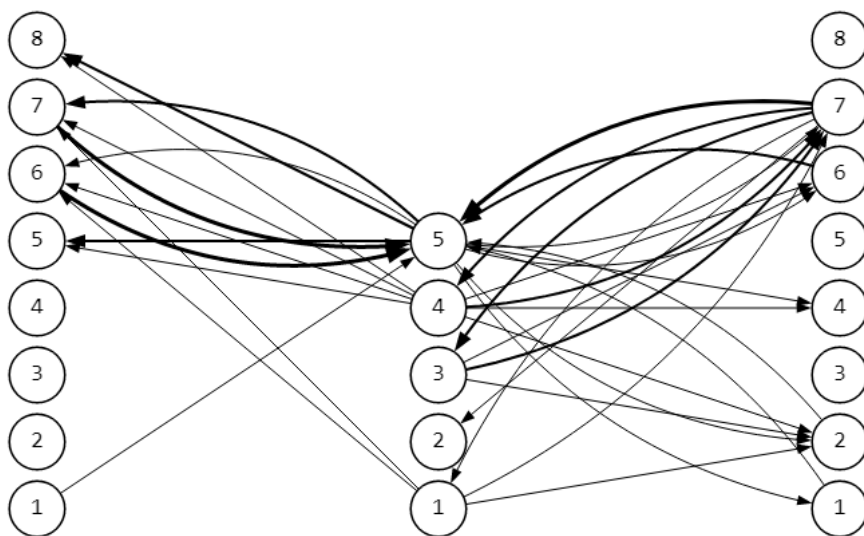

Рис. 1. Статусность взаимных визитов представителей Иркутской области (по центру), Европы (слева) и Восточной Азии (справа). Условные обозначения:

1 – общественные и культурные деятели; 2 – глава города; 3 – региональный бизнес; 4 – региональный аппарат или парламент; 5 – региональное высшее должностное лицо; 6 – представители транснациональных компаний; 7 – государственный аппарат или парламент; 8 – глава государства

Высокая степень заинтересованности во взаимодействии со странами Восточной Азии наблюдается практически на всех уровнях: линии связей с обеих сторон распределены практически по всем уровням взаимодействия с акцентом на визитах представителей государственного аппарата или парламента (7) и транснациональных корпораций (6) (что демонстрирует высокую степень прежде всего экономического интереса в визитах) со стороны стран-партнеров и

на визитах губернатора Иркутской области и представителей регионального аппарата или парламента со стороны региона. Кроме того, рис. 1 показывает взаимодействие с общественными и культурными деятелями.

При этом отмечается несколько связей, обозначающих повторяющиеся визиты представителей стран-партнеров по одним и тем же линиям. Можно сделать вывод, что у Иркутской области со странами Восточной Азии сложились прочные отношения на всех уровнях, с преобладанием экономического и неяркой выраженностью культурного аспектов, но представители от Иркутской области не встречаются с главами государств, демонстрируя более низкий статус.

Ситуация со странами Европейского макрорегиона отличается – взаимодействие было преимущественно между главой региона Иркутской области и главами регионов, государства, представителей транснациональных корпораций, государственного аппарата или парламента со стороны европейских стран. Намечены прочные повторяющиеся связи: совершены попытки межкультурного взаимодействия, имевшие преимущественно демонстративный характер – представители общественности и культуры с обеих сторон стремились встретиться с партнером, занимающим максимально высокую должность. Но вместе с тем наблюдается несколько связей непосредственно с высшими должностными лицами государств, являющимися в ментальном политическом пространстве равными по статусу, а встречи переговорщиков более низкого статуса, чем региональный лидер, либо фиксировались в СМИ, либо таких встреч не было. Таким образом, взаимодействие Иркутской области со странами Европейского макрорегиона не имело такой же степени взаимопроникновения, как в случае со странами Восточной Азии, но артикулировалось так же преимущественно экономическими интересами с небольшим присутствием интересов культурных.

Остальные макрорегионы – Юго-Восточная Азия, Африка, Ближний Восток и Центральная Америка – в целях удобства объединены в один граф (рис. 2), поскольку взаимодействие с ними в большинстве случаев имело разовый характер.

Здесь можно заметить, что взаимодействие, как и в случае с Европой, было нацелено на общение преимущественно высшего регионального должностного лица с представителями государственного аппарата или парламента. Вместе с тем в данном случае проявлялась активность регионального бизнеса, часть встреч была с представителями транснациональных корпораций.

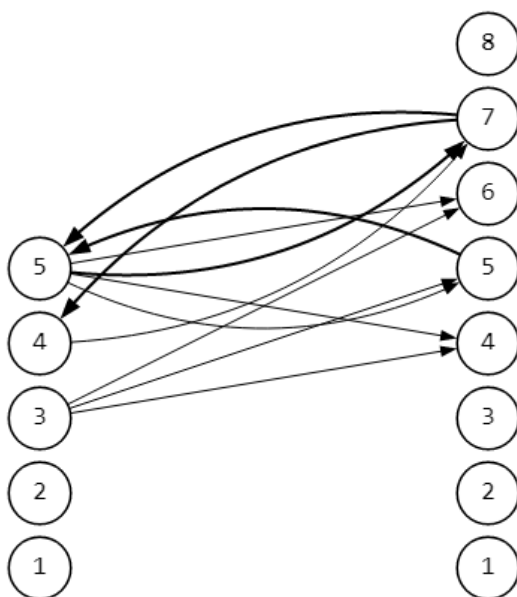

Рис. 2. Статусность взаимных визитов представителей Иркутской области (слева) и прочих макрорегионов (справа). Условные обозначения:
 1 – общественные и культурные деятели; 2 – глава города; 3 – региональный бизнес;
 4 – региональный аппарат или парламент; 5 – региональное высшее должностное лицо; 6 – представители ТНК; 7 – государственный аппарат или парламент; 8 – глава государства

Резюмируя, можно заключить, что внешнеполитическое позиционирование Иркутской области посредством визитов ярко отражает восточноазиатский вектор, что показывает реализацию стратегии «поворота на Восток» или реализацию ориентации Иркутской области на Большую Евразию [3], но статусность взаимовизитов представителей Иркутской области и Европы парадоксально оказывается выше в рассматриваемом периоде. Из всего вышеперечисленного следует, что во взаимодействии со странами-партнерами из этих макрорегионов основной целью было налаживание связей в экономических интересах, но с Восточной Азией, оказывается, культурное взаимодействие более ярко проявляется. При этом остается довольно высокой степень декларативности визитов в европейском направлении, не имеющих практического значения для региона, за исключением связей с Белоруссией.

Список литературы

1. Mendelberg T. Status, Symbols, and Politics: A Theory of Symbolic Status Politics // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2022. N 8(6). P. 50–68. DOI: 10.7758/RSF.2022.8.6.03.
2. Фартышев А. Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. 2022. № 4. С. 18–40. EDN EILTIV.
3. Фартышев А. Н. Сибирь в концепции Большой Евразии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 40–49. DOI 10.26516/2073-3380.2021.37.40. EDN KSIXGE

Foreign Visits of the Regional Elite of the Irkutsk Region 2015–2020: Status Analysis

A. N. Fartyshev

Irkutsk State University, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article conceptualizes a special direction of political science – political analysis of visits as a factor in the geopolitical positioning of the region and the status of its elites in the political space. The foreign policy visit activities of representatives of the regional elite of the Irkutsk region during 2015–2020 are presented on a quantitative basis. Differences are made at the macro-regional level of the status of visits and the substantive meaning of the visits. It is concluded that the foreign policy positioning of the Irkutsk region through visits clearly reflects the East Asian vector, but the status of visits with Europe paradoxically turns out to be higher in the period under review, where meetings with senior officials of states are observed.

Keywords: visit analysis, political status, geopolitical positioning, regional elite, network diagrams, quantitative methods in political research.

Фартышев Арсений Николаевич – кандидат географических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия, e-mail: fartyshev.an@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5392-8633

Fartyshev Arseniy Nikolaevich – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation; Head of Laboratory of Natural Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: fartyshev.an@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5392-8633

Людмила Михайловна Берлина, председатель Законодательного Собрания Иркутской области 2008–2015 гг.: какой она была?

Е. М. Хохряков

Независимый исследователь, г. Иркутск

Аннотация. Представлен политический портрет Людмилы Михайловны Берлиной, одного из видных политиков Иркутской области, занимавшей пост председателя Законодательного Собрания Иркутской области в 2008–2015 гг. Показана трудная политическая судьба яркой неординарной личности, которой удавалось совмещать в себе качества жесткого управленца и мягкость, дальновидность и осмотрительность женщины. Автором сделана попытка рассказать о том, что каждый известный политик, как и всякий обычный человек, состоит из двух как минимум личностных образов: внешнего, яркого и подробного, и внутреннего – мало кому известного.

Ключевые слова: роль личности в политике, региональный политический процесс, законодательная ветвь власти, Законодательное Собрание, Иркутская область.

Людмила Михайловна Берлина родилась 27 марта 1955 г. в пос. Усть-Ордынском, с отличием окончила Иркутский государственный университет, работала в органах прокуратуры Иркутской области. В непростое время становления новой России с января 1993 г. работала заместителем мэра – руководителем аппарата администрации г. Иркутска. С сентября 1997 г. – руководитель аппарата и заместитель губернатора Иркутской области [2].

Это история о трудной политической судьбе. Автору случилось на долгие годы стать не только советником, но и другом Л. М. Берлиной. Первое знакомство произошло в 2001 г. После того как команда автора выиграла выборы мэра в Качугском районе, нужно было назначить представителя района при правительстве Иркутской области. Этим занималась Людмила Михайловна, которая в ту пору была руководителем аппарата губернатора. Она была вежлива и тактична, но все же на тот момент общения автор оставался для нее человеком с улицы, незнакомцем.

Второй шанс пообщаться случился в 2004 г. В активной фазе находилась избирательная кампания в Законодательное Собрание Иркутской области 4-го созыва. Политический наставник автора С. О. Остроумов, журналист-международник, директор ИРО АПН, советник губернатора Б. А. Говорина, который дружил с Людмилой Михайловной, внезапно предложил ее кандидатуру в депутаты. К тому времени автор был членом Президиума Политсовета ИРО

«Единая Россия» и системно работал с секретарем ИРО партии, генеральным конструктором ФГУП РСК «МиГ», директором ИАПО А. И. Федоровым. Ему наша идея понравилась. И автор пошел к Людмиле Михайловне уже с предложением от С. О. Остроумова и полномочиями от А. И. Федорова. Мысль о депутатстве ей понравилась сразу, потому что это была работа с людьми. Все-таки руководить аппаратом губернатора – это не то, о чем она мечтала, рутинная работа не приносила радости.

Даже невзирая на сопротивление руководства области, в региональном отделении партии согласование прошло без проблем, ее работоспособность и профессионализм не ставились под сомнение. И вот настало время той конференции, где утверждался партийный список кандидатов в депутаты от «Единой России». Тогда-то автор и увидел железную леди во всей красе ее характера в первый раз. Представитель ЦИК «Единой России» на конференции вдруг сообщил собранию, что поступило предложение не выдвигать Л. М. Берлину, появилась другая кандидатура. Тут в гробовой тишине встает Людмила Михайловна и спокойно сообщает высокому начальству: «Сергей Александрович! Пусть такое решение примет конференция, а не чье-то неизвестное мнение». Кандидатура Л. М. Берлиной была утверждена единогласно [4].

Если посмотреть историю развития Законодательного Собрания Иркутской области до 2008 г., то это почти сплошные войны между правительством области и депутатами Заксобраний. Бывало, что за один созыв менялось по два-три председателя, фракции воевали между собой. Дуэт спикера В. К. Круглова и его заместителя Л. М. Берлиной ценой огромных усилий смог остановить распри между депутатами [1; 3].

Служебно-партийные отношения автора и Л. М. Берлиной стали перерастать в личную дружбу в период очередной войны между депутатским корпусом и губернатором. Как профессиональный юрист с опытом прокурорской работы она всегда стремилась заполучить больше достоверной информации. Автор, в свою очередь, был не понаслышке знаком с этими коллизиями и перипетиями, потому как работал по другую от депутатов сторону – советником губернатора по политическим вопросам.

На сессиях шли бои между депутатами и руководителями администрации губернатора почти по всем вопросам. В печь политических баталий шло все: от самых мелких обид до писем-доносов Президенту РФ. Например, всерьез ставился вопрос о разнице зарплат

водителя губернатора и водителя Заксобрания, о том, почему губернатор не берет с собой в поездки депутатов, а также о том, почему у руководства регионального парламента нет доступа в приемную губернатора – в областной администрации есть целое крыло здания, где находится аппарат губернатора и куда можно пройти, владея специальным магнитным ключом.

Политическая задача автора заключалась в медиации конфликта между двумя крупными руководителями: председателем Законодательного Собрания и губернатором области, в этом ему помогала Л. М. Берлина. Порой встречи длились часами на работе и вне ее пределов, обдумывали каждый шаг, каждое неосторожное движение: в политике войны никогда не приносили пользы. Борьба мнений позитивна. Но, как говорил китайский полководец и философ Сунь-Цзы, «одержать победу в ста битвах – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сражения – вот вершина».

Когда Людмила Михайловна в 2008 г. стала спикером Законодательного Собрания Иркутской области, загрузка выросла кратно. Ведь все произошло согласно прогнозам: губернатор А. Г. Тишанин «скоропостижно» подал в отставку, а через пару лет федеральные кураторы не позволили избраться спикером В. К. Круглову.

У нее было два служебных телефона – и все постоянно звонили. Вернее, три: последний был предназначен для связи с автором. Политические войны доходили до такой степени, что у нее в кабинете находили подслушивающие устройства.

Иногда Л. М. Берлина приезжала к автору, казалось бы, чтобы дух перевести. Но не могла оставить без ответа ни один звонок. Педантичность и комплекс гиперответственности были сформированы не только прокурорским прошлым, но и родительским воспитанием. С ее приходом на должность спикера Законодательного Собрания политические, публичные войны в области прекратились [8], но вся жизнь оказалась «в портфеле». Их тоже было два. Когда Людмилу Михайловну избрали, она первым делом, экономя бюджет, сократила штат помощников. Тем самым нагроулила себя мелкими проблемами сверх доступных возможностей, работала с 8:00 и до 23:00. Как-то раз автор сказал ей: «Оставь один портфель на работе! И посмотрим, что сломается в области законотворческой!» Пару раз оставляла, а потом звонила ночью и говорила, что не может уснуть, потому что что-то упустила. Часто загоняла себя в ловушку – непрерывная работа по двадцать часов в сутки сведет с ума любого [6; 9]. Потом скоропостижно умер муж, ее душа и опора. Стало совсем сложно. Люд-

мила Михайловна зажала себя в тиски, вечерние разговоры могли продолжаться до трех-четырёх часов ночи, чтобы хоть как-то восстановить душевное равновесие. А рано утром на работе она всегда старалась выглядеть веселой, красивой и внимательной женщиной-руководителем. Словно и не было бессонной ночи.

Самый ответственный политический момент в ее жизни наступил в мае 2009 г. После трагической гибели губернатора И. Э. Есиповского Людмилу Михайловну вызвали в Кремль и предложили возглавить область. На что Л. М. Берлина ответила отказом. Более того, поступив согласно чести и совести, она заблокировала другого кандидата, стремящегося в кресло губернатора, которого она считала негодным по личным и профессиональным качествам. Оценивая ее деловые и личные качества, в Администрации Президента сделали вид, что ничего не произошло. В Иркутскую область на место губернатора был командирован Д. Ф. Мезенцев, а Людмила Михайловна в очередной раз переизбралась в спикеры собрания.

Работа потекла обычным чередом, но близким людям было видно, что Л. М. Берлина находится в каком-то пограничном состоянии, чувствовалась хроническая усталость, она стала гаснуть. Внешне этого почти никто не видел. Было ощущение, что после ухода мужа она окончательно поставила на себе крест как на человеке и превратилась «в футляр» для работы.

Было решено – пора что-то делать. Нужно вызволить человека из чиновника. Отобрать у нее телефон и портфель. Показать, что и без них можно жить и ничего в мире не изменится. В России это невозможно было сделать. Почти силком на Новый год увезли ее в Китай на целый месяц, без телефона. В это трудно поверить, но оказалось, что Людмила Михайловна разучилась ездить в общественном транспорте, она терпеливо пропускала мимо себя людей в автобус. Потом уступала место пассажирам гораздо моложе себя. Иногда она проверяла сумочку в поисках телефона. И не находила его, потому как он остался в Иркутске. Грустила и нервничала. Внешнюю связь осуществляли лишь с планшета, только с ее сыном и невесткой. И уже через полторы-две недели увидели ее смешной, довольной, с очень любознательными глазами, как у девочки. После этих каникул Людмила Михайловна поняла, что есть и другая жизнь. «Из футляра» вышел спокойный и добрый человек, и тут же этот человек окунулся в поток лжи и сплетен. «Посмотрите, как она сияет! Как она похорошела! Это неспроста!» И на горизонте снова замаячил «футляр». Правда, Людмила Михайловна хотя бы поняла, что два порт-

феля документов после рабочего дня домой возить – это дикость, а на сплетни махнула рукой: «собака лает – караван идет».

Автор долго думал и размышлял о том, почему же она отказалась от кресла губернатора, и пришел к выводу, что депутаты находятся гораздо ближе к жизни простых людей, а губернатор – к власти и федеральным органам. Он ограничен с двух сторон, порой ему сложно найти твердую опору, тогда как спикер может опираться на свой коллектив и на районных представителей. В то же время Л. М. Берлина возглавляла региональное отделение Всероссийского совета местного самоуправления, поэтому то роковое решение оказалось правильным и мужественным – она была на своем месте. К сожалению, в нашей жизни приходится часто встречаться с хорошими людьми, которые зря стремятся в руководители. Например, талантливому хирургу не всегда удается стать достойным главным врачом.

Последним губернатором на ее политическом горизонте стал С. В. Ерощенко. Столкнулись две системы управления, искры посыпались на всех этажах дома власти. С. В. Ерощенко пришел из бизнеса, где часто доминирует авторитарный стиль управления, тогда как у Л. М. Берлиной стиль был коллегиальный. Они сталкивались почти три года совместной работы, находили консенсус, несмотря на то, что каждое решение стоило огромных сил и нервов, они принимались очень остро и тяжело. Опять появились два портфеля, сутки требовали дополнительных часов.

Коллеги еще два раза увозили ее из страны, чтобы она могла «раздышаться», но всему приходит конец. Наступил 2015 г., область перешла к всенародному принципу избрания губернатора, назначение на этот пост отменили. Именно тогда при обсуждении этой проблемы Людмила Михайловна пришла к однозначному выводу: пора уходить. Она не хотела идти против воли Администрации Президента и работать на избрание действующего губернатора, но и не могла помогать другому кандидату от КПРФ.

На 23-й сессии Законодательного Собрания 15 апреля 2015 г. спикер Законодательного Собрания Иркутской области Людмила Михайловна Берлина заявила о сложении полномочий депутата и председателя областного парламента, сказав, что решила закончить свою политическую карьеру. «Я ухожу! Честь имею!» – сказала она [7; 10; 11]. Для всех это был шок. Ничего не предвещало такого финала, даже автор узнал об этом решении в два часа ночи перед предстоящей сессией.

Увы, она слишком поздно ушла, потому что онкология – болезнь, вызванная информационными перегрузками и длительным стрессом. Она была перегружена негативом власти, который пыталась победить. Людмила Михайловна Берлина ушла из жизни 8 августа 2017 г. после продолжительной болезни [5; 12].

Как отметил преемник Л. М. Берлиной на посту спикера Законодательного Собрания Иркутской области С. Ф. Брилка, «Людмила Михайловна всегда была мощнейшей, неординарной личностью, своей деятельностью она положила начало определяющим законодательным и социальным сдвигам в развитии общественного устройства для жителей Иркутской области и всегда будет являться значимой величиной для ее истории» [5]. Завершить этот небольшой очерк о большом человеке хочу ее словами: «У нас, когда я работала в администрации города Иркутска, в команде мэра Б. А. Говорина, был девиз: “Ресурсы ограничены, творчество безгранично!” Это было счастливое время созидания. Вот и сейчас надо творчески и во взаимодействии работать!» [13]. Это пожелание, которое нам всем нужно помнить и по возможности исполнять.

Список литературы

1. Александр Тишанин принял участие в общем собрании «Ассоциации муниципальных образований Иркутской области» // Иркутская область : офиц. портал. URL: <https://irkobl.ru/news/archiv/54333/?type=special> (дата обращения: 15.03.2024).
2. Берлина Людмила Михайловна // Законодательное собрание Иркутской области : офиц. портал. URL: <https://irzs.ru/about/deputats/detail.php?ID=104> (дата обращения: 15.03.2024).
3. Выгребать в одиночку не получится. Людмила Берлина и Игорь Есиповский предлагают объединять усилия // Областная : сайт. URL: <https://www.ogirk.ru/2009/04/03/6421/> (дата обращения: 15.03.2024).
4. Иркутские единороссы поделили парламент, забрав себе почти все руководящие посты // Коммерсант : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/520216> (дата обращения: 15.03.2024).
5. Людмила Берлина – легенда иркутской политики // Иркутск-онлайн : сайт. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20170808/berlyna/> (дата обращения: 15.03.2024).
6. Людмила Берлина выступила с публичной лекцией «Парламент и парламентаризм в Российской Федерации» // Байкал 24 : сайт. URL: <https://baikal24.ru/text/08-04-2011/lyudmila/> (дата обращения: 15.03.2024).
7. Людмила Берлина подала заявление о сложении полномочий // Континент – Сибирь : сайт. URL: <https://ksonline.ru/news/-/id/3116/> (дата обращения: 15.03.2024).
8. Людмила Берлина: «Настало время сменить парадигму», чтобы восстановить доверие избирателей усилия // Областная : сайт. URL: <https://www.ogirk.ru/2010/06/07/berlina-13/> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Людмила Берлина: «Россия, вперед!» – это призыв к действию // Восточно-Сибирская правда : сайт. URL: <https://www.vsp.ru/2009/09/19/lyudmila-berlina-rossiya-vperyod-eto-prizyv-k-dejstviyu/> (дата обращения: 15.03.2024).

10. Сергей Ильин: Берлина принесла себя в политическую жертву // ИРСИ-ТИ.ру : сайт. URL: <https://ircity.ru/text/politics/2015/04/15/70551476/> (дата обращения: 15.03.2024).

11. «У меня есть одно: “Честь имею”». Людмила Берлина покинула областной парламент // Восточно-Сибирская правда : сайт. URL: <https://www.vsp.ru/2015/04/21/u-menya-est-odno-chest-imeyu/> (дата обращения: 15.03.2024).

12. Ушла из жизни Людмила Берлина // Областная : сайт. URL: <https://www.ogirk.ru/2017/08/08/ushla-iz-zhizni-lyudmila-berlina/?ysclid=m0deq46plj418164386> (дата обращения: 15.03.2024).

13. Фомин А. Интервью с Людмилой Берлиной // Иркутские кулуары : сайт. URL: <https://kuluars.info/stati/nashi/intervyu-s-lyudmiloj-berlinoj.html> (дата обращения: 15.03.2024).

Lyudmila Mikhailovna Berlina, Chairperson of the Legislative Assembly of the Irkutsk Region 2008-2015. What Was She Like?

E. M. Khokhryakov
Independent Researcher, Irkutsk

Abstract. The law of dialectics is the unity and struggle of opposites in one person. The closed nature of an official, leading to burnout. Every famous politician, like any ordinary person, consists of at least two personal images. An external bright and detailed one, and an internal one, little known to anyone. From the point of view of the specifics of the political sphere, this is a wonderful quality. But from the point of view of personal morality and ethics, the position of a high-ranking official can be called a prison: you cannot relax and share your doubts, show weakness. L. M. Berlina was a bright politician. She combined the qualities of a tough manager, and the softness, foresight and prudence of a woman. But how did she manage it?

Keywords: the role of personality in politics, regional political process, legislative branch of government, Legislative Assembly, Irkutsk region.

Хохряков Евгений Михайлович – независимый исследователь, политический аналитик, член Союза журналистов РФ, член Российского союза писателей, помощник губернатора по политическим вопросам в период 2006–2008 гг., г. Иркутск, Россия, e-mail: 335866@mail.ru

Khokhryakov Evgeny Mikhailovich – Independent Researcher, Political Analysts, Member of the Union of Journalists of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Writers, Assistant to the Governor for Political Issues in the period 2006–2008, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 335866@mail.ru

Прогнозная аналитика избирательных кампаний (на примере выборов губернатора 2015 г. и президента 2024 г.)

Е. М. Хохряков

Независимый исследователь, г. Иркутск

Д. Е. Гончарук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируются некоторые аспекты протекания электоральных процессов в стране, и в частности в Иркутской области. Ключевыми факторами повышения явки выделяются конкурентность и соревновательность. Отмечается положительная зависимость местной явки на федеральных выборах от степени вовлеченности регионов, акцентируется внимание на особой роли авторитета и личности губернатора в процессе аккумуляции электоральных ресурсов.

Ключевые слова: политический анализ и прогнозирование, избирательные кампании, выборы губернатора Иркутской области, выборы Президента РФ, протестное голосование, политический абсентеизм.

Политическое прогнозирование как область исследования стало активно развиваться в России к началу 90-х гг. и практически сразу доказало свою состоятельность. За все время существования оно превратилось в полезную прикладную отрасль политической деятельности, основной целью которой является анализ и прогнозирование общих и частных событий российской политики. Прогнозирование – это определение вероятности будущих событий и тенденций на основе анализа направлений, сигналов и оценок. Является неотъемлемым компонентом процесса выработки и принятия любого решения, последствия которого представляются значимыми для лица, его принимающего; также связано с целеполаганием, планированием, программированием, проектированием и управлением [1; 5; 9].

Основными задачами прогнозирования считаются:

1. Предвидение событий и трендов.
2. Управление рисками. Помогает идентифицировать потенциальные риски и неопределенности.
3. Принятие решений. Предоставляет информацию, необходимую для принятия решений в различных направлениях кампаний.

Прогнозирование идет рука об руку с крупнейшими профессиональными и компетентными социологическими службами, которые научились грамотно и точно улавливать тенденции в общественном мнении: рейтинги политических партий и кандидатов; структура

электората; ожидаемый уровень явки на выборах, а также «твёрдость» намерений сторонников различных партий [2].

А. А. Дегтярев раскрывает определение политического анализа в трех значениях: теоретико-фундаментальном, инструментально-эмпирическом и, наконец, в практически-прикладном [4]. Если первое затрагивает вопросы базовых концептуальных исследований, то ко второму относятся сбор и описание, систематизация и обработка первичных данных. В свою очередь, третье значение предполагает способность транслировать теоретические гипотезы, переменные и показатели, модели, графики и прочие атрибуты описательной науки в нечто, обладающее практической значимостью, способное оказать реальное влияние на окружающую действительность – в политическую рекомендацию.

Превалирующей для «теоретика» является экспликативная функция (объяснение), для «инструментальщика» – дескриптивная (описание), а для «прикладника» – прескриптивная (предписание) [4]. Рассматривая региональную явку на выборы разных уровней как зависимую переменную, мы попробуем с помощью теоретических построений и статических данных обозначить основные факторы, влияющие на динамику социологических опросов по предполагаемой и фактической явке, а также затронем проблему личностной мотивации голосования в контексте исследовательского поля политического абсентеизма.

В публичном пространстве Иркутской области ведется много разговоров о кризисе политической репрезентации (проблема конвертации «народной воли»), который ведет к массовой утрате доверия и ставит под сомнение чистоту избирательного процесса. Так ли это? Ведь после прошедших выборов можно слышать лишь о «рекордной явке», «единении народа» и о высоком уровне уважения к власти. Хотя еще осенью 2023 г. на выборах в Законодательное Собрание Иркутской области в пору было говорить о проблемах электорального абсентеизма. Нам представляется важным определение основных факторов, которые влияют на прогнозирование результатов избирательных кампаний в области. Акцент сделан на совокупности важных факторов, касающихся явки и ее влияния, которые привели к избранию в двух турах С. Г. Левченко губернатором Иркутской области в 2015 г.

Для российских исследователей электорального прогнозирования ключевым является вопрос не о том, как проголосуют избиратели, а о том, проголосуют ли они вообще. Мы исходим из той пози-

ции, что вопрос ценностей, предпочтений и установок избирателей относительно кандидатов формируется на бессознательном уровне и не всегда рефлексирован: имея перед собой список кандидатов, респондент зачастую легко может сделать выбор, однако проблема явки кратно снижает предсказуемость исхода голосования.

Используемая на выборах глав регионов система абсолютного большинства не принесла ожидаемой победы С. В. Ерощенко, который ранее в 2012 г. был утвержден в должности голосованием депутатов Законодательного Собрания Иркутской области по представлению Президента РФ и вынужден был позже участвовать в прямых выборах главы региона. Относительно периода активной фазы ведения избирательной кампании С. Г. Левченко следует учитывать следующие факторы: поддержка федеральных политических сил и продвижение нарратива о единственной значимой региональной победе системной оппозиции по всей Российской Федерации. В совокупности они серьезно повлияли на прогнозный уровень явки во втором туре.

Так, например, возможная явка, полученная в ходе исследований, во втором туре могла составить 35 % против 29,2 % в первом туре. Однако с корректировкой выходных параметров явки сильно изменились и предполагаемые результаты. В первом туре Ерощенко получил 270 526 голосов, или 49,6 %, тогда как Левченко 199 702 голосов, или 36,6 %. За основу изменения выбора избирателей мы взяли динамику прироста голосов у кандидатов с 10 августа по 13 сентября 2015 г. По этим данным С. В. Ерощенко мог получить 41,5 % (+8,5 % приток голосов), а показатели С. Г. Левченко поднялись до 55,6 % (+19 %) во втором туре. В таком случае при отсутствии оттока голосов прогнозная аналитика отдавала предпочтение победе С. В. Ерощенко, суммарные показатели голосования за которого составляли 335 500, или (54,5 %). Так как же явка и предпочтения избирателей смогли изменить результаты голосования на выборах губернатора Иркутской области во втором туре в 2015 г.?

По нашему мнению, важнейшими факторами при анализе этой ситуации стали невозможность повторного использования административного ресурса действующим губернатором и наличие соревновательности при высоком уровне публичной репрезентации игроков, которая сыграла на руку С. Г. Левченко. Изучение административного ресурса показало, что прирост в 10 % для С. В. Ерощенко во втором туре был практически невозможен за счет администрирования бюджетной сферы (ресурс исчерпан в первом туре). Основным

стало предположение о том, что во втором туре не будет стабильного прироста электоральной базы Ерощенко и, следовательно, он вполне способен не потерять свой базовый ресурс в 270 тыс. голосов (41,5 %), но в то же время у него нет возможности его нарастить. Таким образом, электоральная активность Левченко увеличилась до 20 % за счет перехвата голосов Ерощенко – 362 500 (55,63 %) (в пределах статистической погрешности).

Данная нами прогнозная аналитика оказалась верной, итоги голосования совпадали с прогнозами в пределах статистической погрешности (табл.).

Таблица

Итоги досрочных выборов губернатора Иркутской области в 2015 г. [6]

	Прогноз, в %	Итог, в %
Явка	35	37,22
Ерощенко С. В.	42	41,46
Левченко С. Г.	56	56,39

Чтобы проследить влияние общественно-политического контекста на электоральный цикл, необходимо внимательнее посмотреть на выборы Президента РФ с точки зрения региональной явки и ее специфики.

Любая избирательная кампания начинается с изучения общественного мнения и предпочтений. Инструментов для этого у политтехнологов и специалистов предостаточно. Но чаще всего используются количественные и качественные социологические опросы, однако эти прогнозы не всегда призваны сбываться.

Например, в начале марта 2024 г. эксперты прогнозировали явку по Иркутской области на выборах Президента РФ в пределах 74 %. Тогда как прогнозный анализ, проведенный в феврале текущего года на основе данных СМИ, формализованных интервью и опыта предыдущих кампаний одного из авторов¹, показал, что явка будет в пределах 62 %.

¹ Е. М. Хохряков в период избирательной кампании по выборам Президента РФ в 2008 г., соавтор статьи, как советник губернатора по политическим вопросам отвечал за технологическое сопровождение избирательной кампании. За что был награжден памятной медалью Избирательной комиссии области. На выборах в Госдуму РФ в 1999 г. он являлся одним из руководителей штаба ИРО ОПД «МЕДВЕД», а также председателем ИРО «Российское объединение избирателей». Кроме того, с 1999 по 2006 г. его ИП «Бизнес ПР» вело социологическое сопровождение избирательной кампании в Государственную Думу К. Б. Зайцева, Ю. М. Тена, Г. В. Истомина и пр.

Если рассматривать контрольные цифры по явке в Иркутской области с начала века, то мы можем увидеть, что прогноз иркутских специалистов точно уложился в матрицу двух подобных кампаний, в которых президенты избирались с почти идентичными результатами вне зависимости от фамилии кандидата. Например, на выборах Президента РФ в 2000 г. явка составила 68,69 %, в 2008 г. – 64,77 %, а в 2024 г. – 63,17 % [7].

Если взять абсолютные цифры от всей генеральной совокупности избирательного поля, то президента в области избрали чуть более 50 % всего населения региона. Явка на президентских выборах в Иркутской области составила 63,17 %, или 1 147 021 чел. За В. В. Путина свои голоса отдали 83,84 % избирателей, или 961 950 чел., что составляет более половины всего населения Иркутской области. При этом информированность населения о выборах достигала 96 %. Так почему же не случилось повышения явки?

В 2000 г. общество ожидало изменений, федеральный центр и региональные штабы работали в полную силу. Это была мощная избирательная кампания, полная самых различных приемов и способов агитации. Уже на следующих президентских выборах (2004 г.) наступило затишье. Федеральный центр вел неприметную кампанию и не давал указания на активное вовлечение регионов и их штабов. Тогда же уровень явки вернулся к своему среднему значению – в районе 50 %.

В свою очередь, на выборах Президента РФ 2008 г. молодой губернатор А. Г. Тишанин с опытом производственника поставил перед избирательным штабом реалистичную задачу вывести явку на уровень 2000 г. Кураторы от области были в каждом районе, работали управления культуры и соцзащиты. Те выборы показали, что эффективность использования административного ресурса напрямую зависит от личности и авторитета главы региона. Основной задачей для администратора является не только повышение региональной явки, но и правильное влияние на предпочтения избирателей.

В противоположность предыдущей велись президентские избирательные кампании 2012 и 2018 гг.: незаинтересованность и пассивность отправленных специалистов, безучастная позиция региональных властей (без федеральных стимулов губернаторы были склонны уделять большее влияние своим проблемам). Тем более что в 2012 г. Д. Ф. Мезенцев (5-й губернатор Иркутской области) сам баллотировался в президенты, а в 2018 г. С. Г. Левченко активно поддерживал участие в президентской гонке П. Н. Грудинина.

К выборам 2024 г. в область вернулось единое понимание прежних подходов эффективного использования административного ресурса региона. Активная позиция губернатора И. И. Кобзева и его команды привела в движение региональную политическую жизнь.

В этот раз в основе нашего прогноза лежал анализ пороговых данных: нижняя граница обозначена в 52 %, верхняя – 65 %, учитывались все предыдущие президентские кампании.

Исследования, проведенные социологами региона, показали, что 26 % опрошенных твердо не собирались идти на выборы, а 10 % респондентов сомневались в необходимости на них идти [3].

Было установлено, что 26 % – это в основном студенты, представители среднего бизнеса и пенсионеры. Эти данные мы взяли за константу, так как реформы власти предыдущих лет рационально обосновывали их выбор: пенсионная реформа, «навальнистские настроения», спорная кредитно-бюджетная политика правительства.

Статистика кадрового электорального потенциала области дала нам дополнительные возможности проверки предполагаемой явки [10]. По данным Росстата, в бюджетной сфере Иркутской области трудится почти 200 тыс. чел., это те люди, которые часто голосуют по воле начальников или из уважения к ним. В условиях активной поддержки избирательной кампании губернатором И. И. Кобзевым можно с большей долей вероятности операционализировать их как заинтересованных и активных избирателей. Немалую роль здесь играет семейный коэффициент в 1/3, чтократно повышает вероятностные значения явки. Таким образом, консолидированный электорат предстает в размере около полумиллиона человек.

Учитывая выделяющийся ядерный электорат В. В. Путина в Иркутской области на целом ряде избирательных кампаний в 52–55 %, можно было предположить, что и в 2000 и в 2008 гг. на федеральных выборах региональный административный ресурс при активном политическом участии губернаторов составлял примерно 12–15 %. Данные нашего опроса подсказывали, что и в этом году ничего не изменилось: 62 % респондентов собирались идти голосовать, а более трети отказывались категорически.

Первый день голосования на выборах Президента РФ в Иркутской области показал явку в 29,52 %, или около 500 тыс. избирателей. После первого дня голосования стало ясно, что, даже если региональная власть привлечет дополнительные ресурсы, высоких показателей добиться не удастся. Наблюдение стало основной стратегией администрации в течение трех дней голосования.

На второй день явка составляла 17,34 %, а на третий – 16,31 %. Зачастую специалисты говорят, что администрирование ни к чему хорошему не приводит, но не учитывают при этом фактор личностных качеств руководителя: итоги же выборов показали – голосовали «по совести», а не под контролем. Ключевым стимулирующим нарративом стала прямая ассоциативная связь губернатора – президента: «губернатор с В. В. Путиным, мы тоже с ним, надо идти».

Федеральные и региональные штабы исчерпали весь ядерный ресурс власти в пределах всего лишь 10–15 %. Не помогли ни викторины, ни розыгрыш автомобилей, ни концерты, ни аниматоры. Потому что основа основ – личный ресурс Президента РФ в Иркутской области, который все 24 года устойчиво находится в пределах 50 %.

Таким образом, имея базовый областной ресурс президента в объеме 50–52 %, региональная власть в лице губернатора либо наращивает ресурс явки за счет своего авторитета до максимальных 15 % (на выборах 2000, 2008, 2024 гг.), либо пассивно считывает стимулы из федерального центра: «ничего не делайте, мы все сделаем сами», и получает стабильные данные по явке в 55 %.

В сухом остатке региональная власть в 2024 г. смогла привести на избирательные участки дополнительно примерно 10–13 %. Объективным и обнадеживающим выводом может служить наличие персонального электорального ресурса у действующего губернатора. «Мы прогнозировали еще лучшие результаты, мы шли к этому, – отметил губернатор региона. – В первый день ожидали явку 33–34 %, но не добрали всего 3 %. Будем работать над ошибками, но все равно движение вперед есть, главное не останавливаться» [8].

В условиях низкой явки на региональных выборах (например, выборы в Законодательное Собрание Иркутской области 2023 г.) эти 12–15 % граждан являются теми самыми социально ответственными избирателями, которые при любых условиях идут голосовать за власть. При всей «сушке» явки, которая явно просматривалась в сентябре, ядерные избиратели губернатора и его команды все равно пришли на участки и добавили 10–15 %. Как итог только 24 % избирателей пришли на участки на последних выборах в региональный парламент. Остается только дожидаться осени и проверить административный ресурс на выборах в местные органы власти.

Список литературы

1. Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2006. 333 с.

2. Бунин И. М., Макаренко Б. И. Политическое прогнозирование как искусство возможного // Полития. 2001. № 5 (23). С. 249–264. DOI 10.30570/2078-5089-2001-5-23-249-264

3. В Иркутской области прогнозируемая явка на выборы президента выросла по сравнению с предыдущими опросами // Областная : общественно-политическая газета. URL: <https://www.ogirk.ru/2024/03/06/v-irkutskoj-oblasti-prognoziruemaja-javka-na-vybory-prezidenta-vyroslo-po-sravneniju-s-predydushimi-oprosami/> (дата обращения: 15.03.2024).

4. Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления развития // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168. DOI 10.17976/jpps/2004.01.12

5. Дегтярев А. А. Политическое прогнозирование: виды и методы // Прикладной политический анализ. М. : МГИМО, 2010. Гл. 6. С. 398–436.

6. Досрочные выборы Губернатора Иркутской области 13.09.2015 // Избирательная комиссия Иркутской области. URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/vybory-2015/vybory-gubernatora-irkutskoy-oblasti/> (дата обращения: 15.03.2024).

7. Избирательная комиссия Иркутской области. URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/vybory-2015/vybory-gubernatora-irkutskoy-oblasti/> (дата обращения: 15.03.2024).

8. Иркутск политический // Мониторинг 38 Иркутская область : телеграм-канал. URL: https://t.me/monitoring_38/149726 (дата обращения: 15.03.2024).

9. Ожиганов Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов : учеб. пособие. М. : РУДН, 2009. 189 с.

10. Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников несписочного состава) по полному кругу организаций Иркутской области по видам экономической деятельности за 2010–2016 гг. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: [https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_ved_2010_2016\(1\).html](https://38.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/chisl_ved_2010_2016(1).html) (дата обращения: 15.03.2024).

Predictive Analytics of Election Campaigns (Using the Example of the 2015 Gubernatorial Elections and the President in 2024)

E. M. Khokhryakov
Independent Researcher, Irkutsk
D. E. Goncharuk
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Some aspects of the course of electoral processes in the country, and in the Irkutsk region, in particular, are analyzed. Competitiveness and competitiveness are the key factors in increasing turnout. The positive dependence of local turnout in federal elections on the degree of regional involvement is noted, and the special role of the authority and personality of the governor in the accumulation of electoral resources is highlighted.

Keywords: political analysis and forecasting, election campaigns, elections of the governor of the Irkutsk region, presidential elections of the Russian Federation, protest voting, political absenteeism.

Хохряков Евгений Михайлович – независимый исследователь, политический аналитик, член Союза журналистов РФ, член Российского союза писателей, помощник губернатора по политическим вопросам в период 2006–2008 гг., г. Иркутск, Россия, e-mail: 335866@mail.ru

Khokhryakov Evgeny Mikhailovich – Independent Researcher, Political Analysts, Member of the Union of Journalists of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Writers, Assistant to the Governor for Political Issues in the period 2006–2008, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 335866@mail.ru

Гончарук Даниил Евгеньевич – ассистент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: lzz.f@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-3001-2657

Goncharuk Daniil Evgenievich – Assistant, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lzz.f@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-3001-2657

УДК 332.012.2

Социокультурное влияние современных экологических трендов на жителей Российской Федерации (на примере Иркутской области)

К. П. Юрьев

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается отношение жителей Российской Федерации к современным экологическим трендам. Цель исследования – изучить степень и характер социокультурного влияния современных экологических трендов на жителей России на примере Иркутской области. Доказывается, что на сегодняшний день экологической деятельностью на территории региона в основном занимаются профильные некоммерческие организации и отдельные активисты. Социокультурное влияние экологических трендов на обычных жителей Иркутской области находится на низком уровне.

Ключевые слова: экологические тренды, устойчивое развитие, экологические проблемы, экологическая политика, глобальная повестка, общество, некоммерческие организации.

Кризис современной цивилизации на сегодняшний день в значительной степени обусловлен комплексом экологических проблем, сформировавшихся во второй половине XX в. Широкая огласка экологического кризиса дала старт формированию различных мировых экологических трендов, таких как сортировка мусора, безотходное производство, альтернативная энергетика и др.

Для того чтобы систематизировать общечеловеческие усилия по борьбе с экологическим кризисом был выдвинут термин «устойчивое развитие» посредством утверждения концепции устойчивого развития. Появление этой концепции положило начало формированию в обществе природосберегающей культуры. Культура, неразрывно связанная с процессами жизнедеятельности современного человека, выполняет регулятивную функцию в социальном развитии челове-

чества. Культура устойчивого развития определяется как главный способ единения человека с окружающей средой, с природой. Важную роль в ее развитии играет постоянное пополнение знаний о функционировании природной среды и о формах рационального природопользования [2, с. 8].

В российской действительности переход к устойчивому развитию невозможно осуществить без учета огромных территорий, разнообразия природных и климатических зон, многонационального населения, различной культуры, особенностей пространственной экономики и региональной структуры Российской Федерации.

Наиболее контрастно эта картина может быть выявлена на примере Иркутской области. Практически все города региона в советское время получили промышленное развитие. Правительство преследовало две цели: выравнивание социально-экономического баланса в области и приближение промышленности к разрабатываемым ресурсам. Самым распространенным типом городов в Иркутской области стал промышленный город [3, с. 24].

Если мы обратимся к истории развития экологической политики в России, то увидим, что вплоть до распада СССР экологическая ситуация не волновала руководство страны. По данным государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2019 году», в девяти городах региона уровень воздушного загрязнения составляет более 50 % и отмечается как «высокий» или «очень высокий» [4].

Катализатором обсуждения экологических проблем в регионе всегда было оз. Байкал, самое крупное хранилище пресной воды в мире и мировое наследие ЮНЕСКО. Вокруг темы защиты оз. Байкал на протяжении более 60 лет складывались различные экологические организации и движения по его защите от загрязнения [1].

В рамках количественного социологического исследования был проведен опрос, основной целью которого является определение отношения жителей Иркутской области к экологической ситуации в регионе. Срок проведения опроса охватил временной промежуток с февраля до апреля 2023 г. включительно. Всего было опрошено 280 респондентов. Для формирования анкеты был использован сервис «Яндекс.Формы». Ссылки с социологическим исследованием были размещены в социальных сетях «ВКонтакте», «Телеграм» и «Одноклассники».

В онлайн-опросе приняли участие жители Иркутской области следующих возрастных групп: до 18 лет – 6,4 % (18 респондентов); от

18 до 35 лет – 46,8 % (131 респондент); от 36 до 45 – 26,8 % (75 респондентов); от 46 до 55 – 9,3 % (26 респондентов); от 56 и старше – 10,7 % (30 респондентов). Таким образом, преобладающей стала группа респондентов от 18 до 35 лет. Доля женщин, участвующих в опросе, составила 77,1 % (216 респондентов), а мужчин – 22,9 % (64 респондента). 14,6 % (41 респондент) имеют среднее специальное образование; 10,7 % (30 респондентов) – среднее образование; 13,9 % (39 респондентов) – неполное высшее образование; 55,7 % (156 респондентов) – высшее образование; 5 % (14 респондентов) – ученую степень. В опросе приняли участие представители следующих муниципалитетов: г. Иркутск – 49,3 % (138 респондентов); г. Ангарск – 20 % (56 респондентов); г. Братск – 14,6 % (41 респондент); Иркутский район – 3,2 % (9 респондентов); г. Тулун – 2,5 % (7 респондентов); г. Черемхово – 2,5 % (7 респондентов); г. Шелехов – 1,8 % (5 респондентов); г. Усть-Илимск – 0,7 % (2 респондента); г. Усолье-Сибирское – 0,4 % (1 респондент); Аларский район – 0,4 % (1 респондент); Зиминский район – 0,4 % (1 респондент); Боханский район – 0,4 % (1 респондент); Братский район – 0,4 % (1 респондент); г. Усть-Кут – 0,4 % (1 респондент); неопределенное место жительства – 3,2 % (9 респондентов).

На вопрос «Интересуетесь ли вы экологической обстановкой в России?» были получены следующие ответы респондентов: «Да» – 85,4 % (239 респондентов); «Нет» – 14,6 % (41 респондент). На основании данных ответов можно сделать вывод, что 3/4 респондентов интересуются экологической обстановкой в стране.

На вопрос «Интересуетесь ли вы экологической обстановкой в Иркутской области?» респонденты ответили следующим образом: «Да» – 88,2 % (247 респондентов); «Нет» – 11,8 % (33 респондента). Отсюда можно сделать вывод, что жители Иркутской области почти в равной степени интересуются вопросами экологии как в стране, так и в регионе. Но необходимо отметить, что есть небольшой процент респондентов, которых интересует только экологическая ситуация внутри региона.

Далее респондентам была задана следующая пара вопросов. На вопрос «Как вы оцениваете экологическую обстановку в России?» были получены следующие ответы: «Отрицательно» – 22,1 % (62 респондента); «Скорее отрицательно» – 47,9 % (134 респондента); «Нейтрально» – 17,1 % (48 респондентов); «Скорее положительно» – 5 % (14 респондентов); «Положительно» – 1,4 % (4 респондента); «Затрудняюсь ответить» – 6,4 % (18 респондентов). Из ответов следует, что более половины респондентов негативно оценивают экологию

скую ситуацию в России. Количество положительных ответов крайне мало. Оценивая экологическую обстановку в Иркутской области, респонденты дали следующие ответы: «Отрицательно» – 39,6 % (111 респондентов); «Скорее отрицательно» – 40,4 % (113 респондентов); «Нейтрально» – 8,9 % (25 респондентов); «Скорее положительно» – 6,1 % (17 респондентов); «Положительно» – 1,4 % (4 респондента); «Затрудняюсь ответить» – 3,6 % (10 респондентов). Полученные ответы свидетельствуют, что количество негативных оценок вновь преобладает, в том числе возросло количество крайне негативных ответов. Также стало меньше респондентов, затрудняющихся в ответе и оценивающих экологическую ситуацию в регионе как нейтральную. Это объясняется тем, что респонденты априори лучше осведомлены об экологической обстановке в своем регионе, чем по стране в целом. Тенденция на негативные оценки сохраняется.

Значительная доля опрашиваемого населения Иркутской области (40 %; 112 респондентов) считает, что за последние 2–3 года экологическая обстановка в их населенном пункте ухудшилась. 1/6 часть жителей (15,7 %; 44 респондента) считает, что экологическая ситуация улучшилась. Более 1/3 (36,4 %; 102 респондента) не заметили существенных изменений. Затруднились ответить 7,9 % (22 респондента).

Обработка ответов на вопрос «Откуда Вы получаете большую часть информации о состоянии окружающей среды в вашем регионе? (3 варианта ответа)» показала, что лидирующие позиции между собой поделили социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм») (22,9 %; 176 ответов) и интернет-СМИ (22,8 %; 175 ответов). Далее ответы распределились следующим образом. Региональное и местное телевидение – 14,5 % (111 ответов); информация от родных и друзей – 13 % (100 ответов); информация из блогов экологов и экологических организаций – 11,2 % (86 ответов); федеральное телевидение – 6,8 % (52 ответа); региональные и местные газеты – 5,2 % (40 ответов); радио – 2,1 % (16 ответов); 1,6 % (12 респондентов) затруднились с ответом.

Исходя из ответов респондентов на вопрос «Отметьте, какие из представленных экологических проблем наиболее актуальны для Вашего региона? (3 варианта ответа)», был составлен следующий рейтинг. На первом месте – проблема загрязнения окружающей среды вредными выбросами с промышленных предприятий (15 %; 186 ответов); на втором месте – свалки мусора (14,9 %; 184 ответа); на третьем месте – незаконная вырубка леса (14,6 %; 181 ответ); на четвертом месте – обеспокоенность экологической обстановкой вокруг

оз. Байкал (13 %; 161 ответ); на пятом месте – загрязнение водоемов (реки, озера) (12,5 %; 155 ответов); на шестом месте – антисанитарное состояние территории (бытовые отходы, несанкционированные свалки и др.) (10,1 %; 125 ответов); на седьмом месте – загрязнение воздуха выхлопами автомобилей (7 %; 87 ответов); на восьмом месте – исчезновение отдельных животных и растений или изменение их видового состава (4,3 %; 53 ответа); строительство вредных производств рядом с населенным пунктом (4,2 %; 52 ответа); повышенный уровень шума (2,4 %; 30 ответов); техногенные аварии (1,5 %; 18 ответов); затруднились ответить – 0,4 % (5 респондентов).

Далее была проанализирована осведомленность респондентов о наиболее острых кризисных экологических точках в регионе. На вопрос «Знаете ли вы о строительстве завода по переработке токсичных отходов в Усолье-Сибирском?» более половины респондентов ответили «Да» (64,4 %; 181 респондент), остальные ответили, что не знакомы с данной проблемой (35,4 %; 99 респондентов). Далее респонденты ответили на вопрос «Знаете ли вы о проблеме ликвидации отходов Байкальского ЦБК?»: «Да» – 76,4 % (214 респондентов); «Нет» – 23,6 % (66 респондентов). Осведомленность о строительстве мусороперерабатывающего завода в Ангарске показали 59,1 % (165 респондентов), не знают о такой проблеме 40,9 % (114 респондентов).

Исходя из полученных ответов, подтверждается лидерство промышленных загрязнений и их последствий в рейтинге проблем. Во всех трех случаях более половины респондентов ответили положительно, что говорит о высокой осведомленности о кризисных экологических точках в регионе. Наибольшую популярность имеет проблема Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Более 2/3 положительных ответов обеспечены широкой известностью проблемы как в регионе, так и по всей стране.

На вопрос «Как, по вашему мнению, эти проблемы решаются региональными и местными властями региона?» были получены следующие ответы: «Не решаются» – 37,5 % (105 респондентов); «Решаются под давлением населения» – 29,3 % (82 респондента); «Решаются активно» – 3,6 % (10 респондентов); «Затрудняюсь ответить» – 29,7 % (83 респондента). Исходя из ответов, мы можем видеть, что 1/3 респондентов негативно оценивают действия региональных и местных властей в решении данных вопросов. Другая треть респондентов отмечает, что работу властей в решении экологических проблем стимулируют только запросы населения. Большое количество затруднившихся с ответом может указывать на то, что власти слабо

освещают решения этих вопросов в СМИ и население не знает о том, что происходит.

Далее была проанализирована самостоятельная деятельность граждан в охране окружающей среды. На вопрос «Что лично Вы делаете для охраны окружающей среды? (3 варианта ответа)» респонденты дали следующие ответы: «Собираю за собой мусор после поездок на природу» – 26,2 % (246 ответов); «Выбрасываю мусор только в специально отведенных местах» – 24 % (225 ответов); «Экономно расходую воду, газ, электричество и т. д.» – 15,2 % (143 ответа); «Участвую в субботниках, мероприятиях по уборке территории» – 12,9 % (121 ответ); «Пытаюсь не пользоваться полиэтиленовыми пакетами, заменяю их тканевыми и многоразовыми полиэтиленовыми сумками» – 10,5 % (99 ответов); «Сортирую мусор» – 8,1 % (76 ответов); «Состою в экологической организации» – 2,2 % (21 ответ); «Веду блог на экологическую тематику» – 0,4 % (4 ответа); «Ничего из перечисленного» – 0,4 % (4 ответа). Данное распределение ответов позволяет сделать вывод о том, что в основном у большинства респондентов забота об экологии не является актуальной проблемой. Граждане выбрасывают мусор в специально отведенных местах, но при этом только 10,5 % сортируют мусор. Причин такого несовпадения несколько: во-первых, культура сортировки пока не сильно развита в нашей стране; во-вторых, многие жалуются на то, что сортировка мусора не дает никакого эффекта, так как на свалку мусор все равно попадает вперемешку, без сортировки. Также двойной смысл имеет и пункт, связанный с экономией воды, газа и электричества. Можно предположить, что здесь стимулом является не столько желание защитить природу, сколько экономия своих денежных средств. Главный вывод из данных по этому вопросу заключается в том, что население пока не готово в полной мере перейти к активным действиям по защите природы, так как только 2,2 % респондентов состоят в экологической организации.

Еще одним подтверждением низкого потенциала населения к активным действиям в сфере экологии является то, что более половины респондентов (57,9 %; 162 респондента) не знакомы с деятельностью экологических организаций и эоактивистов в Иркутской области или в своем населенном пункте. 118 респондентов (42,1 %) имеют представление о таких организациях и смогли назвать самые известные в регионе: некоммерческую организацию «Эпишура», благотворительный проект «Вторник», проект «Большая Байкальская тропа», благотворительный фонд «Подари планете жизнь», Ир-

кутское отделение Всероссийского общества охраны природы, Русское географическое общество, Иркутскую региональную общественную организацию «Мой Байкал», Байкальский интерактивный экологический центр.

На вопрос «Принимаете ли Вы какое-либо участие в охране окружающей среды?» респонденты дали следующие ответы: «Нет, не принимаю» – 63,6 % (178 респондентов); «Да, принимаю» – 36,4 % (102 респондента). Также респонденты отметили акции, в которых принимали участие, среди них: участие в субботниках; лесопосадочные мероприятия; тушение пожаров; сдача макулатуры; мероприятие «360 минут ради Байкала»; уборка территории оз. Байкал; акции, связанные с раздельным сбором мусора; сбор вторсырья для переработки; акции «День Земли» и «Час земли»; акция «Экологический диктант»; проект «Праздник чистоты».

Большая часть респондентов (80 %; 224 респондента) отметила, что решение экологических вопросов региона – это совместная работа региональной власти и экологического сообщества; 17,1 % (48 респондентов) – работа только властей региона и муниципалитетов; 1,4 % (4 респондента) – работа только экологических организаций и эоактивистов; затруднились ответить 1,4 % (4 респондента). Здесь мы можем видеть явный запрос со стороны населения на совместную работу с органами власти по решению экологических проблем.

Данное количественное исследование показывает, что население Иркутской области заинтересовано в решении экологических проблем в своем регионе и населенном пункте. Больше половины респондентов интересуются вопросами экологии как в масштабах страны, так и на уровне региона. Также респонденты отмечают плохое состояние экологической обстановки в России и в Иркутской области и тенденцию к ее ухудшению.

Исследование показывает, что сейчас наиболее значимыми проблемами, с точки зрения общественного мнения, для региона являются промышленные загрязнения и переработка отходов. Такая тенденция сопоставима с общемировым трендом на переработку и переход предприятий на замкнутый цикл производства. Наиболее острыми в регионе остаются экологические проблемы, доставшиеся в наследство от низких экологических требований советского периода.

Важным аспектом исследования является получение данных о степени участия населения в решении экологических проблем. Здесь были выбраны три индикатора: 1) самостоятельная деятельность по охране окружающей среды; 2) заинтересованность работой экологи-

ческих организаций и экологов; 3) участие в экологических акциях. Анализ этих пунктов показывает, что на данный момент население Иркутской области нельзя характеризовать как экологически активное. Более половины респондентов не интересуются деятельностью экологических организаций и не принимают участие в экологических акциях. Кроме того, самостоятельная деятельность сводится лишь к правильному обращению с мусором, при этом без его сортировки.

Тем не менее можно сказать, что Иркутская область – это регион с большими перспективами в сфере реализации экологической политики. Исследование показывает, что в регионе есть достаточно опытное экологическое сообщество, состоящее из известных экологических организаций федерального и регионального масштаба. Также респондентами было упомянуто большое количество экологов, которые могут выступать лидерами общественного мнения в сфере экологии.

Анализ проведенного исследования показывает, что экологические тренды все глубже проникают в сознание рядового гражданина. Мы констатируем низкую информированность об экологической ситуации в регионе, слабое позиционирование экологических организаций в отдаленных территориях, недостаточное внимание экологическому просвещению населения, слабую заинтересованность органов власти и политического сообщества в решении экологических проблем. Полученные в исследовании выводы можно проецировать на любой субъект РФ в качестве основных индикаторов построения общества по концепции устойчивого развития в нашей стране.

Список литературы

1. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в байкальском регионе в XX веке. Иркутск : Изд. Иркут. ун-та, 2002. 495 с.
2. Мамедов Н. М. Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2021. № 1. С. 6–12. DOI: 10.24412/2713-1831-2021-1-6-12.
3. Нестер Е. В. Экологические проблемы городов Иркутской области // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 2. С. 79–79.
4. О состоянии и об охране окружающей среды в Иркутской области : государственный доклад // Правительство Иркутской области : офиц. сайт. 2019. URL: <https://irkobl.ru/region/ecology/doklad/> (дата обращения: 23.04.2023).

Socio-Cultural Impact of Modern Environmental Trends on Residents of the Russian Federation (on the Example of the Irkutsk Region)

K. P. Yurev

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article examines the attitude of residents of the Russian Federation to modern environmental trends. The purpose of this article is to study the degree and nature of the socio-cultural impact of modern environmental trends on Russian residents using the example of the Irkutsk region. It is proved that today environmental activities in the region are mainly carried out by specialized non-profit organizations and individual activists. The socio-cultural impact of environmental trends on ordinary residents of the Irkutsk region is at a low level.

Keywords: environmental trends, sustainable development, environmental problems, environmental policy, global agenda, society, non-profit organizations.

Юрьев Константин Павлович – аспирант, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия, e-mail: iuriev_official@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3579-5590

Yurev Konstantin Pavlovich – Postgraduate Student, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: iuriev_official@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3579-5590

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Сборник работ III Всероссийской научной
студенческой конференции
Иркутского государственного университета,
посвященной 300-летию основания
Российской академии наук

Секция 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 329.1/.6

Всероссийский национальный союз: деятельность и влияние на современные политические процессы

И. Е. Вовиков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Исследуется влияние Всероссийского национального союза на современные политические процессы с учетом его исторической роли в дореволюционной политической жизни Российской империи. Рассматривается идеологическая составляющая и деятельность Всероссийского национального союза. Обсуждаются взаимосвязи между идеями и деятельностью Всероссийского национального союза и ЛДПР. Подчеркивается важность понимания исторической роли Всероссийского национального союза для анализа современных политических дискуссий и тенденций в России.

Ключевые слова: Всероссийский национальный союз, ВНС, Российская империя, Государственная дума, национализм, Украина.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания и анализа влияния и деятельности исторических политических партий на современные политические процессы. В контексте современной России, где наблюдается постоянная дискуссия о наци-

ональной идентичности, межэтнических отношениях и политической стабильности, изучение опыта Всероссийского национального союза (ВНС) приобретает особую актуальность. Анализ деятельности ВНС позволит более глубоко понять исторические корни современных политических дискуссий и тенденций, а также оценить потенциал использования исторического опыта в развитии современной политической практики.

Цель настоящего исследования заключается в анализе деятельности ВНС и выявлении ее влияния на современные политические процессы в России. Предпринимается попытка осветить роль ВНС в государственной политике.

Предметом исследования является оценка деятельности ВНС и влияния партии на современные политические процессы и институты.

Всероссийский национальный союз как политическая партия сформировался в 1908 г. после объединения различных нечерносотенных консервативных политических партий Российской империи: Русской партии народного центра, Партии правового порядка, а также местных политических сил, таких как Тульский союз «За царя и порядок», Киевский клуб русских националистов, Каменец-Подольский клуб русских националистов и др. Позже к ним присоединилась Партия умеренно-правых. В рамках деятельности Государственной думы Российской империи III созыва это проявлялось в объединении в начале III сессии двух фракций: национальной группы численностью в 21 депутат и фракцией умеренно-правых численностью в 76 членов. В результате была создана Русская национальная фракция (РНФ) (91 член). Возглавил созданное объединение представитель правого крыла Партии умеренно-правых Пётр Николаевич Балашов.

Однако в дальнейшем численность РНФ снижалась. Так в конце IV сессии от нее откололась группа депутатов численностью в 16 чел., которая образовала свою собственную фракцию, получившую название независимых националистов.

Всероссийский национальный союз в лице Русской национальной фракции занял активную позицию в Государственной думе. Так, за пятилетний срок заседания было доложено 2872 доклада, 341 из которых был представлен РНФ. По этому показателю она уступает только фракции октябристов. Отмечается также большое число членов Русской национальной фракции в комиссиях Государственной думы. Члены ВНС занимали многие министерские должности, например, министром внутренних дел был Николай Борисович

Щербатов, а Сергей Васильевич Рухлов, первый лидер партии, занимал пост министра путей сообщения [5, с. 9–12].

В целом Всероссийский национальный союз в своей деятельности имел выраженную простолыпинскую направленность, однако с убийством П. А. Столыпина 17 октября 1911 г. у ВНС возник конфликт с Союзом, о чем также свидетельствует направленность административного аппарата на поддержку черносотенных кандидатов [1, с. 199–203]. Но даже с учетом этого на выборах 1912 г. в Государственную думу IV созыва партия заняла 120 мест, благодаря чему стала относительно самой большой. Однако из-за своей правой направленности и характера формирования Правительства ВНС не стала ведущей силой, вновь уступив место октябристам [9].

Успех на выборах ВНС можно объяснить одновременно национально-ориентированной направленностью и в то же время большей умеренностью по сравнению с черносотенцами, которые составляли Союзу основную конкуренцию в целевом электорате. Кроме того, ВНС имел наибольшую активность в западных и юго-западных губерниях, где в те годы распространялись идеи украинства и польского национализма, а также зарождался белорусский национализм. В качестве целей ВНС в это же время указывались единство и нераздельность Российской империи, ограждение во всех ее частях господства русской народности, укрепление сознания русского народного единства и упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством. Местное население могло видеть в этой позиции ответ на происходящие события.

Кроме того, вместо «уваровской» теории официальной народности «Православие, Самодержавие, Народность» Всероссийский национальный союз выдвигал лозунг: «Самодержавие, Православие, Единодержавие», первоосновой которого объявлялся русский национализм, что также могло привлечь избирателей среди более либеральной интеллигенции и оппозиционно настроенных слоев населения, желавших получить больше прав в управлении государством, что предлагал ВНС в виде законодательной Государственной думы.

Однако, несмотря на успехи, ВНС испытывал внутренние разногласия между левыми и правыми членами партии, а с образованием Прогрессивного блока союз и вовсе фактически распался на сторонников прогрессистов в лице Савенко (группа националистов-прогрессивистов) и его противников во главе с Балашовым (Русская национальная фракция). В конечном счете партия прекратила свое

существование после Февральской революции. Попытки возродить ВНС в годы Гражданской войны не увенчались успехом, хотя отдельные члены партии продолжали свою деятельность преимущественно на территории недавно созданной Украины и на землях, подконтрольных Вооруженным силам Юга России, но сколь-либо значимого результата они не добились [8, с. 106–111].

Среди причин конечного провала деятельности Всероссийского национального союза можно отметить внутреннюю раздробленность и разобщенность. Помимо сказанного выше, об этом свидетельствует отсутствие в партии единого мнения по многим ключевым вопросам. Например, не было единой позиции о статусе национальных окраин. Пока левые круги были готовы пойти на предоставление ограниченной автономии ряду губерний, правые были непреклонны и выступали за сохранение статуса-кво. Среди других причин неудачи ВНС отмечается «попытка осуществить триединый сплав глубоко несродных между собой начал: российского империализма, русской этнократии и европейской модернизации (политической и хозяйственной)» [2, с. 164]. В результате ВНС не мог четко закрепиться и обеспечить себе прочную базу поддержки.

Переходя к вопросу влияния Всероссийского национального союза на современные политические процессы, нельзя не обратить внимание на тот факт, что ядро партии составляли уроженцы мало-российских губерний. На части этих территорий сегодня находится Украина. Здесь можно провести параллель – как с распространением теории украинского национального самосознания во времена Российской империи, так и с ростом русофобии на Украине уже в XXI в., произошел ответ местного русского и близкого к его позиции населения в виде создания Всероссийского национального союза и начала Русской весны соответственно. Также мы можем наблюдать, что именно на этих территориях родилось множество деятелей, которые сегодня принадлежат к пророссийским силам: К. С. Стремоусов, А. В. Захарченко, И. В. Плотноцкий и др. Однако, несмотря на очевидную параллель, по нашему мнению, в данной ситуации нельзя уследить прямой причинно-следственной связи.

Обращаясь же к практике непосредственно Российской Федерации, можно наблюдать, что напрямую к деятельности и опыту Всероссийского национального союза практически никто не прибегает. Больше внимание уделяется исследованию философской и теоретической составляющим ВНС в виде работ П. И. Ковалевского и П. Б. Стукалова [6].

Также считаем важным обратить свое внимание на деятельность и идеологическую составляющую Либерально-демократической партии России (ЛДПР), которая, на наш взгляд, во многом совпадает с программой Всероссийского национального союза. Среди общих черт можно отметить ведущее место так называемого «русского вопроса» с позиции защиты русского народа и придания ему ясного статуса, а также попытку ЛДПР соединить в себе разные политические направления. Так, ключевыми словами партии являются «свобода, патриотизм, закон» [4], а основатель ЛДПР и ее лидер на протяжении долгого времени Владимир Вольфович Жириновский говорил, что «мы не левые, мы не правые» [3], и что идеология ЛДПР сочетает в себе по чуть-чуть мировоззрений консерваторов, либералов и левых [7]. Однако официальное руководство ЛДПР не заявляло о своей преемственности от ВНС, а схожие цели и принципы можно объяснить их общепринятостью среди партий правой направленности. Сам Жириновский называл лучшим политиком России в XX в. Столыпин, а не кого-либо из рядов ВНС.

Таким образом, на основании сказанного, можно сделать вывод, что Всероссийский национальный союз играл важную роль в довоенной политической жизни Российской империи, утратив свое влияние с началом Первой мировой войны. Несмотря на очевидные параллели с некоторыми современными политическими процессами, мы не можем утверждать, что в них прослеживается влияние ВНС.

Список литературы

1. Кирьянов И. К., Чугайнова Е. В. Административный ресурс на выборах в Государственную думу Российской империи четвертого созыва: пермский вариант // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 3. С. 199–203. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-resurs-na-vyborah-v-gosudarstvennuyu-dumu-rossiyskoy-imperii-chetvertogo-sozyva-permskiy-variant/viewer> (дата обращения: 16.03.2024).
2. Коцюбинский Д. А. Русский народ глазами русских националистов. Идеологи Всероссийского национального союза (1908–1917) об особенностях русского национального характера // Вопросы национализма. 2010. № 4(4). С. 161–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-narod-glazami-russkih-natsionalistov-ideologii-vserossiyskogo-natsionalnogo-soyuzha-1908-1917-ob-osobennostyah-russkogo/viewer> (дата обращения: 19.03.2024).
3. «Мы не левые, мы не правые. Мы всегда были честными» – Жириновский на Дне рождения партии // ЛДПР: офиц. сайт. 2021. URL: <https://yakutia.ldpr.ru/event/154164> (дата обращения: 18.03.2024).
4. Новая символика ЛДПР: герб и гимн // ЛДПР: офиц. сайт. URL: https://ldpr.ru/events/The_new_symbols_LDPR_Emblem_and_Anthem/ (дата обращения: 18.03.2024).

5. Обзор деятельности Государственной думы Российской империи третьего созыва 1907–1912 гг. Ч. 1 // Российская государственная библиотека : офиц. сайт. СПб. : Гос. тип., 1912. С. 9–12. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004010378?page=2&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 18.03.2024).

6. Репников А. В. Новая книга о Всероссийском национальном союзе // Вопросы национализма. 2012. № 3. С. 220–228. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kniga-o-vserossiyskom-natsionalnom-soyuze/viewer> (дата обращения: 16.03.2024).

7. Самохина С., Перцев А. Владимир Жириновский запутался в идеологии ЛДПР // Коммерсантъ : сетевое издание. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2841624> (дата обращения: 18.03.2024).

8. Чемакин А. А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми...»: всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 106–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denikin-otnositsya-k-nam-opredelenno-otritsatelno-schitaya-nas-slishkom-pravymi-vserossiyskiy-natsionalnyy-soyuz-v-1917-1920-gg/viewer> (дата обращения: 10.03.2024).

9. Четвертая Государственная дума // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1992. С. 86–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chetvertaya-gosudarstvennaya-duma-1/viewer> (дата обращения: 18.03.2024).

All-Russian National Union: Activities and Influence on Modern Political Processes

I. E. Vovikov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The influence of the All-Russian National Union on modern political processes is examined, taking into account its historical role in the pre-revolutionary political life of the Russian Empire. The ideological component and activities of the All-Russian National Union are considered. The interrelationships between the ideas and activities of the All-Russian National Union and the LDPR are discussed. In conclusion, the importance of understanding the historical role of the All-Russian National Union for the analysis of modern political discussions and trends in Russia is emphasized.

Keywords: All-Russian National Union, ARNU, Russian Empire, State Duma, nationalism, Ukraine.

Вовиков Иван Евгеньевич – студент 2-го курса (бакалавриат), Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: vanya.vovikov@gmail.com

Vovikov Ivan Evgenievich – 2nd year Student (bachelor's level), Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vanya.vovikov@gmail.com

Миграция высококвалифицированных специалистов из Российской Федерации: факторы привлекательности

В. А. Герасимова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема миграции специалистов высокого уровня квалификации как одна из знаковых для современного мира. Отмечается, что статус и перспективы развития государства в эпоху научно-технического прогресса обеспечиваются «человеческим капиталом». Проанализирована проблема мотиваций для российских высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: высококвалифицированные специалисты, миграция, мотивация, миграционная политика.

В условиях открытых границ и больших изменений в различных сферах жизни после распада Советского Союза в 1991 г. проблема оттока высококвалифицированных специалистов из России приобрела важное значение для страны. Этот вопрос не может не беспокоить политиков, особенно развивающихся стран, в которых интеллектуальный ресурс, как правило, в дефиците. Эпоха научного прогресса обуславливает увеличение значимости человеческого капитала в рамках социально-экономического развития России. Отток высококвалифицированных специалистов за рубеж может привести к большим, иногда невосполнимым потерям для экономики, науки и образования страны. Для государства важно понимать факторы, мотивирующие высококвалифицированных специалистов оставаться и производить «интеллектуальный капитал» в стране.

По мнению В. А. Ионцева, понятие «миграция высококвалифицированных специалистов» – это выезд за пределы страны лиц, имеющих высокий уровень квалификации и навыков, которые осуществляют деятельность в различных областях (медицине, науке, инженерии и т. д.), миграция которых носит возвратный или же безвозвратный характер [3]. Часть авторов считают, что специалистами, подходящими под категорию интеллектуальных мигрантов, можно считать не только деятелей науки, но и высококвалифицированных специалистов, осуществляющих творческую деятельность, поскольку они также влияют на престиж государства [2].

Период с 1991 по 2000 г. ознаменовался экономическим кризисом, повышением криминальной активности и значительным паде-

нием уровня жизни населения. В условиях становления новой экономики российские специалисты активно мигрировали за рубеж в поисках безопасности и экономической стабильности.

С началом 2000-х гг. в России произошли существенные изменения. Страна стабилизировалась после периода кризиса, а экономика начала показывать признаки роста. В это время важным фактором привлекательности для специалистов стал не только уровень заработной платы, но и возможности для карьерного роста и развития. Появление отечественных бизнес-проектов и инвестиций создало новые перспективы для высококвалифицированных кадров [6].

Важное значение в вопросе развития законодательной базы, регулирующей миграцию населения, выступает Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденная Президентом РФ от 13 июня 2012 г., для реализации которой был представлен план, содержащий в себе алгоритм действий, требуемых к исполнению. Целью Концепции является развитие возможностей России в различных сферах (экономике, демографии, культуре и иных) посредством механизмов регулирования миграционных потоков [5].

Концепция-2025 стала неактуальной ввиду остро вставшей проблемы в области демографии, что вынудило государство реформировать миграционную политику. В связи с этим началась разработка новой концепции, которая была осуществлена в 2018 г. Ее ключевой целью являлось устранение пробелов и слабых мест предыдущей [8]. Результатом принятия новой Концепции стало реформирование законодательной базы в сфере регулирования миграции населения.

В период с 2010 по 2024 г. наблюдается дальнейшее развитие мотивационных факторов в российском бизнесе. С ростом высокотехнологичных компаний и развитием сектора информационных технологий важность заработной платы постепенно снижается, а на первый план выходят другие аспекты, такие как профессиональная среда, культура компании, баланс работы и личной жизни и политико-экономическая обстановка в стране.

Исследования, проводимые в данном направлении, подтверждают изменения в предпочтениях сотрудников. Например, согласно данным компании-разработчика HRtech-решений TalentTech, компании, предоставляющие сотрудникам возможность развиваться и реализовывать свои профессиональные навыки, становятся более привлекательными для высококвалифицированных специалистов. Исследование, проведенное в марте 2011 г. аналитиками TalentTech

совместно с FL.ru и онлайн-университетом «Нетология», выявило восприятие вовлеченности в работу HR-специалистами, штатными сотрудниками и фрилансерами. Охвачено было 872 чел. из различных сфер деятельности. Участников разделили на три группы: общая категория сотрудников российских компаний, HR-специалисты и фрилансеры. Процентное соотношение аудитории HR-специалистов по отраслям составило: 26 % – ИТ, 23 % – промышленность, 9 % – ритейл и обслуживание, 6 % – банкинг. Что касается местоположения, 37 % HR работают в Москве, 12 % – в Санкт-Петербурге, 11 % – удаленно, а 40 % – в других регионах [4].

Параллельно с корректировкой мотивационной составляющей в российском коммерческом предприятии может произойти значительный рост увлеченности миграционными факторами среди сертифицированных специалистов. Перспектива привлекательных возможностей, более комфортных условий осуществления трудовой деятельности и профессиональных возможностей заставляет многих специалистов вспомнить о переезде за границу. Это явление связано с тем, что компании в России сталкиваются с задачей удержания квалифицированного персонала, учитывая конкуренцию со стороны иностранных работодателей и привлекательность их предложений. В то время как привлекаемые в Россию трудовые мигранты имеют тенденцию работать на низкооплачиваемых должностях, не требующих специальной подготовки и образования.

Основным мотивом для миграции среди российских специалистов является поиск работы и достойных условий труда. Это подтверждается тем, что более 63,9 % опрошенных отметили работу как главный фактор, побуждающий к переезду. Вторым по значимости мотивом являются личные обстоятельства, упомянутые 47,9 % респондентов. Данные об удовлетворенности текущим местом проживания и предложенными условиями для работы показывают, что только 53,3 % российских специалистов полностью удовлетворены этим показателем. Остальные респонденты выражают желание переезда [1].

Среди факторов, влияющих на миграционные потоки, также выделяются возраст, материальное положение, образование и тип поселения (табл.). Так, молодежь в возрасте 18–30 лет, как правило, более склонна к мобильности и выбору крупных мегаполисов в качестве места проживания [7].

Влияние различных факторов на миграционные решения российских специалистов

Факторы привлекательности	Описание
Возможности для карьерного роста	Многие специалисты стремятся найти места, где есть возможности для реализации профессиональных амбиций и потенциала
Социально-экономическая привлекательность	Респонденты с высоким уровнем дохода чаще выбирают Москву и Санкт-Петербург, в то время как лица с более скромными финансами предпочитают близлежащие или районные населенные пункты
Возраст специалистов	Молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет чаще проявляют интерес к жизни в крупных городах, в то время как старшее поколение предпочитает более спокойные и комфортные места для проживания
Уровень образования	Специалисты с высшим образованием, магистратурой и аспирантурой чаще выбирают крупные города, где есть больше возможностей для обучения, карьерного роста и развития профессиональных навыков

Таким образом, формирование миграционных потоков среди российских профессионалов – сложное явление, зависящее от различных факторов, среди которых возраст, социально-демографическая, профессиональная подготовка. В настоящее время элементы, определяющие миграционный отбор российских специалистов, включают социально-финансовое состояние, образование и форму трудоустройства. Но решающую роль в позиции российских высококвалифицированных специалистов по теме пребывания или отъезда играет наличие возможностей карьерного роста.

В государстве появляется проблема удержания специалистов в стране, привлечения мигрировавших ранее соотечественников и иностранных специалистов высокой квалификации. Задача России – правильно использовать факторы привлекательности и создавать условия и механизмы привлечения уникальных специалистов для того, чтобы обеспечить благосостояние страны, экономический рост и ее привлекательный образ, существующий в самой стране и за рубежом.

Список литературы

1. Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247. URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15> (дата обращения: 10.03.2024).

2. Ивахнюк И. В. Международная трудовая миграция : учеб. пособие. М. : ТЕИС, 2005. 286 с. URL: <https://knigogid.ru/books/80284-mezhdunarodnaya-trudovaya-migraciya-uchebnoe-posobie?ysclid=ltspq14ft1146191365> (дата обращения: 01.03.2024).

3. Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог-МГУ, 1999. 370 с. URL: https://demography.econ.msu.ru/ext/lib/Cate-gory/x01/x09/505/file/vol_3_rus.pdf?ysclid=ltsp5at9eh694867963 (дата обращения: 01.03.2024).

4. Исследование уровня вовлеченности российских сотрудников // Поток : сайт. URL: <https://potok.io/research/issledovanie-urovnya-vovlechenosti-rossijskih-sotrudnikov/?ysclid=ltspdaq5o9771209671> (дата обращения: 22.02.2024).

5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г. // Гарант.ру : информационно-правовой портал. 2012. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/?ysclid=ltspgfkls8466064517> (дата обращения: 04.03.2024).

6. Кудрин А. Инфляция: российские и мировые тенденции // Вопросы экономики. 2007. Вып. 10. С. 12–18.

7. Латова Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 39–51. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250010206-9> (дата обращения: 10.03.2024).

8. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e/ (дата обращения: 05.03.2024).

Migration of Highly Qualified Specialists from the Russian Federation: Factors of Attractiveness

V. A. Gerasimova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The problem of migration of highly qualified specialists is one of the most significant for the modern world due to its serious consequences. The status and development opportunities of the state in the era of scientific and technological progress are provided by “human capital”. The problem of motivations for Russian highly qualified specialists is analyzed.

Keywords: highly qualified specialists, migration, motivation, migration policy.

Герасимова Вероника Александровна – студентка 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: veroni4a24@gmail.com

Gerasimova Veronika Alexandrovna – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: veroni4a24@gmail.com

Меры политического обеспечения гражданства Российской Федерации

М. Г. Жербакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Проведен анализ специфического политико-правового института гражданства, который служит для обеспечения тесной связи между государством и индивидуумом. Рассмотрены различные методы гарантирования статуса гражданина в Российской Федерации с учетом политических аспектов. Особое правовое взаимодействие между гражданином и государством определено через меры, направленные на регулирование гражданства исходя из двусторонней ответственности как со стороны индивидуума, так и со стороны государства. Государство, в свою очередь, создает необходимые условия для интеграции граждан в политическое сообщество страны.

Ключевые слова: Российская Федерация, институт гражданства, гражданин, политическое обеспечение гражданства, политическая система.

С началом XXI в. в жизни населения всего мира распространились такие феномены, как экономические кризисы, демографические изменения, активная цифровизация, информационные войны. Все больше людей задумываются о своей безопасности, своем будущем, о том, что может дать им государство, какие привилегии и ограничения предоставляет их паспорт. К примеру, консалтинговая компания Henley & Partners разработала индекс паспортов, где классифицирует страны по возможности свободы передвижения граждан [4].

Для россиян вопрос политического обеспечения гражданства стал в наибольшей степени актуален после начала СВО в 2022 г., так как, с одной стороны, в страну хлынул поток беженцев с бывшей территории Украины, с другой – началась эмиграция людей в государства безвизового режима или по программе репатриации [13].

Содержание понятия «гражданство» не ограничивается лишь нормативно-правовым определением. По мнению М. Ю. Ежовой, на формирование такого документа, как Конституция РФ, повлияли внешние и внутривнутриполитические ценности государства, способы взаимодействия государства и индивида, индивида и общества и института гражданства в целом. В структуре гражданских прав и свобод в политическом воплощении гражданство представляется через социальную политику, а также через возможности участия в управлении государством. Социально-политические процессы напрямую влияют на законодательство в России, в особенности на законы, касающиеся прав гражданина. Например, 26 октября 2023 г. в России вступил в силу закон, согласно которому натурализованных граждан могут

лишить гражданства РФ за дискредитацию российской армии в интернете [1].

Над проблемой политической стороны изучения гражданства работали такие ученые, как В. С. Малахов, который отмечал «гражданственность» как политическую общность индивидов в рамках гражданства одного государства [6]. Л. А. Елизова рассматривала концепцию института гражданства в трансформирующемся мире со стороны социально-философского анализа, развитие совокупности норм и ценностей – сквозь призму политологического исследования [3]. И. Б. Фан полагал, что лишь единство политического, социального, правового и других начал способно полноценно выразить сущность понятия «гражданин» [11].

Понятие «гражданство» невозможно интерпретировать вне термина «государство». Гражданин – это статус индивида, предполагающий форму взаимозависимых прав и обязанностей с государством, чье гражданство он имеет. «Гражданство» как политико-правовая связь гражданина и государства дает преимущества и привилегии гражданину в обмен на соблюдение законов и выплату налогов. Наиболее важную роль в формировании гражданина как субъекта политического процесса и в создании института гражданства играют форма правления и политическая система в целом. Институт гражданства определенно является сферой политического поля. Во-первых, это заметно из определения гражданства как отношения человека с государством (т. е. государство как основной актор политической системы). Во-вторых, источником высшей политической власти в Российской Федерации являются ее граждане. В-третьих, граждане государства признаются одним из гарантов ее суверенитета [12].

Институт гражданства в Российской Федерации опирается на такие основные нормативные правовые акты, как Конституция РФ от 1993 г. [5] и Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [8].

Помимо российского законодательства, стандарты гражданства опираются на нормы международного права – Всеобщую декларацию прав человека, которая констатирует тот факт, что каждый человек на планете должен иметь гражданство [2]. Источник всех законов о гражданстве – это соблюдение основных прав и свобод человека, которые в зависимости от страны могут защищаться в разной степени в соответствии с уровнем демократичности государства. Для реализации прав и свобод человека более пригодна республиканская форма правления, а демократическая политическая система наиболее благоприятна для развития института гражданства [3]. В демо-

кратическом обществе, социальном, правовом государстве принципы законности, равенства и справедливости предполагают существование такого центрального субъекта политической жизни, как гражданин. Российская Федерация является правовым, демократичным и федеративным государством, поэтому политико-правовая связь государства с человеком присутствует. В таком случае в Российской Федерации могут быть применены меры обеспечения политического обеспечения гражданства.

Политическое обеспечение гражданства в государстве означает наличие средств, намерений и действий государства, направленных на создание условий реализации гражданских прав и приобщение населения к участию в политических мероприятиях страны. Среди мер, применяемых для политического обеспечения гражданства в Российской Федерации, можно выделить следующие.

1. Создание нормативно-правовой базы для реализации гражданства. В Российской Федерации основные права и обязанности гражданина прописаны в первых статьях Конституции РФ [5, с. 1]. В Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» обуславливаются принципы гражданства и связанные с ним правила приобретения, прекращения гражданства [8].

2. Обеспечение равного доступа к социальным и экономическим благам государства, предоставляющим общедоступность к реализации своего потенциала и свободной интеграции в обществе. В социальном государстве социал-демократического типа данный принцип стоит в основе общественной жизни граждан – его наличие является показателем уровня жизни страны. Граждане данного типа априори пользуются услугами здравоохранения, образования, находятся под защитой армии и т. д. Помимо России, такая система социальной государственной политики реализуется в Дании, Швеции [9].

3. Формирование гражданской идентичности – прививание чувства принадлежности к одному обществу и государству. Государство, в свою очередь, должно мотивировать к участию в политической жизни страны. Общий исторический, культурный, политический опыт населения способствует сплочению гражданской идентификации и приобщению себя к одной нации. Государство старается проводить политику исторической памяти для сплочения граждан [6; 10].

4. Развитие системы государственного управления, подразумевающего ротацию кадров, честность и прозрачность выборов, реализацию активного и пассивного избирательного права гражданина, обеспечение системы разделения властей, соблюдение демократических традиций в политической деятельности, подготовку кадров для

государственной службы [7]. Также сюда входит назначение на должности государственных и муниципальных служащих. Эффективное планирование кадрового резерва исполнительной власти также относится к мерам политического обеспечения гражданства через политический менеджмент.

5. Повышение уровня гражданской активности и реализация мероприятий, кампаний и акций, направленных на стимулирование гражданской вовлеченности и интереса к государственной деятельности, наблюдению за политической повесткой для того, чтобы иметь желание влиять на нее. Высокий уровень гражданской вовлеченности народа положительно сказывается на общем уровне легитимации политической власти в стране. Наиболее тесная политическая связь, которую можно наблюдать вне электоральных циклов проявляется через политизацию граждан посредством культурно-массовых мероприятий.

Таким образом, понятие «гражданство» можно рассматривать не только с нормативно-правового, но и с политического угла обзора. Поскольку гражданин обязуется соблюдать законы своего государства и платить налоги, то государство обязано оправдывать кредит доверия населения через меры политического поддержания гарантий волеизъявления граждан. Российская Федерация – правовое государство, где есть институт гражданства, подкрепляемый мерами, проводимыми на современном этапе российской истории.

Список литературы

1. В России вступил в силу закон о прекращении гражданства за дискредитацию армии // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19117249> (дата обращения: 27.03.2024).
2. Всеобщая декларация прав человека. Статья 15 : принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/4e7c454febb18a75f99a0e0a1256de288dbd7129/ (дата обращения: 18.03.2024).
3. Елизова Л. А. Институт гражданства в трансформирующемся мире: социально-философский анализ : монография. Красноярск : СФУ, 2018. 172 с.
4. The Henly Passport Index // Henley & Partners : сайт. URL: <https://www.henleyglobal.com/passport-index> (дата обращения: 27.03.2024).
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2024).
6. Малахов В. С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать? // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 6–32. URL: <https://iphras.ru/uplfile/rushist/cover/Malakhov.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).
7. Меркулов П. А., Малик Е. Н. Развитие государственного управления в России через систему подготовки кадров // Управленческое консультирование. 2016. № 4 (88).

С. 8–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-cherez-sistemu-podgotovki-kadrov> (дата обращения: 18.03.2024).

8. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. поиск. система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 26.03.2024).

9. Охотский Е. В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5 (95). С. 30–44. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/4a7/4a75dd4dbd292b449d82e27842c6b7fa.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 15.03.2024).

10. Попп И. А., Шахнович И. С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С. 42–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-po-sohraneniuyu-istoricheskoy-pamyati-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-normativno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 26.03.2024).

11. Фан И. Б. Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы : монография. Екатеринбург : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. 332 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32832369_76465585.pdf (дата обращения: 27.03.2024).

12. Чуприс О. И. Понятие и правовая характеристика гражданства // Белорусский государственный университет. Право и демократия. Минск : БГУ. 1997. Вып. 8. С. 44–51. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29914/1/8_%D1%87%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

13. Ширманова И. 800 тысяч россиян могли покинуть страну в 2022 году // Если быть точным : сайт. URL: <https://tochno.st/materials/rossiyan-mogli-pokinut-stranu-v-2022-godu> (дата обращения: 27.03.2024).

Measures to Ensure Political Citizenship of the Russian Federation

M. G. Zherbakova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The analysis of a specific political and legal institution of citizenship, which serves to ensure a close relationship between the state and the individual, is carried out. Various methods of guaranteeing the status of a citizen in the Russian Federation are considered, taking into account political aspects. A special legal interaction between a citizen and the State is defined through measures aimed at regulating citizenship, based on bilateral responsibility on the part of both the individual and the State. The state, in turn, creates the necessary conditions for the integration of citizens into the political community of the country.

Keywords: Russian Federation, institute of citizenship, citizen, political provision of citizenship, political system.

Жербакова Майна Геннадьевна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Zherbakova.m@mail.ru

Zherbakova Maina Gennadyevna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Zherbakova.m@mail.ru

**Влияние интернет-технологий
на российские предвыборные кампании
(на примере выборов в Законодательное Собрание
Иркутской области 2023 г.)**

К. А. Игумнов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены тенденции развития интернета, его влияние на политический процесс и избирательные технологии. Актуальность обусловлена активным использованием интернет-технологий в рамках современной политической коммуникации. Акцентируется внимание на использовании интернет-технологий региональными политическими деятелями в предвыборных кампаниях.

Ключевые слова: выборы, интернет, избирательные кампании, Законодательное Собрание.

В современном мире невозможно представить себе жизнь без использования сети Интернет, которая стала неотъемлемой частью жизни цивилизованного общества, влияя на поведение и образ мышления человека. Изначально глобальная сеть создавалась для коммуникации научных центров, но позже она трансформировалась в общемировую инструмент обмена и хранения различного рода информации. На данном этапе информационная сеть проникает во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и в политику, предоставляя возможность как элитам, так и электорату влиять на ход тех или иных политических процессов, к примеру, на предвыборные кампании.

Несмотря на высокий уровень проникновения интернета в политическую жизнь общества, он продолжает развиваться как в России, так и в других странах. Согласно отчету Global Digital за 2023 г., каждый второй человек в мире пользуется интернетом. В России насчитывается около 103 млн интернет-пользователей. Интернет является ведущим источником распространения политической информации, оттеснив традиционные СМИ [16]. Цель данной исследовательской работы – рассмотреть историю формирования интернет-технологий в России, а также проследить их влияние на современный избирательный процесс на примере выборов в Законодательное Собрание Иркутской области.

По мнению ряда исследователей, интернет-технологии являются неотъемлемой частью современной политической системы. Напри-

мер, кандидат политических наук Н. В. Соленникова считает, что «...интернет приобретает особое значение в избирательных кампаниях, когда информационные технологии превращаются в прямое и эффективное орудие воздействия на электорат и трансформируются в условиях конкурентной борьбы в так называемые “политико-избирательные PR-технологии”» [15]. В свою очередь, доцент кафедры политологии МГУ И. А. Бронников утверждает, что «современное общество находится на этапе активного внедрения и применения интернет-технологий в политическом процессе, как на региональном, так и на национальном уровне» [2].

В России законодательная основа для электронного голосования появилась в 2005 г., когда в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были введены понятия «электронное голосование», «комплекс для электронного голосования», «электронный бюллетень». Сейчас в России приоритетным составляющим является внедрение цифровых технологий в избирательный процесс, использование которых на данный момент реализуется в рамках Указа Президента РФ «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» [6].

Впервые об использовании интернет-технологий в российском избирательном процессе заговорили в ходе вторых президентских выборов 1996 г. (однако подготовка к ним началась гораздо раньше). Именно в 1995 г. стартовал онлайн-проект «Россия-95», когда в процессе выборов публиковались результаты в режиме реального времени, и все граждане, которые имели доступ в интернет, могли наблюдать за ходом избирательной кампании. Это событие по праву можно считать первым, когда интернет-технологии использовались в предвыборном процессе [11].

В 1999–2002 гг. государственные и политические деятели признают большую роль интернет-технологий в электоральных циклах и начинают активное их использование в качестве информационного канала для продвижения своих идей. Интернет к тому времени начинает привлекать первые крупные инвестиции. К началу избирательных кампаний 1999–2000 гг. все парламентские партии и кандидаты в президенты 2000 г. имели собственный сайт. Интернет становится крупнейшей площадкой для политического PR за счет простоты использования технологий. Информационно-коммуникационные технологии становятся главным инструментом для политтехнологов,

которые в основном использовали их в качестве информационного ресурса для реализации PR-кампаний политических деятелей [8].

Говоря о личных блогах государственных деятелей, следует вспомнить предвыборную кампанию кандидата в Президенты РФ в 2012 г. М. Д. Прохорова, когда он на своих личных интернет-страницах собрал более 500 тыс. читателей, что помогло ему в предвыборной гонке. Еще одним важным примером использования информационной сети в качестве политической технологии можно выделить создание президентского блога, благодаря которому граждане могли напрямую присылать свои обращения президенту страны. Также на президентских выборах 2012 г. впервые были установлены веб-камеры на избирательных участках, благодаря которым пользователи могли наблюдать в онлайн-режиме за процессом проведения голосования (данная система была разработана с целью противодействия фальсификации на выборах) [11].

Уже в 2006 г. в некоторых регионах использовалась система комплекса электронного голосования (КЭГ). Применение данной технологии в 2006–2012 гг. носило экспериментальный характер, так как было установлено ограничение, которое исключало возможность в случае некорректной работы КЭГ повлиять на результаты выборов. На сегодняшний день в российский избирательный процесс активно внедряется система дистанционного электронного голосования (ДЭГ), с помощью которой избиратели могут проголосовать на выборах онлайн после подачи заявления на портале «Госуслуги». Впервые ДЭГ было опробовано в 2019 г. на выборах в Московскую городскую думу. На выборах в Госдуму 2021 г. система электронного голосования распространялась и на некоторые регионы. Анализ статистики выборов в Государственную Думу 2021 г. позволяет сделать вывод о том, что более 90 % участников, зарегистрированных на базе ДЭГ, отдали свой голос [7].

Перед выборами Президента РФ 2024 г. на портале «Госуслуги» появилась функция «Мобильный избиратель», благодаря которой избирателю предоставляется возможность выбрать любой избирательный участок для голосования [12].

Рассматривая Иркутскую область, следует отметить, что депутаты Законодательного Собрания заявили о возможном внедрении электронного голосования на муниципальных выборах, а именно на 56-й сессии Законодательного Собрания. Глава избирательной комиссии Иркутской области И. В. Дмитриев отметил, что «такая платформа позволит точно установить личность избирателя и кон-

тролировать ход электронного голосования» [3]. Однако, по данным портала «Госуслуги», на сегодняшний день Иркутская область не входит в список регионов, где доступно ДЭГ [3; 4].

Интернет-технологии продолжают все глубже проникать в избирательный процесс, затрагивая и региональные электоральные циклы. Так, например, в Иркутской области в сентябре 2023 г. прошли выборы депутатов Законодательного собрания, где в ходе предвыборной агитации многие кандидаты активно использовали информационную сеть в качестве политического инструмента. Следует отметить, что региональные политические деятели, наряду с рекламными щитами, листовками и т. п., также используют интернет-технологии для личного продвижения, формирования образа депутата, политической рекламы и т. д. [5].

К примеру, вице-мэр Иркутска, депутат Законодательного Собрания Д. О. Ружников в предвыборной кампании активно использовал свой блог на странице «ВКонтакте», куда несколько раз выкладывал промо-ролики с обращением к избирателям и приглашением на выборы (в сумме видеобращения набрали около 10 тыс. просмотров) [13; 14].

Еще одним примером удачного использования интернет-технологий в региональном избирательном процессе является деятельность депутата Законодательного Собрания 2–4-го созывов А. В. Лобкова. Депутат имеет свой личный сайт, где каждый день публикуются новости о его деятельности и предвыборной кампании. Там можно задать вопрос депутату, ознакомиться с фото- и видеогалереей. В предвыборной кампании Лобков активно использовал свою страницу в социальной сети «ВКонтакте», где информировал избирателей о предстоящих выборах и встречах [9; 10].

Руководитель представительства Государственной корпорации «Ростех» в Иркутской области, депутат Законодательного Собрания С. А. Баляскин является одним из крупных региональных политиков Иркутской области. Депутат активно ведет свой блог на странице «ВКонтакте», в котором отчитывается перед избирателями о проделанной работе, встречах и принятых депутатами законодательных инициативах. Благодаря эффективной деятельности депутата и активному ведению социальных сетей, граждане могут напрямую с ним связаться. В рамках своей предвыборной кампании проводил ряд встреч с жителями различных районов г. Иркутска, где обсуждались насущные проблемы, о чем С. А. Баляскин отчитывался на своей странице «ВКонтакте» [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что интернет на сегодняшний день является неотъемлемой частью как общественной, так и политической жизни. Информационная сеть позволяет политическим деятелям активно коммуницировать с гражданами, формировать свой политический образ, а также собирать некоторую информацию о своих потенциальных избирателях. Одной из главных тенденций развития интернета в предвыборных кампаниях является эффективное использование социальных сетей, таких как «ВКонтакте», личные сайты и т. д. В свою очередь, сеть позволяет избирателям следить за жизнью государственных деятелей и формировать собственное мнение о тех или иных политических процессах. Иркутская область не является исключением, здесь также обсуждаются возможности внедрения в избирательные процессы информационных технологий, политики используют сайты и социальные сети для продвижения своей кандидатуры.

Список литературы

1. Баляскин С. Дорогие жители микрорайонов Первомайский, Университетский, Синоюпина гора и предместья Глазкова! // ВКонтакте. URL: https://vk.com/sergeibal-yaskin?w=wall799255645_418%2Fall (дата обращения: 02.03.2024).
2. Бронников И. А. Особенности сети Интернет как формы политической коммуникации : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Московский гуманитарный университет. М., 2011. 25 с.
3. В Иркутской области ввели дистанционное электронное голосование // Иркутск. Новости : сайт. URL: <https://irkutsk.news/novosti/2022-05-26/333896-v-irkutskoi-oblasti-vveli-distancionnoe-elektronnoe-golosovanie.html> (дата обращения: 02.03.2024).
4. В каких регионах доступно дистанционное электронное голосование // Госуслуги : офиц. сайт. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/remote_election/2200850 (дата обращения: 02.03.2024).
5. Власова К. Участник СВО, бывший чекист, строители и представители Дерипаски: биографии новых депутатов Заксобрания // Ирсити.ру : сетевое издание. URL: https://ircity.ru/text/politics/2023/10/09/72779285/#card_45 (дата обращения: 02.03.2024).
6. Гаджиева А. О. Электронные технологии голосования на выборах: опыт применения в России и за рубежом // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 649–669. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/10/27/2053018575/%D0%A0%D0%A3%D0%94%D0%9D-117-137.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
7. Дрожжин К. А. Цифровые технологии в избирательном процессе: отечественный опыт использования // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 285–288. URL: <https://moluch.ru/archive/399/88342/> (дата обращения: 02.03.2024).
8. Карпов П. Н. Проблемы и тенденции применения интернет-технологий в избирательном процессе в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 164–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-tendentsii-primeneniya-internet-tehnologiy-v-izbiratelnom-protseste-v-rossii/viewer> (дата обращения: 02.03.2024).
9. Лобков А. Сегодня началось голосование: 8, 9, 10 сентября пройдут выборы депутатов Законодательного Собрания Иркутской области // ВКонтакте. URL:

https://vk.com/lobkow_artem?from=search&w=wall9444323_3193%2Fall (дата обращения: 02.03.2024).

10. Лобков Артем Валентинович: биография // Лобков.ру : официальный сайт депутата Заксобрания Иркутской области – Артёма Лобкова. URL: <https://lobkow.ru/index/0-2> (дата обращения: 02.03.2024).

11. Любский А. С., Кульминская А. Использование интернет-технологий в избирательных кампаниях // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2018. С. 22-26. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60562/1/978-5-7996-2407-1_02_05.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

12. «Мобильный избиратель» // ЦИК РФ : офиц. сайт. URL: <http://www.cikrf.ru/reception/dlya-otdelnykh-kategoriy-izbirateley/mobilnii-izbiratel/> (дата обращения: 02.03.2024).

13. Ружников Д. «Зачем вице-мэру идти в депутаты, неужели нельзя делать город лучше на своем месте?» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/ruzhnikov38?from=search&w=wall551034710_984 (дата обращения: 02.03.2024).

14. Ружников Д. Выкладываю тот самый программный ролик, о котором упоминал ранее // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall551034710_713 (дата обращения: 02.03.2024).

15. Соленикова Н. В. Политический интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Башкирский государственный университет. Уфа, 2007. 24 с.

16. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape : сайт. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 02.03.2024).

The Impact of Internet Technologies on Russian Election Campaigns (Using the Example of the 2023 Legislative Assembly Elections)

K. A. Igumnov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The trends in the development of the Internet and its impact on the political process and electoral technologies are considered. The relevance of this research work is due to the active use of Internet technologies in the framework of modern political communication. It focuses on the use of the Internet by regional politicians in election campaigns.

Keywords: elections, Internet, election campaigns, legislative assembly.

Игумнов Кирилл Алексеевич – студент 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mr.kkiirill@mail.ru

Igumnov Kirill Alekseevich – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mr.kkiirill@mail.ru

Прогноз развития российской экономики

Ю. Р. Круглякова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань

Аннотация. Рассмотрены основные факторы, оказывающие влияние на российскую экономику. Произведен сравнительный анализ сценариев развития России.

Ключевые слова: экономика, инфляция, валовый внутренний продукт, ВВП, прогноз развития Российской Федерации, Банк России.

На сегодняшний день российская экономика сталкивается с широким спектром вызовов и угроз, оказывающих дестабилизирующее воздействие на устойчивое развитие экономики, среди которых современные условия нарастания макроэкономических рисков, геополитической нестабильности, последствий распространения коронавирусной инфекции, а также кризисные ситуации социально-экономической сферы, задающие специфику развития мировых национальных экономик.

Вследствие введенных санкций со стороны США и Европейского союза в отношении российской экономики сегодня осуществляется как ее масштабная модернизация, так и трансформация мировой экономики в целом. В соответствии с меняющейся конъюнктурой рынка, макроэкономическими шоками и другими условиями хозяйствования Банк России предусматривает три основных сценария развития национальной экономики: базовый, «Глобальный кризис», «Ускоренная адаптация» [1].

В табл. 1 представим основные показатели, формирующие внешние условия для развития экономики [2].

Как видно, основными факторами развития российской экономики являются: прирост мирового ВВП, инфляция и ключевые ставки в США и еврозоне, а также стоимость барреля нефти марки Urals [4]. Наиболее положительными сценариями выступают базовый и «Ускоренная адаптация». Это обусловлено тем, что основные показатели макроэкономического развития в период 2023–2025 гг. схожи. Пессимистичным сценарием развития выступает «Глобальный кризис». Данному сценарию характерны более низкие объемы мирового ВВП, высокий уровень инфляции в США и еврозоне, а также низкие ключевые ставки в данных регионах и в два раза меньшая цена барреля нефти марки Urals.

Таблица 1

Основные параметры внешних условий сценариев Банка России

	2022	2023	2024	2025
Валовой внутренний продукт (ВВП), мир, в % г/г				
Базовый	3,0	2,7	3,2	3,4
«Ускоренная адаптация»	3,0	2,7	3,2	3,4
«Глобальный кризис»	3,0	-0,2	2,3	3,9
Инфляция в США, в %, декабрь к декабрю предыдущего года				
Базовый	4,5	3,3	2,4	2,0
«Ускоренная адаптация»	4,5	3,3	2,4	2,0
«Глобальный кризис»	4,5	4,4	4,1	3,6
Инфляция в Евросоюзе, в %, декабрь к декабрю предыдущего года				
Базовый	4,8	3,6	1,9	1,4
«Ускоренная адаптация»	4,8	3,6	1,9	1,4
«Глобальный кризис»	4,8	4,8	3,2	2,6
Ставка ФРС в США, в %, среднее за IV квартал				
Базовый	3,75	4,75	3,25	2,25
«Ускоренная адаптация»	3,75	4,75	3,25	2,25
«Глобальный кризис»	3,75	1,00	2,50	3,0
Ставка ЕЦБ, в %, среднее за IV квартал				
Базовый	1,5	2,7	2,1	1,4
«Ускоренная адаптация»	1,5	2,7	2,1	1,4
«Глобальный кризис»	1,5	1,7	2,3	1,9
Нефть марки Urals, долл. США за баррель, среднее за период				
Базовый	78	70	60	55
«Ускоренная адаптация»	78	70	60	55
«Глобальный кризис»	78	35	35	40

Проанализируем основные сценарии более подробно. Прогноз базового сценария развития экономики представлен в табл. 2 [3].

Таблица 2

Базовый сценарий развития экономики Российской Федерации

Показатели в % к предыдущему году	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Инфляция, в %, декабрь к декабрю предыдущего года	5,0–7,0	4,0	4,0
Инфляция, в среднем за год, в % к предыдущему году	4,5–6,4	4,1–4,8	4,0
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	6,5–8,5	6,0–7,0	5,0–6,0
Валовой внутренний продукт	(-4,0) – (-1,0)	1,5–2,5	1,5–2,5
Расходы на конечное потребление	(-2,5) – (+0,5)	3,0–4,0	1,5–2,5
Валовое накопление	2,5–6,5	3,0–5,0	2,5–4,5
Экспорт	(-11,5) – (-7,5)	(-3,0) – (-1,0)	0,0–2,0
Импорт	(-3,5) – (+0,5)	3,0–5,0	1,0–3,0
Денежная масса в национальном определении	10–15	9–14	6–11
Требования банковской системы к экономике в рублях и иностранной валюте	8–13	9–14	8–13

Итак, несмотря на то что в 2023 и 2024 гг. уровень среднегодовой инфляции варьировался от 4,1 до 6,4 %, базовый сценарий развития экономики России на 2025 г. ставит цель по инфляции 4 %. При этом ключевая ставка с 2023 по 2025 г. будет планомерно снижаться: если в 2023 и 2024 гг. нижнее пороговое значение ключевой ставки равно 6 %, а верхнее – 8,5 %, то уже по итогам 2025 г. отмечается некоторое «потепление»: ставка будет равна 5–6 %.

Важной характеристикой экономического развития страны выступает валовый внутренний продукт. Базовый сценарий предусматривал, что в 2023 г. ВВП ниже, чем по итогам 2022 г. Однако на период 2024–2025 гг. более позитивный настрой: ежегодный прирост должен составлять порядка более 50 %. Рассмотрим, как изменится динамика экспорта и импорта России в рамках базового сценария. В 2023 г. мы видим серьезное сокращение экспорта, что в первую очередь связано с ограничением экспорта углеводородов в западные страны вследствие введенных санкций. В 2024 г. экспорт будет продолжать снижаться, но уже меньшими темпами. К концу 2025 г. ожидается стабилизация ситуации: экспорт планируется увеличить за счет переориентации сбыта продукции (по большей части углеводородов) в страны Азии и Востока. Похожая ситуация наблюдается и в изменении импорта. При тех же равных условиях объем ввозимой в страну продукции в 2023 г. несколько сократился, однако уже в 2024 и 2025 гг. ситуация будет улучшаться. В рамках базового прогноза наблюдается тенденция к снижению денежной массы в национальном определении. Это связано с ростом требований банковской системы к экономике.

Рассмотрим альтернативные сценарии прогноза, представленные в табл. 3 и 4 [3].

Как мы видим, прогноз макроэкономического развития «Ускоренная адаптация» в 2023 г. предусматривает прирост инфляции на уровне 3,5–5,5 %. Среднегодовая инфляция в 2024–2025 гг. должна снизиться и по итогу составить 4 %. Данный показатель обусловлен основной целью денежно-кредитной политики Банка России, удержанием стабильно низкого уровня инфляции 4 %. Вместе с тем в рамках данного сценария планируется снижение ключевой ставки: если еще в 2023 г. она была запланирована в диапазоне от 5,5–7,5 %, то уже в 2024–2025 гг. стабильно может составить 5–6 %. В 2023 г. ожидалось снижение ВВП, однако уже в 2024–2025 гг. прогнозируется наращивание ВВП – это связано с тем, что благоприятные макроэкономические условия будут способствовать укреплению экономики страны.

Таблица 3

Прогноз развития экономики Российской Федерации «Ускоренная адаптация»

Показатели в % к предыдущему году	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Инфляция, в %, декабрь к декабрю предыдущего года	3,5–5,5	4,0	4,0
Инфляция, в среднем за год, в % к предыдущему году	3,5–5,5	3,5–4,3	4,0
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	5,5–7,5	5,0–6,0	5,0–6,0
Валовой внутренний продукт	(–2,0) – (+1,0)	2,5–3,5	2,0–3,0
Расходы на конечное потребление	(–1,0) – (+2,0)	5,0–6,0	2,0–3,0
Валовое накопление	8,0–12,0	3,5–5,5	3,0–5,0
Экспорт	(–5,5) – (–1,5)	0,5–2,5	0,5–2,5
Импорт	7,0–11,0	11,0–13,0	3,0–5,0
Денежная масса в национальном определении	12–17	10–15	8–13
Требования банковской системы к экономике в рублях и иностранной валюте	10–15	10–15	9–14

Таблица 4

Прогноз развития экономики Российской Федерации «Глобальный кризис» [3]

Показатели в % к предыдущему году	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Инфляция, в %, декабрь к декабрю	13,0–16,0	8,0–9,0	4,0
Инфляция, в среднем за год, в %	9,2–11,8	10,3–12,0	4,9–5,9
Ключевая ставка, в среднем за год, % годовых	11,5–13,5	12,0–13,0	6,0–7,0
Валовой внутренний продукт	(–8,0) – (–5,0)	(–2,0) – (–1,0)	0,0–1,0
Расходы на конечное потребление	(–4,5) – (–1,5)	(–1,0) – 0,0	0,0–1,0
Валовое накопление	(–12,5) – (–8,5)	(–2,5) – (–0,5)	0,5–2,5
Экспорт	(–30,5) – (–26,5)	(–16,0) – (–14,0)	(–0,5) – (+1,5)
Импорт	(–32,5) – (–28,5)	(–19,5) – (–17,5)	0,5–2,5
Денежная масса в национальном определении	3–8	10–15	6–11
Требования банковской системы к экономике в рублях и иностранной валюте	0–5	3–8	7–12

Кроме того, переориентация экономики в ближайшие годы будет способствовать наращиванию экспорта и импорта. Среднегодовой прирост импорта в 2024–2025 гг. будет на отметке 0,5–2,5 %. Однако еще в 2023 г. ожидалось снижение экспорта. Прогноз развития «Ускоренная адаптация» предусматривает снижение денежной массы в национальном определении. Прирост данного показателя будет снижаться с 12–17 до 8–13 %. Данная тенденция соответствует и снижению требований банковской системы к экономике в рублях и ино-

странной валюте. Если в 2023 г. планировался рост банковских требований на 10–15 % (к предыдущему году), то уже в 2024 г. темпы роста замедлятся и прирост составит меньше – 9–14 %.

Несмотря на высокие инфляционные ожидания в рамках сценария «Глобальный кризис», денежно-кредитная политика Банка России в 2025 г. ставит цель инфляции (на декабрь) – 4 %. Среднегодовая инфляция прогнозируется на 2025 г. в размере 4,9–5,9 %. Негативный прогноз Банка России предусматривает политику по сдерживанию инфляции за счет повышения ключевой ставки. За анализируемый период максимальный размер ключевой ставки в 2023–2024 гг., как предполагалось, должен был составить 12–13 %. В рамках сценария «Глобальный кризис» объем производства ВВП России будет снижаться. Однако прослеживается положительная тенденция к наращиванию ВВП, по итогам 2025 г. ожидается прирост.

В условиях кризиса экспорт и импорт России также будут сокращаться. Серьезное сокращение ожидалось в 2023 г. Так, экспорт должен был быть ниже, чем в 2022 г. практически на 30 %. Аналогичная ситуация наблюдается и с импортом. В 2024 г. экспорт и импорт должны были снижаться несколько меньшими темпами. Данное явление обусловлено тем, что наибольшую долю в структуре экспорта России составляют продажи нефти и газа, а сценарий «Глобальный кризис» предусматривает достаточно низкие цены на нефть, что и влечет за собой сокращение экспорта.

Денежная масса в национальном определении в период с 2023 г. по 2025 г. должна быть изменчивой. В 2023 г. в соответствии с структурными изменениями в экономике денежная масса росла незначительно. По состоянию на 2024 г. ожидался прирост денежной массы вследствие сниженных требований банковской системы в 2023 г. Рост требований банковской системы в 2024 г. обусловил некоторое снижение и денежной массы.

Проанализировав три основных сценария макроэкономического прогноза России, можно сделать вывод о том, что наиболее пессимистичным сценарием развития является «Глобальный кризис». Данный сценарий предусматривает наиболее высокие темпы инфляции и, соответственно, высокий процент ключевой ставки. Этому сценарию характерно снижение ВВП, экспорта и импорта.

Наиболее оптимистичными вариантами прогноза экономического развития России стали базовый сценарий и «Ускоренная адаптация». Это обусловлено тем, что данные сценарии основаны на схожих параметрах внешних условий сценариев Банка России, сходятся на позитивных трендах ВВП, экспорта и импорта. Кроме того, они

предусматривают низкую инволюцию «вблизи четырех» и соответствующий механизм – низкую ключевую ставку.

Список литературы

1. Ляндау Ю. В., Тер-Ованесов Д. М. Влияние инструментов денежно-кредитной политики Банка России на показатели экономического развития // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 112–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-instrumentov-denezhno-kreditnoy-politiki-banka-rossii-na-pokazateli-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 10.03.2024).

2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Банк России. М., 2022. URL: [https://www.cbr.ru/content/document/file/139691/on_2023\(2024-2025\).pdf](https://www.cbr.ru/content/document/file/139691/on_2023(2024-2025).pdf) (дата обращения: 10.03.2024).

3. Банк России : офиц. сайт. Москва. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).

4. Социально-экономическое положение Российской Федерации // Росстат : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dok_03-2023.htm (дата обращения: 10.03.2024).

Forecast for the Development of the Russian Economy

Y. R. Kruglyakova

Ryazan State University named after S. A. Esenin, Ryazan

Abstract. Today, the Russian economy faces a wide range of challenges and threats that have a destabilizing effect on its sustainable development. The article examines the main factors that influence the Russian economy. A comparative analysis of Russia's development scenarios is made.

Keywords: economy, inflation, gross domestic product, GDP, development forecast for the Russian Federation, The Bank of Russia.

Круглякова Юлия Руслановна – студентка 3-го курса (бакалавриат), Институт истории, философии и политических наук, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, e-mail: ulusik2003@gmail.com

Kruglyakova Yulia Ruslanovna – 3rd year Student (bachelor's level), Institute of History, Philosophy and Political Science, Ryazan State University named after S. A. Esenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ulusik2003@gmail.com

Использование методов изучения общественного мнения в политических исследованиях

М. А. Мелконян

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена важностью изучения общественного мнения в прогнозировании политических процессов, определении общественных приоритетов, на которые опирается власть в стратегических планах социального развития государства, а также в повышении электоральной активности. Проанализированы ряд популярных социологических методов и их практическое применение. Выявлена роль данных технологий в политике.

Ключевые слова: политические исследования, опросы, глубинные интервью, фокус-группы, телефонные опросы OMNIBUS, опросы «на входе» и «на выходе».

Общественное мнение – один из важнейших аспектов общественно-политической жизни, изучение которого позволяет определить политические тенденции и тренды, прогнозировать настроения населения. Для анализа и сбора информации используется ряд методов, которые популярны среди различных социологических служб. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть и проанализировать данные технологии. Цель исследования заключается в определении роли социологических методов в политике.

Традиционно принято выделять качественные и количественные методы, которые часто используются как в маркетинговых, так и в политических исследованиях. К качественным методам относятся глубинные интервью, фокус-группы, дискурс-анализ документов, включенное наблюдение, оценка возможных сценариев избирательной кампании, разработка ее стратегии, оценка имиджа политического кандидата, выявление региональных лидеров общественного мнения, анализ внутриэлитных конфликтов и их влияния на электоральную ситуацию и др. К количественным методам можно отнести анкетные опросы (личные, телефонные, электронные), контент-анализ документов, структурное наблюдение, рейтинг кандидатов, СМИ и проблем территории, прогноз явки и итогов выборов, активность протестной активности и др.

Опросы – один из самых распространенных методов изучения мнения населения, который используется крупными социологическими службами, такими как ВЦИОМ, Левада-центр², Фонд «Обще-

² Признан иностранным агентом в Российской Федерации.

ственное мнение» и др. Данный метод выступает самым оптимальным и распространенным в политических исследованиях, так как предполагает высокую скорость получения результатов, позволяет охватить широкий круг людей. Также опросы предполагают анонимность, что позволяет получить наиболее честные и откровенные ответы. Еще один фактор популярности данной технологии заключается в возможности политического мониторинга, который позволяет политическим деятелям принимать выгодные решения. Для начала стоит рассмотреть, каким образом происходит подготовка опроса [11]. Первая фаза включает в себя следующие этапы: исследование проблемы, операционализация теоретических суждений, разработка проекта. Первый этап заключается в изучении проблемы, готовых анкет и исследований по ней. Данная ступень может быть связана со вторичным анализом уже имеющихся данных. Операционализация связана с конструированием определенных эмпирических показателей, созданием некоего «измерителя» данных. Результатом второго этапа является анкета. На третьей ступени создается полный продукт с целями, задачами, методологией и т. д. Проект проверяется экспертами, высылается спонсорам и только после этого реализуется.

Для реализации важно определить группы респондентов. Чаще всего опрашивают людей старше 18 лет. Для телефонных опросов основой выборки выступает телефонный справочник, для других же типов используются данные переписи населения. Выделяют два вида выборки: невероятностная и вероятностная. Основное различие заключается в том, что в первом случае большую роль играет интервьюер, так как он может влиять на респондента своими личными суждениями. Данную идею начал продвигать Дж. Гэллуп. Он выработал концепцию, согласно которой возможно спрогнозировать итоги выборов президента при качественной выборке респондентов в 1000–1500 чел. Концепция состоит из 7 этапов [5].

Во-первых, необходимо поделить все население страны на 7 округов (районов, страт) по численности. Далее страну делят на 7 административных и культурно-исторических зон. Внутри каждого из них территории делятся на участки, которые содержат группы разного состава. В этих участках создаются двойные территориальные единицы для выбора адресов респондентов (в малых городах единицы подбираются произвольным образом). Производится отбор групп кварталов, которые будут пропорциональны количеству домов, а также зон, примерно равных по числу жителей. Задается некая точка отсчета, которая зафиксирована у интервьюера. Далее он дол-

жен следовать маршруту по карте. В доме интервьюер должен обратиться к самому молодому мужчине или самой пожилой женщине. Это позволяет повысить процент участия «труднодоступных» граждан, какими и являются представленные категории. Таким образом, точность опроса повышается.

Именно этот метод и выборка принесли Гэллапу большую популярность, ведь только он смог предсказать переизбрание Ф. Рузвельта на второй срок в 1936 г., при том что все социологические службы, журналы и даже политологи были уверены в проигрыше политика.

Прямым конкурентом Гэллапа выступал авторитетный журнал *The Literary Digest*, который на протяжении 20 лет отличался своими точными прогнозами. Эксперты журнала проводили опрос с количеством респондентов в 2 млн чел., в то время как социолог обработал только 3 тыс. ответов. Тем не менее Дж. Гэллап был прав и позже смог предсказывать и другие политические события США.

Последняя фаза предусматривает собой обработку данных. Результаты опроса загружаются в компьютер, высчитываются статистические данные и уже с этим социологи, политологи, маркетологи работают в нужной им отрасли.

Анкетный опрос активно использовался на выборах в Государственную Думу РФ II созыва 17 декабря 1995 г. Подробно об этом писал Юрий Левада в «Социологических очерках» [6]. В ходе опроса было выявлено, что количество респондентов, решивших голосовать задолго до выборов и на самом избирательном участке, примерно одинаковое. При этом 48 % респондентов уже точно знали, за какую партию будут голосовать. Основными причинами для голосования за ту или иную партию выступают сходство интересов, привлекательность лидера и большое количество силы у кандидатов. По итогам опросов Левада пришел к выводу о том, что нельзя понимать поведение людей, опираясь только на их собственные суждения об этом. Нужно оценивать ситуацию комплексно, обращая внимание на новых кандидатов, лидеров харизматичного типа, последние события в стране и многие другие факторы.

Отдельного внимания заслуживают телефонные опросы OMNIBUS. Данный вид опроса отличается тем, что он более экономный по времени и финансам, а также позволяет получить большое количество данных в кратчайшее время. OMNIBUS используется для мониторинговых исследований, предсказания реакции населения на то или иное событие, количественной верификации данных качественного исследования. Первой организацией в России, которая начала

использовать такие опросы, стал ВЦИОМ. В 2017 г. был запущен проект «Спутник», который позволяет в течение трех дней проанализировать реакцию россиян на самые актуальные вопросы текущей повестки [2]. Замеры проводятся в 80 регионах страны, опрашиваются по 600 чел. в день (16 800 в месяц) – это внушительный показатель для опросов.

Кроме России, ежедневные опросы в мире проводятся только в США (компанией Gallup) и Великобритании (компанией YouGov). Последний OMNIBUS, проведенный ВЦИОМом в июле 2023 г., был посвящен выборам в Государственную Думу, а точнее партиям [1]. Большинство респондентов из 1600 проголосовало за «Единую Россию», что говорит о популярности данной партии в общественных кругах. Данную картину объясняют следующие факторы: сильные региональные отделения; большое количество общественных, национальных, культурных и других проектов; стабильность; грамотное медиасопровождение и т. д.

Еще один вид опроса – экспертный. В данном виде опрашиваются только эксперты в той или иной теме. Отличительной чертой является то, что эксперт не просто отвечает на вопросы из анкеты, но также является участником исследования.

Переходя к качественным методам, одним из базовых выступают глубинные интервью. Суть технологии заключается в том, что респондент или эксперт отвечает развернуто, при этом во время процесса интервьюер может отойти от конкретного вопроса и развить тему для более глубокого рассмотрения. Данный способ позволяет рассмотреть проблему с профессиональной точки зрения.

В 2018 г. специалисты исследовательского проекта «Разработка прогноза реализации приоритета научно-технологического развития Российской Федерации» использовали именно этот метод [3]. Эксперты из таких стран, как США, Индия, Швеция, Россия, Китай, Республика Корея, Швейцария давали свои комментарии по поводу «больших вызовов», их влияния на Россию, мировое сообщество, развитие науки и другие аспекты. На основе данной работы был определен курс научно-технологического развития России.

Следующим методом, который набирает большую популярность, является фокус-группа. Фокус-группа – это коллективное обсуждение той или иной темы в течение часа. Привлекается 8–10 чел., таким количеством легко модерировать и проще получить информацию. Преимущество данного метода заключается в динамичном образовании мыслей. В группе люди могут соглашаться с мнением

друг друга, вступать в полемику – все это приводит к быстрому анализу данных, что и ценится в социологических исследованиях. Процесс обсуждения может сопровождаться различными интерактивами, рисунками, видеозаписями и т. д.

Фокус-группы помогают понять мнение людей о каких-либо проблемах, определить целевую группу, для которой она актуальна. Одним из ярких примеров использования метода является исследование Алексея Токарева «Социология образа будущего – 2033: нарисованная собой Россия» [10]. Проект посвящен тому, каким видит Россию в 2033 г. ее население, в основном молодежь. Обсуждались социальная сфера, политика, экономика, международные отношения, ценности и т. д. Участники сопровождали разговор рисованием иллюстраций, которые отображали их мнение. Данный визуальный прием позволяет лучше воспринять и запомнить полученную информацию и затем проанализировать ее.

В политических исследованиях используются опросы «на входе» и «на выходе» [4]. Они проводятся в электоральный период. Суть таких опросов заключается в том, что за некоторое время до выборов граждан опрашивают на предмет того, за кого они будут голосовать или собираются ли они голосовать вообще. Далее данные подсчитываются и выводится определенная гипотеза. Опросы «на выходе» проводятся в дни выборов с помощью технологии exit poll. Опрашивают третьего, а после каждого десятого избирателя. Такая выборка позволяет максимально точно определить итоги выборов.

В 2024 г. перед президентскими выборами использовалась данная технология, только с другой целью – повышение явки. Проект называется «Информ УИК» и заключается в поквартирном обходе для информирования о выборах Президента РФ. Уточняется следующая информация: будет ли гражданин участвовать в выборах, на каком участке он будет голосовать. Данные меры имели свои плоды, ведь по сравнению с 2018 г. явка увеличилась на 10 %.

Все вышеизложенные методы используются в политических исследованиях, но присутствует существенная проблема. Заключается она в феномене, который выявила Э. Ноэль-Нойман, описываемом как «спираль молчания» [7]. Концепция состоит в том, что если человек находится в меньшинстве, то он с меньшей вероятностью поделится своей точкой зрения на ту или иную ситуацию, так как будет бояться воздействия или изоляции. При этом, не выражая свое мнение, человек никогда не сможет определить, находится он в большинстве или меньшинстве, что приводит к тому, что мнение некото-

рых групп не учитывается, вследствие чего исследования проводятся с погрешностью.

Другой же проблемой выступает готовность властей использовать социологические данные. В этом случае очень важно сохранять баланс: опираться на общественное мнение, но не позволять ему доминировать над правительством. В свое время Д. Гавра говорил о политических режимах и в какой степени они ссылаются на общественное мнение. В качестве самого эффективного он выделял патернализм [8].

Таким образом, можно отметить, что технологии изучения мнения общественности имеют большое влияние и роль в политике. С каждым годом они модернизируются и позволяют более точно оценивать и прогнозировать происходящие события в стране и мире, тем самым становится возможным принимать решения, которые будут способствовать улучшению ситуации в стране. Для наиболее качественного анализа политических процессов необходимо использовать синтез методов, а также уделять внимание внешним факторам.

Список литературы

1. Всероссийский телефонный опрос «Спутник» // ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/9df5cbd5-47eb-42f5-b5be-fccf7677b929/total/485928e0-e701-46c1-9e18-e42bd64d672e> (дата обращения: 22.03.2024).
2. ВЦИОМ запустил первый в истории России социологический «Спутник» // Парламентская газета : сайт. URL: <https://www.pnp.ru/russia-today/vciom-zapustil-pervyy-v-istorii-rossii-sociologicheskij-sputnik.html> (дата обращения: 22.03.2024).
3. Глубинные интервью с ведущими российскими и зарубежными экспертами // ИМЭМО РАН имени Е. М. Примакова. 2018. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2019/28012019/28012019-DEEP-INT-002-ED.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).
4. Давыдова Р. А. Общественное мнение как политический ресурс власти в современной России // Грамота. 2015. № 4 (54). С. 70–74. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2015/4-2/17.html> (дата обращения: 27.03.2024).
5. Кирсанова М. П., Гонашвили А. С. Технологии управления общественным мнением : учеб. пособие. СПб. : Университет при МПА ЕвразЭС, 2021. 66 с.
6. Левада Ю. А. Сочинения : социологические очерки 1993–2000. 2-е изд., перераб. М. : Издатель Карпов Е. В., 2011. 506 с.
7. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. 352 с.
8. Помогаящие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2016. 865 с.
9. Социология образа будущего-2033 : нарисованная собой Россия / А. Токарев, М. Токарева, И. Кравчук, Р. Ильинский. М., 2023. 49 с. URL: <https://cleverrussia.ru/Future2033.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).
10. Франц В. А. Управление общественным мнением : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 135 с.

The Use of Public Opinion Research Methods in Political Research

M. A. Melkonyan
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the methods of studying public opinion and the technology of their implementation, its relevance is due to the growing influence of public opinion on political processes. A number of popular sociological methods and their practical application are analyzed. The role of these technologies in politics is revealed.

Keywords: political research, surveys, in-depth interviews, focus groups, OMNIBUS telephone surveys, “on-the-go” and “at-the-exit” surveys.

Мелконян Мари Артаковна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: melkonyan262003@yandex.ru

Melkonyan Mari Artakovna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: melkonyan262003@yandex.ru

УДК 323.2

Компаративный анализ Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации 2012 г.

Д. В. Савчук

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются два основополагающих нормативных правовых акта в области национальной политики Российской Федерации. Сравниваются основные направления национальной политики, выявляются сходства и концептуальные различия. Предполагается, что стратегия 2012 г. является логичным продолжением концепции 1996 г.

Ключевые слова: национальная политика, стратегия, концепция, граждане, национальная идентичность, Российская Федерация, национальность.

Национальная политика является одним из важнейших направлений деятельности любого государства, поскольку именно она старается обеспечить бесконфликтную среду во взаимоотношениях представителей различных национальностей внутри страны. В связи с этим проблема обеспечения действительно действующей стратегией национальной политики становится более актуальной.

Российская Федерация не стала исключением в этом вопросе. На протяжении многовековой истории Россия являлась самой крупной державой мира и, следовательно, одной из самых многонациональных. Национальный вопрос стал одним из основных направлений

государственной политики еще в начале XX в. Меры, предпринимаемые на стадии становления Советского Союза, безошибочно можно назвать крупнейшими в этой области. Была проведена колоссальная работа в предоставлении прав национальностям на самоопределение, создавались национальные области, в которых была возможность изучать национальный язык и обучаться на нем, была предоставлена возможность выбирать свое направление национальной культуры, вводилась система квотирования для представителей различных национальностей в органах государственной власти и т. д.

Российская Федерация, будучи преемницей Советского Союза, продолжила работать в этой области государственной политики. В 1996 г. в соответствии с указом президента была выдвинута первая Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. В этом документе обосновывается необходимость осуществления государственных мер поддержки не титульных национальностей Российской Федерации. Делается акцент на необходимости консолидации и взаимном развитии сосуществующих национальных структур на территории страны. Подчеркивается необходимость в предоставлении и защите всех базовых прав и свобод представителей всех национальностей в соответствии с конституцией. Исключается возможность проявления любого вида неравенства, основывающегося на принадлежности к какой-либо национальности, языковой или религиозной группе [1].

Одним из важнейших направлений данной Концепции является предоставление субъектам РФ определенного набора компетенций для реализации мер национальной политики в зависимости от состояния дел в этой сфере в отдельно взятом регионе. Иными словами, образующей для нее становится стремление к федерализации. Также акцентируется внимание на национально-культурной автономии, основывающейся на принципах государственной поддержки и общенационального уважения [1].

В 2012 г. Приказом Президента РФ был введен новый документ – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации. В существующей Стратегии предоставляется обоснование необходимости проведения национальной политики также в виде исторической справки; излагаются факты о историческом многообразии национальностей, проживающих на территории России, и, соответственно, сообщается о мультикультурности этих национальностей; делается акцент на исключении любого вида дискриминации, основанной на принадлежности к национальности, расе, ве-

роисповеданию, социальному положению и языку; акцентируется внимание на молодежи, а конкретно – на стремлении развить у них следующие качества: любовь к истории, уважение культурных особенностей различных национальностей, гордость за родину и т. д. Устанавливается необходимость создания программ, в соответствии с которыми дети и молодежь смогут посещать объекты исторического наследия национальной культуры, памятные места, города-герои и т. д. Делается упор на интеграцию в общество убеждений об отторжении любого рода распространения экстремистских идей, основывающихся на идеологии национальной исключительности. Намечается тенденция повышения роли гражданского общества в вопросе социализации иностранных граждан на территории Российской Федерации [2].

Основополагающим моментом национальной политики, в отличие от Концепции 1996 г., становится стремление к территориальной целостности Российской Федерации, пресечению появления экстремизма, терроризма, нацизма и любых других радикальных идеологических течений. Делается упор на формирование у россиян (под этим словом подразумеваются все граждане Российской Федерации) идеологии национальной идентичности, основывающейся на истории российской государственности.

Сравнивая Концепцию 1996 г. и Стратегию 2012 г., можно выявить ряд схожих моментов, таких как стремление к устранению любого вида дискриминации, основывающейся на принадлежности к национальности, языковой, религиозной и иным группам. Обнаруживается ряд положений, не соответствующих, а иногда и вовсе противоречащих друг другу, к примеру, в вопросе формирования национальных партий. В Концепции делается упор на то, что участие граждан в политике – это совокупность политических и национальных начал. В свою очередь, Стратегия 2012 г. полностью отрицает возможность формирования политических партий на национальной основе.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что с течением времени базовые направления национальной политики изменились.

В нормативном правовом акте 1996 г. основополагающей была тенденция предоставления прав на национально-культурную автономию каждой отдельной национальности. Выбор этого направления в качестве основного являлся необходимым, поскольку пример сепаратизма в Чеченской Республике дал ясно понять, что национальный вопрос в России требует срочного решения.

В Стратегии от 2012 г. изменяется основное направление национальной политики, которое характеризуется тенденцией формирования у всех граждан Российской Федерации (включая все национальности) идеологии национальной идентичности, основывающейся на истории российской государственности. Это направление необходимо интерпретировать как следующую ступень в решении национального вопроса.

Таким образом, стоит понимать, что Стратегия 2012 г. является логичным продолжением Концепции 1996 г., поскольку в условиях окончательного формирования национальной идентичности становится необходимым формирование государственной идентичности, которая основывается на национальном и культурном единстве всех граждан государства.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 // Президент России : офиц. сайт. 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата обращения: 10.03.2024).
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 10.03.2024).

Comparative Analysis of the Concept of the State National Policy of the Russian Federation in 1996 and the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation in 2012

D. V. Savchuk

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to two fundamental legal acts in the field of national policy of the Russian Federation. The main directions of the national policy are compared, similarities and conceptual differences are revealed. It is considered that the 2012 strategy is a logical continuation of the 1996 concept.

Keywords: national policy, strategy, concept, citizens, national identity, Russian Federation, nationality.

Савчук Дмитрий Витальевич – студент 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: dmitrijsavcuk40@gmail.com

Savchuk Dmitry Vitalievich – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: dmitrijsavcuk40@gmail.com

Политический процесс: роль, способы и формы политического участия прекариата в России

Д. Д. Сивцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются различные формы политического участия в политическом процессе, роль прекариата в них на территории Российской Федерации. Приведены статистические данные из всероссийского исследования 2020 г. «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». Дается краткий анализ представленных данных для полноценного понимания взаимосвязи между формой занятости и политическим участием граждан.

Ключевые слова: прекариат, неформальная занятость, экономика, политическая активность, политическое участие, Россия.

Анализ политического участия россиян в политическом процессе является неотъемлемой частью политологических научных исследований. Выявление различных тенденций позволяет не только отслеживать специфику гражданского поведения и политического мироустройства, но и выявлять перспективы развития общества и государства в целом, разрабатывать стратегии поведения для политической конъюнктуры.

Политический процесс – совокупность деятельности политических акторов, направленной на реализацию своей деятельности и интересов в рамках политической системы. Политический процесс не может существовать без каких-либо действий и взаимодействий между теми или иными субъектами, объектами, потому неотъемлемой частью политического процесса является именно политическое участие.

Термин «политическое участие» стал широко применим после появления работы «Гражданская культура», написанной Г. Алмондом и С. Вербой. Оба этих автора понятие гражданской культуры приравнивают к политическому участию, которому характерны действия граждан, влияющие на отбор государственных управленцев и на их деятельность [1, с. 51]. Являясь по сути верной, данная мысль достаточно узка в сравнении с мыслями и идеями известного американского политолога Дж. Нагеля, трактующего политическое участие как действия, посредством которых акторы любой политической системы могут влиять на результаты ее деятельности [Цит. по: 1, с. 53]. Определение Дж. Нагеля отличается тем, что не ограничивается государственными деятелями или государственными института-

ми, а затрагивает всю политическую систему, позволяя взглянуть на политическое участие граждан гораздо шире.

Любое политическое участие можно идентифицировать по политическому поведению, так как оба термина подразумевают одно и то же и содержат в себе различные способы и формы, о которых неоднократно писал британский политолог А. Марш. Выделенная им типология политического участия является наиболее классической в современном понимании. Политолог разделяет типы политического участия по методам деятельности (правомерные и неправомерные) и по мотивам (автономное и мобилизационное). По методам деятельности правомерное политическое участие характеризуется соответствием всем надлежащим политическим нормам. Оно включает в себя поддержку существующих политических решений и действий, пассивность действий и в том числе легальный протест, характеризующийся либо реформаторскими настроениями, либо же активистскими действиями, которые могут быть правомерными. Неправомерное же участие подразумевает под собой несанкционированные митинги, акции, забастовки, захват помещений и т. п. [Цит. по: 2].

По мотивам политическое участие бывает автономным, что выражается в добровольности и личной заинтересованности, и мобилизационным, заключающемся в административном принуждении. Для России на современном этапе на выборах определенного уровня характерны обе модели. В основном мобилизационному воздействию подлежат работники бюджетных и промышленных сфер, а автономному – прекариат.

Прекариат – социальная группа людей, объединенная по принципу неформальной занятости и отсутствия социальных гарантий в виде лимитированного рабочего дня, стабильной заработной платы, пенсии, больничных листов, отпускных и т. д.

Характер прекариата как субъекта политического участия значительно отличается от представителей иных социальных классов и обществ. Граждане, относящиеся к этой прослойке общества, автономны. Они не зависят напрямую от государства и имеют право самостоятельно принимать решение об участии в предвыборных избирательных кампаниях, выборах и референдумах, в акциях и демонстрациях, в общественно-политических организациях, территориальном общественном самоуправлении по месту жительства, об обращении с письмами и петициями в органы власти и управления для урегулирования вопросов.

Рассмотрим факторы на примере наиболее популярной модели форм политического участия – выборах. В демократических и авторитарных государствах посредством выборов формируется правительство, обеспечивается легитимация государственной власти и разобщается оппозиция. Благодаря этому механизму происходит сдерживание политических и социальных конфликтов, появляется возможность выбирать тот курс направления развития государства, который наиболее близок к политическим, социально-культурным и экономическим убеждениям. М. В. Гурылина выделяет основные факторы – причины политического участия граждан: социологический (участие актора напрямую зависит от его места в социальной структуре), социально-психологический (участие актора напрямую зависит от его политической самоидентификации), рационально-инструментальный (участие актора напрямую зависит от его личных интересов и убеждений) [3].

Эти факторы являются основой и включают в себя и ряд других особенностей, например, социально-имущественные, политико-культурные, социально-демографические и т. д. Кроме того, на политическое участие большое влияние оказывают политический режим, социальная напряженность, сложившийся тип политического сознания и культуры общества в государстве.

Для прекариата наиболее характерным фактором политического участия является социологический, включающий в себя социально-экономическое положение и трудовые взаимосвязи. Существуют исследования выявления корреляции и взаимозависимости между формой занятости и политической активностью, оценкой политической обстановки и уровня политического доверия к власти и политическим институтам. Одним из таких стало всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества», в рамках которого был написан ряд научных работ и проведены социологические опросы.

Так, в рамках исследования респондентам был задан вопрос: «В каких формах политической жизни Вы участвовали за последние три года?» [4, с. 101]. Среди форм политической активности выделяют следующие пункты: федеральные, региональные и местные выборы, поправки в Конституцию РФ, подписание петиций и обращений, участие в демонстрациях, митингах, забастовках, пикетах, а также и неучастие. Примечательно, что респонденты, работающие на условиях бессрочной занятости, демонстрируют наиболее активное политическое участие, в отличие от трудящихся без трудовых договоров.

Результаты ответов на этот вопрос показали, что граждане, относящиеся к неформальному сектору экономики, на 17,2 % меньше участвуют в выборах федерального уровня, на 18 % – в местных и региональных выборах, на 2,2 % – в подписании петиций и обращениях, на 1,4 % – в демонстрациях и митингах, но на 0,4 % больше – в забастовках, на 0,2 % – в пикетах и на 15 % пассивнее (не принимают участие) работающих на условиях бессрочного трудового договора (рис.).

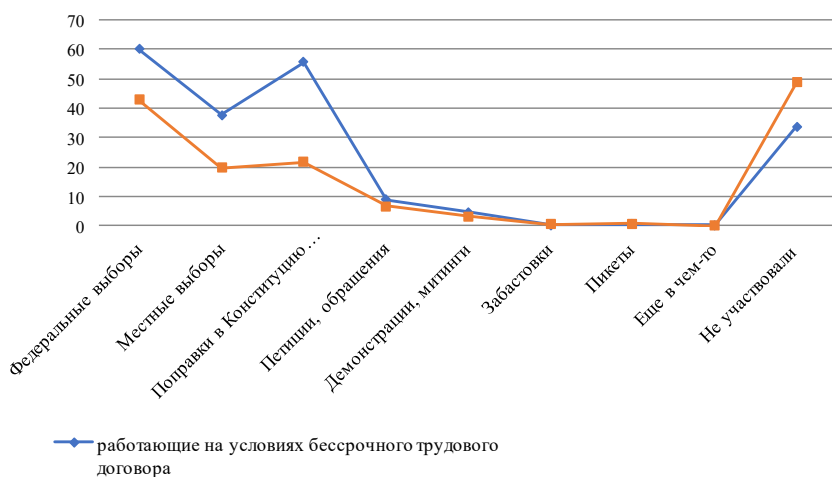

Рис. Распределение ответов на вопрос «В каких формах политической жизни Вы участвовали за последние три года?»

Согласно ответам на вопрос «В каких формах общественно-политической жизни Вы участвовали в прошедшем 2018 году?» в рамках социологического исследования «Ваша жизнь в 2019 году», среди опрошенных наиболее защищенные от социально-экономической нестабильности и имеющие работу на условиях бессрочного договора только 39,4 % не принимали участия ни в каких формах политической активности, что в целом выше показателей остальных социальных групп (табл. 1).

Стоит отметить активность респондентов с временным трудовым договором менее одного года. Несмотря на самый большой процент неучастия в различных формах активности общественно-политической жизни, среди них наиболее распространенными формами (в сравнении с ответами других категорий населения) являются петиции и обращения, забастовки и пикеты, а также выборы. То есть

несмотря на большой процент политической пассивности среди этой группы населения, остальной ее процент активно принимает участие во всех возможных сферах, кроме демонстраций и митингов, где процент среди этой группы лиц равен нулю [5, с. 395].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«В каких формах общественно-политической жизни Вы участвовали в прошедшем 2018 году?» (в % от числа ответивших, возможно несколько вариантов ответа)

Формы общественно-политической жизни	Вид договора, занятости			
	Имеют бессрочный договор	Имеют временный договор более 1 года	Имеют временный договор менее 1 года	Работают без трудового договора
Участвовали в выборах президента	57,3	45,2	48,4	48,5
Участвовали в выборах в местные и региональные органы власти	31,5	20,6	24,2	18,9
Подписывали петиции, обращения	9,7	4,5	9,7	5,7
Участвовали в демонстрациях, митингах	6,4	3,0	0,0	4,4
Участвовали в забастовках	0,3	0,0	1,6	0,0
Участвовали в пикетах	0,8	0,0	4,8	0,4
Участвовали еще в чем-то	0,0	0,5	0,0	0,4
Не участвовали ни в каких формах	39,4	49,2	50,0	45,4

Связать это с какими-либо факторами достаточно сложно, однако выявить некоторую взаимосвязь возможно. Так, в этом же социологическом опросе на вопрос «Как изменилось за последние три года Ваше материальное положение?» наиболее часто упоминаемым пунктом среди трудящихся с временным договором менее одного года является ухудшение материального положения (46,8 %), что в сравнении с другими категориями трудящихся является самым высоким показателем. В то же время среди этой же категории лиц всего 8,1 % отметили, что их социальное положение улучшилось, что делает эту группу опрашиваемых наиболее уязвимой среди других (табл. 2) [5, с. 391].

Однако ответы на вопрос «Какой у Вас в настоящее время среднемесячный заработок?» показали, что те, кто выбрал в предыдущем вопросе «ухудшение материального положения», имеют среднемесячный заработок выше, чем у остальных групп населения, в то время как трудящиеся на условиях бессрочного трудового договора отмечают улучшение своего материального положения, но в то же время их среднемесячный заработок ниже, чем у тех, кто отметил ухудшение материального положения (табл. 3) [5, с. 392].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Как изменилось за последние три года Ваше материальное положение?»
(в % от числа ответивших, возможно несколько вариантов ответа)

Мнение	Вид договора, занятости			
	Имеют бессрочный договор	Имеют временный договор более 1 года	Имеют временный договор менее 1 года	Работают без трудового договора
Улучшилось	23,5	15,1	8,1	15,9
Ухудшилось	29,4	31,7	46,8	42,3
Осталось без изменений	47,1	53,3	45,2	41,9

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос
«Какой у Вас в настоящее время среднемесячный заработок?» (в руб.)
(в % от числа ответивших, возможно несколько вариантов ответа)

Вид договора, занятости	Среднемесячный заработок
Имеют бессрочный договор	34 955,7
Имеют временный договор более 1 года	38 949,3
Имеют временный договор менее 1 года	40 050,8
Работают без трудового договора	35 414,1
	72 194,4

Возникает диссонанс, который, возможно, связан с фактором субъективности, отсутствием социальных гарантий, которые оказывают психологическое влияние на ощущение своего социального и материального положения. Так, результаты ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей работой?» показали, что самыми неудовлетворенными являются работники, имеющие временный трудовой договор менее 1 года. Среди остальных опрошенных удовлетворенность превалирует над неудовлетворенностью [5, с. 387]. Однако ответ этой категории граждан на вопрос «Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы (в Вашей организации)?» не показал затруднительного положения в финансах или социальных гарантиях. Единственный показатель, который оказался выше и значительнее остальных, – отсутствие перспективы в работе, профессиональной карьере.

По результатам опроса видно, что наиболее активными гражданами, принимающими участие во многих формах общественно-политической жизни, являются наиболее защищенные слои населения – трудящиеся на условиях бессрочного трудового договора (к ним относится около 55 % населения). Их политическая активность

может быть связана как со стабильностью, так и с мобилизационным фактором, так как бессрочные трудовые договоры наиболее характерны для трудящихся бюджетных сфер. Второе место занимают трудящиеся, имеющие временный трудовой договор менее 1 года, – они страдают от социальной незащищенности и отсутствия карьерного роста, наибольшую активность проявляют в обращениях, петициях, пикетах, забастовках и иных формах политического участия, не затрагивающих сферу выборов. Предполагается, что такие граждане больше всего подвержены психологическому воздействию со стороны политических популистов. Наиболее пассивными оказались трудящиеся на условиях временного договора более 1 года и без трудового договора, несмотря на обозначение такой проблемы, как отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания. Возможно, таким трудящимся нет дела до политической жизни государства и их основная цель – закрыть свои текущие социальные и материальные потребности.

Список литературы

1. Евстафьев В. А. Категория политического участия в зарубежной и отечественной политической науке // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 51–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-politicheskogo-uchastiya-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-politicheskoy-nauke/viewer> (дата обращения: 14.01.2024).
2. Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппов К. В. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. С. 245. URL: <https://obuchalka.org/2014042777055/noveishii-politologicheskii-slovar-pogorelii-d-e-fesenko-v-u-filippov-k-v-2010.html> (дата обращения: 14.01.2024).
3. Гурылина М. В. Факторы и эффективность политического участия граждан в условиях демократизации современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 1. С. 69–78. URL: https://studylib.ru/doc/2262183/factory-i-e-ffektivnost_-politicheskogo-uchastiya-grazhdan-v (дата обращения: 14.02.2024).
4. От прекарной занятости к прекаризации жизни: монография / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2022. 364 с. URL: <https://www.rsuh.ru/upload/press/docs/Ot%20prek%20zaniatosti%20k%20prekarizatsii%20zhizni%20koll%20mono%202022.pdf> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Прекариат: становление нового класса: (опыт социологического анализа): монография / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. URL: <https://clck.ru/39nHvd> (дата обращения: 27.09.2021).

The Political Process: the Role, Methods and Forms of Political Participation of the Precariat in Russia

D. D. Sivtseva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines various forms of political participation in the political process and the role of the precariat in them on the territory of the Russian Federation. The

article presents statistical data from the All-Russian study "Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society". A brief analysis of the presented data is provided for a full understanding of the relationship between the form of employment and political participation of citizens.

Keywords: precariat, informal employment, economy, political activity, political participation, Russia.

Сивцева Дарья Денисовна – студентка 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: sivdasha2002@gmail.com

Sivtseva Daria Denisovna – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sivdasha2002@gmail.com

УДК 32.019.51

Имидж высшего должностного лица субъекта Российской Федерации

Н. А. Тактарова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отмечено, что важной составляющей карьеры успешного и конкурентоспособного высшего должностного лица Российской Федерации является формирование позитивного имиджа, соответствующего современным тенденциям. В качестве инструмента выявления и исследования этих основных тенденций задействовано пять рейтингов. Выведено несколько факторов, влияющих на расположение глав регионов в рейтингах: географический фактор, работоспособность, вовлеченность, результативность глав регионов, приближенность к президенту В. В. Путину, сотрудничество с федеральным центром, кадровое и ресурсное обеспечение специальной военной операции, готовность реализовать политику центра, четкая координация служб, чиновников, силовиков, доверие президента, поддержка социально-экономической стабильности в регионе, проведение патриотических мероприятий.

Ключевые слова: имидж, политический продукт, рейтинг, глава региона, медийность, рейтинг губернатора.

В основном понятие «имидж» интерпретируют как целенаправленно создаваемый стратегический образ. С точки зрения политологии будет точнее рассматривать имидж как товар или политический продукт, на приобретение и поддержание качества которого затрачиваются значительные ресурсы. Политический продукт продвигается на политическом рынке в рамках модели «спрос – предложение». Основное назначение продукта заключается в достижении эффекта притяжения и/или расположения, что вполне описывает основную цель имиджа – создание благоприятного позитивного отношения к субъекту со стороны общества. Имидж – часть имиджевой

политики, которая, в свою очередь, представляет совокупность мероприятий по массовому продвижению и поддержанию репутации. Ранее автором были рассмотрены теоретические аспекты построения имиджевой политики более подробно [5]. Таким образом, имидж занимает место одного из базовых и неотъемлемых инструментов построения успешной политической карьеры. Кроме того, за последние годы обострилась проблема выбора как на потребительском, так и на политическом рынках. Поэтому важно обладать эффективным имиджем, чтобы быть конкурентоспособным и привлекательным. Цель статьи – определить тенденции, на основе которых выстраивается имидж высшего должностного лица субъекта РФ.

В данном исследовании в качестве инструмента задействуются следующие рейтинги за период с декабря 2023 г. по февраль 2024 г.:

- 1) рейтинг влияния глав субъектов РФ (АПЭК) [6].
- 2) рейтинг глав регионов РФ (ПУЛ Telegram и The World Inform) [7].
- 3) губернаторы (Медialogия) [1].
- 4) национальный рейтинг губернаторов (Национальный рейтинг) [3].
- 5) народный рейтинг (Губернаторы.Ru) [2].

Рассматривая в совокупности перечисленные рейтинги, можно проследить следующие фамилии: С. С. Собянин (г. Москва), Р. Н. Минниханов (Республика Татарстан), Р. А. Кадыров (Чеченская Республика), В. В. Гладков (Белгородская область), А. Ю. Воробьев (Московская область), А. Д. Беглов (г. Санкт-Петербург). Первую строку прочно занимает мэр Москвы С. С. Собянин. Исключение составляет народный рейтинг (Губернаторы.Ru), поскольку здесь не учитываются города федерального значения. Аналогичные результаты демонстрируются рейтингами за период 2022–2023 гг. Лидирующие позиции С. С. Собянина объясняются такими факторами, как должность мэра столицы страны, улучшение инфраструктуры Москвы, имидж «человек-дело», соратник президента В. В. Путина и т. д.

Также на виду находится и глава Московской области А. Ю. Воробьев. Имидж Воробьева – это репутация грамотного, интеллигентного, осторожного и взвешенного политика, в целом представляющего собой политического тяжеловеса. Кроме того, Воробьев является представителем одного из самых влиятельных кланов в российской политике и возглавляет достаточно проблемный регион. Вследствие чего имидж взаимосвязан с наглядными результатами, которых за последние годы немного, поэтому уровень доверия и поддержки па-

дает [8]. В 2023 г. он получил одобрение от В. В. Путина, в 2024 г. переизбирался на новый срок. Фигура Воробьева привлекает внимание экспертов, поскольку к Московской области присматриваются федеральные группы влияния.

Медийность мэра Санкт-Петербурга А. Д. Беглова объясняется тем, что он является руководителем города федерального значения. Рейтинг доверия петербуржцев к Беглову падает, поэтому многие эксперты прогнозировали замену мэра на выборах в 2023 г., чего не случилось [4]. Возможно, дело в команде мэра, отчасти состоящей из доверенных людей президента, а также в его дружеских отношениях с В. В. Путиным [6].

Наибольшей популярностью и узнаваемостью не только в России, но и за границей пользуется глава Чеченской Республики Р. А. Кадыров, популярность которого наиболее сильно возросла в период проведения специальной военной операции (СВО). По сравнению с другими главами регионов, Кадыров пользуется наибольшей популярностью в социальных сетях. У него сложился интересный и запоминающийся образ, основанный прежде всего на традиционных ценностях. Кадыров – достаточно влиятельный политик. К примеру, в учебник истории для 10–11-х классов под редакцией помощника президента В. Р. Мединского были внесены изменения в связи с требованием Кадырова, поскольку определенная изложенная в труде информация выставляла в неблагоприятном свете чеченский народ [10]. Сложно представить, чтобы любой другой глава региона решился на подобный шаг. Важно отметить, что Кадыров, как и предыдущие главы регионов – приближенный В. В. Путина.

Р. Н. Минниханов (Республика Татарстан) – один из самых эффективных и влиятельных глав регионов страны, которому соответствует имидж человека слова (лозунг «в субботу – на работу»). Его отличает богатый опыт хозяйственника, умение налаживать межнародные экономические связи, стремление к сохранению исторического наследия татар и возрождению казакина, а также национальных костюмов [9]. В Народном рейтинге занимает почетное первое место [2]. Средняя оценка его деятельности – 3,9. Уровень доверия – 4,11. Внимание к Минниханову обосновывается высокими показателями по разным направлениям деятельности: работоспособность, информационная открытость, уровень жизни в регионе, качество дорог и инфраструктуры.

Глава Белгородской области В. В. Гладков расположен в рейтингах в связи с близостью региона к зоне боевых действий и в целом

ролью региона как прифронтового. Таким образом, Гладков не обделен вниманием в силу местоположения области. Он демонстрирует положительную динамику в управлении регионом, а его социальные сети представляют собой один из главных и надежных источников информации о событиях в регионе. Поэтому он на виду не только в Российской Федерации, но и за границей. В целом фигура Гладкова стала для Белгородской области объединяющей.

Что касается глав регионов из восточной (азиатской) части страны, то их фамилии в основном прослеживаются во второй пятерке. Чаще упоминаются А. В. Моор (Тюменская область) и С. Е. Цивилев (Кемеровская область). Согласно данным народного рейтинга [2], Цивилев занимает вторую строку с оценкой 3,78. Помимо этого, он отличается высокой работоспособностью и открытостью, занимая по данным показателям первые строчки. Ему удалось выстроить имидж успешного руководителя и рачительного хозяйственника. Моор – губернатор области-донора, плотно встроенной в «тюменскую матрицу». Заместители по внутренней политике стараются равняться на него, являясь грамотными специалистами [6]. Тюменская область, как и Кемеровская, занимают лидирующие строки среди других регионов по строительству и качеству автодорог, уровню жизни и привлечению инвестиций.

Рассмотренные рейтинги глав регионов Российской Федерации представляют собой достаточно интересный кейс. Позиции определяются, прежде всего, географическим фактором. Вывод следующий: лидирующие строки занимают главы из регионов, расположенных вблизи федерального центра или в европейской части страны. Центр страны смещен на Запад, вследствие чего основная политическая жизнь сосредоточена именно там.

Второй немаловажный фактор – высокая работоспособность, вовлеченность и результативность глав регионов, среди которых выделяются С. С. Собянин (Москва), Р. Н. Минниханов (Республика Татарстан), Р. А. Кадыров (Чеченская Республика), В. В. Гладков (Белгородская область), А. В. Моор (Тюменская область) и С. Е. Цивилев (Кемеровская область).

Третий фактор – приближенность к президенту В. В. Путину и сотрудничество с федеральным центром. Деятельность глав зависит от политики федерального центра, которая, по сути, является для них определяющей. Поэтому «рейтинговая эффективность» глав регионов прежде всего оценивается по эффективности разрешения внутрирегиональных проблем, следования курсу федерального цен-

тра, консолидации власти вокруг доминирующей партии и президента В. В. Путина.

Четвертый фактор – проведение СВО. Приоритетами губернаторской деятельности стали поддержание мирной жизни и помощь в ресурсном обеспечении проведения СВО. Прежде всего губернаторы отталкиваются от политики федерального центра. На основе изученного материала мы считаем, что критерии эффективности имиджа и деятельности глав регионов определяются следующим образом: кадровое и ресурсное обеспечение СВО, готовность реализовать политику центра; четкая координация служб, чиновников, силовиков; доверие президента; поддержка социально-экономической стабильности в регионе; проведение патриотических мероприятий. Помимо сказанного, имидж главы региона должен соответствовать общественным запросам и настроениям. В настоящее время общественный запрос направлен на мобилизованного, эффективного, энергичного губернатора, проявляющего эмпатию к гражданам и поддерживающего патриотизм. За последний год губернаторы стали одним из главных элементов консолидации общества и власти в условиях СВО.

Список литературы

1. Губернаторы // Медиалогия : сайт. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/> (дата обращения: 12.03.2024).
2. Народный рейтинг // Губернаторы.ru : сайт. URL: <https://governors.ru/rating> (дата обращения: 16.05.2023).
3. Национальный рейтинг губернаторов // ЦИК Рейтинг : сайт. URL: <https://russia-rating.ru/info/category/gubernators> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Незыгарь // Telegram : [социальная сеть]. URL: <https://t.me/s/russicaRU> (дата обращения: 16.03.2024).
5. Тактарова Н. А. Построение имиджевой политики // Политические процессы и технологии : материалы научной студенческой конференции Иркутского государственного университета, Иркутск, 1 апреля 2022 года. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2022. С. 39–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49323884> (дата обращения: 12.03.2024).
6. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в декабре 2024 года // АПЭК : сайт. URL: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=9579 (дата обращения: 12.03.2024).
7. Рейтинг глав регионов РФ // ПУЛ Telegram, The World Inform : сайт. URL: <https://worldinform.ru/pages/regionalheadrating.html> (дата обращения: 13.03.2024).
8. Рейтинг губернатора Воробьева катится вниз: жители из-за роста проблем хотят присоединиться к Москве // The World Inform : сайт. URL: <https://clck.ru/34WDC5> (дата обращения: 13.03.2024).
9. Стиль президента Минниханова: 10 ключевых признаков // Реальное время : сайт. URL: <https://clck.ru/34WDTr> (дата обращения: 14.03.2024).

10. Худякова П., Иванов Ф. Министр просвещения России лично показал главе Чечни новый учебник истории // Ведомости : сайт. URL: <https://clck.ru/39Uwco> (дата обращения: 15.03.2024).

The Image of a Top Official the Subject of the Russian Federation

N. A. Taktarova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. An important component of the career of a successful and competitive top official of the Russian Federation is the formation of a positive image that corresponds to modern trends. Five ratings are used as a tool for identifying and studying these main trends. As a result, several factors influencing the location of the heads of regions in the ratings were deduced: geographical factor, efficiency, involvement, effectiveness of the heads of regions, proximity to President Vladimir Putin, cooperation with the federal center, personnel and resource support of the Central government, readiness to implement the center's policy, clear coordination of services, officials, security forces, the president's trust, support socio-economic stability in the region, patriotic events.

Keywords: image, political product, rating, governor, media, governor's rating.

Тактарова Надежда Александровна – студентка 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nadya.takt18@yandex.ru

Taktarova Nadezhda Alexandrovna – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nadya.takt18@yandex.ru

Секция 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 321

Локальные политические режимы в малых городах Иркутской области: предварительные результаты исследования

М. А. Ананченков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлены предварительные результаты исследования относительно образованных локальных политических режимов на территории Иркутской области в двух малых городах: Бодайбо и Саянск. Используемые количественные методы для предметного институционального анализа позволили сделать выводы об их недостатке в получении более полной информации о характере властных отношений на местном уровне.

Ключевые слова: политический режим, власть, местное самоуправление, малые города, авторитаризм, демократия.

Изучение власти в городских сообществах играет немаловажную роль в политической науке. Основной целью большинства исследований является выявление того, как формируется и осуществляется власть в городском политическом процессе [2]. Эволюция общенационального политического режима в России обращает наше внимание и на другие вопросы, обозначенные ранее в рамках постановки проблемы [1]. Настолько ли однородно политическое поле в условиях выстроенной вертикали власти? Можно ли найти весомые различия в реализации властных отношений на местном уровне? Актуальность темы также обусловлена злободневными многочисленными вопросами об эффективности института местного самоуправления в России.

Теоретической базой исследования выступает работа В. Г. Ледяева «Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах» [2], а также концептуальный анализ власти С. Льюкса, представленный в монографии «Власть: Радикальный взгляд» [2; 3].

В основе представленного ниже анализа лежат властные отношения. Власть, по определению С. Льюкса, – это способность «А осуществлять власть над В, когда А воздействует на В таким образом, который противоречит интересам В» [3, с. 58]. Ключевая категория – локальный политический режим. Термин обозначает совокупность акторов политического процесса и институтов политической власти на локальном уровне, обладающих ресурсами, инструментами и технологиями для управления местным сообществом, для политической борьбы и последующего удержания власти. В работе используются два фактора: «консолидация – конкуренция» и «авторитаризм – демократия». Совпадение осей «консолидация» и «авторитаризм» создает ярко выраженный монопольный персоналистский режим в рассматриваемом муниципалитете. Отклонение по осям «конкуренция» и «демократия» указывает на образовавшуюся политическую коалицию власти в муниципальном образовании. Учитывая специфику общенационального политического режима, мы понимаем, что большая часть локальных режимных практик будет тяготеть к первому варианту, однако мы не исключаем наличие неформальных сформированных коалиций.

Объектами изучения стали два малых города, расположенных на территории Иркутской области, – Бодайбо и Саянск. Первый находится в северной части региона и неофициально прозван «Золотой столицей Сибири» в связи с основной отраслью экономики – золотодобычей. Второй город был создан в 1970 г. в качестве одного из главных центров химической промышленности Восточной Сибири. Экономика Саянска полностью зависит от деятельности градообразующего предприятия АО «Саянскхимпласт».

Чтобы определить сложившийся тип локального политического режима в выбранных объектах изучения, была проанализирована основа сложившегося формального институционального дизайна, под которым мы понимаем функционирование институтов публичной политики на местном уровне. Для этого нами была предпринята попытка рассмотреть динамику избирательных процессов практически за десятилетний период в локальных сообществах. Находясь на оси «консолидация – конкуренция», мы проанализировали результаты выборов мэров как одних из главных акторов местной политики.

В г. Бодайбо с 2007 г. должность мэра занимает Е. Ю. Юмашев. На протяжении уже 17 лет он исполняет свои обязательства. Соответственно, переизбирался нынешний глава города и района на выборах в 2012, 2017 и 2022 гг. С каждым новым сроком разрыв голосов за

победителя и кандидата, занявшего второе место, сокращался, что говорит о нарастающей усталости людей и запросе на обновление. За это время можно увидеть и увеличение числа кандидатов, прошедших этап регистрации и участвующих на выборах. Это стало причиной роста показателя «эффективного числа кандидатов» (далее – ЭЧК), рассчитанного по формуле Лааксо – Таагепера, однако на значительный уровень фрагментации политического пространства это не повлияло, о чем говорит показатель ЭЧК, не превышающий 2,5 (табл. 1).

Таблица 1

Показатели конкуренции и эффективного числа кандидатов в г. Бодайбо

Выборы мэра г. Бодайбо	Резерв победы	Номинальное число кандидатов	ЭЧК
2022 г.	1230	6	2,4
2017 г.	2210	5	2,29
2012 г.	3763	3	2,1

Саянском на протяжении 10 лет руководил О. В. Боровский, избравшийся в 2014 г. от партии «Справедливая Россия». До него обязанности мэра исполнял представитель «Химпласта» М. Н. Щеглов. Основным конкурентом для будущего мэра на его первых выборах тогда стал кандидат от «Единой России». Возросший индекс ЭЧК указывает на то, что в 2014 г. имела место быть конкурентная политическая борьба за кресло мэра Саянска (табл. 2). В 2019 г. О. В. Боровский был переизбран от КПРФ, опередив своего конкурента от «Справедливой России» на 7125 голосов. Стоит отметить, что «Единая Россия» своего кандидата на этих выборах уже не представляла. В последующем мэр Саянска стал членом партии власти.

Таблица 2

Показатели конкуренции и эффективного числа кандидатов в г. Саянске

Выборы мэра г. Саянска	Резерв победы	Номинальное число кандидатов	ЭЧК
2019 г.	7125	3	1,33
2014 г.	377	3	2,26
2009 г.	7902	3	1,56

Предварительно наблюдается консолидация политического пространства вокруг фигур градоначальников в двух малых городах. Для подтверждения тезиса требуется обратить внимание на подконтрольность им местных дум. Представительные органы власти порой играют даже более значимую политическую роль в местном сообществе. После вступления в силу изменений в Федеральный закон

№ 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2009 г. представительные органы власти были наделены правом освобождать от должности глав муниципальных образований в связи с утратой доверия. Так, согласно ст. 33 Устава муниципального образования г. Бодайбо и района, дума в соответствии с Федеральным законом вправе удалить мэра г. Бодайбо и района в отставку по инициативе депутатов думы или по инициативе губернатора Иркутской области. Мэр Саянска может быть отправлен в отставку думой городского округа по основаниям и в порядке, установленном Федеральным законом и Уставом муниципального образования. Учитывая столь высокую значимость местных дум, отметим, что для более полного анализа политического пространства локальных сообществ требуется рассмотреть динамику избирательных процессов в представительных органах власти. Для этого мы берем индекс Лааксо – Таагепера «эффективное число партий» (далее – ЭЧП) для измерения и сравнения уровня фрагментов партийной системы, а также экономический показатель – индекс Херфиндаля – Хиршмана (далее – ННІ), который даст возможность оценить уровень концентрации политического рынка. В основе лежат данные, взятые по итогам выборов в думы последних трех созывов.

В нынешний состав думы г. Бодайбо и района было избрано 15 депутатов. 14 из них – члены партии «Единая Россия», 1 – КПРФ. В VII созыве число представителей не от партии власти было трое (2 – самовыдвиженцы, 1 – КПРФ), а в составе думы VI созыва – целых 8 самовыдвиженцев. Однако стоит учитывать контекст выборов 2012 г. в связи с низким уровнем поддержки «Единой России» после избрания депутатов Государственной Думы в 2011 г. и событий на Болотной площади.

Показатель ЭЧП точно так же, как и показатель ННІ, демонстрирует негативную динамику. С каждым новым созывом индекс Лааксо – Таагепера снижался, а уровень концентрации рынка был умеренным лишь в 2012 г., в остальных случаях цифры указывали на высокую концентрацию политического рынка.

В думе г. Саянска складывается практически аналогичная ситуация. На последних выборах в 2022 г. нового созыва в его состав вошло 19 представителей партии «Единая Россия» и 1 самовыдвиженец. В 2017 г. депутатами местной думы стали: 17 представителей партии «Единая Россия», 2 – КПРФ и 1 – самовыдвиженец. Дума IV созыва формировалась по смешанной избирательной системе: 10 депутатов

избирались по мажоритарной, остальные 10 – по партийным спискам. Большая часть мандатов вновь досталась членам партии власти (13), остальная часть распределилась между представителями от КПРФ (2), ЛДПР (4) и одним независимым кандидатом. Рассматриваемые нами индексы имеют схожую динамику, как и в Бодайбо.

В плоскости «авторитаризм – демократия» была использована видоизмененная для муниципального уровня методика инструментальной оценки демократичности Н. В. Петрова³ и А. С. Титкова. Полученные данные от 25 региональных экспертов позволяют сделать вывод о наличии более мягкого политического климата в г. Саянске, чем в Бодайбо, однако разница не критичная.

Таким образом, в ходе проделанного анализа мы получаем два очень схожих между собой локальных политических режима. В каждом из рассматриваемых нами местных сообществ есть два сильных политических игрока в лице мэров, которые персонифицировали свою власть в местном сообществе. При этом, если относительно структуры власти в г. Бодайбо можно сделать вывод о сложившемся монопольном персоналистском режиме, где оси «консолидация» и «авторитаризм» совпадают, то экстраполировать эту же рамку на г. Саянск значительно сложнее. О. В. Боровский хоть и представлял собой автократа, консолидирующего власть в местном сообществе, однако экспертные оценки говорят о более «мягком авторитаризме» на местном уровне по сравнению с г. Бодайбо.

В заключение важно отметить, что использованные в работе исключительно количественные методы в условиях российской специфики сужают фокус восприятия и не позволяют сделать однозначные выводы о характере реализации власти на местном уровне. В связи с этим в последующих работах мы предлагаем обратиться еще и к качественным методам для более полного понимания установившихся режимных практик на локальном уровне.

Список литературы

1. Ананченков М. А. Методы изучения локальных политических режимов // Русская политология. 2022. № 2 (23). С. 113–116. URL: <https://clck.ru/39aSSi> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
3. Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 53. URL: <https://clck.ru/32dcRQ> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Признан иностранным агентом в Российской Федерации.

4. Льюкс С. Власть : Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 240 с. URL: <https://clck.ru/39TrGb> (дата обращения: 20.01.2024).

Local Political Regimes in Small Towns of the Irkutsk Region: Preliminary Results of the Study

М. А. Ananchenkov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper presents the preliminary results of a study of the formed local political regimes on the territory of the Irkutsk region in two small towns – in Bodaibo and Sayansk. The quantitative methods used for institutional analysis allowed us to draw conclusions about their lack in obtaining more complete information about the nature of power relations at the local level.

Keywords: political regime, power, local government, small towns, authoritarianism, democracy.

Ананченков Марк Александрович – студент 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ananchenkov-mark@rambler.ru

Ananchenkov Mark Alexandrovich – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ananchenkov-mark@rambler.ru

УДК 659.3

Медиапространство телеграм-каналов Иркутской области (на основе метода рейтинговой оценки)

С. В. Зайцев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отмечается, что развитие информационных технологий повлияло не только на скорость распространения информации, но и на способы и форматы ее потребления. Актуальные исследования медиапотребления жителей Российской Федерации показывают, что активный интерес к различным общественно-политическим вопросам наиболее характерен для пользователей интернета и, в частности, различных социальных сетей и мессенджеров. Особо отмечается рост интереса к информации социально-политической направленности среди аудитории платформы «Телеграм». Анализируются общественно-политические телеграм-каналы Иркутской области с использованием методов оценки эффективности.

Ключевые слова: «Телеграм», политические телеграм-каналы, медиапотребление, социальные медиа, политические коммуникации.

Влияние средств массовой коммуникации на различные сферы общественной жизни возрастает с каждым годом. Рекордные темпы внедрения в нашу жизнь различных инновационных технологий во-

влекают в процесс создания, обработки и передачи различной информации все большее количество людей. Деятельность в информационном пространстве уже давно стала неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Специалисты в области массовых коммуникаций объясняют растущую активность населения в информационном пространстве развитием информационных технологий и распространением сети Интернет.

Так, ежегодный отчет о состоянии российского цифрового пространства «Digital 2024: the Russian Federation» показывает, что по состоянию на начало 2024 г. 130,4 млн чел. (90,4 % населения страны) пользуются интернетом, а 106 млн россиян (73,5 %) имеют аккаунты в социальных сетях [11]. Широкое распространение современных технологий не только оказывает влияние на скорость распространения информации, но и трансформирует формат ее потребления.

На примере актуальных исследований медиапотребления жителей Российской Федерации мы можем проследить зависимость между источником информации и предпочтениями аудитории. В 2023 г. наиболее востребованными жанрами на телевидении были сериалы (29 %), развлекательные программы (17 %) и кино (13 %), социально-политические программы и новости заняли лишь четвертое и пятое места с результатом 12 и 11 % соответственно [9]. Предпочтения пользователей интернета распределяются следующим образом: видео – 18 %, социальные сети – 18 %, мессенджеры – 16 %, игры – 9 % и электронная коммерция (онлайн-покупки) – 4 % [7].

Активный интерес к темам социально-политической направленности в большей степени характерен для пользователей различных социальных медиа. Сочетание высокой скорости распространения информации с возможностью получения обратной связи от других пользователей превращают социальные сети в востребованные платформы политической коммуникации.

Наиболее интересным явлением в рамках изучения современной политической коммуникации представляется мессенджер «Telegram», по итогам прошлого года занявший 4-е место по среднесуточному охвату среди всех интернет-ресурсов в Российской Федерации (47 % населения пользуются им ежедневно). В жанровых предпочтениях аудитории «Telegram» прослеживается явный уклон в сторону информационно-политического направления: 20 из 30 наиболее популярных каналов посвящены данной тематике. Также стоит отметить, что востребованность информационно-политических телеграм-

каналов имеет корреляцию с повышением возраста аудитории, достигая наивысшего показателя в 97 % в возрастной группе 55+ [8].

Данные исследований позволяют нам говорить о том, что именно среди аудитории данного мессенджера наблюдается наибольший интерес к информации общественно-политического характера. Это делает особенно актуальным вопрос о возможности использования данного мессенджера для решения различных политических задач, а также ставит проблему поиска методов оценки эффективности работы различных каналов общественно-политического сегмента, функционирующих на данной платформе. Целью представленного в данной статье анализа является оценка эффективности работы общественно-политических телеграм-каналов Иркутской области.

В последние несколько лет изучение политических коммуникаций в «Телеграм» стало популярной темой среди российских исследователей. Изучению особенностей работы данного мессенджера посвящены работы В. Казанина [3], О. Ляховенко [6], Д. Соколовой [10]. Отдельным направлением исследований является анализ специфики работы телеграм-каналов в различных регионах Российской Федерации. Среди работ такого плана можно выделить анализ телеграм-каналов Республики Мордовия К. Дементьевой [2], Нижнего Новгорода А. Коданиной [5], также можно отметить работу М. Аникиной и К. Зуйкиной о районных телеграм-каналах г. Москвы [1].

Первым этапом исследования стало формирование выборки телеграм-каналов для дальнейшего анализа. Отбор производился согласно следующим критериям: тематическая направленность на общественно-политическую жизнь Иркутской области; канал должен быть открытым, активно функционировать на протяжении последнего полугодия; наличие не менее 1000 подписчиков; среднее количество постов в месяц в канале за анализируемый период должно составлять не менее 30. Для изучения был выбран период с января 2023 г. по февраль 2024 г. На основе представленных критериев нами была сформирована выборка из 34 телеграм-каналов. Эмпирической базой исследования выступил сервис TGStat [4].

Далее был проведен анализ контента объектов исследования в соответствии с представленной типологией (табл. 1), что позволяет нам более объективно отразить формат работы канала и предпочтения аудитории.

Классификация телеграм-каналов

Тип телеграм-канала	Критерии		
Агрегатор	Не менее 45 % контента данного канала составляют репосты		
Новостной	Доля репостов не превышает 45 % от общего количества постов, публикуемых в канале	Существенная часть постов, публикуемых в канале, написаны в нейтральном стиле	Контент канала построен на отражении факта произошедших событий
Авторский	75 % постов данного канала являются уникальными	Автор канала публичен. Контент канала является отражением его личного мнения	Контент канала имеет определенную тематическую направленность
Бренд-медиа	75 % постов данного канала являются уникальными	Существенная часть постов несет в себе оценочное суждение	Контент канала отражает определенную ценностную (идеологическую) позицию авторов

На основе данных сервиса TGStat нами был построен индекс политического потенциала. Для этого мы взяли наиболее важные метрики для каждого канала, такие как количество подписчиков, индекс цитируемости, средний охват публикации, вовлеченность подписчиков (ERR) и процент уникальных постов. Затем каждый параметр был взвешен с помощью коэффициента важности (W), исходя из того, какую роль данный параметр должен играть в индексе. В данном случае были выбраны следующие коэффициенты важности:

- W_1 для количества подписчиков: 0,3 – данный показатель отражает место канала в медиасреде;
- W_2 для индекса цитируемости: 0,2 – данный показатель отражает авторитет канала в данной медиасреде;
- W_3 для среднего охвата публикаций: 0,2 – данный показатель позволяет оценить масштабы воздействия медиасообщений;
- W_4 для вовлеченности участников: 0,15 – данный показатель отражает заинтересованность пользователей в информации от данного источника;
- W_5 для процента уникальных постов: 0,15 – данный показатель позволяет нам выделить источник из общей массы, что способствует привлечению новой аудитории.

Сумма всех весов = 1.

Таким образом, мы получаем следующую формулу:

Индекс политического потенциала = (количество подписчиков · w1) + (индекс цитируемости · w2) + (средний охват одной публикации · w3) + (вовлеченность участников · w4) + (процент уникальных постов · w5).

На основании представленной выше методологии нами был построен рейтинг телеграм-каналов Иркутской области (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг телеграм-каналов Иркутской области⁴

Место	Название	Индекс	Тип
1	Приангарские думы	9975	Новостной
2	Байкал без фильтров	8352	Новостной
3	Откидач. Иркутск. Сибирь. Россия	7426	Авторский
4	Люди Байкала	5606	Бренд-медиа
5	IRK.ru Новости Иркутска и Приангарья	4794	Новостной
6	IrCity.ru Новости Иркутска	4449	Новостной
7	ВЕСТИ-ИРКУТСК	3125	Новостной
8	Шишкин лес live	2940	Агрегатор
9	Иркутск политический	2822	Агрегатор
10	АИСТ ТВ	2709	Новостной
11	Дядя Миша DT	2233	Авторский
12	Иркутский блог	2172	Бренд-медиа
13	Иркутск. Бабр. Дальше некуда	2142	Бренд-медиа
14	Красный Иркутск	1854	Новостной
15	Ангарский коррупционер	1678	Агрегатор
16	Ангара	1408	Агрегатор
17	Около Байкала	1378	Агрегатор
18	Верблюд в огне	1328	Новостной
19	Ангарский сплетник	1301	Агрегатор
20	Сарма	1296	Бренд-медиа
21	НТС Иркутск новости	1216	Новостной
22	АКТИС. Ангарск и Приангарье	1191	Новостной
23	Говорит Степанов	1142	Авторский
24	КП-Иркутск. irk.kp.ru	1059	Новостной
25	Байкальский баклан	927	Новостной
26	БГ Иркутск	825	Новостной
27	Байкальский писыч	796	Агрегатор
28	Типичный Иркутск	746	Новостной
29	Планета Железяка	645	Новостной
30	Невозмутимый Иркутск	609	Новостной
31	Спецкорр	576	Новостной

⁴ Рейтинг построен на основе индекса политического потенциала. При анализе учитывался период с 01.01.2023 по 29.02.2024.

Место	Название	Индекс	Тип
32	Иркутск анархистский	568	Бренд-медиа
33	Усолье в кубе	536	Новостной
34	Альтаир Иркутск	399	Агрегатор

На основании данного рейтинга мы можем утверждать, что в медиапространстве Иркутской области представлены все типы телеграм-каналов. Так, в топ 10 рейтинга вошли: 6 новостных, 2 агрегатора 1 бренд-медиа и 1 авторский канал. При анализе данных можно заметить разницу между типом канала и участием аудитории. Самые низкие показатели вовлеченности аудитории демонстрируют агрегаторы, а самые высокие – авторские телеграм-каналы и бренд-медиа.

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что медиапространство телеграм-каналов Иркутской области достаточно крупное и включает в себя множество разнотипных каналов. При этом отличительной особенностью иркутского телеграм-сообщества является слабое взаимодействие между различными каналами. Данная особенность видится нам причиной многих конфликтов и последующих обвинений в ангажированности тех или иных авторов.

На наш взгляд, подобная атомизация существенно снижает потенциал телеграм-каналов как эффективного инструмента политической коммуникации. В данной ситуации возрастает роль авторских телеграм-каналов и бренд-медиа, которые пользуются повышенным вниманием со стороны аудитории и обладают авторитетом в медиасреде, что позволяет нам говорить о возможности их использования в качестве агента политической коммуникации.

Список литературы

1. Зуйкина К. Л., Аникина М. Е. Районные Telegram-каналы Москвы: опыт контент-аналитического исследования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 6(48). С. 87–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rayonnye-telegram-kanal-y-moskv-y-opyt-kontent-analiticheskogo-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 13.03.2024).
2. Дементьева К. В. Развитие Telegram-каналов в медиапространстве российских регионов: специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов Республики Мордовия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2021. Т. 20, № 6. С. 131–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-telegram-kanalov-v-mediaprostranstve-rossiyskih-regionov-spetsifika-tipologiya-perspektivy-razvitiya-na-primere-telegram> (дата обращения: 13.03.2024).
3. Казанин В. Е. Телеграм-каналы как перспективная технология публичности власти // Вопросы политологии. 2017. № 3. С. 142–149. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29945694> (дата обращения: 13.03.2024).

4. Каталог Telegram-каналов и чатов // Россия-TGStat: сайт. URL: <https://tgstat.ru/> (дата обращения: 13.03.2024).
5. Коданина А. Л. Политико-коммуникационные особенности Telegram-каналов Нижнего Новгорода // Журналистика как важный фактор международного сотрудничества: векторы развития. 2018. С. 128–135. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32864549> (дата обращения: 13.03.2024)
6. Ляховенко О. И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 1. С. 114–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kanaly-v-sisteme-ekspertnoy-i-politicheskoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 13.03.2024).
7. Отчет об аудитории медиа в России // Mediascope: сайт. URL: https://mediascope.su/upload/iblock/f21/xyjbw9027e0o4w237oauwfgs70ioljvm/Mediatr_endy_May_2023_YA.Yeda.pdf (дата обращения: 13.03.2024).
8. Отчет об аудитории Telegram (Январь 2024) // Mediascope. URL: https://mediascope.su/upload/iblock/0c1/bkercpc19h48r7e0ifzioccun2qq2zhk/Telegram_otchet_yanvar_2024.pdf (дата обращения: 13.03.2024).
9. Отчет о медиапотреблении россиян в 2023 году // Mediascope. URL: https://drive.google.com/file/d/1cN9ZVWFP8ds3PTZLePluGEO_h5Bibvty/view (дата обращения: 13.03.2024).
10. Соколова Д. В. Дистрибуция медиаконтента в Telegram: трансформация стратегий СМИ и особенности площадки // Мировая журналистика: единство многообразия. 2018. Т. 2. С. 284–292. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35080787> (дата обращения: 13.03.2024).
11. Digital 2024: The Russian Federation // Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation> (дата обращения: 13.03.2024).

The Media Space of the Telegram-Channels in the Irkutsk Region (Based on the Rating Method)

S. V. Zaytsev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The development of informational technologies has influenced not only the speed of the dissemination of information, but also the ways and formats of its consumption. Current research on the media consumption of residents of the Russian Federation shows that active interest various socio-political issues is most typical for internet users, and in particular, various social networks and messengers. The growth of interest in socio-political information among the audience of the Telegram platform is particularly noted. The author analyzes the socio-political Telegram-channels of the Irkutsk region using efficiency assessment methods.

Keywords: Telegram, political Telegram-channels, media consumption, social media, political communications.

Зайцев Семён Владимирович – студент 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: itirkutsk@mail.ru

Zaytsev Semyon Vladimirovich – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: itirkutsk@mail.ru

Образ Сибирского макрорегиона в информационном поле германоязычных государств

Д. С. Ищенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены основные факторы, влияющие на формирование образа региона в информационном поле ряда европейских государств. Описаны методы исследования и результаты содержательно-лингвистического анализа, полученного при помощи компьютерных технологий. Приведены показатели образов Сибирского макрорегиона в хронологической последовательности за 2020–2023 гг.

Ключевые слова: образ региона, показатели восприятия, темы публикаций, медийное поле.

В современном мире образ региона играет одну из ведущих ролей в формировании восприятия национального государства. Наибольшее значение в складывании образа могут иметь такие факторы, как представление о менталитете населения, вопросы экономики, образования и науки, а также культуры, здравоохранения и спорта. Данное исследование посвящено изучению наиболее узнаваемых образов отдаленных территорий российского государства в информационном поле Германии, Австрии и Швейцарии. Цель работы – анализ электронных средств массовой информации упомянутых европейских стран.

Говоря о методах исследования, был составлен информационный массив новостных данных за 2020–2023 гг. ($n = 100$). Основными тегами для поиска нужной информации послужили запросы Russland, Sibirien (Ferner Osten). Были выбраны следующие издания: Der Spiegel, Bild, Focus, WELT, ZEIT ONLINE (Германия); Wiener Zeitung, Neue Freie Zeitung, Die Presse, Salzburger Nachrichten, Heute (Австрия); Nau.ch, Le Temps, Le Matin, Tages-Anzeiger, Neue Zürcher Zeitung (Швейцария).

Содержательно-лингвистический анализ, полученный посредством использования программы Sentiment Strength (версия 2.3), позволил выделить основные аспекты складывания образа Сибирского макрорегиона. Во-первых, географическое положение Сибири в германоязычных СМИ определяется без существенного разделения на Урал, Сибирь и Дальний Восток. Во-вторых, зачастую макрорегион интерпретируется изданиями как символический атрибут России в це-

лом (дословно, «отношения между Россией и Америкой на современном этапе переживают холодную стадию, такую, как сибирская зима»).

В целом же наиболее распространенными для публикаций в СМИ являются темы, связанные с политикой – 26 новостей (преследование оппозиционера Навального⁵, акцентирование внимания на успешной деятельности партии «Единая Россия» на региональных выборах, критика внутренней политики правительства Российской Федерации на данных территориях); климатом – 21 новость (акцентирование внимания на вечной мерзлоте в Якутии, влиянии климатических процессов Сибири на изменение погоды в Европе, а также глобальное потепление). 18 новостей повествует о региональной специфике (археологические находки, зомби-вирусы и высокая активность медведей); 14 новостей посвящено армии (в основном воинским учениям, дислокации стратегического вооружения и участию сибирских формирований в СВО); 13 – природным ресурсам (нефти и газу) и 8 – вопросам экономики и туризма.

Обработка информационного массива позволила определить контекст интерпретации новостей источников западных СМИ в диапазоне [-5; 5]. Наиболее позитивный след в образе Сибири в Германии формирует информационное издание ZEIT ONLINE (2 положительные оценки с индексом 4), наиболее негативный – в газете Focus (3 отрицательные оценки с индексом -5). Общий показатель восприятия Сибири в информационном поле Германии в диапазоне [-5; 5] – (-1,98) [1-4; 13; 15] (рис. 1).

Говоря об Австрии, мы можем отметить наиболее позитивную риторику у издания Wiener Zeitung (2 положительные оценки с индексом 5), наиболее негативную – у Heute (6 отрицательных оценок с индексом -5). Общий показатель в поле Австрии – (-2,17) [6; 9; 12; 14] (рис. 2).

Переходя к Швейцарии, мы можем отметить, что в наиболее положительном аспекте формирования образа выступает газета Le Temps (1 положительная оценка с индексом 2), в наиболее отрицательном – издание Nau.ch (1 отрицательная оценка с индексом -5). Общий показатель в информационном поле Швейцарии составляет (-2,74) [5; 7; 8; 10; 11] (рис. 3).

⁵ Алексей Навальный внесен в перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

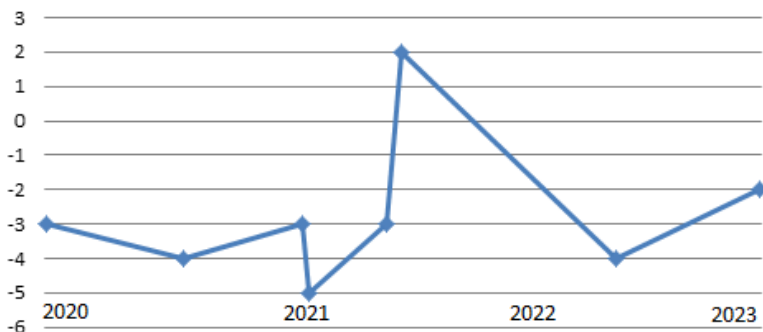

Рис. 1. Среднее восприятие Сибири в информационном поле Германии в хронологической последовательности

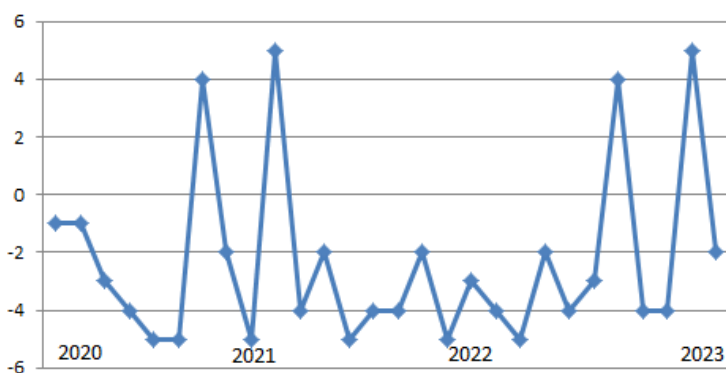

Рис. 2. Среднее восприятие Сибири в информационном поле Австрии в хронологической последовательности

Подводя итог, мы видим общую динамику образа Сибири в информационном поле ФРГ, Австрии и Швейцарии. Отрицательные аспекты образа региона сформированы из-за политических событий, климатических изменений, военной инфраструктуры. Положительные стороны макрорегиона сформированы прежде всего наличием полезных ископаемых, древних стоянок человека, а также экономическим потенциалом. Общий показатель в совокупности трех государств составляет $(-2,29)$ в диапазоне $[-5; 5]$ (рис. 4).

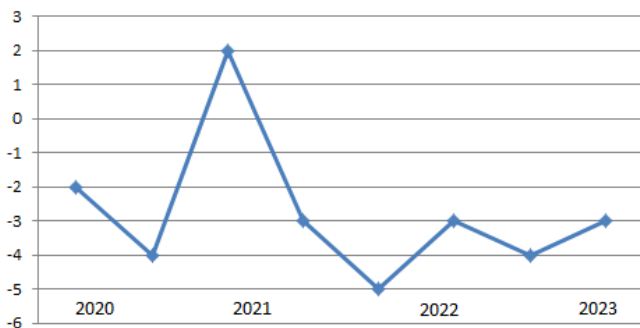

Рис. 3. Среднее восприятие Сибири в информационном поле Швейцарии в хронологической последовательности

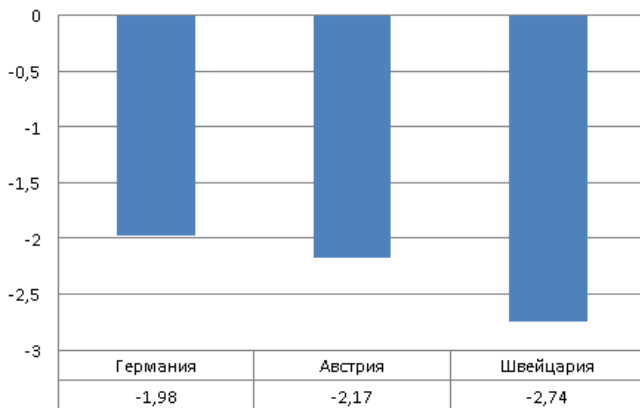

Рис. 4. Образ Сибирского макрорегиона в сравнении с германоэтничными государствами

Как видим, образ Сибири в информационном поле перечисленных государств складывается в качестве региона общего неблагополучия, подкрепленном экономическими, политическими и климатическими проблемами. Вполне вероятно, что данные государства были бы заинтересованы в улучшении условий проживания в Сибири по причине наличия в этом регионе (в частности, в Иркутской области) субэтнической группы «российских немцев». Помимо этого, негативные эмоции добавляет прекращение поставок сибирской нефти и газа, ставшее ответом на введение антироссийских санкций после начала специальной военной операции.

Исследование выполнено в Институте географии СО РАН им. В. Б. Сочавы (г. Иркутск).

Список литературы

1. Bild. URL: <http://www.bild.de> (date of access: 15.03.2024).
2. Der Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de> (date of access: 15.03.2024).
3. Die Presse. URL: <https://www.diepresse.com> (date of access: 15.03.2024).
4. Focus. URL: <https://www.focus.de> (date of access: 15.03.2024).
5. Nau.ch. URL: <https://www.nau.ch> (date of access: 15.03.2024).
6. Heute. URL: <https://www.heute.at> (date of access: 15.03.2024).
7. Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch> (date of access: 15.03.2024).
8. Le Matin. URL: <https://www.lematin.ch> (date of access: 15.03.2024).
9. Neue Freie Zeitung. URL: <https://nfz.fpo.e.at> (date of access: 15.03.2024).
10. Neue Zürcher Zeitung. URL: <https://www.nzz.ch> (date of access: 15.03.2024).
11. Tages-Anzeiger. URL: <https://www.tagesanzeiger.ch/newest> (date of access: 15.03.2024).
12. Salzburger Nachrichten. URL: <https://www.sn.at> (date of access: 15.03.2024).
13. WELT. URL: <http://www.welt.de> (date of access: 15.03.2024).
14. Wiener Zeitung. URL: <https://www.wienerzeitung.at> (date of access: 15.03.2024).
15. ZEIT ONLINE. URL: <https://www.zeit.de> (date of access: 15.03.2024).

Image of the Siberian Macroregion in the Information Field of German-Ethnic States

D. S. Ishchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the main factors influencing the formation of the image of the region in the information field of a number of European countries. The research methods and results of the content-linguistic analysis obtained using computer technologies are described. The indicators of the images of the Siberian macroregion are given in chronological order for 2020–2023.

Keywords: image of the region, perception indicators, publication topics, media field.

Ищенко Дмитрий Сергеевич – студент 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: dmitru.ischenko.2003@yandex.ru

Ishchenko Dmitrij Sergeevich – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: dmitru.ischenko.2003@yandex.ru

Идеи сибирского областничества в политической культуре населения Иркутской области

Д. Н. Чекалова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлены результаты анкетирования жителей Иркутской области, направленного на выявление степени отраженности идей областничества в политической культуре ($n = 307$). Сделаны выводы о значительном влиянии политико-культурной концепции областничества на развитие сибирской идентичности.

Ключевые слова: областничество, неособластничество, регион, Сибирь, политическая культура, идентичность.

Сибирское областничество – это общественное течение, ставящее целью всестороннее развитие Сибири, но противопоставляющее при этом Сибирь Европейской России [1, с. 104]. Идеологи движения стремились к достижению государственного строя, при котором будет реализован принцип самодостаточного развития региона. В зависимости от подходов предполагалась либо организация отдельного государства, либо развитие гармоничного федеративного государства, дающего равные возможности для равномерного развития Сибири и остальных регионов.

Стоит отметить, что сепаратизм и крайние формы проявления областничества не являются популярными, но тема увеличения региональной самостоятельности и интеграции сибирских регионов важна для понимания политических процессов [4, с. 37]. Поэтому не стоит рассматривать сибирское областничество узко как сепаратизм, многое из того, что было описано «областниками» в конце XIX в., остается актуальным, поскольку феномен затрагивает вопрос социально-экономических характеристик развития региона, включая выработку концептуальных принципов региональной политики.

Современное областническое движение называется неособластничеством, оно представлено целым рядом групп различной направленности и степени умеренности, западной и восточной ориентации [3]. На основе анализа печатных материалов газеты «День Сибири» (являлась одной из основных площадок распространения областничества в регионе) можно выделить следующие критерии регионального неособластничества:

1) постоянное обращение к сибирской идентичности, сибирскому происхождению;

- 2) необходимость развития науки и образования для остановки оттока специалистов;
- 3) развитие местного самоуправления;
- 4) противопоставление региона и федерального центра;
- 5) становление экономической самостоятельности региона и развитие внутреннего рынка;
- 6) негативное отношение к деятельности крупных федеральных компаний;
- 7) сохранение природного комплекса территорий.

Можно заметить, что сама повестка иркутских неособластников мало чем отличается от идей классической версии. Выделяется седьмой пункт, который акцентирует внимание на сохранении заповедной территории Байкала и других природных объектов области. Однако и здесь прослеживается преемственность, поскольку областники в XIX в. также уделяли большое внимание природному фактору как основе экономического развития и благополучия региона [3].

Формирование регионального областничества предполагает существование особого культурного кода, который напрямую связан с определением территориальной идентификации. Это явление предстает «как результат когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона» [2, с. 192]. То есть региональная идентичность опирается не только на географический фактор, но и выстраивает эмоциональный образ малой родины, который содержит определенные представления о пути развития региона.

Выделенные факторы регионального неособластничества позволяют понять, оказывает ли это влияние на политическую культуру и самоопределение жителей сегодня. Представленные выше критерии являлись основанием для формулировки вопросов, которые были заданы респондентам. За основу было взято анкетирование 307 жителей Иркутской области (Иркутск – 112, Ангарск – 100, Усолье-Сибирское – 48, другие – 47).

Сначала необходимо было выявить градацию национальной, региональной и локальной идентичностей респондентов. По результатам опроса среди нерусского населения сибирская идентичность имеет меньшую значимость, чем национальный и локальный уровень [4, с. 42]. На вопрос «Кем Вы себя больше всего ощущаете: рос-

сиянином, сибиряком или представителем своей национальности?» 186 чел. (60,6 %) охарактеризовали себя в первую очередь как россиян, 83 жителя (27 %) отметили свою национальность и только лишь 38 респондентов (12,4 %) поставили характеристику «сибиряк» на первое место. Большая часть выделивших прежде всего сибирскую принадлежность (30 из 38 чел.) относится к возрастной категории от 20 до 35 лет, т. е. молодежь, основным мотиватором для ответа на вопрос стала «любовь к малой родине и желание жить и развиваться в регионе».

На второе место 156 респондентов (50,8 %) поставили бы национальность, 95 чел. (30,9 %) отнесли бы себя к россиянам, а 56 (18,3 %) – к сибирякам. При этом более распространенной связкой характеристик оказалась «россиянин – национальность», 220 участников (71,7 %) выделили их в качестве главенствующих, 64 чел. (20,8 %) отметили позиции «россиянин» и «сибиряк» вместе, 23 (7,5 %) – свою национальность и принадлежность к региону. Это говорит о преобладании общенациональной государственной идентичности среди опрошенных, однако сибирская идентичность также имеет место быть и встроена в общегосударственную систему взглядов, поскольку чаще всего упоминалась именно с принадлежностью к государству.

Для определения степени знакомства респондентов с феноменом областничества был задан следующий вопрос: «Знакомы ли Вы с идеями сибирского областничества?» Только 42 чел. (13,7 %) ответили утвердительно, большая же часть (168 чел., 54,7 %) ответила «нет», остальные слышали о явлении, но не ознакомлены. Можно увидеть, что областничество как политическая концепция не распространена среди масс, в результате и его проявления в своей радикальной форме сепаратизма мало актуальны. В целом ситуация, в которой находится современное областничество, схожа с положением областников в конце XIX в.

Следующий вопрос был направлен на выяснение экологической ситуации в регионе, так как по ощущениям респондентов экология является важным аспектом в программах неособластников, где акцентируется внимание на неудовлетворительной экологической ситуации в регионе из-за его ресурсной эксплуатации и неграмотной политики. Участникам было предложено оценить экологическую ситуацию по шкале от 1 до 5 баллов, где 5 – очень хорошая, а 1 – очень плохая. В результате преобладает более позитивная оценка: 158 чел. (51,5 %) поставили 4 балла, 16 чел. (5,2 %) поставили 5 баллов, 92 респондента (30 %) высказались более нейтрально, оценив ситуа-

цию в 3 балла, только лишь малая часть высказалась негативно об экологии в регионе – 33 чел. (10,7 %) охарактеризовали экологию на 2 балла, а 8 (2,6 %) – на самую низкую оценку. Стоит отметить, что чаще всего негативная оценка преобладала в Ангарске и Усолье-Сибирском, что связано прежде всего со спецификой индустриального развития данных городов.

Один из способов развития региона, по мнению областников, заключается в развитии местного самоуправления, в рамках которого «в достаточной мере будет обеспечено развитие местных особенностей Сибири» [5, с. 50]. Степень развитости принципов самоуправления была оценена следующим образом: хорошо развиты – 60 (19,5 %), в целом развиты – 186 (60,6 %), скорее не развиты – 22 (7,2 %), не развиты – 15 (4,9 %), меня не интересует – 24 (7,8 %).

Важной является и эффективность в решении социально-экономических проблем, поскольку от этого напрямую зависит развитие радикальных идей, требующих изменений. С помощью оценочной шкалы можно выделить, что около половины удовлетворены или частично удовлетворены текущими механизмами работы (26 чел. (8,5 %) оценили на 5 баллов, 133 (43,3 %) – на 4 балла), 115 чел. (37,5 %) придерживаются нейтральной оценки по отношению к этому вопросу, остальные же оценивают в негативном ключе.

Областники подчеркивали значимую роль федерального центра в развитии региона. На основе выделенных факторов респондентам необходимо было определить влияние федерального центра на региональную политику. Этими определяющими факторами выступили:

1) реализация принятия решений – совместно с региональными органами государственной власти или самостоятельно федеральными органами;

2) участие субъектов федерации в разработке и осуществлении федеральной политики;

3) степень делегирования полномочий федеральным центром.

Было получено следующее: влияние сильно существенно – 88 (28,7 %), скорее существенно – 157 (51,1 %), скорее не существенно – 28 (9,1 %), не существенно – 34 (11,1 %). Таким образом, выделенный областниками фактор значительной роли федерального центра во внутренней политике региона сохраняют свою актуальность.

Заключительный вопрос был направлен на выяснение факта распространенности радикальных идей областничества: «Насколько существенна, по Вашему мнению, проблема стремления Сибири к автономии или отделению?» Малая часть ответила, что проблема

является очень существенной (7 (2,3 %) из 307 опрошенных), 41 чел. (13,4 %) – довольно существенной. Стоит отметить, что больше половины из суммы двух этих категорий (33 чел.) выделили внешнеполитический аспект данного вопроса, т. е. угрозу возможного вмешательства со стороны других государств, в целом такая мотивация ответов соотносится с мировой ситуацией и ролью России в ней. Лишь 5 чел. отметили фактор внутреннего сепаратизма, опираясь на опыт 1990-х гг., выделяя негативную оценку данных процессов. Другие респонденты не смогли охарактеризовать причину возможной угрозы, однако большинство все же не выделяет возможность возникновения данного вопроса, 131 чел. (42,7 %) отметил как проблему несущественную, а 87 чел. (28,3 %) – как малосущественную, остальные затруднились ответить. Данные результаты также подтверждают неактуальность идей радикального областничества.

В отечественной политической мысли областничество расположено в некоторой степени в стороне от политических теорий, которые определяли идеологическую картину России XIX–XX вв. [2, с. 192]. Областничество не оформилось в политическое движение в строгом понимании ввиду, во-первых, малочисленности и непринятия идей среди масс, а во-вторых, из-за отсутствия строгой программы действий или какой-то доктрины. Часто акцент делается на рассмотрении областничества в качестве локального конфликта центра и периферии, «не заслуживающего никакого внимания и не имеющего самостоятельной теоретической базы для развития» [2, с. 206]. Однако нельзя отрицать и то влияние, которое оказала идея областничества, так как многое из выделенного тогда остается важным для развития региона и сегодня. Из-за широкого охвата и актуальности этих проблем сложно соотнести выделенные критерии с ведением конкретно областнических идей, вынося их уже на более широкую региональную повестку.

Стоит отметить слабую заинтересованность и влияние на современное население неособластнических идей, однако отдельные проблемы этого идеологического движения постоянно присутствуют в политической региональной повестке безотносительно самого феномена сибирского областничества.

Список литературы

1. Головинов А. В. Идеология сибирского областничества: синтез политической программы и культурной платформы // Вестник Томского государственного университета. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 103–107.

2. Бакшеев А. И. Сибирское областничество: XIX – начало XX // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 192–206.

3. Елгина О. А. Сибирское областничество: сепаратизм или интеграция? // Проблемы современных социокультурных исследований: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 27 октября 2020 г. Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 34–37.

4. Фартышев А. Н., Размахина Ю. С., Клепиков И. А. Локальные этнические сообщества и политика: восприятие власти у сойотов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 36–45. DOI 10.26516/2073-3380.2023.43.36.

5. Шишкин В. Сибирское областничество в контексте революционных событий: марта-октября 1917 года // Acta Slavica Iaponica. Sapporo: Hokkaido University, 2015. N 37. P. 47–71.

The Ideas of Siberian Regionalism in the Political Culture of the Population of the Irkutsk Region

D. N. Chekalova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The main ideas of Siberian regionalism are considered, the key features of regional neo-regionalism are highlighted. The results of a survey of residents of the Irkutsk region aimed at identifying the degree of reflection of the ideas of the regionalism in political culture are presented. The influence of the political and cultural concept of regionalism on the development of Siberian identity is revealed. The thinkers of the oblastichesvo emphasized the development of an original culture and the peculiarities of the region.

Keywords: oblastichesvo, neooblastichesvo, region, Siberia, political culture, identity.

Чекалова Дарья Николаевна – студентка 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: chekaova@yandex.ru

Chekalova Darya Nikolaevna – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: chekaova@yandex.ru

Особенности парламентских выборов в присоединенных регионах России в 2023 г.

Д. Н. Филиппов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются результаты выборов, проходивших в сентябре 2023 г. в законодательные власти регионов, присоединенных к России в 2022 г., и причины, по которым именно эти результаты были достигнуты. Предполагается, что выборы в новых регионах являлись показателем легитимности российской власти.

Ключевые слова: присоединенные регионы, политические партии, выборы, референдум, явка избирателей.

30 сентября 2022 г. в состав России вошли четыре новых субъекта: Донецкая и Луганская народные республики (соответственно ДНР и ЛНР), Херсонская и Запорожская области. С постепенной интеграцией в Россию новые регионы стали частью ее политической системы, а получившие российское гражданство жители – объектами политической системы. Одной из таких интеграций стали выборы в законодательные ветви власти в единый день голосования, проходивший в период с 8 по 10 сентября 2023 г. Данные выборы стали для регионов первыми в рамках политической жизни России.

Присоединенные регионы стали новым полем конкуренции между основными политическими партиями России, которые спустя несколько недель начали открывать местные отделения – городские и региональные. К примеру, правительственная фракция «Единая Россия» открыла свои отделения в регионах 6 октября 2022 г. после ратификации договоров и законов Федеральным Собранием [1].

Тема новых регионов в политической повестке России озвучивается политическими партиями неспроста: продолжение специальной военной операции (СВО) на Украине, защита русского населения и их поддержка на освобожденных территориях стали отличным поводом увеличения числа как активистов, так и электората для политических партий. Партии активно использовали данную возможность, особенно в предвыборной кампании. И, несмотря на идеологические различия и предвыборную гонку в 2023 г., партии были едины в одном аспекте – в необходимости устранения в присоединенных регионах последствий военных действий.

Фракции в рамках политико-социальной интеграции присоединенных субъектов в Россию оказывали помощь новым соотечествен-

никам в послевоенном восстановлении – как гражданскому населению, так и военнотружашим – посредством предоставления гуманитарной помощи, повышая долю пророссийски настроенных граждан. Так, партией «Единая Россия», имеющей колоссальный административный ресурс, было открыто более 40 гуманитарных центров. Остальные партии – ЛДПР, КПРФ и СРЗП – определили свои задачи в таких направлениях, как юридическая помощь в получении социальных услуг, патриотическая работа и улучшение качества жизни в регионах [3].

В таблице представлены результаты в парламентские выборы присоединенных регионов. Во всех четырех регионах победу одержала партия «Единая Россия», набрав наибольшее количество голосов для вхождения в органы законодательной власти. Примерно равное количество мест получили ЛДПР и КПРФ. «Новые люди» смогли получить представительство только в Народном совете ДНР – четыре мандата. А СРЗП получила от одного до двух мест во всех регионах, кроме ДНР. В целом результаты выборов в регионах кардинально не отличаются от выборов в остальных регионах России. Оппозиционные партии, отличающиеся идеологической направленностью, имели возможность получения более лучших результатов, используя актуальные для русского населения на территориях бывшей Украины нарративы.

Таблица

Распределение депутатов по законодательным властям присоединенных регионов в ходе выборов в сентябре 2023 г.

Регионы	Законодательная власть	Количество депутатов законодательной власти	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые люди	Явка избирателей, %
Донецкая Народная Республика	Народный совет	90	74	6	6	–	4	76,41
Запорожская область	Законодательное собрание	40	34	2	2	2	–	63,25
Луганская Народная Республика	Народный совет	50	39	4	5	2	–	71,09
Херсонская область	Областная дума	36	28	4	3	1	–	64,25

Ситуация, связанная с явкой избирателей, оказалась следующей. В парламентских выборах присоединенных регионов участвовали жители с гражданством России, быстрому получению которого способствовал Указ Президента РФ Владимира Путина об упрощенном получении российского гражданства жителями Украины, ДНР и ЛНР [4]. Фактическая граница регионов совпадала с линией боевых действий – голосование проходило на территориях, закрепленных Вооруженными силами Российской Федерации в условиях военного положения [2]. Несколько избирательных участков были подвержены атакам украинских вооруженных сил. Но, несмотря на украинские диверсии и саботаж в период голосования, выборы прошли успешно. Явка избирателей оказалась намного выше, чем в остальных регионах России [7]. К примеру, на выборах в Законодательное Собрание Иркутской области она оказалась одной из самых низких среди регионов России и составила 22,8 % [6], а в соседней с новыми регионами Ростовской области – 39,5 % [5]. Причина высокой явки в присоединенных регионах заключается в желании жителей регионов участвовать в политической жизни России [7].

Подводя итоги, важно отметить тот факт, что российское правительство, несмотря на неполное освобождение новых территорий, стремилось придать парламентским выборам полную легитимность и продемонстрировать фактическое закрепление политической власти в присоединенных регионах. Помимо того факта, что российское правительство будет отстаивать свои новые территории, несмотря на непризнание всеми странами мира, партия «Единая Россия» заинтересована в закреплении своих позиций в присоединенных регионах в условиях СВО и лишении позиций оппозиционными партиями. С учетом кооперации российских политических партий в присоединенных регионах их деятельность направлена на привлечение новых граждан России к активному участию в политической жизни страны и снижение доли проукраински настроенных граждан в регионах.

Список литературы

1. «Единая Россия» создала региональные отделения в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях // Единая Россия : сайт. URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-sozdala-regionalnye-otdeleniya-v-dnr-lnr-hersonskoj-i-zaporozhskoj-oblastyah> (дата обращения: 09.03.2024).
2. Организация выборов в новых регионах в 2023 году // ТАСС: информ. агентство. URL: <https://tass.ru/info/18678417> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Партии займутся законами и «патриотической работой» в новых регионах // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2022/63483c359a794702b4d7dccb?ysclid=ltgf6qnsx814078480> (дата обращения: 11.03.2024).

4. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»: указ Президента Российской Федерации от 11.07.2022 № 440 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48036> (дата обращения: 11.03.2024).

5. Явка на 18:00 // Избирательная комиссия Ростовской области: сайт. URL: <http://www.rostov избирком.ru/news/14953/> (дата обращения: 10.03.2024).

6. Явка на выборах в Заксобрание Иркутской области на 18:00 составила 22,8 % // Твой Иркутск : сайт. URL: <https://www.irk.ru/news/20230910/new/> (дата обращения: 12.03.2024).

7. Тихонов А., Гаврилюк С. Явка на выборах в заксобрания новых регионов стала одной из самых высоких в России // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/11/994385-yavka-na-viborah-v-zaksobraniya-novih-regionov-stala-odnoi-iz-samih-visokih-v-rossii?ysclid=ltll8zn58n330747799> (дата обращения: 10.03.2023).

The Features of Parliamentary Elections in the Attached Regions of Russia in 2023

D. N. Philippov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the elections held in September 2023 to the legislative authorities of the regions annexed to Russia in 2022. The results of the elections and the reasons why these results were achieved are considered. It is assumed that the elections in the new regions were an indicator of the legitimacy of the Russian government.

Keywords: attached regions, political parties, elections, referendum, voter turnout.

Филиппов Дмитрий Николаевич – студент 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Chieftain2003@gmail.com

Philippov Dmitriy Nikolayevich – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Chieftain2003@gmail.com

Секция 3

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ

УДК 341.655

Санкции как вызов естественным монополиям в современный период

Е. Е. Блохина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отмечается, что в 2022 г. естественные монополии Российской Федерации столкнулись с санкциями со стороны западных стран, которые существенно ограничили возможности для их экономической деятельности. Актуальность исследования обусловлена проблемой эффективного характера взаимодействия власти и бизнеса в России в связи с кризисом и устранением его последствий. Изложены результаты исследования о готовности российского бизнеса противостоять негативному политическому воздействию со стороны других государств и другим вызовам современного периода.

Ключевые слова: естественные монополии, санкции, «Северный поток», «Российские железные дороги», ПАО «Газпром», «Транснефть», российский бизнес, государственная политика.

Первые экономические санкции со стороны группы западных стран в адрес Российской Федерации были введены в 2014 г. в связи с вхождением Республики Крым в состав России. Однако масштаб санкций, установленных Соединенными Штатами Америки и странами Евросоюза в конце февраля 2022 г., значительно превышает ограничения восьмилетней давности. Исследователь С. В. Казанцев в работе «Жизнь под санкциями» отмечает расширение круга государств-санкционеров и принятие законодательными органами этих государств законов, которые наделяют вводимые санкции юридической силой, что, по мнению автора, свидетельствует о продолжительном действии данных ограничений [3]. Если это действительно так, и санкционные ограничения будут носить долгосрочный характер, необходимо детально изучать этот вопрос, чтобы спрогнозировать их влияние на российскую экономику в дальнейшем и избежать неожиданных и неприятных последствий. Этот вопрос особо актуален для нашего исследования, так как санкции являются результатом

каких-либо политических действий со стороны государства, однако затрагивают непосредственно экономическую сферу и предпринимателей как одних из субъектов данного процесса. Цель исследования: проанализировать характер взаимоотношений государства и бизнеса в Российской Федерации в современный период, выявить методы борьбы российских естественных монополий с санкционными обстоятельствами.

Прежде чем перейти к рассмотрению влияния санкций на деятельность естественных монополий в современных реалиях, дадим определение самого понятия «санкции». Санкции – это меры принудительного воздействия (военного, экономического, политического и др.), применяемые по отношению к государству, части его территории или определенных лиц, нарушающих международные соглашения и свои международные обязательства [8].

С. В. Казанцев пишет, что санкции используются государствами не только с целью наказания других государств и их принуждения к соблюдению нарушенных норм и правил, но и для достижения своих политических, экономических, финансовых, идеологических и других целей, а также в качестве средства конкурентной борьбы [2].

Помимо этого, автор утверждает, что характер санкций 2014 и 2022 гг. во многом схож с политикой, применявшейся против Советского Союза в 1980-х гг. Причину этого С. В. Казанцев видит в сохранении слабых мест российской экономики – высокой зависимости от экспорта энергоресурсов и расходов бюджета на оборону и помощь другим странам. Поэтому в современные дни в качестве санкций против России активно используются такие методы, как препятствия строительству нефте- и газопроводов, попытки отказа от энергоресурсов, поставляемых российскими компаниями, приближение НАТО к границам Российской Федерации и ее окружение недружественными государствами, создание напряженности на границах России. Все эти действия имеют целью сокращение поступлений в государственный бюджет доходов физических и юридических лиц, а также создание внешних проблем для Российской Федерации.

Для нашего исследования наиболее интересны санкции экономического характера, введенные как против всего государства, так и против отдельных компаний, а именно против компаний-естественных монополий.

Для начала отметим отличительные свойства естественных монополий.

1. Достижение наибольшей эффективности компании в условиях отсутствия конкуренции.
2. Высокие барьеры входа на рынок, на котором действует компания-монополия.
3. Низкая эластичность спроса, обусловленная уникальностью продукции, производимой компанией-монополией.
4. Сетевой принцип управления региональными подразделениями и рынком соответственно.
5. Получение поддержки от государства благодаря реализации своей деятельности в стратегически важных для экономики страны отраслях.
6. Полное покрытие спроса на продукцию в своей отрасли рынка.
7. Действие исключительно согласно правовому режиму, направленному на регулирование и контроль их деятельности.
8. Возможность руководить процессом ценообразования и контролировать предложение.

Рассмотрим на примере ОАО «Российские железные дороги» (РЖД). В годовом отчете за 2021 г. компания затронула события после отчетной даты и описала риски и последствия санкций, введенных в 2022 г. Согласно статье из отчета, РЖД включено в санкционные списки таких стран, как США, Великобритания, Канада, Швейцария, Норвегия, а также стран Европейского союза [6]. В Соединенных Штатах действует запрет на осуществление операций с акциями и долговыми обязательствами компании. Ограничения также распространяются на организации, в которых РЖД владеет долей в 50 % и более от уставного капитала. Санкции Евросоюза включают в себя запреты на привлечение новых заимствований от европейских лиц, на участие европейских лиц в сделках с акциями компании, на публичное размещение акций, облигаций и иных инструментов на торговых площадках и биржах Евросоюза, а также на размещение на депозитах в европейских банках суммы свыше 100 тыс. евро. Со стороны Швейцарии действует запрет на регистрацию, обслуживание и продажу ценных бумаг, на операции с ними и другими финансовыми инструментами, на предоставление займов и принятие вкладов. На территории Канады активы компании заморожены, а любые формы взаимодействия с ней рекомендуется избегать. Исходя из этого, в отчете делается вывод о том, что осуществление платежей в иностранной валюте, связанных с финансовыми обязательствами компании, может быть существенно осложнено. Однако более конкрет-

ных заключений на момент написания отчета сделать еще не удалось, так как санкции только недавно вступили в силу [5].

Тем не менее о негативном воздействии введенных ограничений могут свидетельствовать многократные обращения компании «РЖД» к Совету ЕС по вопросу об отмене санкций. Согласно пресс-службе компании, первое обращение пришлось уже на июль 2022 г., т. е. примерно через 4 месяца с начала действия санкций. Спустя 3 месяца после подачи заявление не было рассмотрено, поэтому РЖД повторно обратилось в Совет ЕС в ноябре. В конце марта 2023 г. РЖД получило ответ, в котором сказано, что «применяемые в отношении ОАО «РЖД» санкции призваны максимизировать давление на правительство России» [5].

Таким образом, данная ситуация вновь подчеркивает величину потенциального воздействия бизнеса на государственные решения. Несмотря на то что в приведенном случае компания не совершает активных действий, она тем не менее влияет на политическую ситуацию в стране. В то же время этот пример показывает сложность вызова, перед лицом которого оказываются естественные монополии. Даже с их привилегированным положением в экономической системе они претерпевают существенные трудности и проблемы из-за санкционных ограничений.

Меры по сглаживанию сложившейся ситуации и поддержке бизнеса разных масштабов предпринимаются со стороны государства, в том числе в отношении компаний-монополий. Например, 22 декабря 2022 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Указ № 943 «О применении специальных экономических мер в сфере поставок природного газа в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», который включал в себя положение о том, что компания «Газпром» не будет выполнять те из обязательств по оплате газа лицам из недружественных стран, в которых цена превышает установленную кабмином границу. В отношении РЖД была применена мера докапитализации за счет средств Фонда национального благосостояния [4].

Несмотря на то что естественные монополии столкнулись с серьезными трудностями в реализации экономической деятельности в связи с введением санкций со стороны западных стран (о чем можно судить по мерам их поддержки со стороны государства и обращениям ОАО «РЖД» в Совет ЕС с просьбой пересмотреть решение о введенных ограничениях), сложившаяся ситуация также имеет и положительные стороны. Современные условия, в которых российские

крупные компании вынуждены действовать, подталкивают их к поиску новых возможностей, чего они, вероятно, не делали бы в иных обстоятельствах. К такому выводу приходит Д. О. Зубкова в работе «Воздействие санкций на деятельность газораспределительных организаций как субъектов естественной монополии» [1].

С одной стороны, автор замечает, что санкции во многом отразились там, где имеет место зависимость от импортного оборудования. С другой стороны, созданные санкционными ограничениями условия побуждают компании к освобождению от этой зависимости, а также к развитию импортозамещения и разработки собственных технологий. Газораспределительные организации начинают активно сотрудничать с отечественными поставщиками, чтобы обеспечить удержание стоимости своих услуг на досанкционном уровне. Согласно анализу Д. О. Зубковой, на территории Российской Федерации действуют предприятия, которые способны предоставить для прокладки газопроводов необходимые материалы высокого качества, соответствующие всем требованиям и стандартам [1].

Таким образом, результатом введения санкций может стать уменьшение зависимости от импортной продукции, а также возможность быстрого развития производства российской продукции. Использование импортозамещающих технологий в процессе газификации, программу которой определяет компания «Газпром» совместно с региональными властями, даст стимул к развитию промышленного сектора и обеспечит надежность поставок газа потребителям.

Говоря о влиянии санкций на деятельность газораспределительных организаций, нельзя обойти стороной диверсию на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2», произошедшую 26 сентября 2022 г. Основным акционером обоих проектов выступает российская компания «Газпром». После того, как со стороны Российской Федерации 22 февраля 2022 г. была признана независимость Луганской и Донецкой Народных Республик, власти Германии – основного потребителя газа, поставляемого по «Северному потоку-2» – заявили о приостановке сертификации газопровода. В мае 2022 г. руководство ПАО «Газпром» заявило о своем решении задействовать избыточные российские сухопутные газотранспортные мощности проекта «Северный поток-2» для развития газоснабжения регионов северо-запада России. В ночь на 26 сентября того же года с береговой площадки Nord Stream 2 AG зафиксировали падение давления на одной из двух ниток «Северного потока-2», что привело к взрыву и приостановке работы обоих газопроводов [6].

Санкции со стороны западных стран обострили ситуацию на «Северном потоке» еще до чрезвычайного происшествия. Алексей Миллер, заместитель председателя совета директоров ПАО «Газпром» и председатель правления ПАО «Газпром», в рамках своего выступления на панельной сессии «Мировой рынок нефти и газа сегодня и завтра» Петербургского международного экономического форума 2022 г. заявил о так называемой «санкционной запутанности», при которой санкции создают проблемы компаниям других стран, в том числе входящих в состав Европейского Союза. Из-за введения санкционных ограничений против ПАО «Газпром» в Канаде отказались ремонтировать и выдавать оборудование немецкой компании Siemens, которое использовалось на «Северном потоке». Несмотря на то что Германия официально не вводила санкции против компании «Газпром», ограничения со стороны других стран образовали препятствие для компании Siemens, никак не причастной к этим решениям [6].

Результатом произошедших событий стал существенный спад потребления газа в мире в 2022 г. По данным компании «Газпром», он составил 55 млрд м³. Падение, безусловно, связано с политической ситуацией на международной арене. В то же время стоит отметить, что основное сокращение потребления газа пришлось на государства Европейского Союза: там его объем составил 50 млрд м³. Это обстоятельство в том числе оказало негативное влияние на деятельность ПАО «Газпром», так как компанией был потерян один из основных «клиентов». Поэтому она была вынуждена переориентироваться на новых потребителей газа. Так, с декабря 2022 г. ведутся переговоры между Россией и Турцией о создании в последней международного газового хаба. Кроме того, ведется активная работа по проведению газопровода «Сила Сибири-2», который соединит Россию и Китай по территории Монголии. По словам Алексея Миллера, данный проект приумножит экспортный потенциал компании в направлении Азии.

Таким образом, компания «Газпром» выходит из искусственно созданных ограничений путем развития других проектов и поиска новых партнеров среди других стран. Тем не менее ситуация, связанная с диверсией на «Северном потоке-2», остается актуальной для компании. 14 марта 2024 г. со стороны Российской Федерации в Совет Безопасности ООН был подан запрос о заседании по взрывам на трубопроводах «Северный поток» и «Северный поток-2».

Об успехе процесса адаптации российских промышленных компаний к условиям санкций свидетельствует доклад ученых Высшей

школы экономики на тему «Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания», подготовленный для XXIV Ясинской международной научной конференции [7]. По данным исследования, из 65 % компаний обрабатывающей промышленности, столкнувшихся с негативным воздействием санкций, 28 % смогли воспользоваться новыми возможностями, среди которых рост доли на традиционных рынках, выход на новые рынки и ниши для продуктов, привлечение квалифицированных кадров. По сравнению с предыдущим серьезным кризисом, с которым столкнулся российский бизнес, – пандемией коронавируса – отечественные предприятия стали чаще проводить разработку новых продуктов и технологий, осуществлять реорганизацию систем управления и логистики, что говорит о положительном воздействии санкций 2022 г. Исследователи особо обратили внимание на размер выручки предприятий в 2022 г., который оказался не ниже 2019 г., когда российский бизнес находился в относительно стабильном состоянии.

Помимо этого, об успешном преодолении санкционных ограничений говорит интервью корпоративному журналу «Трубопроводный транспорт нефти» вице-президента ПАО «Транснефть» – еще одной действующей на территории РФ естественной монополии – Павла Ревель-Муроза. По словам Павла, «компания планирует заменить отечественными решениями всю импортную продукцию из списка под импортозамещение». Загруженность почти всех производственных предприятий «Транснефти» составляет более 100 % [9].

Итак, в 2022 г. на пути развития российского бизнеса возникли существенные, прежде невиданные препятствия в виде санкций со стороны стран Евросоюза, США и других государств. В особенно тяжелой ситуации оказались компании-естественные монополии, так как некоторые санкции были задействованы напрямую против них. В первую очередь это побудило Правительство РФ принять определенные меры по поддержке деятельности этих предприятий. В то же время исследователи отмечают, что санкции носят не только негативный, но и позитивный характер с точки зрения новых возможностей для бизнеса. Импортозамещение позволило снизить уровень зависимости от зарубежного оборудования, а отказ от сотрудничества со стороны одних стран привел к выходу на новые рынки и производству новых видов продукции. В таком случае можно говорить об удачном отражении угроз санкций естественными монополиями.

Список литературы

1. Зубкова Д. О. Воздействие санкций на деятельность газораспределительных организаций как субъектов естественной монополии // Фундаментальные проблемы и перспективы развития предпринимательского права, конкурентного права и арбитражного процесса в современных экономических условиях санкционной политики : сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. 22–23 апреля 2022 г. Волгоград : Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 125–131. URL: <https://clck.ru/39Wtp5> (дата обращения: 15.03.2024).
2. Казанцев С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2021. 212 с. URL: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2021/Kazantsev2021-Antirossiyskie_sankcii.pdf (дата обращения: 15.03.2024).
3. Казанцев С. В. Жизнь под санкциями // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 2. С. 371–386.
4. РЖД докапитализируют еще более чем на 200 млрд рублей за счет ФНБ до конца года // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16291709> (дата обращения: 15.03.2024).
5. Щербак А. РЖД направили обращение в Совет Европы об отмене санкций // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17394261> (дата обращения: 15.03.2024).
6. Россия запросила заседание Совбеза ООН по «Северным потокам» // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65f27f029a79476d0ca3b61f> (дата обращения: 15.03.2024).
7. Санкции создали новые возможности для российских компаний // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/825679686.html> (дата обращения: 15.03.2024).
8. Стасова Т. М. Взаимоотношения бизнеса и государства: теоретические аспекты : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.01 / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2012. 25 с. URL: <https://clck.ru/39WQT9> (дата обращения: 15.03.2024).
9. Производственные мощности заводов «Транснефти» загружены на 100 % // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19459379> (дата обращения: 15.03.2024).

Sanctions as a Challenge to Natural Monopolies in the Modern Period

E. E. Blokhina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In 2022, natural monopolies faced sanctions from Western countries, which significantly limited the opportunities for their economic activities. On the one hand, we can talk about the negative consequences of these sanctions for companies, since the size of the restrictions put corporate executives in an unstable position and prompted them to urgently take measures to prevent unpleasant situations. On the other hand, the sanctions have led to very positive consequences: entry into new markets, production of new products, import substitution of domestic products and the growth of its production. This article presents the results of a study on the readiness of Russian business to withstand the negative political impact from other states and other challenges of the modern period. Nevertheless, the state does not lose its importance in the economic process and continues to take effective measures to support entrepreneurs. The relevance is due to the acute problem of the effective nature of interaction between government and business in Russia in connection with the crisis of 2022 and the way out of its negative consequences.

Keywords: natural monopolies, sanctions, “Nord Stream”, “Russian Railways”, “Gazprom”, “Transneft”, russian business, public policy.

Блохина Елизавета Евгеньевна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: blohinaliza03@gmail.com

Blokhina Elizaveta Evgenievna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: blohinaliza03@gmail.com

УДК 327.8

Реализация «мягкой силы» Великобритании

С. Д. Бурдукова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается реализация политики «мягкой силы» на примере Великобритании и эволюция ее развития. Особое внимание уделено образованию, культуре и кинематографу как ключевым инструментам «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», Великобритания, культура, кинематограф, образование, дипломатия.

В настоящее время «мягкая сила» представляет собой одну из наиболее актуальных и обсуждаемых концепций в современной дипломатии. Она оказывает значительное влияние на политические процессы в мировых сообществах. Особое внимание среди ученых и представителей широкой общественности концепция получила в начале 1990-х гг. благодаря публикации Джозефа Ная, в которой подробно раскрывался данный подход [4]. И с тех пор на протяжении более 30 лет термин «мягкая сила» присутствует во внешнеполитическом дискурсе различных стран.

Согласно трактовке концепта Дж. Наем утверждается, что «мягкая сила» – это способность влиять на других, применяя собственную привлекательность и используя нематериальные источники: культура (чаще подразумевается поп-культура), политические идеалы и ценности, привлекательность лидера государства. В дальнейшем дополнительной составляющей стало образование, которое является таким же инструментом «мягкой силы», поэтому исследователи анализируют особенности внешней политики стран с учетом вышеупомянутых компонентов.

Ежегодно Brand Finance с учетом мнения более 100 тыс. человек составляет рейтинг «глобальной мягкой силы», по итогам 2023 г. в

тройке лидеров оказались США, Великобритания и Германия [3]. На примере этих стран исследователи зачастую анализируют действие механизмов и инструментов концепта. В данной статье будут рассмотрены кейс Великобритании и особенности реализации британской «мягкой силы».

Великобритания уже много лет позиционирует себя как государство, открытое к контактам и сотрудничеству. Свою «мягкую силу» она строит через образование, культуру и дипломатию. Помимо этого, Великобритания институционально оформляет основы этого внешнеполитического направления: в 2013 г. был создан Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании [6]. Концептуально стратегия оформилась только в 2015 г., когда были опубликованы два документа: Национальная стратегия безопасности и Стратегический обзор обороны и безопасности [1, с. 6]. В этих источниках одним из приоритетных направлений является развитие механизмов «мягкой силы».

Формирование «мягкой силы» Соединенного королевства имеет исторический контекст. Еще будучи метрополией, Британия активно распространяла свой язык и культуру как на территории, которые впоследствии стали зоной влияния Великобритании, так и на весь мир в целом. Различные аспекты культуры и правовой системы Великобритании значительно повлияли на дальнейшее развитие колоний и доминионов даже после обретения ими независимости. Большую роль она сыграла и в развитии мировой торговли. Британские товары традиционно пользовались большим спросом, их поставки осуществлялись по всему миру.

Нельзя не упомянуть о том, что Великобритания всегда была активным игроком на политической арене и сделала свой вклад в создание и развитие международных организаций: ООН и НАТО, членство в этих организациях позволяет лоббировать свои интересы, работать над решением глобальных проблем и повышать свою значимость. Касательно политического аспекта можно вспомнить о том, что на данный момент у руководства страны находятся представители различных национальностей: Риши Сунак, премьер-министр, является индусом по национальности; Суэрла Браверман, министр внутренних дел, родилась в семье иммигрантов из Восточной Африки; Кеми Баденюк, министр предпринимательства и торговли, дочь уроженцев Нигерии. Великобритания до сих пор поддерживает контакты с представителями тех стран, где ранее располагались английские колонии, и курс на мультикультурализм способствует построению взаимовыгодных связей с государствами Содружества наций.

Большое значение для имиджа Великобритании имеет влияние королевской семьи. Сам факт наличия монархии в государстве делает страну более узнаваемой на мировой арене. Королева Елизавета II стала ярким проявлением «мягкой силы». В рамках дворцовой дипломатии она проводила аудиенции, мероприятия и банкеты для высокопоставленных лиц иностранных государств в великолепных королевских резиденциях – все это имело ключевое значение для создания имиджа государства. Гардероб королевы придавал ей особую эстетическую привлекательность. Ее костюмы вызывали ажиотаж среди мировой общественности: в заголовках газет, новостных сюжетах многие предпочитали обсудить внешний вид Елизаветы II и искали в нем определенные детали, которые имели значение для политической конъюнктуры.

Королева активно занималась благотворительной деятельностью – под ее покровительством находилось около 500 организаций, которые ежегодно получали финансовую помощь. Таким образом она помогала привлечь внимание к проблемам определенных организаций [5]. После смерти Елизаветы II среди общественности возник вопрос: сможет ли взошедший на престол Карл III сохранить имидж королевской семьи на таком же уровне? Но результаты его политики можно будет увидеть лишь по прошествии времени.

Одним из основных инструментов «мягкой силы» является образование. Университеты Британии являются одними из лучших в мире, а образование в них считают эталонным. Оксфорд и Кембридж, благодаря своей многовековой истории, находятся на вершине по уровню образования и научных исследований, постоянно обновляя методики и технологии преподавания. Ежегодно они принимают большое количество студентов со всего мира: согласно статистике, в Оксфорд поступает около 3 тыс. человек, в Кембридж – 3,5 тыс. человек. Следовательно, наличие такого большого числа одаренных молодых людей из разных стран позволяет не только распространять определенные ценности через учебный процесс и научные исследования, но и способствует установлению долгосрочных международных связей.

В 1934 г. в Великобритании был создан Британский совет, действующий и по сей день. Деятельность организации направлена на улучшение положения страны, широкое распространение английского языка, развитие сотрудничества с другими государствами. Для популяризации культуры Британский совет организует различные выставки и фестивали, реализует проекты и программы, которые могут быть как разовыми, так и рассчитанными на долгосрочную

перспективу. При содействии Совета в 2014 г. был создан Фонд деятелей искусства, основной целью которого стало финансирование мероприятий, организованных британскими деятелями за рубежом. Для продвижения английского языка во всем мире Британский совет поддерживает всех тех, кто так или иначе связан с изучением английского языка независимо от их статуса – обучающийся/преподаватель; структура организует различные образовательные мероприятия, связанные с изучением английского.

За деятельностью и финансовыми расходами Британского совета следит Министерство иностранных дел [2]. Совет имеет офисы во всем мире: Азербайджан, Дания, Израиль, Китай и др. До 2018 г. также были офисы и в России, которые располагались в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Томске, Красноярске и Иркутске (прекратило работу в 2008 г.). Но вследствие общего ухудшения российско-британских отношений деятельность Британского совета в Российской Федерации была прекращена.

Большой вклад в мировую культуру делает британский кинематограф. Сериалы «Шерлок» и «Острые козырьки», серия фильмов о «Гарри Поттере», «Мальчик в полосатой пижаме», образы «агента 007» Джеймса Бонда, которые известны в большинстве стран мира и постоянно находятся в рейтингах на стриминговых сервисах. Фильмы, снятые в Великобритании, зачастую задавали тренды в моде и стиле, главные герои говорили фразами, которые впоследствии стали «крылатыми», британский юмор привлекает внимание зрителей по всему миру. Принимая во внимание факт того, что кино – это самый распространенный вид массовой культуры, режиссеры умело транслируют культурные особенности и ценности Великобритании через киноэкран. Любой элемент культуры позволяет позиционировать себя государству тем или иным образом, поэтому английские фильмы и сериалы, хорошо принятые аудиторией, значительно повлияли на положение Великобритании на мировой арене.

Таким образом, можно заметить, что закономерная проработка стратегии внешней политики Великобритании и сбалансированная работа всех инструментов и механизмов «мягкой силы» дают успешные результаты. Несмотря на политические кризисы, которые были вызваны различными событиями, например брекситом 2020 г., Великобритании удастся сохранить свои позиции, и политика «мягкой силы» активно способствует этому. В настоящий момент страна является мощным игроком с международным влиянием, реализующим

инициативу «Глобальная Британия», в рамках которой государство стремится сохранить и приумножить свой многолетний внешнеполитический опыт, в том числе и при помощи ресурсов «мягкой силы».

Список литературы

1. Харитоновна Е. М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 5–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-velikobritanii-sravnitelnyy-analiz-mehanizmov-instrumentov-i-praktik> (дата обращения: 18.03.2024).
2. British Council : [website]. URL: <https://www.britishcouncil.org> (date of access: 17.03.2024).
3. Global Soft Power Index 2023 // Brand Finance : [website]. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (date of access: 17.03.2024).
4. Nye J. S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No. 8. Pp. 153–171. URL: <http://www.jstor.org/stable/1148580> (date of access: 17.03.2024).
5. Cook R. J., Searle A. Queen Elizabeth II's Soft Power and Britain's Place in a Post-Elizabethan Age // E-International Relations : [website]. URL: <https://www.e-ir.info/2022/10/16/queen-elizabeth-iis-soft-power-and-britains-place-in-a-post-elizabethan-age/> (date of access: 19.03.2024).
6. Select Committee on Soft Power and the UK's Influence – First Report // UK Parliament : [website]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldsoftpower/150/15002.htm> (date of access: 17.03.2024).

Implementation of the United Kingdom's "Soft Power"

S. D. Burdukova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the implementation of the policy of “soft power” on the example of the UK case. The historical context of the current state of politics of the United Kingdom is considered. Special attention is paid to education, culture and diplomacy as key tools of the concept of “soft power”.

Keywords: “soft power”, Great Britain, culture, cinema, education, diplomacy.

Бурдукова Софья Денисовна – студентка 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: snbrdkv11@gmail.com

Burdukova Sofya Denisovna – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: snbrdkv11@gmail.com

Роль ядерного оружия в обострении отношений между акторами мировой политики на Ближнем Востоке

Н. В. Ворошилов, В. В. Белоусов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Акцентируется внимание на роли ядерного оружия во взаимоотношениях ближневосточных стран. Актуальность работы обусловлена тем, что ядерное оружие оказывает значительное влияние на международную обстановку, а, учитывая возросшее влияние событий и конфликтов на Ближнем Востоке на международную политику, особенно важным для изучения является вопрос о совокупности этих двух факторов.

Ключевые слова: ядерное оружие, международные отношения, договор, исламский мир, ядерная программа.

В настоящее время ядерное оружие играет важную роль во внешней политике. Учитывая его мощь, им хотят обладать многие страны. Владение им послужило стимулом для создания концепции гарантированного взаимного уничтожения. На ее создание повлиял Карибский кризис, который произошел в 1962 г. и поставил весь мир перед угрозой полного уничтожения. Исходя из этого, появилась необходимость в урегулировании распространения смертельного вооружения [8].

В 1968 г. был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который закрепил статус акторов «ядерной пятерки» и их право на владение ядерным оружием [1]. Договор гласит, что ядерные страны гарантируют не передавать ядерное оружие и технологии другим государствам, а те, в свою очередь, не будут создавать свое или приобретать чужое. Однако все акторы получили право на производство и использование мирного атома [14]. Важно отметить, что данный Договор касается тех стран, которые подписали его, и в настоящее время только пять государств не являются его участниками: Индия, Пакистан, КНДР, Израиль и Южный Судан [1].

ДНЯО стал не первым документом, регулирующим данный вопрос. Первым считается Договор об Антарктике, подписанный в 1959 г. В нем говорилось, что данный регион является мирной зоной и в нем не могут проводиться какие-либо испытания оружия, в том числе и ядерного [14]. В 1963 г. был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Изначально его подписали СССР, США и Великобритания, а в настоящее время в него входит 131 государство.

В 1967 г. был подписан документ, запрещающий ядерное оружие в Латинской Америке [14].

Все вышеупомянутые договоры затрагивали тему распространения ядерного оружия. Стоит отметить, что позднее появилось еще множество документов и организаций, касающихся данного вопроса. Например, Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), созданное в 1957 г., важнейшее направление деятельности которого – обеспечение нераспространения ядерного оружия. По ДНЯО на МАГАТЭ возложена проверка выполнения обязательств его участников. Контрольные функции Агентства – так называемые гарантии МАГАТЭ – имеют цель не допустить в странах, не обладающих ядерным оружием, переключения атомной энергии с мирного применения на создание ядерного оружия [15].

Активно данная организация осуществляет свою деятельность на Ближнем Востоке, где международная обстановка отнюдь не стабильна [15]. Для более детального анализа ядерной обстановки в данном регионе необходимо понимать то, какие взаимоотношения установлены между акторами. В международных отношениях Ближнего Востока на 2023 г. наблюдалось заметное затишье и упрочение связей между государствами в рамках многих организаций и союзов. В рамках последних событий Израильско-палестинской войны можно наблюдать подавляющую поддержку большинства сторон Палестинского государства и некую антиизраильскую позицию, которая приводит к объединению исламского мира и дает стимул к ускоренной интеграции государств Ближнего Востока [9].

В процессе анализа международных отношений на Ближнем Востоке, по нашему мнению, необходимо сделать акцент на таких странах, как Египет, Иран, Израиль, Пакистан и Саудовская Аравия.

Рассматривая внешнюю политику Египта, можно отметить, что данная страна идет по пути мирного урегулирования конфликтов в ближневосточном регионе. В рамках своей международной деятельности Египет поддерживает многие интеграционные процессы в организациях, объединяющих Ближний Восток [4]. Данная страна остается ключевым актором этого региона из-за своего выгодного геополитического положения. Многие региональные инициативы были предложены именно Египтом, в настоящее время государство старается занять одну из самых важных позиций на территории региона [13]. На фоне стремления Египта к первенству можно выделить значительный интерес к ядерным технологиям. Несмотря на то что власти Египта придерживаются ДНЯО и концепции «мирного

атома», при условии резкой смены ситуации на геополитическом пространстве региона не исключен вариант развития событий, когда под прикрытием мирной программы Египет попытается создать ядерное оружие в противовес ядерным арсеналам Израиля и Ирана [11].

После провала Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) Иран продолжил свои многосторонние отношения на Ближнем Востоке в рамках Организации исламского сотрудничества (ОИС) и Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Поддержка малых сил (например, курдов в Ираке) Ираном в разных странах региона осложняет ведение добрососедских международных отношений. Несмотря на то что иранская сделка потерпела крах, в недавнем заявлении иранского МИДа была озвучена инициатива к возвращению всех участников в формат договора СВПД [7]. Также недавно установленные дипломатические отношения с Саудовской Аравией и Египтом показывают тенденцию поиска новых союзников в исламском мире. Многие конфронтации, например, с Израилем, Пакистаном, Ираком могут привести Иран к будущим конфликтам на территории своего региона [4]. Стоит отметить, что Иран еще в XX в. начал разрабатывать ядерную программу, но из-за волнений внутри страны она была свернута. В 1990-х гг. программу решили возобновить, однако акцент делался на «мирном атоме» [9]. В дальнейшем Иран обзавелся технологией по обогащению урана, несмотря на резолюции СБ ООН, которые запрещали это делать. «У нас уже есть все возможности в сфере ядерной науки и технологий» – это слова Али Акбара Салехи, бывшего президента Организации по атомной энергии Ирана и бывшего представителя Исламской Республики в МАГАТЭ [10]. Таким образом, официально Иран признает наличие развитой инфраструктуры и всего необходимого для создания ядерной бомбы, которой официально у данного государства не имеется. Такие стремления к развертыванию ядерной программы обусловлены наличием недружелюбных соседей, в особенности Израиля и Пакистана. Причем неофициально Израиль тоже имеет ядерное вооружение.

Говоря об Израиле, важно отметить, что он не подписывал ДНЯО, множество источников утверждают, что данный актор обладает ядерными боеголовками, однако при этом правительство ведет политику «непрозрачности» [1]. Подогревая всеобщую ненависть и заявляя о возможном наличии ядерных технологий и оружия массового поражения, руководство Израиля лишь иногда дает неоднозначные намеки о существовании ядерного арсенала на территории

страны. Наращивание боевой мощи связано с недружелюбными соседями и развертыванием ядерных программ в странах Ближнего Востока [5]. Недавно начавшаяся война на Ближнем Востоке может привести Израиль к более серьезному конфликту в данном регионе из-за антиизраильской позиции большинства стран исламского мира. Можно сказать, что Израиль по большей части изолирован дипломатически от многих стран Ближнего Востока, и поэтому в рамках региона отношения с Израилем омрачены прошлыми конфликтами и нынешней ситуацией с антиизраильской позицией [2].

Многие исследователи не относят Пакистан к Ближнему Востоку, но все-таки он имеет интенсивные отношения со многими странами данного региона, поэтому в данной статье мы рассматриваем его в контексте ближневосточной подсистемы международных отношений. Данное государство ведет свою многостороннюю дипломатию в рамках организаций ОЭС и ОИС. Союзнические отношения с Саудовской Аравией дают множественные связи со странами участниками Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Недавние события небольшого конфликта с Ираном показали новое нарастание напряженности в данном регионе. Хотя Пакистан и стремится к лидерству в исламском мире, но в то же время он не состоит в основообразующей для региона организации Лиги арабских государств [12]. При этом данное государство не присоединялось к ДНЯО и в ближайшее время не планирует это делать [1]. Связано это с тем, что оно имеет нестабильные отношения с Ираном, Индией, Афганистаном и рядом других стран [3, 6]. Данные обстоятельства привели к тому, что Пакистан стал активно сотрудничать с Китаем и, несмотря на стремление к независимости в производстве ядерных технологий, подавляющее большинство АЭС построены при посредничестве КНР [16]. Исходя из вышеперечисленных факторов, ядерное оружие на Ближнем Востоке имеет все возможности к распространению среди акторов, имеющих нестабильные отношения друг с другом.

Саудовская Аравия предпочитает придерживаться принципа нейтралитета в рамках своей внешней политики и старается со всеми странами сохранять дружеские отношения, а также использует союзнические отношения с Пакистаном для своих потребностей. То есть военные возможности и потенциал королевства ограничены, однако Пакистан обладает мощными ресурсами и военным опытом [12]. Саудовская Аравия пытается извлечь максимальную выгоду благодаря своему сотрудничеству в блоках, организациях, союзах. Многостра-

дальние отношения с Ираном проживают период улучшения при посредничестве Китая. Но можно заметить, что Саудовская Аравия старается «усидеть на двух стульях» [2]. При особой денежной политике королевства и возможности привлекать специалистов со всего мира для своих технологических нужд у Саудовской Аравии наблюдается интерес и к ядерным технологиям, который обусловлен опасениями королевства по поводу иранского ядерного оружия. Если Иран официально объявит о создании оружия массового поражения, то Саудовская Аравия как можно скорее последует примеру Ирана и начнет работать над его созданием [11].

Анализируя все вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что Израиль, Иран, Пакистан и Египет являются главными катализаторами распространения ядерного оружия, несмотря на договоры или рекомендации ООН. Из-за этого и нестабильности международных отношений на Ближнем Востоке в целом начинает работать принцип «действие/противодействие», когда каждый из акторов стремится к обеспечению собственной безопасности в связи с возрастанием общей опасности. Иран наращивает ядерные технологии, так как этим занимается Израиль, Пакистан, Египет и т. д. Разумеется, данные тенденции работают и в обратном направлении. Отсюда следуют и заявления представителей стран о наличии смертельного оружия, и увеличение производства ядерной энергетики. Таким образом, нестабильная ситуация на Ближнем Востоке только усугубляется наличием ядерного вооружения в данном регионе.

Список литературы

1. Беляев Д. Договор о нераспространении ядерного оружия: кто к нему так и не присоединился? // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8424817> (дата обращения: 15.02.2024).
2. Варнавский З. П. Особенности современного этапа отношений арабских государств и Израиля и перспективы их развития // Вопросы студенческой науки. 2022. № 3 (67). С. 73–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremenno-go-etapa-otnosheniy-arabskih-gosudarstv-i-izrailya-i-perspektivy-ih-razvitiya/viewer> (дата обращения: 27.03.2024).
3. Винник Е. Что за страна Пакистан: как образовалась, кто в ней живет и что там происходит? // Вестник Кавказа : сайт. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/cto-za-strana-pakistan-kak-obrazovalas-kto-v-nej-zivet-i-cto-tam-proishodit.html> (дата обращения: 27.03.2024).
4. Дыкань Д. А. Волна нормализации на Ближнем Востоке – на очереди Иран и Египет? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/volna-normalizatsii-na-blizhnem-vostoke-na-ocheredi-iran-i-egipet/> (дата обращения: 27.03.2024).

5. Жидкова Л. Ю. Что может стоять за ремаркой Я. Лапида о наличии у Израиля ядерного оружия // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=88713> (дата обращения: 27.03.2024).

6. Логинова К. Игра мускулами: Иран и Пакистан обменялись ударами // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1636925/kseniia-loginova/igra-muskulami-iran-i-pakistan-obmenialis-udarami> (дата обращения: 27.03.2024).

7. Месамед В. И. О готовности Ирана к возобновлению переговоров по СВПД // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=107118> (дата обращения: 27.03.2024).

8. Сазонов Д. Р., Михайлова Т. Л. Манхэттенский и Курчатовский проекты как граница формирования биполярного мира // Вестник НГТУ им П. Е. Алексеева. Серия Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 3. С. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manhettenский-i-kurchatovskiy-proekty-kak-granitsa-formirovaniya-bipolyarnogo-mira/viewer> (дата обращения: 22.12.2023).

9. Синовец П. А. Ядерное распространение на Ближнем Востоке: основные тенденции, пути предупреждения и средства борьбы // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8479> (дата обращения: 27.03.2024).

10. Субботин И. Война в Газе подогрела ядерные амбиции Ирана // Независимая газета : сайт. URL: https://www.ng.ru/world/2024-03-11/1_8966_iran.html (дата обращения: 27.03.2024).

11. Фролов А. В. Ядерные программы на Ближнем Востоке: развить нельзя свернуть // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 122–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadernye-programmy-na-blizhnem-vostoke-razvit-nelzya-svernut-chast-1-zarozhdenie-i-razvitie/viewer> (дата обращения: 27.03.2024).

12. Мамедов Р. Ш. Пакистан и Ближний Восток в XXI в. // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pakistan-i-blizhniy-vostok-v-xxi-v/> (дата обращения: 27.03.2024).

13. Шмелёва Т. А. Роль Египта как страны-посредника в процессе ближневосточного урегулирования // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=2981> (дата обращения: 27.03.2024).

14. Конвенции и соглашения: разоружение // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_disarmament.shtml (дата обращения: 27.03.2024).

15. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20220729/magate-1805393813.html> (дата обращения: 27.03.2024).

16. Пакистан: возможности и вызовы // AtomInfo.ru : сайт. URL: <http://www.atominfo.ru/newst/a0328.htm> (дата обращения: 27.03.2024).

The Role of Nuclear Weapons in the Aggravation of Relations Between the Actors of World Politics in the Middle East

N. V. Voroshilov, V. V. Belousov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This paper focuses on the role of nuclear weapons in the relations of Middle East countries. The relevance of the work is due to the fact that nuclear weapons have a strong impact on the international situation, and given the increased influence of events and conflicts in the Middle East on international politics, it is especially important to study the combination of these two factors.

Keywords: nuclear weapons, international relations, treaty, Islamic world, nuclear program.

Ворошилов Никита Вячеславович – студент 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Nikitos_3334@mail.ru

Voroshilov Nikita Vyacheslavovich – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Nikitos_3334@mail.ru

Белоусов Вячеслав Владимирович – студент 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Nikitos_3334@mail.ru

Belousov Vyacheslav Vladimirovich – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Nikitos_3334@mail.ru

УДК 327.82

Народная дипломатия в зеркале международной экспертизы (на примере Иркутска и Пфортхайма)

И. И. Илюшин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены теория и практика народной дипломатии в контексте института породненных городов на примере побратимства городов Иркутска и Пфортхайма. Изучены материалы экспертных интервью представителей профессиональной сферы, на основе которых сделаны выводы о современном состоянии и перспективах развития русско-немецкого направления народной дипломатии.

Ключевые слова: международные отношения, народная дипломатия, партнерские связи, Россия, Германия.

В значительно изменившихся за последнее время геополитических реалиях, казалось бы, дипломатия и международное сотрудничество на российско-европейском треке и российско-германском направлении в частности, как минимум, потеряла свою актуальность, а как максимум – бесполезна. Однако, как показывает практика, международные контакты на уровне обществ и гражданских организаций сохраняются, поддерживаются и даже приветствуются правительственными и наднациональными организациями (которые официально иногда выражают противоположную позицию). Рассмотрению указанных особенностей сложившейся взаимозависимости и прогнозированию вероятного развития народно-дипломатических контактов на российско-немецком направлении посвящена представленная статья.

Институт побратимства стал относительно новым способом выстраивания международных контактов и дал возможность субнациональным акторам участвовать в мировой политике не только через государственные институты, но и самостоятельно. Регионы и муниципалитеты стремятся повысить собственные престиж и репутацию на международной арене, а их включение в общегосударственную внешнюю политику благоприятно сказывается на всей совокупности дипломатических связей государства [1]. Под побратимством в широком смысле понимается договоренность территориальных единиц о взаимном развитии экономических и культурных связей [2]. К числу административных единиц, имеющих возможность заключить соглашение или договор, относятся города, округа, графства, области и др. Международное сотрудничество Иркутска с его немецким партнером имеет продолжительную историю, включающую и советский период. Справедливо утверждать о достойных результатах сотрудничества Иркутска и Пфорцхайма на рубеже 2000–2010-х гг. Так, в 2010 г. администрацией г. Иркутска было получено приглашение от МИД ФРГ на участие в конференции «Партнерские связи городов: коммунальные импульсы для модернизации общества, экономики и городского самоуправления». Город был представлен делегацией в составе пяти человек из русско-немецкого общества «Иркутск – Пфорцхайм» [6].

Характеризуя эффективность международных гражданских контактов, эксперты однозначно сошлись во мнении об их полезности для города и региона. В частности, О. А. Серёдкина, начальник отдела туризма и внешнеэкономической деятельности администрации г. Иркутска, признает важность побратимства в деятельности муниципалитета. Народная дипломатия имеет особое значение при реализации социокультурных проектов: «В рамках реализации соглашений народной дипломатии всегда уделялось и уделяется большое значение, потому что международные контакты на уровне городов – это, в первую очередь, контакты в социокультурной сфере». Благодаря указанным международным контактам город долгое время получал поддержку от коллег в сферах благоустройства [5], экологии, культурных, образовательных и профессиональных обменов: «...школьники, общественники, студенты, творческие коллективы, спортсмены... Это основные направления, потому что их было гораздо больше. И обмены отдельными какими-то специалистами различных сфер деятельности... врачи, педагоги». Например, проведение медицинского форума и участие в нем иркутских специали-

стов стали важной частью как укрепления побратимских контактов, так и развития данной сферы в самом Иркутске [4]. Учитывая, что Иркутск развивает отношения с немецкими партнерами почти 60 лет (Карл-Маркс-Штадт с 1967 г. и Пфорцхайм с 1990-х гг.), положительный накопительный эффект от сотрудничества представляется действительно существенным и значимым для города.

Схожего мнения придерживаются и в администрации города-побратима – Пфорцхайме. С. Шрек, координатор отдела международных отношений, европейского партнерства и породненных городов администрации г. Пфорцхайма, назвала партнерство с Иркутском «образцовым по глубине и широте», которое «показало, что международные контакты реализуются в муниципалитетах весьма конкретно и затрагивают... простых граждан»⁶. Примечательной видится идентичная характеристика эффективности сторонами, вовлеченными в сотрудничество. Схожесть оценок позволяет сделать вывод о том, что партнерство породненных городов действительно соответствовало интересам всех его участников и позволяло решать спектр муниципальных вопросов.

Особого внимания заслуживает рассмотрение современного состояния побратимских отношений и перспектив их развития в условиях сложившегося политического противостояния. Примечательно, что эксперты сошлись во мнении о принципиальной нужности и полезности таких контактов вне зависимости от политической конъюнктуры. Позитивно или умеренно характеризуются перспективы возобновления отношений, в настоящее время находящихся в стадии заморозки. Немецкая сторона делает особый акцент на том, что приостановка сотрудничества случилась именно в феврале 2022 г. и была «призывом положить конец военным действиям». Несмотря на то что немецким коллегам в своей риторике явно сложно выйти за пределы общепринятых трендов западного дискурса восприятия конфликта, С. Шрек акцентирует внимание на том, что «контакты с гражданским обществом все еще возможны», а государственные органы все равно заинтересованы в возобновлении сотрудничества. Объясняется такой подход восприятием побратимских отношений: «одна из задач движения побратимства городов, возникшего после Второй мировой войны, – продемонстрировать знак взаимопонимания и примирения»⁷.

⁶ Цитаты взяты из глубинных интервью автора статьи с С. Шреком.

⁷ Цитаты взяты из глубинных интервью автора статьи с С. Шреком.

Вызывает определенный оптимизм готовность российской стороны восстанавливать ныне замороженные связи. О. А. Серёдкина отмечает: «я очень надеюсь, что через какое-то время все-таки обстановка изменится и немецкий опыт мы будем применять по назначению с немецким партнером. Мы все равно стараемся поддерживать контакты, во-первых, на межличностном уровне – с коллегами мы общаемся. Это никто запретить не может, опять же, вариант народной дипломатии»⁸. Схожая характеристика перспектив возобновления сотрудничества дана и экспертами из общественных организаций. Например, Барбара Лаххайн, председатель общества германо-российских встреч г. Эссена и организатор партнерских встреч Эссена и Нижнего Новгорода, особо выделила подход немецкого МИДа к работе объединений, занимающихся гражданской дипломатией на российском направлении: «Наше министерство иностранных дел поручило нам задачу держать контакты на уровне гражданских отношений»⁹.

Как было сказано ранее, все эксперты сошлись во мнении относительно прочных перспектив восстановления германо-российских отношений в целом, что применимо и к специфике парадипломатических контактов на уровнях муниципалитетов и регионов. Б. Лаххайн отмечает: «... у нас отношения уже более 800 лет. Мы должны посмотреть на горизонт. И наш совместный горизонт очень большой. Можно сказать, продолжение наших отношений – это уже как естественное право – ничего не можно изменить. Моя коллега из Нижнего Ногорода, она всегда говорит: “Россия и Германия – это два народа, которые нуждаются друг в друге”»¹⁰. Подобные трактовки выглядят вполне реалистично в долгосрочной перспективе, так как именно гражданские контакты наименее пострадали от пришедшего геополитического кризиса. Разрыв экономических и политических отношений на уровне высокой дипломатии «смягчил» общественные и парадипломатические связи в культурной, образовательной и других сферах. С них же, как представляется, в будущем и начнется восстановление контактов более высокого уровня, так как в этом заключается сама природа парадипломатии – начинаясь с отдельных граждан, сотрудничество поэтапно развивается и вырастает в нечто полезное для города, региона и государства в целом [3].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

⁸ Цитаты взяты из глубинных интервью автора статьи с О. А. Серёдкиной.

⁹ Цитаты взяты из глубинных интервью автора статьи с Б. Лаххайн.

¹⁰ Цитаты взяты из глубинных интервью автора статьи с Б. Лаххайн.

1. Несмотря на значительное ухудшение политических и практически полный разрыв экономических отношений со странами ЕС и Германией в частности, российско-немецкие контакты на парадипломатическом уровне сохранились и, в худшем случае, только заморожены (не разорваны), а в лучшем – поддерживаются на уровне гражданских инициатив.

2. Организации гражданских обществ и системы государственного управления, как с российской, так и немецкой стороны, равно сходятся во мнении о нужности и полезности парадипломатических контактов, так как отвечают интересам всех участвующих сторон.

3. Представляется, что восстановление дипломатических контактов высокого уровня начнется именно с сохранившихся гражданских связей, так как это соответствует сути парадипломатических отношений, а их способность и эффективность на этом пути уже были продемонстрированы в истории международных отношений.

Список литературы

1. Измайлова Е. А. Парадипломатия в современном мире: состояние и перспективы развития // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации : 4-й молодежный конвент УрФУ : материалы междунар. конф. 26 марта 2020 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 735–739. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95712> (дата обращения: 29.02.2024).

2. Мишланова С. Л., Пермякова Т. М. «Города-побратимы» в разных лингвокультурах – «Братья» или «Сестры»? // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 3 (9). С. 46–51.

3. Олейников И. В. Прагматичное взаимодействие Иркутской области и регионов стран Европейского Союза: опыт и реалии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 2(34). С. 186–191.

4. Delegation aus Pforzheim besucht das Gesundheitsforum in der Partnerstadt Irkutsk // Stadt Pforzheim : [webseite]. URL: <https://www.pforzheim.de/stadt/aktuelles/pressemeldungen/s1/article/detail/News/delegation-aus-pforzheim-besucht-das-gesundheitsforum-in-der-partnerstadt-irkutsk.html> (datum des zugriffs: 03.03.2024).

5. Иркутск и Германия активизируют сотрудничество в сфере строительства и благоустройства // Байкал 24 : сайт. URL: <https://baikal24.ru/text/26-04-2013/irkutsk/> (дата обращения: 02.03.2024).

6. Иркутск. «Иркутск – Пфортхайм» – пример народной дипломатии // Ассоциация сибирских и дальневосточных городов : сайт. URL: https://www.asdg.ru/sections/gu/novosti.php?ELEMENT_ID=14634&SECTION_ID= (дата обращения: 04.03.2024).

Public Diplomacy in the Mirror of International Expertise (Based on the Example of Irkutsk and Pforzheim)

I. I. Ilyushin

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The theory and practice of public diplomacy in the context of the institution of sister cities is considered using the example of twinning between Irkutsk and Pforzheim.

The materials of expert interviews with representatives of the professional sphere were studied, on the basis of which conclusions were drawn about the current state and prospects for the development of the Russian-German direction of public diplomacy.

Keywords: international relations, public diplomacy, partnerships, Russia, Germany.

Илюшин Иван Иванович – студент 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ilushin2001@icloud.com

Ilyushin Ivan Ivanovich – 4rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ilushin2001@icloud.com

УДК 327.82

Роль Генри Киссинджера в становлении американо-китайских отношений в 1970-е гг.

С. А. Карнаухова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дается краткий анализ оценок в научных работах дипломатической деятельности Генри Киссинджера по отношению к КНР. Результаты представленного исследования важны для систематизации знаний о развитии американо-китайских отношений.

Ключевые слова: Генри Киссинджер, Китай, США, американо-китайские отношения, геополитическое соперничество.

Американо-китайские отношения имеют долгую и сложную историю, начиная с первых контактов в 1784 г., когда Китай открыл свои порты для торговли с США. В последующие столетия отношения между двумя странами были разнообразными: от военных конфликтов до экономического партнерства.

После образования Китайской Народной Республики (КНР) отношения между Пекином и Вашингтоном были напряженными, особенно во время холодной войны. Однако в 1970-е гг. произошло сближение между двумя странами, что привело к дипломатической встрече в 1971 г. [2]. Геополитическое соперничество во многом было приостановлено благодаря активной дипломатической деятельности Генри Киссинджера, занимающего должность госсекретаря США.

Генри Альфред Киссинджер был одним из главных деятелей в становлении и развитии американо-китайских отношений. В американском сообществе было написано много книг о дипломатии Г. Киссинджера: как трудов, выполненных с учетом достижений комплексных интегральных подходов [4], так и узкоспециальных ис-

следований. Нами были проанализированы американские, китайские и российские работы ученых из разных областей знания в период с 1994 по 2020 г. Роль Киссинджера в налаживании американо-китайских отношений была отмечена в работах Я. В. Лексютиной «Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в.», В. К. Швецовою «Концепция “Треугольника” СССР – КНР – США или борьба трех держав за гегемонию», Гордона Дж. Чанга «Скомпрометирован: Китайский синдром Генри Киссинджера», Джеймса К. Себениуса «Киссинджер как переговорщик: предыстория и ключевые достижения» и др.

Еще в 1994 г. Уолтер Айзексон, генеральный директор Аспенского института, написал книгу «Киссинджер: биография», а Гэри Басс, профессор политики и международных отношений Принстонского университета, издал работу «Кровавая телеграмма: Никсон, Киссинджер и забытый геноцид». В этих публикациях авторы выражают неоднозначное мнение, связанное с тем, что Генри Киссинджер проявил себя как слабый политик по отношению к ситуации во Вьетнаме и Пакистане [6], однако его дипломатическая деятельность в Китае не оставляет сомнений в успешности принятых решений, правильно подобранной первоначальной тактики «пинг-понговой дипломатии» [8], которая ненавязчиво показала интерес Соединенных Штатов в установлении американо-китайского союза.

Противоположную позицию занимает Дэвид Гринберг, профессор истории в университете Ратгерса, утверждая, что Генри Киссинджер – «самая переоцененная общественная фигура». Профессор приводит ряд причин для обоснования своей позиции. Во-первых, исследователи представляют Генри Киссинджера как человека, вдохновившего Ричарда Никсона на установление американо-китайских отношений, однако в своих статьях и выступлениях 37-й президент Соединенных Штатов еще до Киссинджера изъявлял желание установить взаимодействие с Китаем, а также выйти из войны во Вьетнаме. Во-вторых, «вашингтонское общество» ошибочно считает его гением, хотя его идеи довольно традиционны [7].

Китайскими учеными отмечается, что выстраивание американо-китайских отношений – это самый большой успех Генри Киссинджера за его карьеру. Однако в работе Лу Инцзе «Исследование реалистической дипломатической мысли и практики Киссинджера» прослеживается мнение, что Генри Киссинджер смог добиться некоторого успеха в отношении Китая только по причине страха, что Китай является сильным противником, и недостаток информации о

соперники стимулировал его начать взаимодействие. Такая авторская позиция несет на себе существенный отпечаток пропагандистской работы, проводимой Коммунистической партией Китая (КПК) как монополиста в сфере формирования общественно-политических настроений в стране, в том числе через научные исследования. Еще одной причиной становления американо-китайских отношений автор называет «удачное стечение обстоятельств» для США, выразившихся в территориальном споре КНР и СССР по поводу острова Даманский. Китайско-советский спор способствовал объединению Соединенных Штатов и Китая для того, чтобы не допустить усиление военной мощи Советского Союза [1; 7].

В работе Жэнь Шаньфа роль Генри Киссинджера в урегулировании геополитического соперничества рассматривается через «Стратегию конфликта» Томаса Шеллинга, а также через исследования Роберта Джервиса в области международных отношений [10]. Смысл их исследований заключается в том, что стороны взаимодействия обмениваются сигналами, под которыми в данной стратегии подразумевается поведение, выражающее характеристику или состояние отправителя. Другими словами, отправитель выделяет себя, отправляя сигнал, тем самым привлекая внимание оппонента. В этой стратегии представлено два типа сигналов: дорогостоящий сигнал, который ярко выражен и достоверен для оппонента, но имеет высокие риски неудачи; и недорогой сигнал, который менее рискованный, но и менее эффективный [10]. Экстраполируя эти исследования на американо-китайские отношения, Жэнь Шаньфа отмечает, что в данном контексте использовались только недорогие сигналы, например, «челночная дипломатия», выражающая намерение США к переговорам, но при этом не носящие высокие международные политические риски. Так автор отмечает, что Генри Киссинджер сделал удачный выбор в пользу недорогих сигналов, которые не привлекали внимание СМИ, но позволяли налаживать отношения между США и КНР косвенно и в последующем достигнуть публичной встречи. Однако здесь стоит упомянуть, что китайская сторона не предпринимала никаких ответных сигналов, и автор предполагает, что бездействие Китая было связано с «культурной революцией», которой Мао Цзэдун, председатель КПК, уделял наибольшее внимание [10].

В российском научном дискурсе политическая деятельность Генри Киссинджера в большей степени затрагивает отношения с Советским Союзом, однако и отечественные исследователи международных отношений не отрицают значительное влияние Генри Кис-

синджера на становление американско-китайских отношений. В работе И. Ф. Шелудякова утверждается, что нормализация американско-китайских отношений стала следствием «активной теоретической и практической подготовки Г. Киссинджера» [5]. Кроме того, отмечается, что именно бывший госсекретарь США заметил желание китайского руководства найти выгоду в установлении отношений. В своей работе автор подчеркивает, что Киссинджер провел детальное изучение Китая и выделил три особенности китайского менталитета: «развитое чувство стратегии, тонкость и непрямота, независимость позиций и неприятие любого вмешательства во внутренние дела» [5]. Шелудяков сделал вывод, что китайское сообщество стремится к полной победе, не прибегая к конфликту, и, учитывая именно эти традиционные аспекты культуры китайского госуправления [6], в современном научном дискурсе связываемые со стратегическим мышлением китайцев [9], Генри Киссинджер начал осуществление целенаправленной дипломатической деятельности.

Таким образом, Генри Киссинджер был одним из главных деятелей в установлении и развитии американско-китайских отношений, и это мнение прослеживается в большинстве рассмотренных работ как американских и китайских исследователей, так и отечественных. В изученных работах американских ученых отмечается как большая и значимая роль Генри Киссинджера в установлении политических связей американского и китайского обществ, так и негативная оценка всей внешнеполитической деятельности бывшего госсекретаря США на Ближнем Востоке [7; 8]. В работах Жень Шаньфа и Лу Инцзе наиболее часто отмечается, что Генри Киссинджер оказал ключевое влияние на развитие отношений двух стран, но его действия, по мнению китайских ученых, были связаны со страхом перед Китаем [11]. Отечественные оценки также положительны по отношению к дипломатической деятельности Генри Киссинджера в Китае [5], но в основном они рассматривают вопросы его политического влияния на Советский Союз.

Список литературы

1. Баринкова А. В. Место партийной системы КНР в типологиях партийных систем мира // Древо познания и дерево знания. Магистерские исследования : сб. науч. ст. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 42–56.
2. Дегтярев А. В. Дипломатическая подготовка визита Р. М. Никсона в КНР в 1972 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 28 с.
3. Кремнёв Е. В. Взаимодействие традиционных ценностей и западного опыта в процессе формирования культуры госаппарата КНР // Азиатско-Тихоокеанский ре-

гион: диалог языков и культур: сб. науч. докл. междунар. конф. (Иркутск, 20–31 января 2007 г.). Иркутск : ИГЛУ, 2007. С. 128–131.

4. Кузнецова О. В. Место региональной науки в системе интегрированного научного знания (на примере работ американских ученых второй половины XX в.) // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания: материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 7–9 декабря 2020 г.). Иркутск : ИГУ, 2020. С. 307–321.

5. Шелудяков И. Ф. Нормализация американо-китайских отношений в конце 60-х – начале 70-х годов XX века (по материалам работы Г. Киссинджера «О Китае») // Исторические науки и археология. 2020. Т. 51, № 12-1. С. 45–50.

6. Bass G. J. The Blood Telegram: Nixon, Kissinger, and a Forgotten Genocide. N. Y. : Vintage, 2013. 499 p.

7. Greenberg D. Nixon's Shadow: The History of an Image. N. Y. : W W Norton & Co Inc, 2003. 384 p.

8. Isaacson Walter Kissinger: A Biography. L. : Blackwell Publishers, 1994. 584 p.

9. Serebrennikova E. F., Balashova V. P., Rybalko M. L. Stratagem of Chinese political discourse // SHS Web of Conferences. 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law” 2021. 2022. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2022/04/shsconf_eac-law2021_00164.pdf (date of access: 15.03.2024).

10. 任善发. 1969–1972 年中美 缓和进程中的低成本信号分析 / 硕士研究生学位论文. 2011年. 77页. [Жень Шаньфа. Малозатратный анализ сигналов в процессе китайско-американской разрядки 1969–1972 : магистерская диссертация. 2011. 77 с.].

11. 吕英杰. 基辛格现实主义外交思想及实践研究 // 哈尔滨师范大学 硕士学位论文. 2017年. 65页. [Лу Инцзе. Исследование реалистической дипломатической мысли и практики Киссинджера : магистерская диссертация / Харбинский педагогический университет. 2017. 65 с.].

Henry Kissinger's Role in the Formation of U. S. – China Relations in the 1970s

S. A. Karnaukhova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article provides a brief analysis of the assessments in scientific works of Henry Kissinger's diplomatic activities towards China. The results of the presented study are important for systematizing knowledge about the development of US-Chinese relations.

Keywords: Henry Kissinger, China, USA, US-China relations, geopolitical rivalry.

Карнаухова Светлана Андреевна – студентка 2-го курса (бакалавриат), факультет иностранных языков, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: sv_karn2012@mail.ru

Karnaukhova Svetlana Andreevna – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of Foreign Languages, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sv_karn2012@mail.ru

Международное взаимодействие регионов Сибири и Дальнего Востока в зеркале зарубежных исследований

В. С. Нечаева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается международное взаимодействие регионов Сибири и Дальнего Востока посредством анализа публикаций зарубежных исследователей конца 1990-х – первого десятилетия XXI в. Особое внимание уделено обзору проблем и перспектив международного взаимодействия восточных территорий России и близлежащих стран Восточной Азии.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, международное взаимодействие, поворот на Восток, регион.

Развитие международных контактов субнациональными территориями давно входит в сферу российских интересов. Субъекты Российской Федерации наделены полномочиями устанавливать международные связи разнообразных форматов – от подписания соглашений о сотрудничестве до полномасштабного институционального взаимодействия. В период расцвета глобализации в 1990-е гг. и в начале первого десятилетия XXI в. российские регионы и города при помощи федерального центра стремились устанавливать контакты с соответствующими территориями стран Запада. Этому способствовали положительная динамика взаимоотношений России с государствами западного мира, фокусирование мировой торговли на странах Европы. Государства Восточной Азии – Китай, Республика Корея, Монголия – в 1990-е гг. лишь набирали темп экономического развития, поэтому динамика сотрудничества восточных регионов России с ними активизировались постепенно. Реалии политической картины мира сегодня демонстрируют иную тенденцию – деглобализацию или фрагментацию и постепенное свертывание контактов с западными контрагентами, что соответствует современному российскому внешнеполитическому курсу.

В условиях актуализации развития восточного вектора особую роль в формировании мирополитической паутины связей играют приграничные регионы. Так, Сибирь и Дальний Восток России выглядят весьма перспективными территориями по ряду причин: уникальное географическое положение на пересечении ключевых торговых магистралей; природные ресурсы; близость к азиатским соседям, исторические и культурные факторы и др.

Еще в 2013 г. Президент России В. В. Путин определил развитие Сибири и Дальнего Востока в качестве национального приоритета «на весь XXI век» [1]. В долгосрочной перспективе это поспособствует достижению важных стратегических целей и дальнейшей интеграции с азиатскими странами. За последние десятилетия Правительством Российской Федерации, федеральными министерствами и региональными органами власти с целью определения задач развития регионов Сибири и Дальнего Востока было разработано и утверждено значительное количество стратегических и программных документов. Однако на практике не все поставленные задачи оказались обеспечены необходимыми инвестициями – отечественными и зарубежными. С началом третьего десятилетия дискуссии об освоении Сибири и Дальнего Востока вновь актуализируются. Положительные прогнозы и ожидания отечественных ученых вступают в полемику с многими зарубежными исследованиями, пессимистично оценивающими текущее состояние регионов и восточную политику России.

В 2003 г. американскими исследователями Института Брукингса Ф. Хилл и К. Гэдди была опубликована книга «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России», вышедшая на русском языке в 2007 г. и ставшая поистине дискуссионной в российском научном сообществе [5]. Освоение Сибири в теоретическом осмыслении авторов предстает своеобразным бременем для России, замедляющем ее дальнейшее развитие. Несмотря на то что работа была опубликована более двадцати лет назад, по ряду положений она представляется дискуссионной до сих пор.

Во-первых, Сибирский регион слишком дорогой и требует масштабных инвестиционных притоков не только изнутри, но и извне. Финансирование Сибири не всегда совпадает с интересами зарубежных стран, так как регион считается бесперспективным в силу отсутствия инфраструктуры, большой удаленности от федерального центра, что затрудняет контроль над территорией.

Во-вторых, авторы полагают, что «механизм удерживания» людей за Уралом недопустим и нецелесообразен. В основу будущего России должно быть положено развитие европейской ее части, в связи с чем российское правительство должно способствовать процессу переселения из Сибири.

В-третьих, уменьшение параметров населенности восточных регионов соответствует национальным интересам России. Постоянное закачивание ресурсов из наиболее производительных регионов в Сибирь противоречит будущему процветанию государства [5].

Так, Сибирь предстает слабым звеном российской действительности и подходы к ее освоению должны быть коренным образом пересмотрены. К примеру, британский исследователь М. Брэдшоу предлагает «экономный подход» к освоению Сибири и Дальнего Востока, заменяя людские ресурсы на технологии [Цит по: 5, с. 231]. Возникает закономерный вопрос о вложении инвестиций в разработку таких технологий и их внедрение, и круг замыкается сам собой. Более того, радикальный подход к сокращению городов, особенно в моноштате, станет поводом народных волнений, итог которых может быть непредсказуем.

В международном взаимодействии Сибири и Дальнего Востока исследователями признается азиатский вектор. Поллюсом притяжения, безусловно, является Северо-Восточная Азия. Близость к Китаю с его многочисленным населением и рынками является в большей степени экономическим преимуществом, нежели угрозой безопасности. Однако более перспективной отмечается интеграция европейских регионов России со странами Запада. В работе М. Брэдшоу дан прогноз европейского поворота в ущерб азиатским контактам [7].

Безусловно, осмысление развития Сибири и Дальнего Востока Ф. Хилл и К. Гэдди мало применимо в условиях современной политической реальности. Дискуссионные тезисы книги не нашли поддержки среди отечественных исследователей. В начале второго десятилетия XXI в. исследователи из Восточной Сибири Ю. А. Зуляр и Л. А. Безруков выступили с критикой положений западных авторов [2; 3]. Резко контрастирует подход к осмыслению Сибири и ее роли в формировании российской политики С. А. Караганова, предложенный им в программной статье, вышедшей на страницах «Российской газеты» в феврале 2024 г. и ставший поводом для оживленных споров [4].

О высоких рисках выстраивания международного взаимодействия в регионах Сибири и Дальнего Востока заявляет американский исследователь из Луисвиллского университета Ч. Зиглер в работе, вышедшей в 2002 г. [8]. Несмотря на очевидные преимущества приграничных регионов, интеграция Сибири и Дальнего Востока в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона затруднена. Ключевыми проблемами являются падение объемов производства, занятости и оплаты труда. Зарубежные инвестиции невелики или отсутствуют вовсе, как следствие, происходит снижение запасов капитала [8, с. 27]. Потенциальные инвесторы ссылаются на неустойчивую нормативно-правовую базу, налоговый барьер, слабые рынки и т. д. Единственным шансом на установление контактов Сибири и Дальнего Востока

с азиатскими партнерами являются нефть и природный газ. Однако осуществление проектов по добыче полезных ископаемых тоже требует инвестиционного притока.

Так, например, на Корейском полуострове отношение к интеграции с восточными территориями России неоднозначное. Из-за нестабильности в регионах Южная Корея сосредоточилась на проектах с низкими требованиями к капиталу, таких как производство потребительских товаров или переработка пищевой продукции [8, с. 32]. По мнению Ч. Зиглера, развитию восточных регионов России и их дальнейшей интеграции препятствуют устаревшие технологии и нежелание федерального центра спонсировать разработку новых, слабость власти на местах, миграционные процессы и др. Наиболее нетипичными обоснованиями «отсталости» регионов исследователь называет высокий уровень преступности, появление пунктов транзита оружия и наркотиков, угрозу радиоактивного загрязнения и катастроф по причине большого скопления ядерных вооружений в Сибири и на Дальнем Востоке. Соответственно, перспективные направления развития сотрудничества сложно реализовать. Отметим, что работа опубликована более двадцати лет назад и оценки, данные в ней, сделаны на основе наблюдений, проведенных в крайне сложное для восточных регионов России последнее десятилетие XXI в.

Несмотря на пессимистичную оценку состояния российских регионов и их направлений развития на международной арене западными авторами, трудно выступать против уже налаженных контактов с восточными партнерами. В силу политической турбулентности взаимодействие с ними обладает различной интенсивностью, спецификой и результатом. Некоторые носят декларативный характер или заморожены из-за неразрешенных противоречий. Обратимся к исследованиям проблемных зон регионального международного взаимодействия Сибири и Дальнего Востока с ключевыми азиатскими партнерами – Китаем, Японией, государствами Корейского полуострова.

Так, индийский профессор Д. Вангмо признает взаимовыгодными экономические отношения восточных территорий России с Китаем [9]. Сибирь и Дальний Восток обеспечивают Китай природными ресурсами и энергией, в то время как Китай активно экспортирует потребительские товары, продукты питания и т. д. О взаимодополняемости российско-китайских экономических отношений заявляет и китайский исследователь Ли Син. К 2022 г. объем торговли России с Китаем уже составляет 22,34 % от общего объема ее товарооборота,

а значит, более пятой части внешней торговли России происходит с Китаем. Уровень экономической и торговой взаимозависимости также довольно высокий. К тому же в областях, где после ухода западных компаний Россия имеет недостаточный производственный потенциал, только Китай может предложить альтернативные товары. Кроме того, растущая взаимозависимость России и Китая беспокоит многих исследователей с позиции безопасности. Быстрый рост Китая как сверхдержавы может создать угрозы для Сибири и Дальнего Востока России. На регионы влияет включение в быстро развивающуюся экономическую зону Северо-Восточной Азии. По мнению Д. Вангмо, должен быть создан многонациональный орган безопасности, чтобы помочь Северо-Восточной Азии в уменьшении числа возможных конфликтов и реализации сотрудничества по подобию ОБСЕ в Европе [9, с. 53].

Зависимость российского Дальнего Востока от Китая рассматривается С. Бланком [6]. Успех в развитии Сибири и Дальнего Востока тесно связан с процветанием России как великой азиатской державы. Формулой регионального успеха С. Бланк считает иностранные инвестиции, по привлечению которых не ведется последовательная и результативная работа. Безуспешные попытки установить контакты с Японией и Южной Кореей заставили Россию все чаще обращаться к Китаю и зависеть от инвестиций, необходимых для развития приграничных территорий и превращения России в азиатскую державу. Регионы становятся уязвимыми. Неспособность России развивать Сибирь и Дальний Восток самостоятельно посредством сбалансированных инвестиций подрывает ее более масштабные усилия по становлению в качестве независимой азиатской державы. Инструментом борьбы с «китайской иглой инвестиций» является оживление российско-японских и российско-корейских отношений. Однако присутствует немало конфликтогенных факторов, препятствующих развитию в указанных направлениях. По мнению С. Бланка, одним из важных факторов заморозки японских инвестиций и многоформатного взаимодействия является территориальный спор относительно южных Курильских островов.

На сегодняшний день представляется вероятным воздействие украинского кризиса на отношения России и Японии, из-за него разрываются крупные региональные сделки, японские предприятия прекращают сотрудничать с отечественными компаниями. Аналогично российско-корейские отношения претерпевают трудности с реализацией соглашения о трехстороннем сотрудничестве между

Россией, Республикой Корея и КНДР. Непримируемость разногласий на пространстве Корейского полуострова может пагубно сказываться на развитии международных связей. Разумеется, фактор идейных разногласий в современной мировой действительности тоже является весомым.

Таким образом, текущее состояние и перспективы международного взаимодействия регионов Сибири и Дальнего Востока являются предметом интенсивных зарубежных исследований, требующих тщательного изучения и научной полемики. Актуализация дискурса о «повороте на Восток» и многочисленные заявления российских властей о необходимости включения восточных регионов в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона создают оживленные научные дискуссии. Несмотря на неоспоримый потенциал Сибири и Дальнего Востока России, требуются колоссальные вложения в развитие регионов и дополнительная проработка ряда вопросов по установлению взаимовыгодных международных каналов сотрудничества.

Список литературы

1. О положении в стране о основньг направлениях внутренней и внешней политики государства : послание Президента Российской Федерации от 12 дек. 2013 г. 6/н // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057> (дата обращения: 06.03.2024).
2. Безруков Л. А. Сибирский холод и экономика России // Journal of Institutional Studies. 2011. Т. 3, № 1. С. 104–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskiy-holod-i-ekonomika-rossii> (дата обращения: 08.03.2024).
3. Зуляр Ю. А. Предвзятый взгляд на индустриализацию Сибири. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1 (6). С. 29–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvzyatyuvzglyad-na-industrializatsiyu-sibiri-chast-1> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Караганов С. А. Сибиризация: второй поворот России на Восток лежит «за Камнем» // Рос. газ. : сайт. URL: <https://rg.ru/2024/02/05/reg-sibfo/sibirizaciia.html> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.
6. Blank S. Russia's Far East Policy: Looking Beyond China // Russie. Nei. Visions. 2010. N 54. 22 p. URL: <https://clck.ru/39m5sp>.
7. Dobson H. Book Reviews. The Russian Far East and Pacific Asia: Unfulfilled Potential (M. J. Bradshaw) // Asian Business and Management. 2003. N 2. P. 281–283. URL: <https://clck.ru/39m4g6> (date of access: 11.03.2024).
8. Russia's Far East: a Region at Risk / ed. J. Thornton, C. Ziegler. The National Bureau of Asian Research (NBR). Seattle, L. : University of Washington Press, 2002. 498 p.
9. Wangmo D. «China and Russia's Far East» Cooperation and Competition: Economic and Political perspectives // International Journal of Research Trends and Innovation. 2018. Vol. 3, Iss. 8. P. 47–53. URL: <https://www.ijnrd.org/papers/IJNRD1808009.pdf> (date of access: 11.03.2024).

International Cooperation of the Regions of Siberia and the Far East in the Reflection of Foreign Studies

V. S. Nechaeva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The international interaction of the regions of Siberia and the Far East is considered by analyzing the publications of foreign researchers of the late 1990s – the first decade of the XXI century. Special attention is paid to the review of the problems and prospects of international cooperation between the eastern territories of Russia and the neighboring countries of East Asia.

Keywords: Siberia, Russia's Far East, international cooperation, pivot to the East, region.

Нечаева Валентина Сергеевна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: valentinannech@mail.ru

Nechaeva Valentina Sergeevna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: valentinannech@mail.ru

УДК 325

Референдумы в Швейцарии как пример прямой демократии

К. С. Сокольникова
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Аннотация. Исследуется роль референдумов в политической системе Швейцарии, их особенности и эффект на политический процесс. Рассмотрены исторические аспекты референдумов в Швейцарии и их различные типы.

Ключевые слова: Швейцария, референдум, демократия, прямая демократия, граждане.

Швейцария – страна, известная своей особой политической системой, которая отличается от большинства других стран. В основе этой системы находятся референдумы (с лат. яз. «референдум» означает «то, что должно быть сообщено»), которые придают прямой демократии высокую значимость и влияние, позволяющие гражданам принимать активное участие в принятии ключевых политических решений. Важно отметить, что «инициатива может исходить как от государственных органов, так и от избирателей» [3, с. 128], т. е. от различных субъектов, включая граждан, политические партии, некоммерческие организации и правительство.

Вместо политической системы представительной демократии, как, например, в большинстве других стран, Швейцария применяет принцип прямой демократии. Как тонко заметил Л. Г. Цымбал,

старший преподаватель Томского государственного университета, «местные органы самоуправления в большей степени приближены к населению, чем органы центральные и региональные», поэтому и их работа – яркое проявление демократии [4, с. 133]. Граждане могут напрямую влиять на решения на всех политических уровнях. После итогов голосования на референдуме результаты становятся юридически обязательными для правительства.

Т. В. Починок, опираясь на мнение Д. М. Демичева [1], отметила, что референдум – это голосование граждан того или иного государства, какой-либо территории, имеющих избирательные права, для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни [4]. Думается, что с этим невозможно не согласиться.

История референдумов в Швейцарии берет свое начало еще в XIX в. Принципы прямой демократии включали возможность граждан принимать решения по ключевым вопросам путем голосования. Одной из важных точек в истории референдумов в Швейцарии является принятие швейцарской федеральной конституции в 1848 г., которая закрепила прямую демократию и референдумы как основные элементы политической системы. «С тех пор как Швейцария стала федеративным государством в 1848 г., она расширила возможности, предоставляемые ею для демократического участия» [5, с. 8]. Эта конституция предоставила гражданам возможность отклонения или принятия законов, изменяющих Конституцию, через голосование на референдуме.

В 1874 г. был установлен обязательный референдум для изменений в федеральной конституции, что подчеркнуло их статус как ключевого механизма для принятия решений. С течением времени референдумы стали все более интегральной частью швейцарской политической системы. Анализ статистики по участию в референдумах в Швейцарии и их результатам предоставляет важную информацию о влиянии этого инструмента прямой демократии на политический процесс страны.

Референдумы в Швейцарии отличаются высокой степенью участия граждан, что делает швейцарскую политическую систему единственной в своем роде. Если взглянуть на общедоступные статистики, можно обнаружить следующую закономерность: только в 2024 г. на референдум 3 марта была явка 58 % населения. Примечательно, что ключевыми вопросами были: выплата пенсий за тринадцатый месяц в году и повышение пенсионного возраста, что, думается, можно отнести к важным вопросам для населения. В то же время в

мае 2022 г. явка на референдум была значительно ниже – 40 % населения. Однако можно предположить, что поднятые вопросы менее сильно волновали швейцарцев: введение налога на потоковые сервисы, введение предполагаемого согласия на донорство органов в отделении интенсивной терапии, увеличение вклада правительства в пограничное агентство Frontex. Референдум, участие в котором приняло наибольшее количество граждан (65 %), состоялся в ноябре 2021 г. Вопросы были крайне важны в тот момент в связи с эпидемиологической обстановкой: изменение системы регулирования помощи медсестрам, изменение системы отбора судей, поправки к закону о COVID-2019 – расширение финансовой помощи пострадавшим, покрытие расходов на тестирование, создание правовой основы для сертификатов о вакцинации. Следовательно, можно проследить достаточно логичную связь между уровнем явки населения и ключевыми вопросами для обсуждения: чем важнее для населения вопрос, тем больше людей придет на референдум.

Существуют два типа референдумов в Швейцарии [2, с. 38]. Первый тип – инициативный референдум – возникает, когда определенное количество граждан собирает подписи в поддержку определенной инициативы. Если достигается необходимое количество подписей, вопрос выносится на голосование. Второй тип – факультативный референдум, который проводится по решению правительства или законодателей, чтобы подтвердить или отклонить принятие решения по конкретному вопросу.

Среди преимуществ референдумов в Швейцарии можно выделить укрепление демократии, легитимность принятия решения, предотвращение кардинальных изменений, повышение степени удовлетворенности граждан в деятельности властей.

Таким образом, роль референдумов в Швейцарии состоит в том, чтобы обеспечить прямую демократию и принятие ключевых решений с учетом мнения граждан. Референдумы подтверждают значимость участия граждан в политическом процессе и укрепляют их связь с государством.

Список литературы

1. Демичев Д. М. Референдум как конституционно-правовой институт // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : юбилейный сборник / М-во образования Республики Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; ред. кол.: В. Н. Шимов (пред.) [и др.]. Минск, 2013. Вып. 6. С. 482–490.

2. Конституция Швейцарской Конфедерации (принята на народном референдуме 18.04.1999) // Legalns : сайт. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

3. Починок Т. В. Референдум как конституционно-правовой институт: международный и национальный опыт проведения референдумов // Актуальные проблемы социальной политики и идеологии: сб. материалов Республиканской науч.-практ. конф., Минск, 20–21 декабря 2021 г. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2022. С. 126–129.

4. Цымбал Л. Г. Прямая демократия – основа для самоуправления граждан // Актуальные проблемы управления и экономики: российский и зарубежный опыт: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Томск, 26–27 апреля 2013 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 132–137.

5. Political system // Eidgenössisches Departement für auswärtige Angelegenheiten EDA: [official website]. URL: <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/en/home/politik-geschichte/politisches-system.html#:~:text=Since%20becoming%20a%20federal%20state,range%20of%20languages%20and%20cultures> (date of access: 15.03.2024).

Referendums in Switzerland as an Example of Direct Democracy

K. S. Sokolnikova

Ryazan State University named for S. Yesenin

Abstract. The article examines the role of referendums in the Swiss political system, their characteristics and effect on the political process. It also examines the historical aspects of referendums in Switzerland and their different types.

Keywords: Switzerland, referendum, democracy, direct democracy, citizens.

Сокольников Ксения Сергеевна – студентка 2-го курса (бакалавриат), Институт истории, философии и политических наук, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, e-mail: Kssokolnikova@yandex.ru

Sokolnikova Ksenia Sergeevna – 2nd year Student (bachelor's level), Institute of History, Philosophy and Political Science, Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: Kssokolnikova@yandex.ru

Особенности современной этнической политики Японии в отношении айнов

А. Н. Хахимов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности этнической политики Японии в отношении айнов. Актуальность темы заключается в непростых взаимоотношениях двух этносов (японцев и айнов), обусловленных предшествующим современному этапу этнической политики Японии периоду колониализма и попыткам ассимилировать айнов и упразднить их язык и культуру, а в дальнейшем не признавать айнов как один из коренных народов японского архипелага. Обозначается исследовательская проблема дискриминации и притеснения айнов, описание ее исторического аспекта, рассмотрение современного положения айнов в японском обществе, их формы участия в политической жизни, проблема развития этнического туризма и меры японского правительства по решению проблем малой народности. Уделено особое внимание мероприятиям по сохранению айнского языка.

Ключевые слова: Япония, айны, этническая политика, дискриминация, айнский язык, этнический туризм.

Айны – этнос, проживающий в настоящее время преимущественно на севере Японии, в частности на острове Хоккайдо. Территория, на которой были расселены айны, включавшая в себя часть российского Дальнего Востока и северо-запада острова Хонсю, стремительно сократилась за последние несколько веков японской политики, направленной на ассимиляцию малых народностей [3].

Находясь на периферии политической жизни Японии в эпоху Эдо (1603–1868), айны не представляли собой особого интереса для японских властей и контролировались лишь из побережного княжества Мацумаэ на юге Хоккайдо, однако после реставрации Мэйдзи только что образованная Японская империя начала полноценную колонизацию острова. Вместе с ней японское правительство приняло ряд шагов по приобщению айнов к японской культуре и обществу. Им запретили пользоваться родным языком и заниматься промыслами, обязали брать японские фамилии и имена, поощряли смешанные браки с японцами, которые происходили в пользу сохранения именно японского этноса, так как его численность, уровень культурного развития и научно-технического прогресса были выше [8, с. 45]. Была предпринята попытка изменить образ жизни айнов, сделав из них земледельцев, однако в виду сурового климата на Хоккайдо попытка оценивается в современных источниках как неудачная. Сами айны рассматривались японцами как дикари, которых

необходимо цивилизовать. При этом японские власти продвигали политику национальной гомогенизации Японии, в которой, согласно идеологии, нет ни других этносов, ни других отдельных культур [5]. Со временем все перечисленное привело к возникновению проблемы дискриминации айнов и их притеснения, наблюдаемой как во второй половине XX в., так и в наше время, и к ощутимому ухудшению социально-экономического положения айнов.

К концу 1970-х гг. Ассоциация айнов Хоккайдо, образованная еще в 1946 г., начала активную деятельность по защите интересов айнов в отстаивании этнической идентичности. Лидеры движения стали понимать, что в случае бездействия айны будут полностью ассимилированы, а их культура исчезнет. В обход заявлений японских политиков того времени о моноэтническом характере страны Ассоциация с 1980-х гг. принимала участие в мероприятиях по защите коренных народов мира, проводимых ООН [5] (например, десятилетия коренных народов мира). Деятельность айнов привела к тому, что международная общественность обратила внимание на проблемы малой народности. Под давлением со стороны ООН японское правительство пошло навстречу айнскому движению. В 1994 г. в верхнюю палату парламента был избран кандидат Социалистической партии Каяно Сигэру, представлявший в законодательном органе интересы айнов.

Японским правительством предпринимались попытки сохранения айнского языка и культуры: было открыто множество музеев, посвященных истории народа и его культуре, промыслу и быту, велись курсы айнского языка. В 1997 г. принят «Закон для продвижения айнской культуры, защиты и распространения знаний о традициях и культуре айнов» [2], вызвавший негативную реакцию со стороны айнов. Представители малой народности понимали, что основная цель такого закона и популяризация айнской культуры заключались не в активной этнической политике в интересах айнов, признании их исключительных прав и экономической независимости, а в коммерциализации этнического туризма. При этом не все айны получали доход с него, а лишь те, которые вовлечены в туристический бизнес. В результате айны были признаны коренным народом лишь в 2008 г., после очередной поддержки айнских ассоциаций мировым сообществом и ООН, которые вынудили японские власти пересмотреть определение положения айнов. С этого момента можно говорить о становлении нового этапа этнической политики Японии, предполагавшего конкретные шаги по реализации прав ай-

нов. В 2012 г. была создана Партия айнов, отстаивающая права народа на автономию, распоряжение земельными ресурсами, агитирующая за создание гармоничного общества на основе сосуществования этносов японских островов. Ее лидером стал Каяно Сиро, сын Каяно Сигэро.

В настоящее время определение численности неоднозначно ввиду межэтнического непонимания и разногласий между японцами и айнами. Так, насчитывается от 10–13 тыс. до 150 тыс. представителей коренного народа, часть которых в попытках избежать возможной дискриминации не указывают свою принадлежность к айнам и не идут на сотрудничество с японскими властями [5].

Факт дискриминации айнов подтверждается наличием целого ряда сведений о притеснениях в школе, трудностях при трудоустройстве и плохом обращении на работе, при построении семьи с японцами из-за родительского осуждения [7]. Возможным последствием является то, что статистически экономическое положение айнов хуже, доходы на 1 млн йен в год меньше, чем у японцев, а также они менее заинтересованы в получении высшего образования [6]. Айны недовольны тем, что останки их предков изымаются учеными для исследований, что выделяется в отдельную проблему. Вместе с тем важно отметить, что степень интегрированности айнов в современную жизнь очень высока – общины незакрытого типа расположены недалеко от городов, большая часть имеет среднее образование, занята в различных сферах экономики, ведет обычный для городского жителя образ жизни [4].

Общины айнов, отличающиеся друг от друга разными вариациями историко-культурного наследия, местоположения, языка, обрядов, одежд и прочего, защищают свою этническую принадлежность через деятельность ряда территориальных организаций, объединенных под эгидой более крупных организаций, например обозначенной ранее Ассоциации айнов Хоккайдо. Она во многом поддерживала и консультировала японское правительство при обсуждении законопроекта 2019 г. [2], направленного на сохранение айнских традиций, ремесел, культуры в целом. Этот законопроект положительно оценивался мировым сообществом, однако, как и закон 1997 г., был раскритикован за отсутствие конкретных планов на улучшение социально-экономического положения айнов, а также за то, что в составлении не принимали участие сами айны. Больше внимание уделяется стремлению развить этнический туризм, например через возведение обширного музейного комплекса в г. Сираои.

Еще одной серьезной проблемой этнической политики в Японии является проблема коллективных прав айнов – японское законодательство сосредоточено вокруг признания индивидуальных прав каждой отдельно взятой личности, которая может реализовать эти права, только если она в своем поведении не мешает общественному благосостоянию. Японцы зачастую не согласны с позицией айнов, заключающейся в их исключительности, не видя необходимости в том, что их следует наделить особыми правами и обозначить особое отношение к ним как к малому народу. Японские политики также не считают нужным извиняться за колониальную политику по отношению к айнам в прошлом.

В контексте проведенной в 2000 г. реформы местного самоуправления на муниципалитеты Хоккайдо были возложены задачи по улучшению условий жизни айнов, их образования, увеличению экономических показателей региона, в том числе за счет развития этнического туризма. Для таких целей руководством Хоккайдо была учреждена постоянно действующая конференция семи министерств, реализующая меры по улучшению жизни айнов Хоккайдо [1].

Проблема развития этнического туризма заключается в том, что почти все мероприятия, связанные с реставрацией айнской культуры, на самом деле являют собой поверхностные представления о том, какой она была на самом деле. Многие айнские поселения стали зависимы от туристических потоков и превратились в торговые точки, в которых традиционные празднества и действия стали лишь развлечениями для туристов, а предметы материальной культуры – сувенирами.

Положительными сторонами этнического туризма выделяют то, что часть айнов получает доход от туристической деятельности, инфраструктура в популярных туристических местах развивается, а общественности представляются самые интересные аспекты айнской культуры.

Впрочем, важно понимать, что у туристической деятельности есть и отрицательные стороны. В первую очередь это неправильное понимание айнской культуры в частности и аборигенной культуры в целом. Часто они воспринимаются «застывшими во времени», не поддающимися изменениям и исключительно архаичными, что подразумевает их фактическое исчезновение и отсутствие в наше время как таковых. В попытке доказать обратное айнское движение стремится показать культуру своего народа как комплекс особых и сложных верований и традиций, уходящих корнями в долгую историю становления и развития айнского этноса.

До недавнего времени на протяжении большей части двух предыдущих столетий японские власти запрещали айнский язык и стремились искоренить его [9]. Важным вопросом сохранения этнического самосознания является вопрос о современной политике Японии в области сохранения айнского языка, так как именно язык в огромной степени отличает представителей одних этносов от других. В наше время японское правительство заинтересовано в сохранении айнского языка, так как это соответствует современным мировым стандартам по защите и поддержке коренных народов, в том числе регламентируемым Организацией Объединенных Наций.

Помимо работы языковых школ и включения айнского языка в школьные курсы, мероприятия по продвижению языка состоят из двух компонентов. Первый – это проведение специальных радиокурсов по введению в язык айнов, цель которого – помочь общественности лучше понять культуру айнов. В 2016 г. программа транслировалась спутниковой радиостанцией STVradio [8, с. 64]. Второй компонент – это конкурсы выступлений на айнском языке, цель которых в его популяризации и повышении интереса к его изучению. Состязания состоят из трех разделов: детского, в котором содержание речи свободно; раздела для взрослых, в котором представлена устная литература, такая как героический эпос, мифология и фольклор; другого раздела для взрослых, в котором содержание речи свободно [10].

Таким образом, можно определить, что особенностями этнической политики Японии по отношению к айнам на современном этапе является то, что законопроекты и мероприятия, организованные японскими властями, в целом направлены на сохранение айнской культуры и языка, однако они регламентируются де-факто, прежде всего экономическими соображениями развития японского Севера и получения прибыли, что идет вразрез с целями айнского представительства. Национальная политика в Японии все еще находится на начальной стадии развития, однако положительные тенденции определяют дальнейшие попытки установить баланс в этнических отношениях японцев и айнов, а также соответствие японского законодательства нормам международного права.

Список литературы

1. Горян Э. В. Роль органов местного самоуправления Японии в обеспечении прав коренного народа айну // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 20–31.
2. Елкин М. Е. Процесс ассимиляции и современное положение айнов в японском обществе // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 18. С. 146–150.

3. Чекункова Е. С. Айны в современном японском обществе: к проблеме гармонизации межнациональных отношений // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). С. 79–83.
4. Чекункова Е. С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов // Японские исследования. 2022. № 3. С. 69–83.
5. Чекункова Е. С. Современное положение айнов в рамках нового этапа этнической политики Японии // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 55–66.
6. Actual Living Conditions of the Hokkaido Ainu // Ainu-assn.or.jp : [website]. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/english/life.html> (mode of access: 28.03.2024).
7. From assimilation to recognition: Japan's indigenous Ainu // Minorityrights.org : [website]. URL: <https://minorityrights.org/japans-minorities-and-indigenous-peoples-a-history-of-denial/> (mode of access: 28.03.2024).
8. Kanako U. Crafting Our Future Together: Urban Diasporic Indigeneity from an Ainu Perspective in Japan : a dissertation for the degree of Philosophiae Doctor // The Arctic University of Norway. Tromsø, 2019. 164 p.
9. Tanabe Y. A Historical Perspective of Indigenous Education Policy in Japan: The Case of Ainu Schools // Sámi Educational History in a Comparative International Perspective. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 207–224.
10. Yotsumoto Y. Revitalization of the Ainu Language : Japanese Government Efforts // Handbook of the Changing World Language Map. Cham : Springer, 2019. P. 1–17.

Features of Japan's Modern Ethnic Policy Towards the Ainu

A. N. Khakimov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the peculiarities of Japan's ethnic policy towards the Ainu. The relevance of the topic lies in the difficult relationship between the two ethnic groups (Japanese and Ainu), due to the period of colonialism preceding the modern stage of Japan's ethnic policy and attempts to assimilate the Ainu and abolish their language and culture, and in the future not to recognize the Ainu as one of the indigenous peoples of the Japanese archipelago. The structure of the article includes the formulation of the research problem of discrimination and oppression of the Ainu, a description of its historical aspect, consideration of the current situation of the Ainu in Japanese society, their forms of participation in political life, the problem of the development of ethnic tourism and the measures of the Japanese government to solve the problems of the small nation. Attention is paid to measures to preserve the Ainu language.

Keywords: Japan, Ainu, ethnic politics, discrimination, Ainu language, ethnic tourism.

Хакимов Александр Николаевич – студент 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: AKhakimov2003@yandex.ru

Khakimov Aleksandr Nikolaevich – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: AKhakimov2003@yandex.ru

Проблемы и вызовы женского политического лидерства в странах Восточной Африки

А. Д. Черепанова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются особенности социальных и институциональных барьеров на пути обеспечения женского политического лидерства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Руанда, Бурунди). Особое внимание уделяется вопросам института семьи, гендерного насилия и правовой защиты женских прав, свобод и здоровья. Анализируются причины, которые замедляют доступ восточноафриканских женщин к более широкому представительству в политической среде с ее традиционно преобладающим мужским управлением.

Ключевые слова: женское лидерство, Восточная Африка, африканская семья, гендерное насилие, патриархат, Руанда, Кения, Танзания, Бурунди.

Женское лидерство – необходимый элемент, обеспечивающий демократизацию и инклюзивность политической системы, а также поддерживающий имидж государства на международной арене. При рассмотрении международного опыта обеспечения возможностей для женского лидерства в разных странах можно выделить региональные особенности и тенденции для большинства из них. Так, страны Восточной Африки (Кения, Танзания, Руанда, Бурунди) имеют закономерные сходства относительно социокультурных, экономических и институциональных барьеров на пути установления женского лидерства.

Одними из главных вызовов для женщин в регионе на современном этапе являются особенности местного института семьи и вытекающее из него жесткое разделение гендерных ролей. На институт семьи здесь оказывают воздействие факторы, сосуществующие друг с другом, но нередко взаимоисключающие и/или противоречащие: вековые традиции сплетаются с современными глобальными трендами, а авторитарные режимы развивают демократические институты. В связи с этим в регионе можно наблюдать женщин во главе домохозяйств, их деятельность в торговле и политической сфере, однако зависимость от семьи является решающим аспектом в их деятельности. Девочек изначально учат обслуживать домашние нужды и хозяйство, тогда как мальчиков готовят к жизни вне дома; эти стереотипные гендерные роли снижают количество инвестиций в образование женщин [3, с. 1510]. Так, многодетным семьям в связи с ограниченными экономическими ресурсами присуще четко дифференци-

рованное инвестирование в конкретных членов семьи, которые в будущем должны принести больше всего пользы [2, с.129]. Таким «профицитным» членом семьи чаще всего становится старший сын, который должен продолжить род, он получает образование, повышает трудовую квалификацию, что позволяет ему выйти на рынок труда. Девочки в семьях могут не иметь доступа к образованию и впоследствии исключаются из вышеуказанной цепочки, потому что с ними ассоциируется иное предназначение, однако даже при уже начатом обучении у девочек есть повышенный риск его не окончить. Это связано, во-первых, с ранними браками и беременностями; во-вторых, с использованием дочерей в качестве бесплатной рабочей силы. Например, девочку могут забрать из школы в период сельскохозяйственных работ для помощи старшим или для работы в качестве сиделки с детьми и больными родственниками. Таким образом, из-за ограниченного доступа к образованию женщины становятся менее конкурентоспособными, они могут не обладать нужными навыками и элементарно не знать языка, который необходим для участия и продвижения своих идей в политической сфере. Так, в Танзании необходим суахили, а в Руанде желателен английский, хотя большинство населения разговаривает на киньяруанда [7, с. 5]. Принимая во внимание указанные аспекты, можно утверждать, что институт семьи, а именно подвластность ему, является первым вызовом на пути установления женского лидерства.

Следующим немаловажным фактором в контексте темы является проблема гендерного насилия, которая особо остро выражена в Восточной Африке. Женщина подвергается насилию как со стороны родственников (чаще мужчин), так и со стороны коллег-мужчин и собственного мужа, от решения которого зависит ее деятельность, мобильность и возможности в распоряжении и владении экономическими ресурсами. Так, результаты Руандийского демографического и медицинского обследования показали, что 56 % женщин, состоявших в браке, подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны своего партнера. Стоит отметить, что в Руанде этот процент одновременно сосуществует с законом о домашнем насилии, принятом в 2008 г. [5, с. 17]. На этом примере становится очевидно, что в обществе, несмотря на существующее законодательство, присутствуют определенные социальные нормы, негативно влияющие на физическое и психологическое здоровье женщин. Более того, для восточноафриканских обществ характерна культура, основанная на насильственной деградации женщин, которая воспринимается

как некая норма. Несмотря на то что парламентарии той же Руанды приняли закон, запрещающий гендерное насилие, очень немногие женщины им пользуются. Это связано с тем, что общественное мнение остается неизменным и несовместимо с инициативами законодательной власти и правоприменительными практиками. Жертва теряет всякую мотивацию заявлять о проблемах. Если она выступит с заявлением, то это будет противоречить нормам и обычаям культуры, рассматриваться как что-то неправильное. Более того, женщины, которые все-таки заявили о насилии в отношении себя, нередко сталкиваются с еще более жестокой волной насилия. Кенийский опыт отражает схожую ситуацию, кроме того, здесь известны многочисленные случаи насилия со стороны мужей в отношении жен, которые отказались следовать за партией мужа или за выбранным им кандидатом во время выборов [6, с. 79]. Таким образом, отсутствие баланса сил даже на межличностном уровне лишь усугубляет гендерную дихотомию и зависимость женщин, закрепляя мужское доминирование.

Необходимо затронуть не только те проблемы, с которыми сталкиваются женщины в процессе своего личностного становления, но и те, что характерны для женщин, уже занимающих лидерские позиции в обществе или планирующих это сделать в перспективе. Поэтому далее предметно рассмотрим проблемы женского лидерства на примере Бурунди, где вызовы имеют комплексный характер, обусловленный социокультурными особенностями, политическими традициями, противоречиями в законодательстве и др.

Социальные отношения в стране, как и в большинстве государств Восточной Африки, характеризуются патриархальным управлением и патрилинейностью, что приводит к доминированию мужчин и четкому разделению гендерных ролей. На конституционном уровне всем людям независимо от гендерной принадлежности гарантируются равные права, а также для женщин устанавливается «гендерная квота» в 30 %, которая обеспечивает их присутствие в парламенте. Однако существуют определенные сложности, связанные с реализацией декларируемых прав. Несмотря на то что ст. 19 Конституции Бурунди содержит перечень правозащитных договоров и документов (в том числе Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин), которые де-юре являются неотъемлемой частью основного закона государства [1, с. 23], в Бурунди нет независимого правозащитного органа, который бы следил за соблюдением международных стандартов. Так, например, Се-

мейный кодекс (Persons and Family Code), который устанавливает разный возраст для вступления в брак мужчинам и женщинам (21 год и 18 лет соответственно), все еще ждет своего обновления. Независимо от конституционно провозглашенных прав, женщины все еще вынуждены получать одобрение своих отцов или мужей для того, чтобы принимать участие в политической деятельности, публично выступать и свободно перемещаться [4, с. 11].

Отметим также, что 30%-ная квота распространяется лишь на выборные, а не назначаемые должности (также в Руанде, Кении и Танзании); кроме того, в общественном сознании этот процент рассматривается не как необходимый минимум, а как навязанный максимум, что нередко является серьезной преградой для женщин на пути расширения своего представительства во властных структурах. Более того, по результатам и динамике бурундийских выборов в 2015 г. стало известно, что у мужчины-кандидата шансы быть избранным в среднем в два раза выше, чем у женщины-кандидата [4, с. 9]. Это отражает трудности, с которыми сталкиваются женщины в ходе предвыборной кампании: они имеют меньше ресурсов, меньшую мобильность и плохо развитую политическую сеть, что приводит к ограниченному воздействию на их потенциальный электорат.

У бурундийских женщин на современном этапе ограничен доступ к экономическим ресурсам, поскольку они лишены формального права наследовать от своих родителей. Аналогичный вопрос остро стоял в Руанде и Танзании, которые решили его разными способами. Так, в Руанде благодаря высокопроцентному женскому представительству в парламенте было изменено законодательство в отношении наследования, в том числе земельного. В Танзании же развился правовой обычай, который проявляется в том, что гетеросексуальные женщины (чаще всего с разницей в возрасте) заключают брак между собой для того, чтобы та, кто в будущем станет вдовой, могла наследовать имущество жены. В Бурунди женщины-парламентарии стремятся повторить руандийский успех. Таким образом, страны Восточной Африки объединены общей проблемой экономической зависимости женщины от семьи и/или мужа, что ограничивает ее в публичной и политической сфере.

Несмотря на это, с каждым годом все больше восточноафриканских женщин стараются проявить себя и заявить о проблемах, которые больше невозможно замалчивать. Поэтому они стремятся участвовать в выборах, из-за чего сталкиваются с новыми барьерами на пути продвижения своего лидерства. Так, на примере Кении можно

определить, что по мере приближения выборов и проведения предвыборных кампаний наблюдается эскалация насилия в отношении женщин, что главным образом препятствует их дальнейшей деятельности. Кандидатки подвергаются угрозам и оскорблениям через электронные письма и напрямую, избиениям, изнасилованиям, изгнаниям из семьи и общины, нападениям со стороны местных группировок и др. Все это используется обществом для недопущения женщин в сферы, управляемые мужчинами.

Так, Алиса Ондуто – кандидатка в депутаты от Лугари в Кении – была застрелена по дороге домой; Наоми Шабан – член парламента от Таветы в Кении – подвергалась угрозам, после которых сожгли ее дом, а ее мать забросали камнями; Милли Одиамбо – член парламента от Мбиты в Кении – получила премию «Женщина года» в области прав человека и гендера за 2006 г., за что подверглась нападению в здании парламента, где ее избили и раздели догола [6, с. 80]. Руанда, несмотря на 61 % женщин в парламенте, тоже известна случаями насилия в отношении женщин-кандидаток. На президентских выборах 2017 г. выделилась независимая кандидатка Диана Рвигара, которая подверглась критике режим Кагаме, после чего в интернет попали предполагаемые интимные фотографии женщины, что отвернуло от нее многих сторонников. В этом же году ее арестовали, предъявив многочисленные обвинения, которые были впоследствии аннулированы, когда президент Кагаме уже пошел на свой третий срок, набрав на выборах 98 % [5, с. 16]. Это лишь несколько историй и только те из них, о которых женщины заявили сами или это стало известно общественности; очевидно, многие случаи замалчиваются в силу разных причин. Можно заключить, что избирательные системы не имеют инструментов и механизмов для недопущения любого рода насилия в отношении женщин, поэтому потенциальные претендентки теряют мотивацию для продолжения публичной деятельности. Таким образом, из-за того, что женщины становятся все более явственной угрозой для патриархальной системы, их оппоненты-мужчины готовы использовать любые средства для предотвращения потери своей власти и авторитета.

Даже при попадании на лидерскую позицию, пройдя многочисленные социальные преграды, женщина все еще вынуждена ощущать доминирование над собой. Избирательная и политическая системы маргинализируют женщин, а большинство мужчин не стремятся поддерживать гендерно-чувствительные законы, призванные увеличить видимость женщин во всех сферах. К депутаткам, про-

шедшим по квоте, относятся как к низшему слою, что подрывает их социокультурные возможности. Кроме того, отмечается, что нередко «участие женщин ограничивается их присутствием» [7, с. 5]. Это объясняется причинами, в число которых входят лояльность женщины к партии, благодаря которой она получила доступ к власти; конформизм и мимикрирование под мужскую лидерскую модель поведения; отсутствие необходимого процента женщин для смещения повестки дня и др. Существует также формат «неформальной политики», из которой женщины практически полностью исключены. Так, в Бурунди этот формат имеет название «кабаре», он обозначает встречи мужчин в барах, где решаются вопросы за распитием алкоголя, женщины туда допускаются, но их участие в таких сомнительных мероприятиях осуждается, потому что репутация матери и жены не должна быть омрачена [4, с. 14].

В заключение отметим, что включение женщин в политическую жизнь и обеспечение женского лидерства в странах Восточной Африки на современном этапе ограничены по многим параметрам. На это оказывают влияние институт семьи, пробелы в законодательстве, насилие в отношении женщин, намеренное ограждение их от публичной и политической жизни, во главе чего стоят патриархальные устои и мужское доминирование, стремящееся сохранить статус-кво. Несмотря на это, восточноафриканские женщины уже добились существенных успехов в указанной области, очевидно, что гендерный вопрос еще не решен, потому что для этого требуются усилия как женщин, так и мужчин.

Список литературы

1. Конституции государств Африки и Океании : сборник. Т. 2. Восточная Африка / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. 956 с.
2. Рыбалкина И. Г. Некоторые демографические и социально-политические аспекты функционирования африканской семьи // Африка. Гендерное измерение / сост. и отв. ред. Н. Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М., 2010. С. 127–135.
3. Anyango B. O. Women in Politics in Kenya: an Analysis of Participation and Barriers // Multidisciplinary Journal of Gender Studies. 2018. N 7 (1). P. 1505–1530.
4. Brand S. Political Participation of Women in Burundi // MDF Training & Consultancy Ede. 2018. 25 p.
5. Briggs A. The Danger of Current Rwandan Gender Politics // California Polytechnic State University. 2020. 24 p.
6. Kassilly B. J. N., Onkware, Struggles and Success in Engendering the African Public Sphere: Kenyan Women in Politics // Kenya Studies Review. 2011. Vol. 3, N 3. P. 74–86.
7. Strachan A. L. Women in politics and the public sector in Tanzania // GSDRC Helpdesk Research Report. University of Birmingham, 2015. 8 p.

Issues and Challenges of Women's Political Leadership in East Africa

A. D. Cherepanova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the features of social and institutional barriers to ensuring women's political leadership in the countries of East Africa (Kenya, Tanzania, Rwanda, Burundi). Particular attention is paid to issues of the institution of family, gender-based violence and legal protection of women's rights, freedoms and health. The author analyzes the reasons that slow down East African women's access to greater representation in a traditionally male-dominated political environment.

Keywords: women's leadership, East Africa, African family, gender-based violence, patriarchy, Rwanda, Kenya, Tanzania, Burundi.

Черепанова Анна Денисовна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: cherepanova20021904@gmail.com

Cherepanova Anna Denisovna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: cherepanova20021904@gmail.com

УДК 711

Джентрификация исторического центра постсоциалистического города в перспективе внутренних туристов (на примере г. Тяньцзинь)

В. В. Чуркина
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается концепция джентрификации как процесса, набирающего популярность в мире. Анализируется его влияние на различные сферы человеческой жизни. На материале десяти коротких интервью выявляются специфические особенности и перспективы процесса джентрификации в китайском городе Тяньцзинь.

Ключевые слова: джентрификация, реконструкция, неолиберальный город, социальное неравенство, коммерциализация исторических зданий.

Появление современных технологий, сферы услуг и, как следствие, потребность в улучшении общественной инфраструктуры напрямую связаны с изменением социально-экономической структуры регионов [6]. Реконструкция, тождественная понятию «джентрификация», приобретает все большее распространение и является важным процессом в развитии города и городских пространств, проявляя как положительные, так и отрицательные аспекты влияния на

сферы человеческой жизни. В формальном ключе она влияет, например, на трансформацию топонимики [1], а в содержательном – на изменения форм культуры хозяйствования [4]. Несмотря на шаги, которые страны активно предпринимают для смягчения негативных последствий джентрификации, необходимо проводить дополнительные исследования и анализировать перспективы данного процесса, разрабатывая эффективные стратегии, которые позволят если не избавиться от недостатков, то хотя бы балансировать между противоположными сторонами явления.

Джентрификация – это процесс преобразования отдельно взятых территорий в пределах городского пространства, которые пришли в упадок, т. е. утратили свою привлекательность или практическое применение. Такие районы в основном представляют из себя несостоятельные рабочие или городские зоны, населенные людьми с небольшим достатком, а также места традиционного промышленного производства, которые перестали функционировать. Это могут быть также пустующие территории, привлекающие внимание не только СМИ, органов власти и городских планировщиков, но и групп консервации и охраны традиционной культуры.

Вышеизложенная концепция зародилась в Древнем Риме [12], однако в привычном нам смысле термин «джентрификация» был впервые использован британским социологом Рут Гласс в 1964 г. [Цит. по: 5]. Именно в это время в Англии происходил активный приток людей из среднего класса в городские кварталы несостоятельных рабочих с последующим вытеснением последних. Гласс отмечает, что данный процесс протекает быстро: как только срок аренды по прежней стоимости подходит к концу, жителей вынуждают съезжать в сторону периферии и искать наиболее подходящее жилье, так как у них не хватает средств на оплату прежнего.

В Китае же выделяют два этапа становления данного процесса [13]. Первый (1996–2007 гг.) был формально подкреплён незначительными исследованиями. В это время большинство денежных средств из государственного бюджета затрачивались на строительство новых городов, которое превышало количество реконструкций. Второй этап (2008–2017 гг.) считается переломным в развитии джентрификации. В Китае произошел сдвиг в национальной экономической стратегии и городской политике [7]. Некоторые авторы пишут, что это было непосредственно связано с проведением 29-х летних Олимпийских игр в Китае и желанием представить лучшие архитектурные решения (джентрификация вместе с другими социально-

экономическими механизмами перепланировки постсоциалистического города): правительство начало менять градостроительные планы, прибегая к инвентарному планированию, т.е. обновляя уже имеющиеся городские районные единицы, делая ставку не на количественный, а на качественный показатель, снижая экономические расходы и увеличивая скорость застройки [2, с. 20–23].

Одно из отличий между западной и китайской моделями джентрификации основывается на потребительских запросах граждан. Первая модель возникает в результате желания среднего класса существовать в условиях постоянного разнообразия в обновленных городских массивах. В Китае же после перехода от социалистического типа экономики к рыночной началось активное переселение людей в более комфортное жилье, ведь государственное, построенное во время правления Мао, не являлось высококачественным [11].

В силу роли рынка в западной практике джентрификация обычно происходит снизу вверх: инициатива проявляется от населения и частных предпринимателей для обновления отдельных кварталов. Первоначально в Китае джентрификация происходила особым образом сверху вниз: это своеобразная договоренность между правительством и девелоперами для получения двусторонней выгоды, или явление опосредованной джентрификации [3]. И все же позже понимание китайской концепции процесса приблизилось к англосаксонской, и инициатива начала исходить «из народа» [10].

Тяньцзинь, являясь одним из самых быстро развивающихся городов мира, также сталкивается с конфликтами в области городского планирования, возникающими в результате неолиберализма [15]. Как и на других джентрифицированных территориях, одной из ведущих является проблема возникающего социального неравенства и переселения коренных жителей, однако этот город также обладает большим массивом исторических территорий, отражающих истинную традиционную культуру Китая. Местное правительство делает выбор в пользу коммерциализации, реконструкции или сноса исторических зданий, чтобы в дальнейшем получить от этого выгоду. Именно это приводит к «разрыву» в сохранении наследия. Перед Тяньцзинем возникает другой, на наш взгляд, более серьезный вопрос. Стоит ли продолжать использовать такое направление государственной политики, с одной стороны, обновляя и совершенствуя градостроение и архитектуру, а с другой стороны, уничтожая культурные памятники исторического наследия Китая, являющиеся проявлением культурной китайской самобытности.

В отличие от множества других китайских городов, с началом Второй опиумной войны Тяньцзинь подвергся вторжениям извне и позже стал колониальным портовым городом [8]. Иностранцы, занявшие внутренние территории, не только получили права на владение, но и активно их применяли, в том числе в градостроении. Так, традиционные здания сменились европеизированными постройками, абсолютно отличающимися от восточного стиля. Несмотря на то что рассматриваемый город центрального подчинения до сих пор продолжает являться крупным торговым центром, он был освобожден из-под гнета зарубежных стран, но иностранцы не покинули Тяньцзинь, приобщившись к местному населению.

В данной статье мы остановимся на двух показательных примерах джентрифицированных районов, один из которых относился к колониальному центру – Район Пяти великих авеню (天津五大道) [9], а другой отражает нетронутую китайскую традиционную культуру – Древняя улица культуры (古文化街) [14]. В целях более детального изучения джентрификации на территории Тяньцзиня был применен качественный метод исследования в виде полуструктурированных интервью. Вопросы для интервью были составлены и переведены на китайский язык заранее, так как респондентами в нашем исследовании являлись носители китайского языка. Стоит отметить, что первоначальной целью нашей работы являлись поиск и проведение опроса среди иностранцев-туристов, приехавших в Китай, но среди огромного потока людей было практически невозможно встретить таких респондентов: большинство отдыхающих составляли китайцы из других городов и провинций. Можно предположить, что это связано со снятиями ограничений по недавним антиковидным требованиям.

Респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Как вы считаете, правильно ли коммерциализировать исторические места и здания?
2. В этих (джентрифицированных) зданиях кто-нибудь живет?
3. Дорого ли покупать недвижимость в этом районе?
4. Как часто сюда (в джентрифицированные места) приезжают туристы? Что они говорят? Что делают здесь?

Проанализировав полученные ответы десяти респондентов, можно выделить следующие аспекты, которые показались нам наиболее интересными или противоречивыми. Стоит уделить особое внимание отношению китайцев к коммерциализации исторических зданий, ведь оно оказалось неоднозначным. Половина респондентов

считает, что джентрификация не является негативным процессом, так как благодаря нему Тяньцзинь не только получает экономическое развитие, но и помогает многим людям погрузиться в историю и культуру исторических центров. Другие выступают категорически против использования такого направления городской политики, ведь памятники традиционной культуры нужно защищать, так как большое количество туристов и коммерческих работников могут нанести им вред в процессе эксплуатации. Респонденты настаивают на утративании особенностей и «первоначального шарма».

Несмотря на то что здания на территории Пяти великих авеню считают результатом контактов между Китаем и Западом, а Древняя улица культуры является самым показательным историческим местом Тяньцзиня, цены на недвижимость в обоих районах чрезвычайно высоки и составляют около 100 тыс. юаней за 1 м². Одна из опрошенных уточнила, что «стоимость жилья в Тяньцзине ниже в сравнении с Пекинской, но все-таки сильно повысилась после реконструкций». При чем не все осведомлены о том, являются ли здания жилыми.

Туристы, по словам респондентов, – это постоянное явление в реконструированных районах. Там они не только знакомятся с аспектами китайской и, в нашем случае, западной культур, но и активно приобретают предлагаемые товары, цены на которые в разы выше, чем в других, менее популярных частях города. Стоит отметить, что на Древней улице культуры «практически все туристы – китайцы», а в районе Пяти великих авеню «можно встретить много иностранцев».

Первоначальная трактовка джентрификации многогранно отражает положительные и отрицательные стороны явления как в Тяньцзине, так и во всем мире. Основываясь на нарративах, представленных респондентами, а также общих тенденциях джентрификации, можно выделить следующие перспективы развития процесса.

Во-первых, проявление социального неравенства как самого значительного негативного фактора джентрификации продолжит увеличиваться и в итоге окончательно разделит общество на две страты по экономическому признаку. Малоимущие жители не смогут позволить себе оплачивать повышенную арендную плату за прежнее жилье и будут вынуждены покинуть прошлое место жительства, сместившись на периферию в менее привлекательные районы. Часть респондентов рассказала о том, что в ближайших зданиях живут в основном богатые люди или бизнесмены, владеющие коммерческими заведениями непосредственно на джентрифицируемых территориях: «Обычные люди здесь жить не могут. Недвижимость очень дорогая».

Во-вторых, джентрификация будет способствовать развитию экономики и неолиберального города. Городские власти напрямую заинтересованы в поддержании проведения данного процесса, так как будут получать большие налоги, зависящие от повышения арендной платы. Таким образом, городская инфраструктура стремительно улучшится и привлечет новые субъекты рыночной экономики (состоятельных жителей, туристов): «Довольно неплохо то, что здания переделывают в коммерческие единицы, ведь это дает им (историческим центрам) развитие, помогает продвигать экономические аспекты в Тяньцзине». Также будет поднят уровень жизни, однако лишь частично. Переселенные коренные жители, напротив, будут испытывать неудобства.

В-третьих, джентрифицированные районы – это привлекательные места для посещения, особенно если при реконструкциях учитываются общественные запросы на культурное обогащение. В таких районах будут строиться рекреационные пространства (музеи, галереи, выставочные залы и площадки для проведения концертов), которые станут центрами нового продвигаемого молодыми поколениями наследия. Один из респондентов отмечает, что туристы посещают исторические центры в том числе из-за примечательности районов с рекреационной стороны: «Они (туристы) гуляют, развлекаются и едят тяньцзиньские традиционные закуски». Вышеперечисленные виды времяпрепровождения можно считать явным результатом джентрификации.

Важно отметить, что не всегда создание новой культуры является правильным решением в контексте современных реалий. Джентрификация может привести к утрате старых, исторически значимых мест и зданий, которые на протяжении длительного времени являлись отражением важных элементов идентичности района: «Мне не очень нравится то, что здания переделывают в коммерческие, ведь они теряют свое историческое “ощущение”. Такие здания нужно защищать, ведь они отражают историю этих мест», – пояснил один из опрошенных.

Джентрификация – феномен, неразрывно связанный с современным миром в условиях становления неолиберального города; это противоречивое явление, которое имеет как вызовы, так и перспективы. Важно найти баланс, чтобы смягчить отрицательные последствия для обеспечения социальной справедливости, приостановить быстрый рост неравенства, сохранить идентичность районов, в то же время поддерживая экономический рост и улучшение качества жизни.

ни населения. Процесс требует включения государства, бизнес-сообщества и жителей районов, особенно тех, кто может попасть под угрозу переселения.

Список литературы

1. Балашова В. П. Состав топонимической системы годонимов и аспекты ее трансформации (на материале сравнительного анализа годонимов Москвы и Пекина) // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч. практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 29–34.
2. Виссер Р. Города окружают деревню. Урбанистическая эстетика в культуре постсоциалистического Китая. СПб. : Academic Studies Press, Библиороссика, 2022. 535 с.
3. Горбачевская Е. Ю. Нарративы западной и российской джентрификации: общее и особенное // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8, № 2. С. 151–169.
4. Кобжицкая О. Г. Духовные основы хозяйственной культуры : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Иркутск, 1999. 210 с.
5. Снос зданий и использование материалов, образующихся при реновации городских территорий / С. А. Колодяжный, С. Н. Золотухин, А. А. Абраменко [и др.]. // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15, № 2. С. 271–293.
6. Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования // Теория и практика регионоведения : тр. II Междунар. науч.-практ. регион. конф., Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. Т. 3. С. 23–31.
7. Савченко И. А., Кремнёв Е. В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125.
8. Tourism and Heritage in the Enhancement of Tianjin / B. Chauffert-Yvart, G. Françoise, Y. Lu [et al.] // Built Heritage. 2020. P. 1–20.
9. Five Great Avenues // Top China Travel : [official website]. URL: <https://www.topchinatravel.com/china-attractions/five-great-avenues.htm> (date of access: 10.11.2023).
10. Guan H., Cao H. Gentrification in the Global South: New Insights from Chinese Studies // Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles. 2020. Vol. 87. P. 1–30.
11. Hamnett C. Is Chinese Urbanisation Unique? // Urban Studies. 2020. N 10. P. 690–700.
12. Less L., Slater T., Wylie E. Gentrification. N. Y. : Taylor & Frands Group, Routledge, 2008. 310 p.
13. Progress of Gentrification Research in China: A Bibliometric Review / F. Liu, X. Zhu, J. Li [et al.] // Sustainability. 2019. Vol. 11, N 2. P. 1–28.
14. Tianjin Ancient Culture Street – Ticket Price, Opening Hours, Location, And Highlihgt // China Tripedia : [official website]. URL: <https://chinatripedia.com/tianjin-ancient-culture-street-ticket-price-opening-hours-location-and-highlihgt/> (дата обращения: 10.11.2023).
15. Wang X., Aoki N. Paradox Between Neoliberal Urban Redevelopment, Heritage Conservation, and Community Needs: Case Study of a Historic Neighbourhood in Tianjin, China // Cities. 2019. Vol. 85. P. 156–169.

Gentrification of the Historical Center of a Post-Socialist City in the Perspective of Domestic Tourists (Using the Example of the City of Tianjin)

V. V. Churkina

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article examines the concept of the concept of “gentrification” as a process that is popularized in the world and its impact on the spheres of human life. Based on the material of ten short interviews, the specific features and prospects of the gentrification process in the Chinese city of Tianjin are revealed.

Keywords: gentrification, reconstruction, neoliberal city, social inequality, commercialization of historical buildings.

Чуркина Влада Викторовна – стажер, Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии АТР, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: vlada.ros@yandex.ru

Churkina Vlada Viktorovna – Intern, Scientific Research Center for Transdisciplinary Regionology of the Asia-Pacific Region, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vlada.ros@yandex.ru

УДК 327.8

История изучения информационных войн в западном научном сообществе

Д. Я. Шихарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются истоки формирования понятия «информационные войны». Представлены исследователи, внесшие большой вклад в изучение данного политического феномена. Изучены ключевые особенности, схожести и различия подходов. Акцентируется внимание на теоретических подходах западных исследователей и применении концепций в их практическом измерении. Проводится сравнение подходов исследователей. Делается попытка нахождения общих черт концепций, а также выявляются основные направления их применения.

Ключевые слова: информационные войны, информация, психология, политология, политические процессы, политические технологии.

На современном этапе развития истории, когда технологии претерпевают масштабные преобразования, мировое политическое и социальное пространство напрямую связано с понятием «информационные войны». Для эффективного анализа и понимания данного феномена исследователям необходимо на постоянной основе изучать политические события и различные информационные поводы. Информационные войны как феномен политической жизни общества без должного изучения могут привести к глобальным политиче-

ским и социальным изменениям. Целью данного исследования является изучение, обобщение и анализ основных подходов западного научного сообщества в изучении информационных войн.

Формирование понятия «информационные войны» в современном представлении научного сообщества напрямую связано с быстрым развитием научного и технического прогресса. Информационная революция открыла возможность более качественно работать с информацией, собирать и обрабатывать ее, передавать большой массив данных за считанные секунды. Произошло ускоренное развитие и внедрение информационных технологий в жизнь обычного человека [4].

Организации, структуры, коммерческие сообщества, работающие на разные государства, используют инструментарий информационных войн для продвижения своих интересов, дестабилизации внутренней политической ситуации врага и управления общественным мнением. Безусловно, весомый вклад в развитие и изучение феномена информационных войн внесли американские ученые. Впервые термин «информационная война» (*information war*) был введен научным советником Белого дома Томасом Роном в 1976 г. [2]. Но тогда этот термин подразумевал под собой изменения в характере грядущих войн, где противники преимущественно будут нацелены на выведение из строя информационных систем. Однако в документообороте Министерства обороны США термин был введен только в начале 1990-х гг. видоизмененным – *information warfare*. Изменение связано с тем, что понятие *warfare* подразумевает под собой войну не в прямом ее понимании и лучше описывает смысл информационных войн [2].

Можно выделить три начальных этапа изучения информационных войн в США: первый – начало 1990-х гг., строящийся на работах ученых Академии ВВС США, второй – конец 1990-х гг., когда участие в исследованиях начали принимать аналитические центры, третий – 2000-е гг., когда при изучении данного феномена стали использовать анализ опыта других стран [2].

Большой вклад в изучение феномена информационных войн внес полковник ВВС США Ричард Шафрански, который обосновывал идею того, что информационные войны – это не оказание влияния на систему данных и знаний, а работа по изменению системы представлений человека или группы людей. Впоследствии Шафрански, с начала момента работы у Элвина Тоффлера, американского философа и социолога, ужесточил свою риторику и заявлял о том, что инструменты информационных войн должны обладать возможностью кардинального изменения сознания, например заставить

противоборствующую сторону отказаться от ведения боевых действий [3].

Основные положения концепции информационных войн Р. Шафрански заложил во время работы в университете ВВС США совместно с Дж. Стейном и О. Йенсеном [1, с. 56]. В рамках данной концепции ученые декларировали, что информация и информационные потоки в предстоящих военных конфликтах будут играть основополагающую роль, а вооруженные силы и военные уйдут на второй план. Как полагали исследователи, высокие темпы развития информационных технологий и создание новых технологий распространения информации позволят выигрывать войны посредством психологического воздействия на сознание политической и экономической элиты, а также жителей государства противника [4]. Важная роль в достижении стратегического преимущества в информационных войнах отдавалась средствам массовой информации (СМИ) и информационным сетям (использование социальных сетей, мессенджеров и т. д.) для проведения пропагандистских акций и мероприятий, формирования посредством данных технологий искаженного восприятия ситуации у противника, что, по мнению авторов, должно привести к минимизации затрат и потерь со стороны населения. Итогом формирования данной концепции стало появление термина «стратегическое информационное доминирование» [1, с. 56].

Стратегическое информационное доминирование – термин, обозначающий созданную информационными средствами ситуацию, в рамках которой любые действия противника будут выгодны США или направлены на обслуживание их интересов [4].

Свое видение предложил исследователь О. Йенсен, который разработал концепцию стратегического паралича. Он заявлял, что для достижения победы необходимо дезорганизовать деятельность противника посредством информационных операций, которые подразумевают психологическое и дезорганизующее воздействие на противника. Основными направлениями проведения информационных операций, по мнению исследователя, должны стать: политическая и экономическая элита, промышленность, боевые части, граждане государства, а также инфраструктура государства [4].

Данная стратегия подразумевает под собой комплексную атаку на инфраструктуру противника в широком ее понимании. Последовательность таких информационных атак должна привести к парализации деятельности политического, военного и гражданского

управления противника, посредством чего меняет их восприятие ситуации и приводит к достижению поставленных целей.

Дж. Уорден, полковник ВВС США, разработал концепцию навязанной стоимости, в рамках которой считается, что необходимо проводить информационные операции, вследствие которых противник будет вынужден отказаться от продолжения своей политики из-за экономических факторов. У противника необходимо сформировать в сознании представление о том, что продолжение политической деятельности является затратным и невыгодным. Стоит отметить, что концепция Уордена по некоторым основным принципам совпадает с концепцией Йенсена [4].

Автор регламентирует порядок действий при реализации данной стратегии.

1. Необходимо провести анализ культурно-ценностного кода противника, определить его сильные и слабые стороны.

2. Необходимо скомпилировать полученную информацию и на основе анализа спроецировать болевой порог противника.

3. На основании полученной и обработанной информации необходимо разработать план информационных операций, направленных на достижение максимальных показателей информационного давления, которое превысит болевой порог противника и приведет к парализации деятельности.

В представлении Дж. Уордена, правильная и грамотная реализация данной стратегии может позволить предотвратить конфликт на уровне психологического и эмоционального восприятия противника [4].

Большой вклад в изучение информационных войн внесла группа исследователей из RAND Corporation¹¹, которые во главе с Дж. Аркилла и Д. Ронфельдом оказывали аналитические услуги Пентагону и напрямую структурным подразделениям Министерства обороны США, связанные прямо или косвенно с ведением войны в информационном поле [5]. В одной из основополагающих статей по этой проблематике «Начало эры кибервойны» исследователи декларируют, что в современных военных конфликтах побеждает не тот, кто потратил больше ресурсов или технологий на ведение конфликта, а тот, у кого больше и качественнее объем информации о противнике и поле боя [2].

¹¹ Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Данная концепция получила название «сетевой подход». Важная часть концепции основывалась на кибернетике и ее качественном использовании, распространении в военных и иных структурах, участвующих в ведении конфликтов. При грамотном использовании данного метода исследователи декларируют, что даже мелкие единицы (военные формирования, корпорации или государства) могут победить более крупные с минимальным количеством затраченных на эти акции ресурсов [2].

Одним из ярких ученых, занимавшихся вопросом информационных войн, стал профессор Высшей школы Фредерика С. Парди Рэнда, сотрудник корпорации RAND Corporation¹², Мартин Либики [5]. Он не относился к группе исследователей университета ВВС США и имел лишь формальное отношение к группе исследователей RAND Corporation, однако стоит отметить, что его подходы и положения концепции перекликаются с ними. При схожести методов ведения информационных войн концепции различаются на стратегическом уровне, и если исследователи ВВС США делают ставку на психологический и эмоциональный урон противнику, то Либики говорит о нанесении экономического и военного урона, который, по его мнению, является первостепенным в конфликте [6].

В основе концепции лежит задача создания системы информационной безопасности, которая включает в себя комплекс технологических инструментов (космические спутники, воздушные и наземные датчики слежения, а также развернутая сеть наблюдателей), при помощи которых в короткие сроки можно будет определить активность противника и нанести превентивный удар [4].

При помощи своевременного определения негативного поведения потенциального противника наносится превентивный удар по нему, включающий в себя такие меры, как экономические санкции, отключение от мировых информационных сетей, а также нанесение военного превентивного удара.

Рассмотренные выше исследовательские концепции в своих взглядах схожи, однако есть главное отличие в стратегическом воздействии на противника: одна группа исследователей делает ставку на психологические и эмоциональные особенности противника, а вторая – на экономические и военные. Изучение становления информационных войн раскрывает основные характеристики данного

¹² Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

феномена, инструментов его применения, восприятия мировым научным сообществом и дает возможность нам как исследователям более детально его изучать.

Список литературы

1. Бедрицкий А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США / под ред. Е. М. Кожокина. М.: РИСИ, 2008. 187 с. URL: <https://djvu.online/file/416PvwKD9LX6f> (дата обращения: 08.03.2024).
2. Валиуллин И. И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // Международные отношения. 2014. № 1. С. 68–74. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27257 (дата обращения: 09.03.2024).
3. Ермикова М. С. Американская школа исследований информационных войн // Политэкс. 2018. Т. 4, № 1. С. 117–138. URL: <https://politex.spbu.ru/article/view/12806/8831> (дата обращения: 09.03.2024).
4. Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 93–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionnaya-voyna-v-sovremennoy-lingvistike-novye-podhody> (дата обращения: 09.03.2024).
5. Почепцов Г. Первые исследования в сфере информационных войн: от прошлого к современности // Научно-культурологический журнал. 2015. № 7 (295). URL: <https://psyfactor.org/psyops/infowar38.htm> (дата обращения: 08.03.2024).
6. Хлопов О. А. Перспективы создания единых кибервойск США // Colloquium-journal. 2019. № 15 (39). С. 50–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sozdaniya-edinyh-kibervoyisk-ssha> (дата обращения: 09.03.2024).

The History of the Study of Information Warfare in the Western Scientific Community

D. Y. Shikhareva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In the current international political situation in modern times, the consideration of the history of the study of information wars is an urgent problem of political science. The origins of the formation of the concept of “information wars” are considered and researchers who have made a great contribution to the study of this political phenomenon are presented; the main features, similarities and differences of approaches are also studied. Attention is focused on the theoretical approaches of Western researchers and the formation of concepts in practical application. The approaches of the researchers are compared, an attempt is made to find common features of the concepts, and the main directions of their application are clarified.

Keywords: information wars, information, psychology, political science, political processes, political technologies.

Шихарева Дарья Яковлевна – студентка 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Daria.shikhareva@gmail.com

Shikhareva Daria Yakovlevna – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Daria.shikhareva@gmail.com

Развитие общественно-политического кризиса в Израиле в 2023–2024 гг.: фактор военного конфликта с ХАМАС

М. В. Ярошевский

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

Аннотация. Исследуются предпосылки формирования кризисной ситуации, обусловленной рядом внеочередных выборов в 2019–2022 гг., протестами против законопроекта судебной реформы, а также реакцией общества на военный конфликт с ХАМАС. Анализируются позиции основных партий, формирующих 37-е правительство Израиля. Подробно рассматриваются причины начала и содержание общественно-политического кризиса в 2023 г., а также факторы его обострения после начала военного конфликта с ХАМАС в 2023–2024 гг. Обозначаются возможные последствия протестов для правительства Б. Нетаньяху в будущем в условиях сохраняющегося общественного конфликта и радикализации части израильского общества.

Ключевые слова: Израиль, ХАМАС, Биньямин Нетаньяху, судебная реформа, протесты в Израиле.

В 2022 г. в Израиле прошли пятые внеочередные выборы в кнессет (израильский парламент). В результате было сформировано правительство, которое считается самым правым в израильской истории. Возглавляемое лидером правой партии «Ликуд» Б. Нетаньяху правительство приняло ряд непопулярных решений, касающихся судебной реформы, которые спровоцировали обострение общественно-политического кризиса в стране, выразившегося в массовых уличных акциях весной 2023 г. Возобновление кризиса внутри государства после недолгого затишья в израильском обществе было вызвано атакой ХАМАС на израильские поселения 7 октября 2023 г., после которой Израиль начал проведение военной операции в секторе Газа.

Важно отметить, что нарастание противоречий внутри израильского общества началось еще весной 2019 г., когда в результате парламентских выборов партии «Ликуд» не удалось сформировать устойчивое правительство. После ситуация повторилась еще раз в сентябре 2019 г., а также в 2020 и 2021 гг. Образование устойчивых парламентских коалиций обусловливается рядом противоречий, накопившихся в израильском обществе за его короткую, но насыщенную историю. К ключевым для Израиля вопросам относятся положение религии в государстве и обществе, межнациональные взаимоотношения между евреями, арабами и другими этническими группами внутри Израиля. Во время эскалаций конфликта Израиля и Палестинской автономии ключевыми становятся вопросы государственной безопасности, расширения израильских поселений, а также взаимоотношений Израиля и стран Ближнего Востока [7, с. 131].

Кроме того, важнымиотягчающими факторами для формирования устойчивых коалиций в кнессете становятся принципы функционирования парламентской системы Израиля. С одной стороны, сложившаяся пропорциональная представительная система не позволяет одной партии получить большинство мест в парламенте, вынуждая формировать коалиции с более мелкими партиями. С другой стороны, принцип голосования за партийные списки вынуждает общественные группы создавать новые мелкие партии для представительства в парламенте. Результатом становится формирование парламентских коалиций, основанных на компромиссе партии-лидера и партий, готовых этого лидера поддержать. Разногласия же приводят к постоянной дестабилизации, разрушению правительственных блоков и внеочередным выборам [1, с. 145–146].

В 2022 г. правой партии «Ликуд» все же удалось сформировать коалицию, состоящую из националистических и религиозных партий. Из 120 мест парламента правые партии смогли получить 64 мандата. В их число вошли: «Ликуд», получив 32 мандата; «ШАС», заняв 11 мест; партия «Религиозный сионизм» и «Яхадут-ха-тора» с 7 мандатами; «Оцма Йехудит» с 6 мандатами; партия «Ноам» с одним местом [4].

При рассмотрении действий 37-го правительства Израиля, вызвавших широкую общественную реакцию внутри государства, важно принять во внимание позиции партий, которые вошли в него после выборов. Партия «Ликуд» в своей программе 1977 г. опиралась на поддержку поселенческого движения и сохранения статуса-кво на оккупированных территориях Западного берега. При этом партия соглашалась на возможность переговоров с палестинскими арабами и арабскими странами [18]. Партия «ШАС» представляет интересы религиозных евреев, которые имеют происхождение из стран Ближнего Востока, выступая за социальные льготы для религиозного населения [14]. Правая партия «Религиозный сионизм» выступает за эмиграцию израильских арабов, полную аннексию Западного берега и пересмотр правовой системы страны [21]. Партия «Яхадут-ха-тора» представляет интересы ультраортодоксальных евреев, выступая против разделения религии и государства, гражданских браков, призыва ультраортодоксальных мужчин для военной службы и любых изменений в законах, которые запрещают работать предприятиям во время религиозных праздников. В отношении конфликта с Палестинской партией можно отнести к центристам [15]. «Оцма Йехудит» является партией религиозных сионистов, поддерживающих аннексию Западного берега р. Иордан и являющихся сторонниками усиления

еврейской идентичности. Партия выступает против создания Палестинского государства и приостановки строительства новых поселений на Западном берегу [13]. Партия «Ноам», представленная в правительстве всего одним своим представителем, является сторонницей ультрарелигиозных идей, выступая против религиозного многообразия в иудаизме. Кроме того, лидер партии А. Маоз настаивал на ужесточении еврейских иммиграционных критериев в соответствии с Законом о возвращении, лишая права на репатриацию тех, кто не считается евреями по религиозным законам [19].

Коалиционным правительством Б. Нетаньяху был представлен ряд предложений, касающихся внутренней политики государства. Среди них членами партии «Религиозный сионизм» назывались продолжение поселенческой политики и признание незаконно построенных форпостов поселенцев, а также проведение судебной реформы, которая ограничила бы полномочия Верховного суда. Представители партии «Оцма Йехудит» заявляли о необходимости усиления внутренней государственной безопасности, возможности введения смертной казни для палестинских террористов, а также ужесточении условий содержания палестинских террористов в израильских тюрьмах. «ШАС» выступила за льготы религиозной общине и ее учреждениям. Кроме того, члены партии поддержали идею сокращения квот на призыв в армию ультраортодоксальных евреев. Большинство ультраортодоксальных мужчин предпочитают полностью посвящать себя религии, отказываясь от военной службы в израильской армии [19].

Наибольшую общественную реакцию вызвали предложения о проведении судебной реформы. Законопроект, предложенный министром юстиции и членом партии «Ликуд» Я. Левиным, заключался в возможности контроля правительством процесса назначения судей в БАГАЦ (Верховный суд справедливости, высшая инстанция в судебной системе Израиля). Также законопроект предусматривал право кнессета отменять решения БАГАЦ при голосовании 61 депутатом по принципу простого большинства. Помимо всего прочего, Верховный суд должен был бы потерять возможность отменять решения правительства, если в них существует «крайняя неразумность» [23]. С одной стороны, представители левого лагеря выступали против возможности проведения судебной реформы, опасаясь усиления влияния религии при формировании внутренней политики. С другой стороны, по понятным причинам, израильские правые, добившись большинства в кнессете, поддержали законопроект [6, с. 79–80].

В качестве причины предложения такого законопроекта указывается недовольство право-религиозного лагеря наличием больших полномочий Верховного суда. Отдельно важным для них оказалась возможность Верховного суда отклонять законопроекты, направленные на формирование религиозных принципов в устройстве государства.

Действительно, можно отметить, что в устройстве израильского государства наблюдалось отсутствие баланса в системе сдержек и противовесов. Судьи БАГАЦ имели возможность вмешиваться в процессы взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти, одобряя или отклоняя те или иные законопроекты [7, с. 130–131].

Помимо всего прочего, одной из причин можно считать личную заинтересованность премьер-министра Б. Нетаньяху, в отношении которого с 2016 г. началось проведение уголовных расследований, связанных с обвинениями в коррупции и злоупотреблении властными полномочиями для продвижения личных интересов. Контроль за назначением судей в Верховный суд позволил бы изменить ход уголовного дела и судебных слушаний против премьер-министра [10].

Зимой и весной 2023 г. в Израиле осуществлялись массовые уличные акции как сторонников, так и противников реформы. Выступления начались в январе, когда прошли первые митинги против судебной реформы в Хайфе и Тель-Авиве. Самой массовой стала акция в начале марта, когда на улицу по всей стране вышли до 500 тыс. человек [8]. В конце марта премьер-министром Б. Нетаньяху был отправлен в отставку министр обороны страны Й. Голант, выступивший против реформы. Эти события вновь активизировали протесты по всей стране. Кроме того, поддержку протестующим выразили израильские компании, объявившие забастовку. В результате Б. Нетаньяху принял решение отложить чтения по законопроекту на неопределенный срок [9; 11]. Летом произошло возобновление протестной активности граждан Израиля, после того как кнессет проголосовал во втором и третьем чтении за принятие законопроекта. Все 64 члена правящей коалиции отдали голоса за новую реформу [2]. После этого протесты возобновились. Кроме того, примерно 10 тыс. резервистов армии обороны Израиля объявили об отказе выйти на военные сборы в случае принятия реформы. О таком же решении заявляли и офицеры ВВС Израиля [5]. 13 сентября 2023 г. Верховный суд Израиля начал рассмотрение жалобы в отношении судебной реформы, отложив принятие решения на 21 день [12]. К сентябрю 2023 г. протесты длились 39 недель подряд, а окончательное решение о принятии реформы так и не было принято.

В октябре проблема реформирования судебной системы стала для израильского общества второстепенной. Утром 7 октября Израиль был атакован ракетами из сектора Газа. После обстрела боевики ХАМАС проникли из Газы на территорию Израиля в нескольких населенных пунктах. Они напали на мирных жителей, взяли заложников и захватили военную технику. В ответ на нападение боевиков Израиль объявил экстренную мобилизацию и начал ответные боевые действия против ХАМАС в секторе Газа. Несмотря на прошлые разногласия, оппозиция выступила в поддержку израильского правительства. Лидеры оппозиции Б. Ганц и Я. Лапид предложили премьер-министру Биньямину Нетаньяху создать чрезвычайное правительство [24]. 11 октября в заявлении Б. Нетаньяху было сказано о создании правительства национального единства, основными членами которого стали премьер-министр Б. Нетаньяху и министр обороны Й. Голант. После переговоров в правительство на должность министра «без портфеля» также вошел глава второй оппозиционной партии в кнессете «Ха-махане ха-мамлахти» (союз партий «Кахоль-лаван» и «Тиква Хадаша») Б. Ганц, занимавший должность министра обороны в правительстве Н. Беннета. Должность в военном кабинете была оставлена для лидера главной оппозиционной партии «Еш Атид» Я. Лапида, который отказался присоединиться к правительству, пока в нем остаются крайне правые партии [20]. По соглашению Ганца и Нетаньяху, военный кабинет должен был собираться как минимум каждые 48 часов. Кроме того, военный кабинет получил возможность издавать оперативные директивы службам безопасности для определения ведения боевых действий. Для заключения сделки Ганц и Нетаньяху обязались заморозить все законы, не связанные с ведением войны на время действия чрезвычайного правительства [17].

Безусловно, нападение ХАМАС и начало активных действий Израиля в секторе Газа разделили жизнь Израиля на до и после, сплотив израильское общество в первое время. Однако массовые протесты возобновились в Израиле в конце января 2024 г. Важно, что протесты, отвечающие разным целям, проходили в Израиле параллельно. В феврале израильтяне выходили на улицы в крупных городах против правительства премьер-министра Б. Нетаньяху и продолжающихся военных действий. Главным требованием протестующих было скорейшее заключение перемирия с ХАМАС и возврат израильских заложников. Консолидация протестующих произошла вокруг семей израильских заложников, проводящих уличные акции с 7 октября и требующих незамедлительного обмена заложников. Кроме того,

протестующие требовали отставки правительства Нетаньяху и проведения новых выборов. Левая партия «Мерец», не вошедшая в кнессет 25-го созыва, взяла на себя основную роль в организации таких акций. Протестующие выступили не только против некомпетентности правительства, но и против Нетаньяху, возлагая на него ответственность за потери в военных действиях с ХАМАС. Часть протестующих выступает за необходимость призыва ультраортодоксальных мужчин в армию обороны Израиля. Решение об увеличении численности армии было поддержано в том числе лидером оппозиционной партии «Еш Атид» Я. Лапидом [22].

За 2023–2024 гг. израильское общество пережило много трудностей. Безусловно, можно говорить о том, что многотысячные протесты 2023 г. привели к значительному разделению общества на сторонников сохранения демократических начал государства с одной стороны, а также правых сторонников укрепления государственной власти и религии с другой. Начало военных действий между Израилем и ХАМАС, а также проведение Израилем военной операции в секторе Газа лишь отложило общественный кризис на неопределенное время. Даже отмена законопроекта о судебной реформе Верховным судом 1 января 2024 г. не вызвала широкого общественного резонанса [3]. Однако после возобновления протестов в январе 2024 г. становится ясно, что кризис не исчез полностью и вновь усиливается на фоне роста непопулярности военных действий, проводимых израильским правительством.

Можно сделать вывод, что 37-му правительству Б. Нетаньяху необходимо учитывать уровень протестных настроений, которые окончательно не исчезли из общественного дискурса. Возобновление массовых протестов зимой 2024 г. создает ситуацию, в которой чрезвычайному правительству необходимо учитывать требования и недовольство протестующих в условиях ведения боевых действий в секторе Газа. Важно также принимать во внимание возможность дальнейшего обострения с Палестинской автономией и реакцию на это израильской общественности, так как в конце января 2024 г. израильские поселенцы призвали возобновить строительство поселений в Газе и на Западном берегу [16]. В конце зимы 2024 г. число граждан, настроенных на окончание боевых действий, остается недостаточно высоким, но рост протестных настроений может продолжиться при дальнейшем оттягивании подписания с ХАМАС соглашения об обмене заложников или же о дальнейшем продолжении военных действий. Кроме того, для правительства Нетаньяху будет важно учесть, что после окончания военных действий давние вопро-

сы устройства израильской судебной, законодательной и исполнительной систем вновь станут главными в повестке дня, показав важность проведения ряда государственных реформ.

Список литературы

1. Блинов В. В. Израильский внутривластный кризис как следствие разобщенности избирателей в условиях парламентской республики // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2. С. 143–154.

2. В Израиле после одобрения 1-й части судебной реформы обострились протесты // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/07/2023/64bebd579a79477e06d79b40> (дата обращения: 14.03.2024).

3. Верховный суд Израиля отменил спорную поправку о судебной реформе // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/01/2024/659315709a794723e8ef895b> (дата обращения: 14.03.2024).

4. Выборы в Кнессет 25-го созыва : сайт. URL: <https://main.knesset.gov.il/RU/About/History/Pages/KnessetHistory.aspx?kns=25> (дата обращения: 14.03.2024).

5. Израильские резервисты отказались от службы в знак протеста // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/64bc6b9f9a7947fcdac94ef1> (дата обращения: 14.03.2024).

6. Карасова Т. А. Израиль после выборов. Перспективы развития государственной политики // Свободная мысль. 2022. № 3. С. 77–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izrail-posle-vyborov-perspektivy-razvitiya-gosudarstvennoy-politiki> (дата обращения: 13.03.2024).

7. Карасова Т. А., Ханин В. Израильский парламентаризм в XXI веке: электоральный сбой или кризис системы? // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2022. № 3. С. 124–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50296562> (дата обращения: 13.03.2024).

8. Крупнейшие протесты в истории Израиля: на улицы вышли 500 тыс. человек // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/03/2023/640d8f459a79472ab2d95e90> (дата обращения: 14.03.2024).

9. Ползучая трансформация и буксующая реформа: что показали полгода правительства Нетаньяху // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/opinions/18158065> (дата обращения: 14.03.2024).

10. Судебная реформа в Израиле: кризис и массовые протесты // РИА : сайт. URL: <https://ria.ru/20230327/izrail-1860926352.html> (дата обращения: 18.03.2024)

11. Что известно о судебной реформе в Израиле // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/info/18349873> (дата обращения: 14.03.2024).

12. Herzog: Israeli leaders must show responsibility, end judicial crisis // Jerusalem Post : website. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/article-758954/> (date of access: 14.03.2024).

13. Israel Political Parties: Otzma Yehudit // Jewish Virtual Library : website. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/otzma-yehudit> (date of access: 14.03.2024).

14. Israel Political Parties: Shas // Jewish Virtual Library : website. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/shas-political-party> (date of access: 14.03.2024).

15. Israel Political Parties: United Torah Judaism // Jewish Virtual Library : website. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/united-torah-judaism-political-party> (date of access: 14.03.2024).

16. Israeli settlers hold conference on resettlement in Gaza Reuters // Reuters : website. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israeli-settlers-hold-conference-resettlement-gaza-2024-01-28/> (date of access: 14.03.2024).

17. Knesset okays war cabinet; PM: Saturday 'most horrible day for Jews since Holocaust' // Times of Israel : website. URL: <https://www.timesofisrael.com/knesset-okays-war-cabinet-pm-saturday-most-horrible-day-for-jews-since-holocaust/> (date of access: 18.03.2024).

18. Likud Party: Original Party Platform // Jewish Virtual Library : website. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/original-party-platform-of-the-likud-party> (date of access: 14.03.2024).

19. Netanyahu returns as PM, wins Knesset support for Israel's most hardline government // Times of Israel : website. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-resumes-role-as-pm-as-israels-most-hardline-government-ever-takes-office/> (date of access: 14.03.2024).

20. Netanyahu, Gantz agree to form emergency unity government // Times of Israel : website. URL: https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/netanyahu-gantz-agree-to-form-emergency-unity-government/ (date of access: 14.03.2024).

21. Religious Zionism Party (formerly Tkuma) // Jewish Virtual Library : website. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/tkuma-political-party> (date of access: 14.03.2024).

22. Thousands rally in Tel Aviv for hostages; Netanyahu critics renew Jerusalem protests // Times of Israel : website. URL: <https://www.timesofisrael.com/thousands-in-tel-aviv-rally-for-hostages-netanyahu-critics-renew-jerusalem-protests/> (date of access: 14.03.2024).

23. גלובס : website. URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001435418> (date of access: 14.03.2024).

24. מעריב : website. URL: <https://www.maariv.co.il/news/politics/Article-1043262> (date of access: 14.03.2024).

The Development of the Socio-Political Crisis in Israel in 2023–2024: The Factor of the Military Conflict with HAMAS

M. V. Yaroshevsky
Dostoevsky Omsk State University, Omsk

Abstract. The article examines the prerequisites for the formation of a crisis situation caused by a number of early elections in 2019–2022; protests against the draft law on judicial reform, as well as the reaction of society to the military conflict with Hamas. The positions of the main parties forming the 37th government of Israel are analyzed. The reasons for the beginning and content of the socio-political crisis in 2023, as well as the factors of its aggravation after the outbreak of the military conflict with Hamas in 2023–2024, are considered in detail. The possible consequences of the protests for the Government of B. are outlined. Netanyahu in the future in the context of ongoing social conflict and radicalization of a part of Israeli society.

Keywords: Israel, Hamas, Benjamin Netanyahu, judicial reform, protests in Israel.

Ярошевский Марк Вадимович – студент 4-го курса (бакалавриат), факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: yaroshevskiy.m@gmail.com

Yaroshevsky Mark Vadimovich – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Theology and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e-mail: yaroshevskiy.m@gmail.com

Секция 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ

УДК 316.723

Формирование и распространение молодежных криминальных группировок в России в 70–90-е гг. XX в.: влияние на массовую культуру

Ю. Р. Гришан

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена история формирования известных криминальных группировок Казани. Сформулированы причины и следствия вступления молодежи в преступные группировки в разные периоды времени. Проанализировано влияние феномена на массовую культуру и молодежную политику России. Кратко изложены основные проблемы трудных подростков и выведены общие этапы образования дворовых общностей. Внимание в исследовании уделено сфере советского кинематографа 80–90-х гг. XX в. России: перечислены основные работы, отразившие проблему криминализации молодежи, рассмотрены ключевые моменты в развитии фильмов и сериалов о трудных подростках и проанализирована роль данных работ в современном мире. Обозначена проблема вовлеченности и заинтересованности современной молодежи в криминальной культуре и предложены возможные причины формирования тенденции.

Ключевые слова: криминальные группировки, молодежь, казанский феномен, криминальная среда, кинематограф, молодежная политика, массовая культура.

Феномен молодежной криминальной субкультуры является сложным и многоаспектным культурологическим явлением. Проблема требует глубокого изучения не только процессов, приведших к ее формированию, но и последующего отражения в массовой культуре и воздействия на развитие подрастающего поколения. Целью статьи является исследование причин возникновения молодежных группировок в советском пространстве, выявление общих и различных черт криминальных сообществ разных эпох и анализ отражения феномена в кинематографе советского периода.

Периодом расцвета криминальных группировок считается конец 1980-х – начало 1990-х гг. Проблема «трудных подростков» достигла пика во время распада СССР, экономическая и социальная обстановка которого только ухудшила положение молодежи и не

давала гарантий на стабильную и обеспеченную жизнь в дальнейшем. Переход к рыночной экономике, рост инфляции, обнищание населения, спад производства и ослабление культурной сферы стали причинами стремительного роста бандитизма и преступности. К концу 1980-х гг. группировки охватили все регионы России, а наиболее криминализированными городами стали: Казань, Москва, Люберцы, Ленинград, Волгоград, Тамбов, Набережные Челны, Чита, Улан-Удэ, Владивосток и др. Это было явным показателем упадка моральных устоев, культуры и этических ценностей. К началу 1990-х гг. проблема молодежной преступности достигла своего апогея, заполнив все города и села страны [3].

Процессу криминализации советской молодежи послужили несколько волн, связанных как с революциями, военным временем и репрессиями, так и с процессами глобализации, вестернизации, позже – с урбанизацией и деиндустриализацией. В первом случае большая часть молодежи оставалась частично или полностью без попечения родителей, что сказывалось на росте беспризорности и одиночестве подростков в обществе, требуя от них ускоренного взросления для обеспечения себя любыми способами и утверждения своей личности в обществе. Кроме того, низкий уровень жизни в послевоенное время, граничащий с бедностью, провоцировал подростков на преступления и аморальное, жестокое поведение, что также могло послужить поводом для формирования первых преступных молодежных объединений. В другом случае особую роль сыграло влияние пришедших образов жизни западных культур, которые отличались разнообразием субкультур (хипстеры, хиппи, битники, моды, декаденты, скинхеды), отличавшихся свободой действия и самовыражения, разнообразием идеологий среди молодежи и гласностью, чего не хватало для выражения своих позиций советской молодежи, воспитанной по другим «лекалам»: ценностям, традициям. В неформально собранной группе сверстников подростки могли получить то, чего не хватало им в семье, в учебных организациях и секциях, поэтому молодежь стремилась объединиться и занять лидирующие позиции, продвигая свои догмы, либо примкнуть к уже сложившимся объединениям (добровольно или вынужденно). Таким образом, к началу 1960–1970-х гг., в период расцвета субкультур на Западе, формирование неформальных объединений в СССР стало разумным и необратимым последствием. Феномен постепенно мигрировал из дворов и городов по регионам и дружественным государствам, входившим в СССР [4; 5].

Трудно дать однозначный ответ на вопрос «в каком из городов России появились первые криминальные группировки?», поскольку процесс их образования проходил параллельно как в Казани, так в Москве и Ленинграде. Этапы формирования группировок везде развивались практически одинаково: во дворе жилого сектора появлялся сильный лидер (а то и несколько), который имел особые взгляды на устройство жизни как систему существования по определенным правилам; криминальный опыт или связи, а также власть и возможность влияния на сверстников. У лидера всегда были сподвижники, которые поддерживали его идеи, и те, кто их не разделял. Таким образом, формировались полярные стороны, «лагери» молодежи, делившиеся на подъезды / дворы / улицы / районы со звучными названиями, взятыми либо с местности, в которой они проживали, либо с фамилии / клички лидера. Основными задачами дворовых группировок являлись защита охраняемого сектора (места) от чужаков (подростков из других районов), пополнение своего объединения единомышленниками и теми, кто платил бы взносы, борьба с натиском других группировок и подчинение жильцов определенного сектора своим правилам и держащей район «верхушке».

Для более наглядного отражения процесса стоит обратиться к примерам конкретных городов, в которых наиболее ярко отразился феномен зарождения и формирования криминальных группировок. Казань – столица Республики Татарстан и крупнейший город Поволжья, имеющий многовековую историю и сочетающий внутри себя культуру и традиции разных народов. Именно в этом городе формируются одни из первых молодежных криминальных общностей, впоследствии получивших название «казанского феномена». Хаотичность и быстрота развития группировок была вызвана урбанизацией (миграцией сельчан в город и их адаптацией к современным культурным реалиям). Также весомую роль в образовании группировок сыграл специфический характер застройки города: наиболее отдаленные кварталы, расположенные «на отшибе», и одинокие новостройки имели больше шансов быть оккупированными молодежью, поскольку слабо контролировались милицией. Известными группировками Казани 1970–1990-х гг. стали: «Тяп-Ляп», «Хади Такташ», «Жилка», «Киноплёнка», «Борисково», «Перваки» и др. [2].

Организованная преступная группа (ОПГ) «Тяп-Ляп» возникла в середине 1970-х гг. на территории микрорайона Теплоконтроль, рядом с одноименным заводом. Группу возглавлял судимый за хулиганство и грабеж Сергей Антипов по кличке Антип и его сподвиж-

ники – Завдат Хантимиров (Джавда) и Сергей Скрябин (Скряба). Изначально целью Антипова было открытие спортивного зала в подвале жилого дома, где могли бы собираться и проводить свой досуг молодые ничем не занятые люди. Однако по мере формирования группы цель у лидера изменилась, и в банду старались набирать крепких, сильных спортсменов, которых предварительно проверяли мощным ударом в лицо. Затем группировку «обрабатывал» дипломированный психиатр, а лидерами контролировалась дисциплина и проводились ежедневные тренировки для поддержания формы новоиспеченных бойцов. Группировка специализировалась на рэжете, квартирных кражах и уличных грабежах, но особую известность получила в 1978 г. после набега с оружием (обрезами и пистолетами) на микрорайон Новая Татарская слобода, в ответ на раннее столкновение с одной из группировок этого района в казанском Дворце культуры. К нападению на район «Тяп-Ляп» были отлично подготовлены: в сборе участвовали около 200 чел., вооруженных кусками арматуры, железом и оружием. Группировка не могла не отомстить «району» за сорванное дело, а потому вследствие набега были покалечены не только члены местных ОПГ, но и мирные жители (старики, беременные женщины), не относящиеся к группировкам, а также испорчено уличное оборудование. Банда Антипова была настолько необузданной и буйной, что нападала даже на сотрудников милиции. Это событие было настолько ярким и шокирующим, что весть о нем была озвучена даже за пределами СССР, в американских СМИ. Двух лидеров приговорили к смертной казни через расстрел, других посадили на длительный срок (от 2 до 15 лет лишения свободы). Существование группировки продлилось вплоть до 1990-х гг., держа за собой статус одной из самых жестоких и мощнейших. Оказавшись без лидеров, ОПГ постепенно распалась: часть группы ушла в бизнес, другая часть примкнула к существовавшим бандам, например «Хади Такташ», либо создавала свои собственные.

Вторая известная казанская группировка возникла в конце 1980-х гг. Ею была «Хади Такташ», получившая свое название по принципу проживания большей части членов группировки на пересечении улиц Хади Такташа и Жданова. Члены банды занимались тем же, чем и предшественники: драками с конкурирующими группировками за районы, рэжетом, нападениями на прохожих, контролем коммерческих объектов и наркоторговлей. Особую известность ОПГ получила после вступления в контроль над казанским комбинатом «Оргсинтез», который является крупнейшим предприятием химиче-

ской отрасли России и в прошлом веке был практически полностью подконтролен группировке «Жилка». В начале 1990-х гг. в банде «Хади Такташ» произошел раскол на старших и младших, поскольку группировкой руководили два лидера: первым был криминальный авторитет и лидер старших – Рауф Шарафутдинов, который жил по воровским законам, а младших возглавлял Анвар Халиуллин. Разделение произошло в тот момент, когда Анвар решил заняться коммерцией, что является нарушением воровских норм. Бизнес решили делать на продаже ворованной с «Оргсинтеза» продукции: полимерной крошки и пленки, а все вопросы о поставках и продаже товара решались с лидером «Жилки», контролирующей предприятие. Разные взгляды на устройство криминального мира привели лидеров к расколу и распаду группировки в конце 1990-х гг. после столкновения с силовиками. Лидерами банды в разное время были Анвар Халиуллин, Рауф Шарафутдинов (старшие), Николай Гусев, Радик Галиакберов, или Раджа (младшие). На счету ОПГ не менее 60 убийств, однако доказать причастность удалось лишь в части преступлений (13 из 60). Лидеров ждала предсказуемая расплата: кого-то убили до суда (старших), кого-то сослали на пожизненное заключение в «Черный дельфин» [2; 3].

Третьей известной казанской группировкой была «Жилка», появившаяся ближе к 1990-м гг. в окрестностях «Оргсинтеза» и являвшаяся в то время наиболее влиятельной в Татарстане. Как и предыдущие ОПГ, свое название она брала по географическому признаку благодаря микрорайону Жилплощадь, в котором находились члены ее состава. Лидером банды был Хайдар Закиров (Хайдер), который заявил о себе в 1984 г. после кровавой драки на о. Лебяжем, за что попал в тюрьму на 6 лет. Освободившись из мест лишения свободы, Закиров начал активно формировать группировку, которая состояла в основном из бывших заключенных, работавших на строительстве «Оргсинтеза» и живших в микрорайоне. Таким образом возникла одна из сильнейших ОПГ Татарстана, контролировавшая не только районы, но и сам завод, возле которого она обосновалась. Позже Хайдер переехал в г. Санкт-Петербург и там создал «Жилку» номер два, которая контролировала большую часть районов города, в том числе Невский проспект (отбитый у известной Тамбовской ОПГ) и все, что на нем находилось, например под контролем оказалось большинство местных магазинов и фирм. Однако выстоять конкуренцию с московскими и ленинградскими бандами было непросто: на «Жилку» вели охоту многие группировки, ее участников убивали по всей

стране, в том числе на самого лидера группировки Закирова было совершено несколько покушений, в 1996 г. он был убит. Сама банда просуществовала вплоть до 2000-х гг., пока ее участников не арестовали и не приговорили к длительным срокам лишения свободы.

Одновременно с «казанским феноменом» подростковая преступность распространялась в Москве и Подмосковье, Санкт-Петербурге, южной части страны, дойдя до Урала, Сибири и Дальнего Востока. Такая распространенность не могла обойти сферу массовых коммуникаций, а потому вслед за журналистами и милиционерами к обличению феномена подключились и деятели культуры. Некоторые знаменитые режиссеры сняли культовые картины с целью огласки проблемы. В кинематографе появляется целая ячейка фильмов драматической направленности с акцентом на разложение молодежной среды. Из общей массы кинематографистов выделяются несколько режиссеров, непосредственно изучавших и транслировавших в массы проблему деструктивного поведения и агрессии подростков в группировках и субкультурах: Д. Асанова, Э. Рязанов, В. Рыбарев, М. Туманишвили, В. Приёмов, К. Шахназаров, П. Тодоровский, С. Соловьёв, П. Лунгин [1].

Тема подростковых криминальных группировок затронута Динарой Асановой в таких картинах, как «Никудашная» (1980 г.), «Пацаны» (1983 г.) и «Милый, дорогой, любимый, единственный...» (1984 г.). В каждом из фильмов режиссер пыталась встать на место героя и рассказать историю от его лица. Почему происходят подростковые преступления, что движет людьми в этот момент, и только ли герои виноваты в совершенных деяниях. Фильмы о криминале и преступлениях были сняты и показаны еще в 1970-х гг., тогда же появились первые детективы, однако о молодежных группировках как о деструктивных сообществах первой заявила Динара Асанова. Затем один за другим советской публике были представлены и другие не менее трагичные и обличающие феномен молодежной преступности фильмы. Например, фильм Игоря Вознесенского «Признать виновным...» (1983 г.), вышедший практически одновременно с «Пацанами» Асановой, однако большого успеха у зрителей не получил. Ближе к 1987 и 1988 гг. выходят культовые кинокартины о группировках и субкультурах: «Забавы молодых» (1987 г., реж. Е. Герасимов), «Дорогая Елена Сергеевна» (1987 г., реж. Э. Рязанов), «Взломщик» (1987 г., реж. В. Огородников), «Меня зовут Арлекино» (1988 г., реж. В. Рыбарев), «Авария – дочь мента» (1989 г., реж. М. Туманишвили), «Стекланный лабиринт» (1989 г., реж. М. Осепьян). Именно эти

фильмы стали катализатором действий для власти, заставив задуматься о происходящем в стране и культуре. Кульминацией стала работа молодого и на тот момент малоизвестного режиссера П. Лунгина «Луна-парк» (1991 г.), в которой наиболее точно показана деятельность известной субкультуры любителей, процветавшей в Москве и Подмосковье. Первостепенной задачей субкультуры была пропаганда спорта и здорового образа жизни, затем идеология приобрела деструктивный характер, проявившийся в навязывании радикальных националистических воззрений в противовес принципам инклюзивности и толерантности.

До перестройки проблема преступности была на слуху, а с 1990-х гг. стала одной из популярнейших тем для сюжетов фильмов А. Балабанова, С. Говорухина, В. Тодоровского, Ю. Быкова, сериалов и документальных фильмов И. Вознесенского. В конце 1990-х – начале 2000-х россиянам представляют такие работы, как «Бригада», «Жмурки», «Каменская», «Улица разбитых фонарей», «Бандитский Петербург», «Брат-2», «Сестры», «Next. Следующий», «Бумер». Возможно, именно они послужили дополнительным стимулом для формирования молодежной политики, которая могла бы решить правовые проблемы молодежи и разработать соответствующие программы, затрагивающие вопросы образования, воспитания, досуга и трудоустройства. Продолжают снимать фильмы и сериалы криминальной направленности и сегодня: «Ликвидация», «След», «Ментовские войны», «Следствие вели...», «90-е. Весело и громко», «Мир! Дружба! Жвачка!», «Слово пацана», что подчеркивает актуальность проблемы в современном мире.

Несмотря на попытки государства взять социальную политику под полный контроль, молодежь 1990-х (в силу веяний времени) продолжала примыкать к субкультурам и криминальным группировкам (осознанно или под давлением масс), что способствовало их расширению и распространению по всей периферии страны (от Краснодара до Владивостока). Тысячи молодых людей по всей России оказались вовлеченными в романтизированную криминальную среду и, как следствие, становились жертвами уличных разборок, заложниками алкоголизма и наркомании либо проводили остатки молодости в местах лишения свободы. Однако современная криминальная субкультура существенно видоизменилась. Сегодня преступники стараются раствориться в обществе, многие приобрели вид удачливых бизнесменов, маркетологов, банкиров, состоявшихся людей. При этом в последние годы четко прослеживается возвращение к истокам:

снова в моде появляются золотые цепи и розовые пиджаки, спортивные костюмы в стиле 1980-х и кепки. Также среди молодежи входят в оборот тюремный слэнг и блатные песни. Причинами резкого обращения к криминальной тематике стали трансляция через фильмы и сериалы блатного стиля жизни, романтизация образов через однотипные сюжеты, где героями выступают сильные и бесстрашные парни с улицы, чтущие дворовые нормы и готовые сиюсекундно вступить в бой за отстаивание своей чести и «братьев». Однако психология молодых зрителей такова, что за красивыми кадрами подростки упускают важный момент: для чего снят фильм, с какой целью, что хотел донести сюжетом автор? Иной раз, не задаваясь банальными вопросами, молодежь вслед за симпатичными героями (пусть и преступниками) надевает черные пиджаки и спортивные, цепи и кастеты, подражая авторитетам [6].

Остаются открытыми вопросы: что будет дальше с молодежью и в каком направлении будут сниматься следующие российские фильмы и сериалы, являющиеся зеркалом эпохи. По данным опросов становится очевидно, что огромную роль в формировании личности подростка, помимо родительского воспитания, играет медиапространство. Соответственно, просветительская и воспитательная функции отчасти ложатся на эту сферу и требуют тщательной проработки и фильтрации контента как новостного, так и развлекательного. Кроме того, говоря о заразительности образов героев, сценаристам и режиссерам требуется пересмотреть способы трансляции некоторых типажей и постараться уйти от сценариев, пропагандирующих криминальную культуру. Вместе с тем стоит понимать, что искоренить криминальную молодежную субкультуру невозможно, поскольку неудовлетворенные слои общества были и будут существовать всегда: все проблемы подростков решить нельзя, невзирая на трансформацию и развитие молодежной политики в стране. Другим фактором выступает психологический портрет личности со всеми ее особенностями, зависимостями и неудовлетворенностями. Именно эти причины подталкивают молодое поколение к формированию субкультурных объединений с разным уклоном идеологии, а старшему поколению остается не допустить выхода ситуации из-под контроля.

Список литературы

1. Жанаидаров Д., Рыжова П. Главные фильмы перестройки и 1990-х // Кинопоиск : сайт. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4006191/?ysclid=ltzu2a4pl321590810> (дата обращения: 18.02.2024).

2. Комиссарова А. Жестокие войны уличных банд потрясли Казань. Чем запомнились главные городские группировки «казанского феномена» 1980-х? // Lenta.Ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/12/16/kazan/> (дата обращения: 12.03.2023).

3. Молодежные банды 80-х: от Подмосковья до Дальнего Востока // Октагон : сайт. URL: https://octagon.media/istorii/molodezhnye_bandy_80_x_ot_podmoskovya_do_dalnego_vostoka.html?ysclid=lt28s09qq941506887 (дата обращения: 15.03.2024).

4. Медведева В. А. Психологические аспекты влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних // StudNet. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-vliyaniya-kriminalnoy-subkultury-na-nesovershennoletnih?ysclid=lu6m0vs52k643364714> (дата обращения: 15.03.2023).

5. Шемякина В. В. Криминальная субкультура в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Челябинск, 2010. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminalnaya-subkultura-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 14.03.2023).

6. Ханипов Р. А. Подростково-молодежная делинквентность в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. М., 2008. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/podrostkovo-molodezhnaya-delinkventnost-v-sovremennoi-rossii> (дата обращения: 15.03.2023).

Formation and Spread of Youth Criminal Groups in Russia in the 1970s–1990s: Impact on Mass Culture

Y. R. Grishan

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the history of the formation of well-known criminal groups in Kazan, formulates the causes and consequences of young people joining organized crime groups in different periods of time, and analyzes the influence of the phenomenon on popular culture and youth policy in Russia. The main problems of difficult teenagers are formulated and briefly outlined, and the general stages of the formation of yard communities are identified. The study pays attention to the sphere of Soviet cinema of the 80–90s in Russia: it lists the main works that reflected the problem of the criminalization of youth, considers key moments in the development of films and TV series about difficult teenagers, and analyzes the role of these works in the modern world. The problem of involvement and interest of modern youth in criminal culture is outlined, and possible reasons for the formation of the trend are proposed.

Keywords: criminal groups, youth, Kazan phenomenon, criminal environment, cinema, youth policy, popular culture.

Гришан Юлия Руслановна – студентка 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: yulya.grishan.02@mail.ru

Grishan Yulia Ruslanovna – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yulya.grishan.02@mail.ru

Влияние политических факторов на формирование молодежной субкультуры в России

В. А. Лемешева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Отмечается, что жизненные условия создают предпосылки для объединения молодежи в различные группы, на формирование которых оказывают влияние и политические факторы. Приводятся примеры молодежных субкультур, военно-патриотических и общественных организаций, которые возникли в ответ на существующую политическую обстановку в стране.

Ключевые слова: молодежь, субкультуры, политические факторы, неформальные объединения, молодежные организации.

В России на настоящий момент происходит активное взаимодействие между государственными структурами, гражданами и организациями различного характера. Для решения важных задач, стоящих перед государством, необходимо объединение общества и построение доверительных отношений между различными субъектами. Этот процесс все еще находится на стадии формирования и его оценка неоднозначна. В связи с этим возникает ряд социально-экономических трудностей, преодоление которых требует значительных усилий для большинства жителей России. В сложившихся обстоятельствах именно молодежь относится к наиболее уязвимым социальным группам. Молодые люди сталкиваются с множеством проблем, связанных с получением образования, трудоустройством и другими аспектами социальной жизни. Подобное положение вынуждает их искать различные способы, которые позволят успешно социализироваться, в том числе становятся частью молодежных субкультур. Исследователи молодежных субкультур обращают внимание на то, что их последователей в наибольшей степени интересуют неформальные объединения и общественные движения молодежи.

Необходимо более подробно разобрать ряд отличительных характеристик, которые говорят об уникальности молодежной культуры. С точки зрения физиологии, молодые люди находятся в фазе активного биологического роста при одновременно запаздывающем темпе духовно-нравственного развития. Именно поэтому молодежным субкультурам присущи непредсказуемость поведения и явная зависимость от окружающего мнения [12]. При этом не стоит забывать о том, что молодежные субкультуры носят в себе большое коли-

чество инновационных идей, которые эффективно применяются на практике. Такие течения характеризуются преобладанием в поведении черт неконформизма и радикализма. С другой стороны, молодежные объединения более других подвержены опасности следования инстинктам толпы, что проявляется в низком уровне индивидуализированности [Там же].

Так, Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями г. Санкт-Петербурга предложил следующую классификацию неформальных молодежных движений:

- радикалы – националисты (скинхеды, фашисты);
- культурно-экологические радикалы (зеленые радикалы), вандалы;
- радикальные неоконсерваторы (неосталинисты, люберы);
- религиозные экстремисты (ваххабиты, православные экстремисты);
- радикальные мимикранты;
- агрессивные – панки, анархо-алисоманы, киноманьяки;
- социально опасные и криминальные формирования;
- деструктивные мимикранты, бэггеры, незаконные околорелигиозные формирования;
- неагрессивные – хиппи, индеанисты, хип-хопперы [8, с. 28].

Здесь высок вклад политической идеологии, которая оказывает значительное влияние не только на саму молодежь, но и на ее объединение в неформальные организации. Эти ценности глубоко укореняются в сознании и прочно удерживаются там. Необходимо принять во внимание и тот факт, что носители молодежной субкультуры подвержены высокой внушаемости, вследствие чего политическая идеология может поспособствовать проявлению агрессии со стороны участников неформальных объединений.

Образованные в результате вышеперечисленных процессов группы молодых людей могут стать отправной точкой для возникновения новых политических движений. В зависимости от обстоятельств такие объединения в силах преобразовываться в радикальные формирования либо сдерживать свою политическую активность и приобрести статус общественной организации.

Социально политический контекст, а также актуальная государственная повестка в стране, несомненно, оказывали и продолжают оказывать влияние на создание неформальных групп молодежи. Примером может послужить неонацизм. Отечественные и зарубеж-

ные исследователи неонацизма уже значительное время отмечают рост таких настроений в Западной и Восточной Европе, коснулось это явление и России, что в ряде случаев приводило к созданию молодежных банд неонацистов. В нашей стране это проявилось уже в 90-х гг. XX в. и было связано как с общественным переломом, когда молодые люди не могли определиться с основными жизненными целями, так и с усиливающимся кризисом либеральных и традиционных ценностей [5].

В это же время происходило формирование течения анархистов, которые стремились заимствовать и применять на практике опыт, накопленный российской политической культурой в 80-е гг. XIX в. В современной России анархизм имел множество последователей среди различных возрастных групп и слоев общества. Политические предпочтения для представителей анархизма зачастую изменчивы, они могут поддерживать любые протестные движения: от экологических до гендерных [10, с. 61].

Объективная оценка показывает, что на появление и развитие молодежных субкультур влияют не только психологические, социально экономические, но и политические факторы. Ярким подтверждением данного высказывания является Украина, общество которой находилось в состоянии столкновения субкультур. События, происходившие в этой стране с ноября 2013 по февраль 2014 г., впоследствии получившие название «Евромайдан», поспособствовали увеличению числа националистических формирований. Оппозиционные молодежные союзы, которые в наибольшей степени расположены к крайне правым воззрениям и культурным течениям, стали социальным ядром этих движений [9, с. 95].

Нельзя не осветить события последних лет, связанных с проведением специальной военной операции (СВО) на Украине. С одной стороны, проведение военно-политических мероприятий повлияло на зарождение новой молодежной организации. Вызовы СВО требовали воспитания патриотического духа молодежи, эту цель преследует созданный в России проект «Движение первых». Патриотизм, историческая память, семья, добровольчество и волонтерство являются ключевыми ценностями для участников данного движения [3]. Такое объединение способствует не только социализации молодежи, но и минимизирует возникновение оппозиционных субкультур [4, с. 133].

Однако полностью избежать формирования экстремистских движений не удалось. Одним из примеров может послужить кейс,

получивший огласку в новостных источниках: молодой человек и его избранница произвели поджог автомобиля, на котором была размещена наклейка Z. По сведениям правоохранительных органов, заказ на это преступление был получен с территории Украины, а оплата за данный поджог составила 15 тыс. руб. В связи с проведением военной операции в стране исполнители преступления предстали как радикально настроенные экстремисты. К аналогичным можно отнести ряд похожих случаев, связанных с поджогом военкоматов, административных зданий, промышленных предприятий, железнодорожных путей [1, с. 136]. Таким образом, можно проследить влияние политического фактора на формирование как умеренных, так и оппозиционно настроенных молодежных субкультур.

Можно рассмотреть еще одну новую политическую субкультуру современной России: «ЧВК Рёдан» – это молодежная субкультура, вдохновленная мангой и аниме «Hunter × Hunter». Внешние признаки принадлежности к группировке: длинные черные волосы и клетчатые штаны. Заметным символом «ЧВК Рёдан» является паук с цифрой 4, которая созвучна со словом «смерть». Участники движения выступают против футбольных фанатов, скинхедов и мигрантов: они выискивают цель, преследуют ее и устраивают массовые драки в торговых центрах. Подобные стычки уже происходили в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Ростове-на-Дону и Казани. Там же проводились задержания несовершеннолетних. Так, например, в результате рейда в ТЦ «Галерея» Санкт-Петербурга полиция арестовала 131-го подростка. Причиной послужила драка, которую устроили 70 чел. В основном в «ЧВК Рёдан» состоят подростки, самым младшим из которых около 15 лет. У объединения есть несколько сообществ в соцсети «ВКонтакте». Первый паблик появился летом 2022 г., а крупнейший из них насчитывает сегодня около 200 тыс. подписчиков [11].

Для развития диалога между молодежью и политическими институтами государство активно поддерживает разнообразные объединения политического участия молодежи, при этом оно осуществляет контроль над их деятельностью и оценивает продуктивность. Власти способствуют созданию различных организаций, форумов, которые позволяют молодежи выразить свои политические взгляды и принять участие в общественной жизни страны. Также происходит интенсивное развитие волонтерских движений, реализуются социально значимые проекты, проводятся благотворительные мероприятия [4, с. 133].

Работа по вовлечению представителей молодежи в формализованное политическое пространство не прекращается. Так, 29 октября 2015 г. был принят Указ Президента РФ № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации “Российское движение школьников”». Нельзя сказать, чтобы это движение оказалось заметным, хотя перед ним ставились значимые цели реализовывать те направления государственной политики, которые ориентированы на формирование молодежной политической платформы, основанной на традиционных ценностях российского общества. Движение было в достаточной степени декларативным, хотя проходили необходимые съезды, вербовались сторонники. Тем не менее создано значительное число региональных объединений, число первичных организаций достигает 8 тысяч, по разным оценкам участниками движения в разное время являлись школьники в количестве до 8 миллионов [7].

Наряду с этим движением, носящим в достаточной степени общий характер, по инициативе Министерства обороны было организовано всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое движение «Юнармия». Здесь речь идет о военно-патриотическом воспитании и подготовке к военной службе. В процессе развития движения его штабы создавались во всех регионах страны, число участников из числа юношества превысило 1 миллион человек [6].

Помимо крупных общедеревальных объединений детей и молодежи, ставящих перед собой определенные цели по политическому образованию и самоопределению его членов, создаются менее глобальные в регионах и на базах отдельных организаций. Также активно создаются различные патриотические клубы и организации на базе высших учебных заведений [2].

Таким образом, нельзя сказать, что все субкультуры, наблюдаемые в политической жизни, выросли на общей почве, ряд из них привнесены или имеют на себе следы внешнего влияния. Но все заимствованные элементы достаточно быстро перерабатываются в условиях российской действительности и начинают носить на себе отпечаток уже национальных реалий. И если справедливо оценивать современные молодежные российские субкультуры, то можно увидеть, что существенное внимание на них оказали политические факторы.

Список литературы

1. Ваторопин А. С., Тепляков И. И. Молодежный экстремизм в России в период специальной военной операции // Образование и право. 2022. № 8. С. 133–138. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-rossii-v-kontekste-spetsialnoy-voennoy-operatsii/viewer> (дата обращения: 05.03.2024).

2. Геодакян А. История детского и юношеского движения в России // ТАСС : информ. агентство. URL: <https://tass.ru/info/15610473> (дата обращения: 26.02.2024).

3. Дризе Д. «Что это будет, не совсем понятно» // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734032> (дата обращения: 01.03.2024).

4. Князькова Е. В. Молодежные деструктивные субкультуры как фактор формирования политического экстремизма в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 5. С. 133–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49750523> (дата обращения: 26.02.2024).

5. Кузьмин А. Г. Ультраправые скинхеды в современной России: эволюция политической идеологии и практики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 1. С. 143–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ultrapravey-skinhedy-v-sovremennoy-rossii-evolyutsiya-politicheskoy-ideologii-i-praktiki/viewer> (дата обращения: 26.02.2024).

6. Новиков С. В. Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия» как форма противодействия угрозам общественной безопасности в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2, № 5. С. 115–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vserossiyskoe-voenno-patrioticheskoe-obschestvennoe-dvizhenie-yunarmiya-kak-forma-protivodeystviya-ugrozam-obshchestvennoy> (дата обращения: 01.03.2024).

7. Российское движение школьников : офиц. сайт. URL: <https://xn--d1axz.xn--p1ai/?ysclid=lhxo3h0e2825595915> (дата обращения: 02.03.2024).

8. Симонова Т. С. Влияние политических факторов на формирование молодежных субкультур в России // Молодежный научный форум : сб. ст. по материалам LXXV студ. междунар. науч.-практ. конф. М. : МЦНО, 2020. № 6 (75). С. 27–30. URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_interdisciplinarity/6%2875%29.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

9. Тихонова О. В. Политическая субкультура молодежи современной России: понятие и типология // Политические институты и процессы. 2014. № 3. С. 94–96. URL: http://history.kemsu.ru/images/document/nauka/nauchnye-pyblikachii/2014__3.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

10. Черноусова В. А. Молодежные политические субкультуры, причины их возникновения и роль в России // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов : в 2 ч. Ч. 2. М. : Изд-во ФУ при Правительстве РФ, 2018. С. 58–63. URL: http://www.fa.ru/fil/omsk/science/Documents/Collection/2018_19_04_Collection_C2.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

11. Что известно о ЧВК «Рёдан», опасна ли новая молодежная субкультура и при чем тут Atomic heart // RuNews24 : сайт. URL: <https://runews24.ru/articles/01/03/2023/e4c9d7f26a9722440f9de3f5c5e03ea5> (дата обращения: 02.03.2024).

12. Шарупич К. А. Молодежная политическая субкультура // Информационные технологии и управление : материалы 56-й науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 21–24 апреля 2020 г. / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники ; редкол.: Л. Ю. Шилин [и др.]. Минск, 2020. С. 35. URL: https://libelidoc.bsuir.by/bitstream/123456789/40567/1/Sharupich_Molodezhnaya.pdf (дата обращения: 08.03.2024).

Influence of Political Factors on the Formation of Youth Subculture in Russia

B. A. Lemesheva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Living conditions create the prerequisites for uniting young people into various groups, the formation of which is influenced by political factors. Examples of youth subcultures, military-patriotic and public organizations that arose in response to the existing political situation in the country are given in confirmation.

Keywords: youth, subcultures, political factors, informal associations, youth organizations.

Лемешева Валерия Алексеевна – студентка 2-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: Lera.Lemesheva@inbox.ru

Lemesheva Valeria Alekseevna – 2nd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Lera.Lemesheva@inbox.ru

УДК 322

Религиозный фактор в формировании исторической памяти в России

Ю. В. Ситникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается роль православной церкви в формировании политики памяти в России на протяжении истории. Определяются некоторые направления деятельности церкви в этом направлении. Изучается деятельность Русской православной церкви в современной России. Оценивается важность православной церкви как социального и политического института в России.

Ключевые слова: церковь, православие, политика памяти, историческая ретроспектива.

Актуальность работы определяется тем, что в последние десятилетия в связи с признанием влияния глобализации на мировое сообщество особое значение стали приобретать взаимоотношения религии и политики. Государства утрачивают свои символы и ориентиры, отдавая роль консолидирующих факторов другим институтам. Актуализация религиозного фактора в политике – один из возможных ответов на глобализацию. Религия в современном мире выступает в качестве характеристики идентичности того или иного общества и государства.

Религиозные традиции и нормы становятся базисным основанием социокультурных идентичностей [3; 4]. Сегодня дискурс религии и политики для решения различных вызовов может предполагать

наиболее широкой круг взаимодействия. Для России вопрос путей формирования собственной идентичности особенно актуален. Осмыслиется роль православной традиции как одного из путей формирования идентичности, которая является конструктом консолидации современного российского общества. Русская православная церковь (РПЦ) на протяжении почти всего исторического развития России играла большую роль в становлении и эволюции политики памяти [1]. В ранние периоды истории государства она была активным политическим актором и одной из главных скреп общества.

Особое внимание к религиозному фактору российской идентичности возродилось в 1990-е гг. В современности же все больше россиян считают себя православными. Однако число людей, считающих себя верующими, не является отражением количества реально верующих. В российском обществе понятие веры выходит за рамки исключительно религиозности и является, скорее, компонентой идентификации, причисления себя к нации.

Однако, несмотря на интерес к проблеме, роль РПЦ в формировании российской идентичности изучена недостаточно. Исследования политики памяти, как правило, сосредотачиваются на роли государства в ее формировании, рассматривая только отдельные аспекты. Тем не менее негосударственные акторы могут не только иначе смотреть на ее содержание, но производить ее альтернативный дискурс, а также влиять на развитие официальной политики памяти. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, какую роль играла православная церковь в формировании российской идентичности в ретроспективе, определить роль РПЦ в современной России, а также попытаемся оценить ее перспективы как актора политики памяти.

Один из главных инструментов политики памяти – создание символов, которые будут являться скрепами, на основе которых будет происходить консолидация общества. В этом направлении православная церковь всегда активно себя проявляла. РПЦ формирует такой важный компонент практики коммеморации, как канонизация и институт святости.

Еще несколько столетий назад православной церковью были возведены в канон Владимир Святой и Александр Невский, к образам которых обращается политика памяти во многие периоды истории России. Перед началом Второй мировой войны образ Александра Невского активно использовался для реконструкции и актуализации образа западной угрозы для общества. В современности этот

образ актуализируется с помощью различных исторических конкурсов, посвященных ему или апеллирующих к его имени в названии.

Несмотря на то что Россия является светским государством, дата Крещения Руси является одной из значимых для истории, в том числе для формирования российской государственности и впоследствии для ее идентичности. С этой точки зрения Владимир Святой рассматривается как одна из главных персоналий, оказавших влияние на создание российской самобытности. В более ранние исторические этапы церковь была активным политическим актором. Участие, например, в институте канонизации укрепило авторитарную традицию в политической культуре России.

Однако многие образы, которые могли бы стать хорошими скрепами для консолидации, были утрачены вследствие ориентации церкви на репрезентацию божественного происхождения монархической власти. К историческому прошлому церковь обращалась редко, действуя в интересах официальной правительственной повестки.

Активное участие в мемориальной политике РПЦ проявляется после реабилитации религии. Так, главным образом, на который были ориентированы представители церкви, стал Николай II. Подход Патриарха Алексия II, придерживающегося мнения о том, что негативный опыт России в XX в. стал определенной платой за убийство царя и членов его семьи, привлек внимание общественности. Такая точка зрения была популярна и выгодна в кризисные годы и церкви, и государству в рамках критики и дистанцирования от советского прошлого. Совместно они пытались выстроить новые символы российской идентичности.

Противоположного мнения придерживается Патриарх Кирилл, считающий, что Россия уже искупила свой грех. Не бесспорно, Николай II был канонизирован в 2000 г., а интерес к его фигуре сохраняется. Так, в 2015 г. уже при следующем Патриархе Кирилле Следственный комитет возобновил уголовное дело по факту убийства царя. Примечательно, что в этот период Россия уже отказалась от непризнания связи с советским периодом, а наоборот, стала постепенно признавать себя его преемницей. Это говорит о том, что церковь как актор политики памяти действительно способна привлечь внимание к новым символам не только общественности, но и государства.

РПЦ активно участвует в канонизации жертв советских репрессий. В период с 1989 по 2011 г. в сан святых было возведено 1866 чел., 95 % из которых представлены как новомученики. Это дает возможность говорить о значимости этого направления мемориальной по-

литики в условиях ценностного переосмысления недавней истории жителями постсоветского пространства.

Еще одним из важных направлений политики памяти является создание мемориальных комплексов и памятников на месте репрессий духовенства. В рамках восстановления религиозного фактора как части скрепления общества проводятся реконструкции и восстановление храмов и монастырей. С 1987 по 2017 г. число храмов увеличилось в 5 раз, число монастырей – почти в 63 раза. Деятельность по восстановлению мест службы для православных христиан является важной частью мемориальной политики, так как для поднятия уровня консолидации общества необходимо создание мест, в которых граждане чувствовали бы единение. Важно, что вопросы увековечивания памяти жертв политических репрессий и восстановления культурно-исторического наследия РПЦ, как правило, поддерживаются государством и общественностью.

РПЦ делала серьезные попытки «осовременить» институт святости посредством канонизации личностей, известных гражданскому обществу. Это желание репрезентировать институт святости не как что-то архаичное, далекое, а как то, что окружает современное общество и актуально для него. Например, в начале 2000-х гг. был дискурс о канонизации Ивана Грозного, несмотря на многочисленные исторические факты, такие как убийство митрополита Филиппа в 1652 г., исключаящие возможность причисления его к лику святых.

Таким образом, мы видим, что деятельность православной церкви в политике памяти не всегда положительно встречается государством и общественностью. Одним из самых спорных предложений о канонизации исторической личности было обсуждение причисления к святым И. Сталина. Так, существуют две иконы с изображением генералиссимуса. Однако идея не поддержалась ни большинством духовенства, ни общественностью.

Таким образом, понимая сложность дискурса вокруг канонизации персон более поздних исторических периодов, РПЦ концентрирует внимание гражданского общества на более привычных ему символах и личностях. Например, самое большое число памятников было возведено в честь четырех фигур: Александра Невского, Владимира Святого, Кирилла и Мефодия. Примечательно, что памятники расположены на территории не только России, но и некоторых постсоветских государств – Белоруссии и Украины.

Усиление консолидации, в том числе вокруг религии, происходит на фоне сложной внутри- и внешнеполитической обстановки.

С февраля 2014 г. данные показатели одобрения общественностью деятельности РПЦ как общественного института выросли до 70–75 %. В 2012–2013 гг. показатели одобрения колебались от 62 до 70 %.

Роль религии в жизни выросла по сравнению с 1990-и гг. По данным социологических опросов, на 2017 г. 71 % россиян исповедует православие, в то время как в 1991 г. этот показатель составлял 37 %. При этом отмечено, что большинство верующих связывают свою принадлежность к религии скорее с национальной идентичностью. Это значит, что критерии православности очень широки и выходят за рамки исключительно религиозности.

Исследование «Социальная стратификация современного российского общества» выделило следующие критерии религиозной идентичности в России. Из 62 % взрослого «православного» населения только 8,5 % активных верующих, 20,8 % – умеренных (посещают храм 1 раз месяц и реже), 21,3 % – пассивных (посещают храм по большим праздникам) [2]. Почти 46 % из числа «православных» относят себя к этой религии по этнокультурному признаку. Можно сделать вывод о том, что современная религиозная идентичность представляет большой потенциал для развития официальной политики памяти на своей основе. При этом религиозный фактор в современной России эксплуатируется скорее символически, не являясь при этом социальным институтом. Так, половина опрошенных ВЦИОМом считает, что церковь должна влиять на моральное состояние общества, не вмешиваясь при этом в политику. Таким образом, социологические опросы показывают, что при формальном росте числа православных и попытках выстраивания своего вектора политики памяти православной церковью реальной институциональности как социального ориентира она не имеет.

Можно сделать вывод о том, что РПЦ может участвовать в развитии политики памяти России в качестве дополнительного инструмента, формируя символы-ориентиры для гражданского общества. Внимание к церкви повышается в периоды сложной политической обстановки как к одному из возможных оснований консолидации общества. Православие для россиян – критерий, связанный, скорее, с традициями и идентичностью, чем с религиозностью. С этой точки зрения перспективы РПЦ как реального политического актора оцениваются скептически. Возможно привлечение внимания к этому институту на основе иных, связанных с социальными и культурными аспектами жизни общества оснований. Тем не менее церковь осуществляет попытки участия в формировании гражданского общества

России посредством доступных ей ресурсов, иногда при этом формируя дискурсивные положения, что говорит о ее деятельном начале как инструменте политики памяти.

Список литературы

1. Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-kak-aktor-sovremennoy-politiki-pamyati-diskurs-kanonizatsii> (дата обращения: 24.03.2024).
2. «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (дата обращения: 23.03.2024).
3. Растимешина Т. В. Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2012. № 4. С. 128–134. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/559?locale=ru_RU (дата обращения: 22.03.2024).
4. Ткач Н. Н. Православная традиция в формировании российской идентичности // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaya-traditsiya-v-formirovanii-rossiyskoy-identichnosti> (дата обращения: 23.03.2024).

Religious Factor in the Formation of Historical Memory in Russia

Y. V. Sitnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The role of the Orthodox Church in the formation of the policy of memory in Russia throughout history is considered, some directions of the church's activity in this direction are determined. The activities of the Russian Orthodox Church in modern Russia are considered, the importance of the Orthodox Church as a social and political institution in Russia is assessed.

Keywords: church, Orthodoxy, politics of memory, historical retrospective.

Ситникова Юлия Васильевна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: sitjuliia0505@gmail.com

Sitnikova Juliia Vasilievna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sitjuliia0505@gmail.com

Виртуальные концертные залы в социокультурном пространстве Иркутской области

Е. В. Шнайдер

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется проект «Цифровая культура» на территории Иркутской области. Рассматривается хронологический порядок реализации проекта в городах Иркутской области. Особое внимание уделяется технологическому оснащению виртуальных концертных залов. Выявлены основные проблемы, связанные с недостаточным использованием ресурсов проекта.

Ключевые слова: национальные проекты, цифровая культура, виртуальные концертные залы.

Современная реальность не представляется без цифровых технологий, инновации стремительно входят в жизнь каждого человека. Культура как важнейшая часть общественной жизни немыслима без трансформации. Цифровые технологии стали прекрасными инструментами для расширения доступности культурных ценностей и их развития.

В различных культурных отраслях, среди которых кино, музеи, книгоиздание, библиотеки, музыка, произошли революционные изменения. Это касается форм создания, производства и распространения, а также форм доступа к культурным ценностям. Оказание услуг в сфере культуры претерпело значительные изменения. Многие процессы были упрощены и адаптированы, были решены проблемы защиты прав интеллектуальной собственности и распространения культурных продуктов, специалисты в области культуры и искусства прошли профессиональную подготовку.

Создание новой цифровой культурной среды и активное вовлечение населения в нее, необходимость сохранения культурных ценностей, национальной идентичности в условиях развития глобального цифрового общества становятся важнейшими задачами государства.

Развитие культурной сферы в Российской Федерации – один из важнейших национальных приоритетов. Об этом свидетельствует в первую очередь национальный проект «Культура», разработанный по Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8]. Действие национального проекта было скорректировано и продлено в соответствии с Указом Президента РФ № 474 от

21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

На Министерство культуры Российской Федерации как на федеральный орган исполнительной власти, который уполномочен заниматься вопросами культуры и искусства, возложено руководство национальным проектом, целью которого провозглашено создание комфортных условий и возможностей для реализации талантов людей. Кроме того, важным направлением является повышение доступности культуры не только в крупных городах, но и в отдаленных населенных пунктах по всей стране. Проект также призван наполнять новым содержанием сельские учреждения культуры, библиотеки и другие культурно-досуговые учреждения.

Структуру национального проекта составляют три федеральных блока:

1. «Культурная среда». Предусматривает строительство, реконструкцию и модернизацию клубов, муниципальных библиотек, выставочных и музейных комплексов, театров, концертных залов, детских школ искусств.

2. «Творческие люди». Ориентирован на развитие и продвижение талантливых деятелей искусства, создание и поддержку добровольческих и волонтерских движений в сфере сохранения культурного наследия, а также подготовку новых кадров для отрасли культуры.

3. «Цифровая культура». Своей целью провозглашает внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны, создание виртуальных концертных залов не менее чем в 500 городах Российской Федерации [7].

Мы можем проследить, что цифровизация культуры является приоритетным направлением развития культуры в России, что отвечает современным трендам общества.

При этом концепция виртуальных концертных залов реализуется не только в России. Основной толчок в их развитии наблюдался во время пандемии. Мировые звезды проводят свои концерты в цифровых мирах или видеоиграх. К примеру, в 2021 г. в компьютерной онлайн-игре Fortnite ряд концертов провела американская певица Ариана Гранде [3].

Крупнейшие мировые учреждения культуры, среди которых Венская опера, Метрополитен-опера, Парижская филармония и др., давно используют эту технологию в своей работе. Так, виртуальный концертный зал Берлинской филармонии успешно получает средства от своей деятельности. На сайте представлено более

750 концертных видео, фильмы, портреты художников, многочисленные интервью с великими дирижерами и солистами. Наслаждаться концертами Берлинского филармонического оркестра можно в превосходном качестве изображения и звука. Проводятся регулярные прямые трансляции. Доступ на год стоит около 170 евро, или 16 949 руб. [14].

На территории Иркутской области реализуются все три направления национального проекта. Целью регионального проекта «Цифровая культура» является увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз с 2019 г. [6].

Виртуальный концертный зал представляет собой комплекс технического оборудования, которое позволяет проводить прямые трансляции культурных мероприятий в сети Интернет и записывать их. Таким образом, любое событие становится доступнее, стираются географические границы. Кроме того, трансляции высокого качества позволяют расширять аудиторию и привлекать новых зрителей.

Для показов в виртуальном концертном зале необходим определенный уровень технической оснащенности. Так, площадка должна быть оборудована персональным компьютером, проектором, экраном, микшерным пультом, акустической системой. Кроме этого, для создания эффекта настоящего концертного зала необходимы сценические конструкции: занавесы, различного рода крепления. В зависимости от вместимости и площади зала меняются и характеристики техники, необходимой для качественного показа. С 2020 г. различают залы в зависимости от количества зрительских мест: малый зал с количеством до 50 мест, малый зал с количеством мест в диапазоне 51–150, средний зал (151–300 мест), большой зал (от 301 места) [2, с. 10].

Трансляция, например, музыкальных произведений происходит непосредственно с сайта Московской филармонии. Соответственно, одним из основных требований к успешному просмотру будет являться скорость интернет-канала. Из необходимых для просмотра технических характеристик можно выделить:

- 1) персональный компьютер (с процессором на базе INTEL или AMD);
- 2) операционную систему (Windows XP и новее, Mac OS X 10.6 и новее, Linux Ubuntu 10.04 и новее);
- 3) интернет-браузер (Internet Explorer 10 и новее, Mozilla Firefox 34 и новее, Opera 10 и новее, Google Chrome 32 и новее, Safari 5 и новее);
- 4) проектор (разрешение не меньше FullHD);
- 5) экран (ручной или с электроприводом);

- 6) ТВ и ЖК-панели, LED-экраны;
- 7) акустическую систему (в приоритете акустика с рупором) [2, с. 11].

Данные технологические средства помогут в полной мере окунуться в творческий мир транслируемых произведений и оставить наиболее приятные впечатления у зрителей.

До начала реализации нацпроекта «Культура» в Иркутске уже было открыто два виртуальных концертных зала. Первый – на базе Иркутской областной филармонии, которая в 2014 г. стала участником проекта «Всероссийский виртуальный концертный зал» и вошла в число учреждений, которые имеют возможность транслировать программы из Москвы и других городов. Второй зал был открыт на базе областной государственной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского в 2018 г. Любителям классической музыки стали доступны концерты Московской государственной академической филармонии.

С 2019 г. проект реализуется в рамках регионального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» [9].

В 2020 г. было открыто три виртуальных концертных зала на базе: МБУК «Дворец культуры “Юность”» (г. Саянск), МБУК «Централизованная библиотечная система» Центральная городская библиотека им. Н. С. Клестова-Ангарского (г. Усть-Илимск), МБУК «Централизованная библиотечная система города Братска» (г. Братск) [10, с. 10].

В 2021 г. было открыто шесть виртуальных концертных залов на базе: МКУК ДО «Нижеудинская районная детская школа искусств» (г. Нижнеудинск), МБУК «Централизованная библиотечная система» (г. Тулун), МБУК «Централизованная библиотечная система» (г. Ангарск), МБУК «Районный культурно-досуговый центр Магистраль» Усть-Кутского муниципального образования (г. Усть-Кут), МУ «Городской Центр Культуры» муниципального образования «город Свирск» (г. Свирск), МБУ ДО «Детская музыкальная школа» (г. Усолье-Сибирское) [11, с. 11].

В 2022 г. было открыто пять виртуальных залов на базе: МКУК «Культурно-досуговый центр» (г. Черемхово), МБУК «Межпоселенческий районный Дом культуры “Юбилейный”» (г. Тайшет), МКУ ДО «Детская школа искусств» (г. Бирюсинск), МКУК «Алзамайская детская школа искусств» (г. Алзамай), МБУК «Дом культуры “Перевал” Слюдянского муниципального района» (Слюдянский район) [12, с. 29].

В 2023 г. было открыто два виртуальных концертных зала на базе: МКУК «Централизованная библиотечная система г. Бодайбо и района», структурное подразделение Центральная городская библиотека им. Светланы Кузнецовой (г. Бодайбо), МКОУ ДО «Детская школа искусств им. А. В. Кузакова г. Киренска» (г. Киренск) [13, с. 30].

В 2024 г. запланировано создание одного виртуального концертного зала на базе муниципального казенного учреждения дополнительного образования «Вихоревская детская школа искусств» (Братский район, г. Вихоревка) [13, с. 75].

Всего в Иркутской области в настоящее время действует 16 виртуальных концертных залов. По данным Министерства культуры Российской Федерации на 2023 г., Иркутская область является абсолютным лидером по числу виртуальных концертных залов (рис. 1) [4].

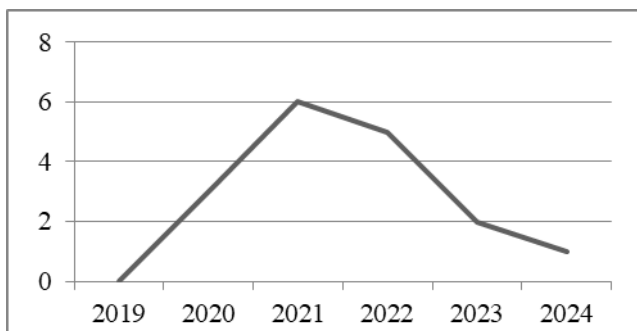

Рис. 1. Количество открытых виртуальных концертных залов на базе учреждений культуры (распределение по годам)

Таким образом, анализируя развитие проекта «Цифровая культура» на территории Иркутской области, мы можем наблюдать некоторый спад, который выражается не только в количестве проектов, но и в их финансировании. Размер финансирования за 2019–2023 гг. составил около 24,5 млн руб. (рис. 2) [1].

Виртуальный концертный зал отлично интегрировался в пространство учреждений культуры. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, для открытия не требуется строительство дополнительных площадей, все размещается уже в готовом учреждении. Во-вторых, нет необходимости в подготовке отдельного персонала. Работникам учреждения нужен навык владения компьютером, понимание технического устройства оборудования, чаще всего техниче-

ский специалист есть в каждом штате. При отсутствии подходящих кадров сотрудник может пройти переподготовку. В-третьих, репертуар формируется при помощи портала «Культура.РФ».

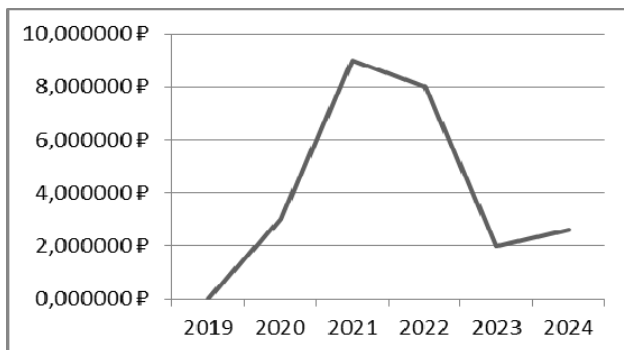

Рис. 2. Финансирование виртуальных концертных залов на базе учреждений культуры (распределение по годам)

До недавнего времени транслировать разрешалось только музыкальные произведения. С 2021 г. для просмотров стали доступны все программы на портале «ПРОКультура.РФ», включающие в себя театральные постановки, фильмы, мастер-классы и др.

Культурное просвещение – важное направление общественного развития, так как именно оно является средством передачи и хранения человеческого опыта. Индивид может стать полноценным членом общества только благодаря освоению его культурных особенностей, т. е. особенностей языка, моральных норм, обычаев и традиций. Уровень развития каждой личности определяется ее социализированностью – приобщением к наследию человечества. Существует множество способов знакомства человека с культурным наследием, одним из новейших является виртуальный концертный зал, который помогает преодолеть любые препятствия на пути к просвещенности.

Виртуальные мероприятия позволяют легко преодолевать любые расстояния. Жители самых отдаленных населенных пунктов могут побывать на выступлениях концертных филармоний, спектаклях, мастер-классах, экскурсиях. События всероссийского масштаба просматриваются на большом экране и с отличным звуком. Проведение такого досуга вместе с семьей или друзьями позволяет обогащаться и развиваться внутренне.

Необходимо отметить, что виртуальные концертные залы становятся творческой площадкой для общения и обмена мнениями. После приобретенных впечатлений зрители могут остаться и поделиться своими мыслями друг с другом.

В декабре 2022 г. – январе 2023 г. Министерство культуры провело опрос, в котором приняли участие 707 чел. Основным вопросом стал «Как изменилась жизнь после открытия виртуального концертного зала в Вашем населенном пункте?» [5]. Ответы распределились следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как изменилась жизнь после открытия виртуального концертного зала в Вашем населенном пункте?»

Существует тенденция того, что часть площадок транслирует только кинофильмы и мультфильмы, следовательно, развлекательная функция доминирует над культурно-просветительской. При этом причины этой ситуации довольно ясны: в небольших поселениях часто просто нет досугового центра, а значит, учреждение, реализующее проект «Цифровая культура», берет на себя его функции, становясь местом притяжения людей.

Все еще остро стоит вопрос, касающийся посещаемости мероприятий. Средняя заполняемость залов при проведении трансляций – 40 % [13, с. 25]. Существует определенный пласт аудитории, ни разу не посещавший виртуальный концертный зал, хотя потенциально его бы заинтересовало подобное мероприятие. Несмотря на широкую рекламу самого национального проекта «Культура», есть

некоторая нехватка информированности населения о подпроекте «Цифровая культура». Самые активные пользователи новых технологий – молодые люди, именно они и являются целевой аудиторией. Но большинство молодежи просто не знает о существовании виртуальных концертных залов. Важно применять современные маркетинговые технологии, в том числе и рекламу, которая подходит для разных целевых групп. Для молодежи это могло бы быть сообщение в социальных сетях, а для более взрослой аудитории – афиша в газетах.

Необходимо отметить и то, что в виртуальных концертных залах Иркутской области невозможно посмотреть мероприятия областных государственных учреждений культуры, что является большим недостатком, учитывая их масштаб и значимость.

Таким образом, мы можем сказать, что проект «Цифровая культура» – отличный инструмент для внедрения новых технологий в сферу культуры, но он несправедливо ограничен только виртуальными концертными залами. Учитывая специфику технологии, формы ее применения могут быть очень разнообразными, включая виртуальные фильмы и выставки. Расширением области применения подобных технологий может стать и дополненная реальность, реализуемая в настоящее время в учреждениях культуры только в формате QR-кодов.

Список литературы

1. В 2023 году на реализацию нацпроекта «Культура» в Иркутской области направят 285,6 млн рублей // Министерство культуры Иркутской области : офиц. сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/news/news/2601499/> (дата обращения: 19.03.2024).
2. Ветошкина Е. М. Методические рекомендации для сотрудников учреждений, участвующих в реализации регионального проекта «Цифровая культура» по программе «Всероссийский виртуальный концертный зал» // КОГАУК «Областной Дом народного творчества г. Киров». 2021. 28 с. URL: http://dshibel.kir.muzkult.ru/media/2022/10/10/1283487642/metodicheskie_rekomendacii_VKZ.pdf (дата обращения: 27.02.2024).
3. Виртуальные концерты: тусовки в интернете нового уровня // MAFF : сайт. URL: https://maff.io/media/five_best_concerts/?ysclid=lucnzkrin37562751#Иммерсивный_концерт_Ariana_Grande_v_Fortnite (дата обращения: 19.03.2024).
4. Как работают виртуальные концертные залы, открывающиеся в рамках нацпроекта «Культура» // Министерство культуры Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/news/kak_rabotayut_virtualnye_kontsertnye_zaly_otkryvayushchiesya_v_ramkakh_natsproekta_kultura/ (дата обращения: 06.03.2024).
5. Координационный совет руководителей муниципальных органов управления культуры Иркутской области // Министерство культуры Иркутской области : офиц.

сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/sovet/composition_coordination.php?type=special (дата обращения: 09.03.2024).

6. Национальный проект «Культура» // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/govsupport/nacproekt/?ysclid=ltmsjbn8g438039503/> (дата обращения: 06.03.2024).

7. Национальный проект «Культура» // Министерство культуры Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 06.03.2024).

8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) // Гарант: справ.-поисковая система. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 01.03.2024).

9. Отчет министерства культуры и архивов Иркутской области за 2019 год // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/about/otchet_2011.php (дата обращения: 05.03.2024).

10. Отчет министерства культуры и архивов Иркутской области за 2020 год // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/about/otchet_2011.php (дата обращения: 05.03.2024).

11. Отчет министерства культуры и архивов Иркутской области за 2021 год // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/about/otchet_2011.php (дата обращения: 05.03.2024).

12. Отчет министерства культуры и архивов Иркутской области за 2022 год // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/about/otchet_2011.php (дата обращения: 05.03.2024).

13. Отчет министерства культуры Иркутской области за 2023 год // Министерство культуры Иркутской области: офиц. сайт. URL: https://irkobl.ru/sites/culture/about/otchet_2011.php (дата обращения: 05.03.2024).

14. The Digital Concert Hall of the Berliner Philharmoniker // Berliner Philharmoniker: website. URL: https://www.digitalconcerthall.com/en?utm_source=www.berliner-philharmoniker.de&utm_medium=website&utm_campaign=brandbar (date of access: 20.03.2024).

Virtual Concert Halls in the Socio-Cultural Space of the Irkutsk Region

E. V. Schnaider

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Digital Culture project in the Irkutsk region. The chronological order of the project implementation in the subjects of the Irkutsk region is considered. Special attention is paid to the technological equipment of virtual concert halls. The main problems associated with the insufficient use of project resources have been identified.

Keywords: national projects, digital culture, virtual concert halls.

Елена Вадимовна Шнайдер – студентка 4-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: hellenshnaider@yandex.ru

Elena Vadimovna Schnaider – 4th year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: hellenshnaider@yandex.ru

Влияние символической политики на общественное мнение и социальные процессы

А. Р. Юсопова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Уделяется внимание феномену «войн памяти», когда различные страны стремятся отстоять свою интерпретацию исторической правды. Подчеркивается важность изучения символической политики и ее влияния на формирование социальной реальности и политического процесса. Особое внимание уделяется следующему вопросу: «Почему в современном мире будущее заменяют прошлым?»

Ключевые слова: символическая политика, символ, прошлое, конструирование массового сознания, войны памяти.

В настоящее время можно наблюдать рост интереса к изучению символической политики среди исследователей из различных областей науки. Это связано с тем, что она охватывает множество процессов: легитимация режима, электоральные процессы, брендинг территории, репрезентация региональных сообществ, политизация истории и др. Эти процессы отчасти связаны с дискурсивным конструированием социальной реальности и основаны на манипуляции символами.

Конструирование определенных смыслов, закрепляющихся в социальном сознании и захватывающих символическое пространство, заложено в мифе. Миф существует повсеместно и зачастую не осознается людьми, но, тем не менее, оказывает на них воздействие – происходит деформация реального представления о предмете, он начинает наделяться другим смыслом, в частности, сохраняет свои свойства, но приобретает искаженный смысл [1]. Таким образом, вокруг существующего предмета начинает надстраиваться мифологическая система, подменяющая реальное его восприятие в сознании общественности.

При изучении теории символической политики важно отметить вклад французского социолога Пьера Бурдьё (1930–2002), исследовавшего символическую власть и социальное пространство и стремившегося описать логику развития политического процесса. Большое значение он придавал символической борьбе, под которой подразумевал производство смыслов, монополию на легитимность «номинации» [2, с. 27]. По мнению автора, символические стратегии, используемые агентами в качестве установления своего видения со-

циальной реальности и утверждения своих позиций, можно представить в виде нескольких элементов. Во-первых, это «оскорбление», при котором частное лицо стремится навязать свою точку зрения, но при этом рискует попасть под аналогичное влияние. Во-вторых, «официальная номинация» – это акт символического внушения, который имеет официальную силу, потому что совершается благодаря доверенному лицу государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие. При этом стоит заметить, что видение социального мира можно изменить только на основе знания о самом социальном мире и тех действиях, которые совершают в нем акторы [2].

Таким образом, социальный мир приходит к статусу символической системы, которая включает в себя средства познания и коммуникации, организованные благодаря системе феноменов, стремящихся функционировать символически как пространство стилей жизни. По мнению Пьера Бурдьё, восприятие социального мира возникает в результате двойного структурирования: на объективном уровне – это сочетание с разной степенью вероятности основных признаков, присущих субъектам или институтам; на субъективном уровне – это отражение связей символической власти, зафиксированных в моделях восприятия. На основе этого складываются разные формы борьбы на символическом уровне по поводу восприятия социальной реальности: объективно – это действия, направленные на выявление определенных реалий; субъективно – это действия, направленные на трансформацию категорий восприятия социальной реальности. Таким образом, по мнению П. Бурдьё, основой политической борьбы становятся слова, понятия, которые воссоздают и отображают социальную реальность [2, с. 34].

Символическая политика стала неотъемлемой частью современного политического процесса. Политические символы, знаки, лозунги, эмблемы и другие элементы символической политики используются для поддержки определенной политической повестки и мобилизации общественной поддержки, кроме того, она оказывает серьезное воздействие на формирование общественного мнения и национальной культуры [5].

При этом элита стремится сформировать собственные «матрицы» социальной реальности, используя для этого различные символы и впоследствии навязывая их общественности. Так, например, после распада Советского Союза сохранился символический ландшафт этой эпохи и перед властями постсоветских стран возник вопрос, что делать с этим наследием. Главы стран решили по-разному

отнестись к памятникам, названиям улиц, площадей и др. [3]. Трансформации, происходящие на постсоветском пространстве, стали широко исследоваться авторами, констатирующими возникшую символическую битву между постсоветскими элитами.

Различные акторы начинают создавать ложные представления о каких-либо событиях или личностях, стремясь подстроить историю в контекст современных событий. Власти постсоветских стран всеми силами стремятся переписать страницы совместной истории, выстраивая образ жертвы, которая долгое время страдала от жестокого соседа. Россия, являясь правопреемником СССР, на данный момент сталкивается с проявлениями русофобского нарратива в свой адрес и вынуждена защищать историческую правду от любых притязаний [4, с. 129]. Подтверждение этого можно обнаружить в нормативно-правовых актах Российской Федерации, нацеленных на консолидацию российского общества и сохранение исторической правды.

Но в чем же причина активного обращения к истории в современном мире? Стоит отметить, что эта тенденция характерна не только для России и постсоветских стран, но и в целом для всего мира. Если рассматривать XX в., то можно обнаружить устремление в будущее, что подтверждают различные лозунги и популярность утопий, которые были призваны иллюстрировать образ светлого будущего и влиять на массовое сознание. В современности же наши интересы подчинены ретротопии [6, с. 17].

Все чаще рассматриваются лишь те факты истории, которые соответствуют современному курсу государства во внутренней и внешней политике. Искажение прошлого вызывает противоречия со стороны общественности и власти, приводит к столкновению государств, негативно сказывается на сохранении миропорядка. Все это выливается в «войны памяти», когда каждая страна стремится отстоять свою интерпретацию исторической правды [6, с. 25]. Таким образом, мы сталкиваемся не с подлинной историей, а конструируемой памятью о тех или иных событиях. Созданные образы широко распространяются благодаря масс-медиа и современным средствам коммуникации. Люди воспринимают эти символы в качестве настоящих. То есть реальные символы подменяются контрсимволами, не претендующими на достоверность и умышленно навязывающими ложные смыслы благодаря эмоциональной окраске.

«Переписывание» истории преподносится под лозунгом «восстановить правду и историческую справедливость» [6, с. 21]. К причине формирования этого тренда можно отнести возросшую попу-

лярность сети Интернет, которая позволила получать информацию большому количеству людей. Благодаря интернету стираются границы между прошлым и настоящим, создается информационное пространство, связывающее оба времени воедино. Так, Х. Гумбрехт утверждает, что сегодня прошлое никак не может закончиться – оно остается непрошедшей, незавершенной историей [6, с. 25]. В современности существует «расширенное настоящее», в котором прошлое никогда не заканчивалось, а события прошедших эпох, деятельность различных акторов сохраняются и начинают оказывать влияние на современность.

Можно сделать вывод о том, что концепция символической политики используется при анализе диалектического процесса формирования представлений о социальной реальности. Под символической политикой рассматривается форма политической деятельности, использующей различные элементы символической коммуникации для достижения политических целей. При этом символическая политика исследователями чаще всего представляется в виде своеобразного «суррогата» реальной политики, в которой исследуется целенаправленная деятельность политических акторов в публичном пространстве, часто несовпадающая с непубличной стороной политики. Современная символическая политика отражает новые реалии, включающие в себя ряд проблем, таких как рост национализма по всему миру, развитие медиа и вместе с этим распространение постправды и др.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / пер. с франц. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Джонсон Дж., Малинова О. Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого в постсоветской России // Политическая наука. 2020. № 2. С. 15–41. URL: <https://goo.su/cgGbh> (дата обращения: 29.03.2024).
4. Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 128–145. URL: <https://goo.su/lhcW> (дата обращения: 29.03.2024).
5. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. 2012. № 1. С. 17–53. URL: <https://clck.ru/34Ndux> (дата обращения: 29.03.2024).
6. Филюшкин А. И. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 3. С. 16–29. URL: <https://www.interanalytics.org/jour/article/view/431/378> (дата обращения: 29.03.2024).

The Influence of Symbolic Politics on Public Opinion and Social Processes

A. R. Yusopova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Symbolic politics has become an integral part of the modern political process. Political symbols, signs, slogans, emblems and other elements of symbolic politics are used to support a certain political agenda and mobilize public support. The paper focuses on the phenomenon of “memory wars,” when different countries seek to defend their interpretation of historical truth. The importance of studying symbolic politics and its influence on the formation of social reality and the political process is emphasized. Particular attention in the text is paid to the following question: “Why is the future replaced by the past in the modern world?”.

Keywords: symbolic politics, symbol, the past, the construction of mass consciousness, memory wars.

Юсопова Алина Радиковна – студентка 3-го курса (бакалавриат), исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: alinayusopova@yandex.ru

Yusopova Alina Radikovna – 3rd year Student (bachelor's level), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alinayusopova@yandex.ru

Научное издание

СЕМНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

ISBN 978-5-9624-2364-7

Редакторы: *М. А. Власова, А. В. Врон*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2025. Поз. 15
Уч.-изд. л. 21,6

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124